

Т. М. МАМЕДОВ

КАВКАЗСКАЯ АЛБАНИЯ

КАВКАЗСКАЯ АЛБАНИЯ

Тофик Мамедов

Стр. | 1 | 2 | 3 | 4 | 5 | 6 | 7 | 8 | 9 | 10 | 11 |
12 | 13 | 14 | 15 | 16 |

ВВЕДЕНИЕ

ОТ РЕДАКТОРА

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ТЕРРИТОРИЯ И НАСЕЛЕНИЕ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ
АЛБАНИИ

ГЛАВА ВТОРАЯ ХОЗЯЙСТВО

§ 1. Земледелие, садоводство, виноградарство и
другие культуры

§ 2. Скотоводство и ремесла

§ 3. Города и другие населенные пункты

§ 4. О торговле

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПИСЬМЕННОСТЬ И ШКОЛА

ГЛАВА ПЯТАЯ

РЕЛИГИЯ IV-VII вв.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И ВОЙНЫ

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ОБ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЯХ IV-VII вв.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

ПРИМЕЧАНИЯ

БИБЛИОГРАФИЯ

SUMMARY

Посвящаю матери и первой учительнице Захре Багир кызы

ВВЕДЕНИЕ

В истории раннесредневекового Азербайджана, в частности, в истории Кавказской Албании IV-VII вв., много неизученных проблем и спорных вопросов. Научное исследование раннесредневековой истории Кавказской Албании началось сравнительно недавно, в основном в историографии бывшего Союза. До настоящего времени по истории Албании и по ее отдельным аспектам, периодам написано небольшое количество монографий и статей (291). Одной из особенностей этих работ является то, что даже лучшие из них опираются в основном на какую-либо определенную группу, а не на совокупность различного рода источников. Однако, изучая историю Албании, исследователи уделяли мало внимания ряду ее аспектов или вовсе их не затрагивали. Достаточно отметить, что по истории Албании IV-VII вв. не издано ни одной целостной большой работы. Не стали предметом комплексного обобщающего исследования такие важные проблемы, как политическая, экономическая, культурная жизнь, религия и др. Все это связано с недостаточным изучением письменных источников и из года в год увеличивающегося археологического материала, нуждающихся в новой интерпретации. Это, на наш взгляд, еще более усиливает необходимость научного исследования истории Кавказской Албании в данных хронорамах.

Начальная дата в исследовании - IV в. н. э. - обусловлена тем, что, начиная с этого времени, в Кавказской Албании протекал процесс становления и развития феодальных отношений. Анализ раннесредневековых письменных источников и материалов археологических раскопок позволяет говорить о том, что в этот период наблюдается значительное развитие экономики, городов, культуры, внешнеполитических связей и т. д. Кавказской Албании. В IV-VII вв. Албания была одним из сильных государственных образований на территории Закавказья. В начале VIII в. - в 705 г. Албания теряет свою независимость. После этого Албанией управляли наместники халифа. Таким образом, в работе предпринята попытка осветить историю Албании в период становления феодального строя, расцвета и упадка этого государства в IV-VII вв.

Современное состояние источников по истории раннесредневековой Албании, благодаря уже давно накопленному материалу, в том числе археологическому, и публикациям, появившимся в последние два десятилетия, позволяет достаточно детально исследовать историю Кавказской Албании IV-VII вв.

Изучение истории раннесредневекового Азербайджана важно для воспитания подрастающего поколения в духе патриотизма. Общеизвестно, что историческая наука, изучая прошлое человеческого общества во всей его конкретности и многообразии, оказывает воздействие на всю его духовную жизнь.

Как уже отмечалось выше, история Албании IV-VII вв. в целом не являлась еще предметом специального исследования. Но это отнюдь не означает, что исследователи не занимались изучением тех или иных конкретных вопросов этой истории или не затрагивали их в своих работах хотя бы вскользь. Об этом можно судить по приводимому ниже краткому историографическому обзору, который автор счел целесообразным построить не в хронологическом, а в монографическом и проблемно-тематическом плане.

В обобщающих трудах затрагиваются некоторые вопросы периода раннесредневековой Албании. В "Истории Азербайджана" (291, т. 1, с. 85 и др., без ссылки на источники), в "Очерках истории Дагестана" (401, с. 40 и др.) и в "Истории

Дагестана" (293, т. 1, с. 105-117) отведены главы, дающие общее представление о территории, хозяйстве, городах, общественном строе и внешней политике Албании.

Среди историков бывшего СССР, изучающих историю древней и раннесредневековой Албании, важное место занимает К. В. Тревер. Работа К. В. Тревер "Очерки по истории и культуре Кавказской Албании" (451) является первым большим обобщающим трудом по истории Албании. Работа посвящена рассмотрению вопросов и аспектов истории и культуры Албании от IV в. до н. э. до VII в. и. э. Она, основываясь на многочисленных древних письменных источниках и археологических материалах, значительное внимание уделяет разным вопросам и проблемам истории Албании античного периода. В этой работе рассматриваются племена, места их расселения, общественно-социальный строй, социально-экономические отношения, политическая история, внешняя политика албанских правителей, города, идеология и культура Кавказской Албании. Вторая часть работы посвящена раннесредневековому периоду Албании. Эта часть работы имеет ряд недостатков. В ней слабо освещены экономика, торговля, города, религия, политический строй, этнический состав, территория и т. л. К. В. Тревер в своей работе отмечает отсталость (451, с. 84, 87, 93, 144, 150, 154, 176, 185, 354 и др.) Кавказской Албании по сравнению с ее соседями. Автор при этом не приводит ни одного веского доказательства. Она указывает, что население Албании в раннесредневековое время было ассимилировано соседями. При этом отметим еще одно существенное обстоятельство. Вышеназванная работа К. В. Тревер издана в 1959 г., а с тех пор историческая наука в исследовании проблем Кавказской Албании IV-VII вв. шагнула далеко вперед это обусловлено расширением источниковой базы исследуемой темы. За четверть века был выявлен целый комплекс новых, ранее не известных науке материалов, в частности археологических. Следует также отметить, что К. В. Тревер не использовала многих армянских источников, которыми мы в отличие от покойной ныне исследовательницы пользовались в оригинале. Критический анализ письменных источников в совокупности с новейшими материалами археологических раскопок в Азербайджанской ССР позволяет, на наш взгляд, пересмотреть некоторые важные сюжеты раннесредневековой истории Кавказской Албании (IV- VII вв. н. э.). В то же время они выявили ряд новых вопросов истории раннесредневековой Албании, которые и поныне недостаточно исследованы и являются поэтому дискуссионными. На других недостатках этой работы мы не будем останавливаться, учитывая, что на эту работу есть опубликованные рецензии (441, с. 177 и др.). Однако, несмотря на недостатки и спорные выводы, этот труд может послужить хорошим подспорьем для тех, кто интересуется историей Кавказской Албании.

Известный азербайджанский ученый З. М. Буниятов в своей большой работе "Азербайджан в VII-IX вв." (185) исследует важные проблемы социально-экономического развития и политической истории страны. Работа З. М. Буниятова является первым серьезным обобщающим трудом по истории Азербайджана VII-IX вв., вкладом в исследование истории Азербайджана и азербайджанскую историографию. В связи с исследуемой темой, автор затрагивает ряд вопросов раннесредневековья: хозяйство, города, политический строй, религию и этнический состав. Эти вопросы автор исследует на основании тщательного изучения многочисленных древних письменных источников и, основываясь на письменных источниках, обоснованно критикует исследования своих предшественников. В других работах З. М., Буниятов, также основываясь на письменных источниках, останавливается на важных вопросах внешнеполитической истории Кавказской

Албании VII в. (186, с. 21-27; 189, с. 149-166). В этих работах рассматривается и вопрос о местах расселения некоторых племен на территории Албании. Опираясь на сообщения письменных источников и данные археологии, Т. А. Буниятова в своих работах исследует вопросы земледелия и скотоводства. Заслуживают особого внимания страницы, посвященные сельскохозяйственным орудиям, искусственному орошению, хранению зерна, садоводству и огородничеству. Основываясь на конкретных материалах, автор перечисляет виды зерновых культур (190; 193). В своих работах он подробно останавливается на формах скотоводства, разбирает вопросы развития крупного и мелкого рогатого скота, коневодства и верблюдоводства (191; 192). Работы Т. А. Буниятова являются значительным вкладом в науку.

Р. М. Ваидов в своих работах, основываясь на археологических материалах, исследует христианство, торговлю, ремесла и другие стороны жизни населения раннесредневекового Мингечаура (196; 201; 202; 203).

Исследователь Кавказской Албании З. И. Ямпольский в своих работах, основываясь на сообщениях письменных источников, исследует социально-экономический строй (494; 501), территорию и этнические (497, с. 100-108; 496, с. 62-64) вопросы. В другой работе о торговом пути по Каспийскому морю, рекам Курс и Риони к Черному морю З. И. Ямпольский пытается доказать существование водно-сухопутного пути через Закавказье (502, т. II, с. 161-180). Он касается многих вопросов религии древней Кавказской Албании, опираясь на сообщения письменных источников, археологические материалы и данные этнографии (495; 498).

Историческая наука достигла больших, значительных успехов в исследовании проблем генезиса феодализма в Закавказье. Основываясь на письменных источниках, в своих обобщающих и фундаментальных работах А. П. Новосельцев исследует нуги развития феодализма и его генезиса в закавказских странах. В связи с исследуемой темой автор затрагивает ряд вопросов, касающихся этнического состава, территории и социально-экономических отношений в раннесредневековье (387, с. 9-122; 389).

В работах Магомедова Р. М. (325; 326), Шихсаидова А. Р. (476; 477, т. III, с. 54-65), Рамазанова Х. Х. (430) имеются параграфы, лающие общее представление о хозяйстве, городах, религии и др. вопросах Албании в раннесредневековье.

Ф. Лж. Мамедова (343; 345; 346), основываясь на раннесредневековом письменном источнике М. Каланкатуйского, исследует социально-экономическую и политическую структуру Албании в раннесредневековье. В своих работах она рассматривает реальные значения терминов, обозначающих непосредственных производителей, социальное, правовое положение знати и другие вопросы. А что касается ее второй недавно изданной книги (346 а), то, поскольку на нее имеются опубликованные отзывы (119 в, г) и нами подготовлена развернутая рецензия, мы здесь воздерживаемся от своих суждений и высказываний.

В книге А. А. Акопяна (119 а) в концентрированном виде отразились все отрицательные стороны методики его исследовательской работы. Единственная цель автора и на сей раз при помощи любых средств - это попытка утвердить, а не доказать (ибо доказательства нет!) в науке свои придуманные концепции, согласно которым не было Албании как страны, государства - с территорией, политической

судьбой, этносом, культурой, самостоятельной церковью и что Албания - это восточная провинция Армении. Это все несостоятельно, научно не обоснованно, да и вообще не может быть, поскольку противоречит данным письменных источников и исследователей.

Так как мы собираемся заново возвратиться к этой теме в дальнейших исследованиях, на этом считаем возможным ограничить свои высказывания и суждения.

Автор в своих исследованиях довольно широко освещает разные вопросы и аспекты раннесредневековой Кавказской Албании. Он, в частности, опираясь на раннесредневековые письменные источники, исследует вопросы хозяйства и города (333; 340; 341, с. 17-25), общественные отношения и политический строй (331, 332; 341, с. 25-46), религию (341, с. 47-74), письменность (330; 338; 341, с. 42-46 и др.), внешнюю политику (329; 341, с. 75-96), оборонительные сооружения (341, с. 98-101) и этнический состав (334; 335; 342 и др.) и территории (341, с. 39-40 и др.; 292, с. 51-52) Кавказской Албании в IV-VII вв.

При изучении религии Кавказской Албании IV-VII вв. особо заслуживают внимания работы Р. Б. Геюшева. Он касается многих вопросов религии раннесредневековой Кавказской Албании, опираясь, в основном, на археологические данные, а также письменные источники. Некоторые монастырские комплексы, часовни и храмы были выявлены и изучены Р. Б. Геюшевым (220; 222; 224; 226; 227; 229 и др.).

Упоминание и общая характеристика религии Кавказской Албании даны также в работах А. А. Алекперова (132), И. М. Джафарзаде (225), И. И. Мещанинова (367), И. П. Петрушевского (419). Города Албании в раннесредневековье рассмотрены также в работах С. Б. Ашурбейли (156), Е. А. Пахомона (408; 409), Г. М. Ахмедова (154) и А. А. Кудрявцева (316; 317). В то же время заметим, что города и городская жизнь Албании IV-VII вв. принадлежат к числу наиболее сложных и недостаточно разработанных вопросов. Это обусловлено, с одной стороны, тем, что письменные источники содержат мало сведений о них, а с другой стороны, тем, что археологически еще не все города Албании IV-VII вв. зарождались и развивались как центры ремесла, торговли (местной и транзитной), а также как политические центры и поэтому их развитие неразрывно связано было с экономикой страны. Все эти обстоятельства в совокупности и предопределили исследование развития городов Албании в рамках главы "Хозяйство".

В работе для изучения раннесредневековых городов Албании были привлечены почти все имеющиеся и распоряжении исследователя источники (письменные источники IV-VII вв. и материалы археологических раскопок). Письменные источники IV-VII вв. содержат незначительные сведения о структуре городов Албании исследуемого периода. Большим подспорьем для разработки этого важного вопроса должны были бы стать материалы археологических раскопок раннесредневековых городов Кавказской Албании. Но, к сожалению, еще многие раннесредневековые города Албании практически не изучены археологами. Раскопки их продолжают и в настоящее время. Только после расширения археологических раскопок и систематизации полученных в результате их материалов, а также с привлечением имеющихся письменных источников можно будет приступить к детальному исследованию данного вопроса. В силу

вышеуказанных причин возможности проследить типологию городов Кавказской Албании IV-VII вв. были весьма ограничены.

Я. А. Манандян в своих работах затронул вопросы общественного (529; 347; 348) строя и политической истории (527, с. 240-241; 551) Кавказской Албании. В фундаментальной работе он (350) затронул торговлю Кавказской Албании в раннесредневековье, проходившую через территорию Албании, а также торговые пути и их значение для транзитной торговли в городах Кавказской Албании.

В одном из своих трудов он касается вопроса о торговых путях, проходящих через Кавказскую Албанию (349, с. 139-172), в других работах - вопроса происхождения албанской письменности (352; 351, с. 41-57; 347, с. 243-275).

В работе "Маршруты персидских походов императора Ираклия" Я. А. Манандян, опираясь на древнеармянские и византийские источники, рассматривает пути и походы Ираклия через территорию Закавказья, в том числе Кавказской Албании, и вторжение вместе с Ираклием хазар в Албанию в IV-VII вв. (354, с. 133-153).

Среди армянских историков, занимающихся изучением истории древнего и раннесредневекового Азербайджана, важное место занимает С. Т. Еремян. Он, опираясь на письменные источники, уделяет внимание разным сторонам истории Азербайджана. С. Т. Еремян в своей работе, посвященной торговым путям сасанидского периода (264), затрагивает торговые пути, проходящие через территорию Кавказской Албании, и их значение для Албании. Он в этой работе также рассматривает локализацию некоторых населенных пунктов.

В другой работе С. Т. Еремян, ссылаясь на древнеармянские источники, а также на албанского историка Моисея Каганкатваца, останавливается на одном из вопросов политической истории VII вв. Кавказской Албании (275. т. VII, с. 123-155). Он рассматривает в этой работе путь, который прошло посольство албанского князя Вараса-Трдата к хазарскому хакану Алп-Илитверу, а также локализацию некоторых населенных пунктов, затрагивается вопрос о размещении некоторых племен на территории Албании и их, места расселения.

История освободительной борьбы закавказских народов в V в., а том числе и албанов, против Сасанидов одна из главных тем армянской историографии. Из этой проблематики заслуживает внимания работа С. Т. Еремяна (269, с. 41-60), посвященная народной освободительной войне закавказских народов V в. против сасанидского ига. Основываясь на ряде древнеармянских источников, он рассматривает борьбу закавказских народов, и в том числе албанцев, против иноземных захватчиков и активное участие народных масс в этой борьбе.

Другая работа С. Т. Еремяна посвящена вопросу охраны кавказских проходов в эпоху Сасанидов (271 с. 33-40). В ней рассматривается вопрос об охране Кавказских проходов сунийцами и их роль; автор, также ссылаясь на письменные источники, затрагивает также вопросы об оборонительных сооружениях на территории Кавказской Албании.

Одна из работ С. Т. Еремяна посвящена политической истории Албании VII века (272, с. 27-30). В ней автор касается вопроса о путях продвижения войск императора Ираклия через Закавказье и в том числе через Албанию, а также,

основываясь на письменных источниках и топонимических данных, вопроса местонахождения ряда населенных пунктов на территории Кавказской Албании.

В макете двух томов "Истории СССР" (268, с. 207-209 и др.) и "Очерков по истории СССР" (402, с. 437 и далее; 267, с. 303-330) С. Т. Еремян рассмотрен ряд вопросов истории Кавказской Албании. С. Т. Еремян, опираясь на письменные источники, а также на археологические данные, останавливается на вопросах истории Албании, начиная с первой половины I тысячелетия до н. э. и до VII в. н. э. В этих работах в сжатой форме рассматриваются племена, их места расселения, общественно-социальный строй, социально-экономические отношения, политическая история, внешняя политика албанских правителей, города, идеология и культура Кавказской Албании.

С. Т. Еремян в своих географических работах (265; 520) затрагивает вопросы исторической географии Кавказской Албании, ее границы. В этих работах С. Т. Еремян, опираясь на письменные источники, касается вопроса локализации албанских рек и населенных пунктов страны.

В другой своей работе (273, с. 47-59) С. Т. Еремян обращает внимание на некоторые племена, которые жили на территории Кавказской Албании. Он рассматривает их местоположение и расселение, обращает внимание на некоторые населенные пункты Албании и их локализацию.

Одним из армянских историков, касающихся истории Кавказской Албании в разных аспектах, является Л. М. Меликсет-Бек. Он в своих работах, основываясь на письменных источниках, затронул вопросы о проживании на территории Албании гуннов (360, с. 709-713), о племенах удинов (366, с. 25-53), о хазарах (365, с. 112-118) и других племенных общностях (363, с. 521-548) и топонимике Албании (530).

Т. И. Григорьян в своих работах касался вопроса об освободительной войне закавказских народов, и в том числе албанцев, против сасанидских захватчиков (446). Он рассмотрел вопрос о Моисее Каганкатвацци и его "Истории Албании" (445), о неизданных страницах "Истории Албанской страны" (444).

М. Бархударян, основываясь на древнеармянских источниках, обращал внимание на политическую и церковную историю Албании, а также на ее границы. Работа М. Бархударяна в настоящее время устарела (519; 175; 176). Другая его работа посвящена одной из областей Кавказской Албании - Арцах (518). В этой работе автором рассмотрена историко-географическая характеристика этой области. В работе "Страна агванов и их соседи" (517) рассмотрены границы и области, входящие в состав Кавказской Албании, уделяется также внимание соседям Албании и языку кавказских албанцев.

Письменность Кавказской Албании-один из трудных и нерешенных вопросов ее истории. Большой вклад в изучение этого вопроса в своих исследованиях сделали академик А. Г. Шанидзе (467; 468; 469; 471), И. Абуладзе (114, 115, 116), Л. М. Меликсет-Бек (361). В этом аспекте также заслуживают внимания работы В. Гукасяна (235; 237; 238; 240), А. Г. Периханян (418, с. 126-127) и Г. А. Климова (310; 311; 312 и др.).

Ряд таких армянских историков, как М. Абемян (107, т. 1. с. 311-312), Г. Ачарян (513, с. 3-11, 516, с. 133; 514, с. 46), Г. Севак (432), А. Мелик-Агаджанян (40), Х. Курдян (549, с. 80-83) и А. Анасян (512, с. 613-622) в своих работах касаются вопроса о происхождении албанской письменности и культуры. Все эти исследователи ошибочно приписывают происхождение албанской письменности создателю армянской письменности V в. Месропу Маштоцу.

Армянский исследователь проф. А. Г. Абрамян в своих работах (505; 112) и, в частности, в своей монографии (ПО) обращал внимание на вопрос албанской письменности и предпринял попытку дешифровать албанскую надпись на основе удинского языка, которая, к сожалению, не увенчалась успехом (236, с. 392-400; 238, с. 52-74).

Н. Акинян в своих работах затрагивал вопрос об "Истории Агван" и ее авторе М. Каганкатваци (120), а также касался деятельности албанского католика Виро (121), останавливался на происхождении албанского алфавита и письменности (511, с. 315, 320), религии и церковных спорах между армянским и албанским католиком (120). Он в своих работах придерживается таких ошибочных мнений, что албанцы не имели своей письменности, что Месроп Маштоц "никогда не создавал алфавита для христианского албанского народа", что сведения древних авторов о создании Маштоцем письменности для албан относятся не к кавказским албанам, а к европейским готам (511, с. 315-320).

Совершенно неверно утверждение Н. Акиняна и А. Иоаннисяна о том, что албанцы не имели самостоятельной церкви, и церковная служба велась только на армянском языке (511, с. 315; см: 120; 286, т. 1, с. 129). По его суждению, труд М. Каганкатваци не имеет ценности и автор "Истории Албан" просто-напросто переписал все это у армянских историков (120). Либерально-буржуазный историк Лео (А. Г. Бабаханян) совершенно неверно утверждает, что "В конце V в. Агванк был страной, лишь наполовину сохранившей национальную самостоятельность: другой своей половиной он был уже арменизирован или находился накануне арменизации"(522; 523, с. 333-334).

А. Г. Сукиасян в своем труде, посвященном общественно-политическому строю Армении (442), коснулся также албанского общественно-политического строя, останавливался он и на агуэнских канонах (442, с. 116-117).

А. Ш. Мнацаканян в своей монографии (532; 374) остановился на вопросах албанской политической истории, албанской письменности, литературы и культуры. Он пытается доказать, что вообще не существовала албанская письменность, и отрицать наличие албанской литературы (374, с. 106-107 и др.). А. Ш. Мнацаканян считает, что албанский поэт Давдак был приезжим из Армении и являлся армянским поэтом (374, с. 132-134). Возникновение албанского алфавита он связывает с именем Месропа Маштоца (374, с. 67-73). Мы не будем останавливаться более подробно на книге А. Ш. Мнацаканяна, т. к. его точка зрения подвергнута критике В. Гукасяном, показавшим, насколько эта монография далека от науки (235, с. 85-100).

Изучение территории и границ Албании один из трудных и спорных вопросов истории страны. Кроме вышеприведенных монографических работ ряд исследователей, таких, как А. Яновский (503, ч. 52, с. 97-203), Б. Дорн (260), А. Е. Крымский (319). С. В. Юшков (487), В. Н. Левиатов (321), К. Г. Алиев (125; 123;

124;), И. Шопен (478), А. П. Новосельцев (388), Г. Хюбшман (546), В. Ф. Минорский (372), Д. Л. Мухелишвили (377, с. 8-14; 378, с. 25, 2о). Т. Г. Папуашвили (417, с. 9) и др. также затронули вопросы о ее границах и территории.

Между тем, надо отметить, что вопрос о границах и территории Кавказской Албании и поныне остается сложным, малоизученным и дискуссионным. Ознакомление с историографией данного вопроса позволяет констатировать, что рядом исследователей изучены границы и территория древней Албании. Однако границы и территория раннесредневековой Албании до сих пор не были предметом специального исследования. В то же время отметим, что в публикациях по данному вопросу имеется необоснованная тенденция к сужению границ и территории Кавказской Албании IV-VII вв. (123, с. 5).

Этнический состав Кавказской Албании также относится к одному из малоизученных вопросов истории Албании. Кроме вышеприведенных монографических работ этот вопрос в своих исследованиях затронули также А. Бакиханов (165), В. Минорский (552; 102), И. Г. Алиев (131), Галус Тер-Мкртычян (Миабан) (531, с. 923-934), А. Пайзат (508). Л. Овсепян (534), В. Лалаян (521, с. 155-171; 320, с. 37-47), А. Арутюнов (140, с. 73-96), К. Г. Алиев (123; 126; 127), Т. Г. Папуашвили (417, с. 9) и Ю. М. Джафаров (259) и др.

Что же касается рассмотрения проблемы этнических процессов на территории Азербайджана, то она является одним из самых трудных, спорных и малоизученных вопросов истории Албании. К исследованию данной проблемы следует подойти комплексно, с привлечением всего круга материалов: археологических, антропологических, лингвистических, ономастических, топонимических, искусствоведческих и ряда других. Таким образом, для всеобъемлющего решения данной проблемы необходимы усилия представителей целого ряда смежных наук: историков, филологов, искусствоведов, географов и др. Но такой объем работы не может быть осуществлен в узких рамках отдельной главы монографии. Цель настоящего раздела - рассмотреть сведения письменных источников об этническом составе населения Албании в IV-VII вв. В то же время отметим, что в публикациях по данному вопросу имеется ошибочное мнение о том, что местное население Албании в IV-VII вв. было ассимилировано соседями (об этом см. ниже).

Для освещения определенного круга вопросов хозяйства и городов и других вопросов раннесредневековой Кавказской Албании мы также привлекали работы археологов и историков: С. М. Казиева (296; 297; 298; 299; 300; 301; 302; 305), Д. Шарифова (472; 473; 474), И. И. Мещанинова (368; 369), Я. Н. Гуммеля (249), А. А. Иессена (284; 279; 280; 282), А. Л. Якобсона (488; 490), Г. М. Асланова (143-149; 384), О. Ш. Исмизаде (290), Г. И. Ионе (287; 288), Д. А. Халилова (457-461), И. В. Минкевич-Мустафаевой (380-382), Т. С. Пассек (404), И. П. Шеблыкина (479; 480; 481; 482), В. Г. Алиева (130), А. Б. Нуриева (390; 391; 392; 394). А. Ш. Оруджева (397; 398; 399; 400), И. А. Бабаева (162; 163), Н. М. Гулиева (246; 247; 393), А. Л. Ахвердиева (150) и др.

Основную фактографическую базу монографии составили различные письменные источники. В этом отношении особенно выделяются древнеармянские источники, в которых приводятся ценные сведения о земледелии, скотоводстве, орошении, ремеслах, городах и населенных пунктах, сословиях и политических слоях албанского государства, его структуре, войске, границах (политических), религии и

внешней политике албанских царей, войнах на территории Кавказской Албании, об этническом составе населения.

При использовании этой группы материалов следует учитывать, что рукописи источников дошли до нас от времен значительно более поздних от оригиналов, после они подвергались разнообразной обработке. В ходе переписки не исключено, что различные административные и сословные термины могли быть заменены другими. Иногда эти источники представляют компиляцию. Поэтому к ним, как это делается в отношении других письменных источников, надо относиться с большой осторожностью.

В нашей работе использованы работы древнеармянских источников в подлиннике - Агафангела, Корюна, Фавста Бузандаци, Моисея Хоренаци, Егиша Вардапета, Лазаря Парпеци, Анания Ширакаци, Себеоса, Гевонла Варлапега и др. Из средневековых армянских авторов мы привлекали тех, которые опирались на более древних армянских историков.

В древней своей части с древнеармянскими источниками связан главный местный письменный источник VII века по истории Албании "История агван", приписываемая Моисею Каганкатваци (33;79;99), которая, как это установлено, по своему содержанию и по автору является албанским первоисточником. Учитывая связь текста Моисея Каганкатваци с армянскими первоисточниками, мы проверяли и дополняли их данными из этого источника.

Агафангел (65) является одним из наиболее древних армянских историков. О нем нет точных биографических сведений. До конца первой половины XIX века в источниковедческой литературе господствовало традиционное мнение, что Агафангел - римлянин, приезжая из Рима в Армению, жил при армянском царе Трдате (III-IV вв.) и, будучи его секретарем, являлся очевидцем описываемых событий. Тогда считали, что по указанию этого царя он приступил к изложению "Истории Армении" (107, т. 1, с. 141). В XIX в. утвердилось мнение, что Агафангел не был современником царя Трдата и что его произведение появилось в V в. (107, т. 1, с. 142). У Агафангела имеются дословные цитаты из "Жития Маштоца" Корюна. Некоторые филологи предполагали даже, что Корюн и Агафангел - одно и то же лицо (107, т. 1, с. 142). Существует еще мнение, что автором этой "Истории" был Месроп (107, т. 1, с. 143).

"История" Агафангела составлена по различным источникам. В ней много ценных подлинных материалов, но много и носящих легендарный характер. Большую историческую ценность представляют его сообщения об обращении армян в христианство, а также сведения об армянских языческих богах. Особую ценность представляют собой повествования Агафангела о Хосрове и Трдате.

В арабской версии "Истории" Агафангела имеются некоторые сведения об обращении кавказских албан в христианство. Арабская версия "Истории" Агафангела переведена на русский язык Н. Марром (8: см. 134, с. 10-26). В этой версии этнонимом "аланы" обозначаются "албанцы".

Агафангел дает сведения также о городах Албании (Халхал, Пайтакаран), кое-что сообщает о социально-политическом составе иерархии духовенства и феодальной

иерархии, политическом строе, административно-территориальном делении, этническом составе Кавказской Албании.

Другой армянский автор Корюн жил в V веке н. э., он считается учеником Месропа Маппоца. Отправленный в Византию и в Иерусалим для получения образования, Корюн с товарищами вернулся в Армению не ранее 431 года (107, т. 1. с. 137). Он написал "Житие Маштоца" (64). Точная дата создания этого труда неизвестна. Вероятно, он написан между 443 и 444 гг. (107, т. 1: с. 138; 106, с. 96). Корюн был учителем, вел проповедническую деятельность, занимался переводами (106, с. 139). Его "Житие Маштоца" первая в армянской историографии биография Месропа Маштоца. Произведение это - первое оригинальное историческое сочинение, написанное армянскими письменами, и посвящено изобретению армянских письмен и их творцу. Эта маленькая книжка имеет большое значение для изучения истории Армении. Достаточно сказать, что не будь ее, мы мало бы знали о таком событии, как происхождение армянской письменности. Для Корюна характерны точные даты. Позднейшие армянские писатели в изложении происхождения армянской письменности пользуются данными Корюна.

По истории Албании у Корюна имеется ряд данных о деятельности учеников Месропа и появлении албанской письменности. Он сообщает о социально-политическом составе населения Албании, иерархии духовенства, феодальной иерархии, политическом строе, административно-территориальном делении, религии и религиозных организациях, этническом составе. "Житие Маштоца" Корюна переведено на русский язык Ш. В. Сибатяном и К. П. Мелик-Оганджянном (40).

Фавст Бузандаци - автор "Истории Армении" (87; о нем см.: 536, с. 625). Точных биографических сведений о нем нет. В армянских источниках первый раз Фавста упоминает в V в. Лазарь Парпеци. Из труда Фавста сохранились только III, IV, V и VI книги, I и II книги автора утеряны (107, т. 1, с. 150).

В своем труде Фавст говорит об армянах и их стране в третьем лице и излагает историю в духе, отличающемся от других армянских историков. На этом основании одни исследователи предполагали, что Фавст Бузандаци родом грек или сириец, жил в IV в., написал свой труд на греческом языке и лишь в первой половине V века его перевели на армянский язык. Другие полагают, что Фавст Бузандаци армянин и написал свой труд на греческом языке в конце IV в. (107, т. 1, с. 151). По мнению М. Абеяна, с уверенностью можно утверждать, что "История Армении" Фавста написана в V веке на армянском языке армянином, преисполненным армянским патриотизмом (107, т. 1, с. 152). Л. С. Хачикян полагает, что автор "Истории Армении", известный нам под именем Фавстоса Бузандаци, написал свою книгу в 70-х годах V века (28, с. VIII).

Книга Фавста Бузандаци делится на четыре отдела и охватывает 29-летний период истории Армении V в., начиная со времени Хосрова II до раздела Армении на сферы влияния Персии и Рима в 387 году. Церковная история в этом произведении начинается смертью св. Григора и сына его Аристакаса, далее повествуется о Врт'анесе и о католикосах - преемниках его.

В "Истории Армении" Фавста Бузандаци пространно отображена реальная картина внутренней жизни армянского народа, в особенности аристократии, ее нравственные, религиозные и политические взгляды, некоторые черты ее характера,

патриотизм, социальное положение, обычаи, быт, верования. У Фавста Бузандаци имеются описания исторических событий, нередко подобные изложению истории в эпосе (107, т. 1, с. 153). Поэтому нельзя пользоваться этим трудом как везде достоверным историческим источником. При всем этом "История Армении" Фавста Бузандаци - важный и богатый источник. "История Армении" Фавста Бузандаци переведена с древнеармянского на русский язык (28: о нем см.: 134, с. 96-106, т. VI, вып. III, с. 235-266; 318, т. X, с. 203-207).

В этом труде Фавста Бузандаци имеются важные исторические сведения об Албании. В IV и V книгах его истории упоминается, что при столкновениях армянского царя Аршака с сасанидским царем Шапуром II некоторые области Албании - Арцах, Гардман и Ути "отпали от царя Армении" и перешли на сторону Сасанидов, что албанский царь Урнайр вел борьбу с армянским царем.

Фавст Бузандаци дает сведения о городах (Пайтакаран, Ганзак), о социально-политическом строе, административно-территориальном делении, политических границах, церковно-административном делении, религии, внешней политике и войнах, а также об этническом составе Кавказской Албании.

Моисей Хоренаци является самым значительным древнеармянским историком, он называется "отцом армянской истории". Точных и достоверных данных о его жизни не имеется. Все те сведения о биографии М. Хоренаци, которые имеются в армянской исторической литературе, почерпнуты главным образом из самой "Истории" Хоренаци. Он родился в селе Хоронк, в провинции Тарон. По названию родного села он получил имя Хоренаци (108, с. 17). Точная дата его рождения неизвестна, однако некоторые факты дают основание предполагать, что он родился в начале V века (108, с. 18).

Европейские ученые, такие как Ла-Крозе, А. Гутшмидт, А. Карьер и др., а также арменоведы - А. Гарагашян, А. Дагбашян, Г. Халатянц и др. высказывают сомнение в том, что он жил в V веке (108, с. 29; 353, с. 9-12). Однако дальнейшее изучение трудов привело к выводу, что он несомненно является писателем V века (328; 105; 106; с. 22; 466; 373, с. 9; 108, с. 30).

Первоначальное образование М. Хоренаци получил в местной школе. После окончания начальной школы 15-летний юноша едет в Вагаршапат - столицу Армении, продолжать свое образование. Там он учился 5 лет, изучая, кроме религиозных тем, естественно, и философские науки, а также греческий и сирийский языки (375; с. 39). Затем Хоренаци вместе со своими товарищами в 431 г. поехал учиться в Александрию. Там они оставались 5-6 лет (108, с. 22) и после 440 г. возвратились в Армению. По сообщению Самвела Анеци, Хоренаци умер около 493 г. (108, с. 23).

Сохранилось несколько самостоятельных и переводных работ М. Хоренаци. Лучшим его произведением является "История Армении" (75; 76), написанная в 481-482 гг. по заказу армянского нахара Саака Багратуни (108, с. 36).

"История Армении" Моисея Хоренаци состоит из трех книг. В ней история армянского народа начинается с "первых дней происхождения", связанного с преданиями Библии, и связывается с историей известных древних народов - вавилонян, ассирийцев, мидян и персов, македонян и парфян, римлян. Хоренаци повествует о

происхождении нахараров, о господствовавших в Армении династиях, повествует о церкви, приводит преемственность католиков, начиная от Григора и кончая смертью Саака, временами упоминаются также деяния предков той или иной знатной фамилии. В "Истории" отображается и внутренняя жизнь страны. Хронологию правления армянских властителей Хоренаци связывает с хронологией правления персидских царей или римских цезарей. Последующие историки следовали за ним и цитировали его касательно древней истории страны, питая к нему полное доверие.

"История Армении" Моисея Хоренаци имеет большое значение для изучения истории Албании. М. Хоренаци - один из первых историков, который отмечает факты, относившиеся к первоначальной истории Албании. В нескольких словах он обрисовывает историю распространения христианства в Албании, сообщает о нахарарах Албании и о создании албанского алфавита. М. Хоренаци сообщает также о естественно-географических условиях городов (Пайтакаран, Хунаракерт), о социальном составе населения, политическом строе, административно-территориальном и церковно-административном делении, политических границах, внешней политике и войнах, об оборонительных сооружениях, этническом составе Кавказской Албании. "История Армении" Моисея Хоренаци переведена на русский язык Н. О. Эмином (25; 26; 27).

Об армянском историке Егише мы не имеем точных биографических сведений. Егише Вартапет родился в начале V века в Армении (34; Предисловие, с. XX). Он был послан в Грецию для получения образования. По возвращении на родину был назначен церковным руководителем во владениях князей Аматауни (34; Предисловие, с. XX), был секретарем (дпрапат) полководца Вардана и участвовал в Аварайрской битве (383, с. 25-40). После 541 года Егише удалился в Мокскую провинцию и занялся литературным творчеством. Умер он в области Рштуник (106, с. 242).

Особый интерес для истории Албании представляет лишь первый его труд "О Вартане и армянской войне" (68), который он написал по просьбе некоего священника Давида Мамиконяна. Этот знаменитый труд обнимает 35-летнюю историю Армении с момента падения династии Аршакуни до 464/465 гг. Историю свою Егише разделил на семь отделов, переводчик же этого труда на русский язык - на одиннадцать глав.

В этой книге Егише Вардапет описывает борьбу армян и других народов Кавказа против Сасанидов как войну язычества с христианством. В этом труде есть описание нравов и обычаев персов и армян пятого века, критическое изложение догматов зороастризма и апологетики христианства. Егише очень подробно описывает борьбу закавказских народов против Сасанидов, отмечает причины ее развития и последствия. Он почти не придает значения политико-экономической борьбе между Персией и Византией из-за Армении, Грузии, Албании и все исторические события объясняет религиозными факторами, восхваляя христианство.

В этом труде Егише дает сведения об албанцах, которые защитили свою независимость, вступая в союз с армянами в борьбе против Сасанидов и их государственной религии. Здесь Егише дает также и сведения о древней религии албанцев. У него же есть сведения о естественно-географических условиях, городах, социально-политическом составе (феодальной иерархии, иерархии духовенства), политическом строе (государстве, царях, войсках), административно-

территориальном делении, об оборонительных сооружениях и этническом составе раннесредневековой Албании.

Труд Егише был переведен на русский язык с древнеармянского Шаншиевым (34; 100), а также академиком И. А. Орбели (20).

Лазарь Парпеци является одним из выдающихся летописцев Армении V века. Он автор "Истории Армении" и "Письма к правителю Армении Вагану Мамиконяну" (74). Парпеци (443-510 гг.) родился в селе Парпи в области Арагацоти и поэтому он сам называет себя "Парпеци" (106, с. 262).

Начальное образование Лазарь получил в доме бдешха Ашуша. Затем он продолжил свое образование у дяди (по матери) Ваана Мамиконяна - Аг'ана Арц'рени, с юношеских лет принял монашество, несколько лет обучался в Византии. В годы восстания, во главе которого стоял Ваган Мамиконян, Парпеци проживал в Шираке (106, с. 264). Оттуда он уехал в Сюник и два года вел там отшельнический образ жизни. Враждебные Лазарю монахи изгнали его из монастыря, отобрав все его имущество, в том числе книги (106, с. 265).

По указанию Вагана Мамиконяна Лазарь Парпеци написал "Историю Армении" (106, с. 265). Она делится на три раздела. Первый раздел состоит из 19 параграфов, второй - из 39, третий - из 42. Первая часть "Истории" начинается с описания армянского государства и доведена до падения династии Аршакуни. Во второй части Лазарь Парпеци излагает историю в духе "Истории" Егише. Местами обе эти "Истории" сходятся дословно. Но Лазарь Парпеци в основном написал "среднюю часть", как пожелал и сам В. Мамиконян (106, с. 271). В ней Парпеци чрезмерно возвеличил род Мамиконян, в частности, Вардана. Здесь же он дает сведения о том, как азаты трех стран вели вместе борьбу против Сасанидов. Третья часть "Истории" является восхвалением рода Мамиконян, особенно Ваана Мамиконяна и его братьев. Она подробно рассказывает об их образованиях, о успехах, подвигах, смелых битвах, которые они вели в своих сословных интересах, а также в интересах церкви против Сасанидов.

Значение этого труда для истории Албании заключается прежде всего в сведениях о совместной борьбе Албании, Грузии и Армении за независимость, о войне армянских войск с персами на территории Азербайджана, об общности интересов этих стран и их политико-экономическом укладе, а также о том, что на 24-м году царствования Пероза Сасанида, т. е. в 433 г., Албания под предводительством полководца Зармихра вела войну с горцами Кавказа.

Лазарь Парпеци сообщает о естественно-географических условиях, городах (Пайтакаран и другие), социально-политическом составе населения (феодальной иерархии), политическом строе (государстве, войске), религии, войнах, оборонительных сооружениях, этническом составе Кавказской Албании.

Анания Ширакаци - первый армянский математик, первый космограф и знаток пасхалий (календаровед). Он родился либо в Ширакаване, либо в селе Ани Ширакской области, вероятно, во втором десятилетии VII в. (106, с. 314-315; 440, с. 29-32). В молодости он отправился в Грецию для продолжения образования. В Трапезунде Анания нашел учителя-математика Тюхика и учился у него восемь лет (106, с. 314-315; 440, с. 31). После учебы он вернулся в Армению (106, с. 316; 109).

Перу Ширакаци принадлежит ряд работ по арифметике, летоисчислению, космографии и географии.

География Ширакаци сохранилась пространной (66) и краткой (77). Ее приписывали Моисею Хоренаци (528, с. 217; 98, т. 2, с. 301-394; 97; 101; 355, т. 1, с. 127- 143). Новейшие исследования более чем 40 рукописей "Географии" выяснили, что автором этого труда является Анания Ширакаци (108, с. 30; 111; 270; 515, с. 426; 526, с. 24; 507, с. 384; 525, с. 117).

Научное издание и исследование Анания Ширакаци принадлежит А. Г. Абрамю (504). "География" имеет введение, в котором автор говорит о географических особенностях Земли, после чего переходит к перечислению известных ему стран в Европе, Ливии и Азии. "География" имеет довольно большое историко-географическое значение для познания стран, известных автору, в частности, Закавказья.

Значение труда Анания Ширакаци для истории Албании большое. В "Географии" отводится отдельная глава Албании, в которой указываются ее границы, перечисляются названия провинций, сообщается, что в Албанию входили 20 областей, лежащих до впадения Аракса в реку Куру. Анания Ширакаци также дает сведения о естественно-географических условиях (ископаемых богатствах, реках, морях, плодородных полях, животном мире), о сельскохозяйственных культурах - хлопке, масличных деревьях, цитрусовых, зерновых, виноградниках, шелковице, садах, городах (Партав, Барда, Гандзак), административно-территориальном делении, об оборонительных сооружениях, этническом составе Кавказской Албании.

Труд Анания Ширакаци "География" переведен на русский язык П. Патканяном (11).

Об армянском историке Себеосе сохранилось очень мало биографических данных. Себеос был епископом во владении князя Багратуни. Он является единственным известным армянским историком VII в. Одно время жил при дворе сасанидского царя Хосрова. В 646 году принимал участие в Двинском соборе. Из его "Истории" ясно, что она написана не по воле ее автора (106, с. 327) в 661 году (327, с. 100; 104, с. 4).

Труд Себеоса - своего рода целостная история Армении от начального периода до 661 года. "История" эта разделена на три отдела. По мнению некоторых арменистов, только III отдел "Истории" принадлежит Себеосу. Этот отдел имеет заглавие "История императора Иракла" (29; Предисловие, с. VI; см.: 405, с. 36-37 и др.).

Третий отдел "Истории" разбит на 38 глав, сгруппированных в три отдела. В первом отделе Себеос повествует о Хайке и его потомстве, о восстании парфян против Сасанидов, о первом царе Армении Аршаке Аршакуни. В конце он помещает синхронический список персидских и греческих царей вплоть до падения Сасанидов.

Второй отдел Себеос считает современной историей. Она начинается с царствования Ормузда. Далее он рассказывает о той длительной войне, которую после убийства императора Маврикия Хосров Апруев победоносно вел против греков.

В третьем отделе "Истории" Себеос рассказывает о том, как вступил на историческую арену халифат, как уничтожена была власть Сасанидов и халифы овладели Персией, Месопотамией, Палестиной, Сирией и Арменией и, наконец, о

том, как в армии халифата возникли раздоры, группировка Моавия победила и он стал халифом.

"История" (81) Себеоса имеет большое значение для изучения Албании в раннем средневековье. Себеос - единственный армянский историк VII в., который в сжатой форме излагает политические и военные события в Албании во время долголетней борьбы между Византией и Персией за захват Закавказья. Он дает также сведения о естественно-географических условиях, городах (Пайтакаран, Гандзак), социально-политическом составе (феодальной иерархии, иерархии духовенства), административно-территориальном делении, христианстве, нашествии захватнических войск халифата на Закавказье (Армению, Иберию, Албанию) и борьбе закавказских народов против них, оборонительных сооружениях и этническом составе Кавказской Албании. Труд Себеоса был переведен на русский язык два раза (28; 31; 404, с. 33-34).

О жизни и деятельности историка Гевонда Вардапета сведений мало. Полагают, что он жил в VIII в. и принадлежал к духовенству. Его называют Вардапетом или священником (106, с. 363). Из самого труда Гевонда ясно, что его книга написана по просьбе Шапуха Багратуни. Труд свой Гевонд доводит до 788 года. Последнюю часть "Истории" он пишет как очевидец и современник (106, с. 364). До нас дошло одно сочинение Гевонда. Оно делится на семь глав. История его начинается со смерти Магомета. В первых трех главах он повествует о том, как первые три халифа завоевали Палестину, Сирию и Персию и три раза вторгались в Закавказье, грабили, забирали пленных, разоряли страну. Далее Гевонд перечисляет всех халифов, начиная от Моавия (661-680 гг.) до второго года владычества Харун-ар-Рашида, давая о каждом из них краткие сведения. Гевонд описывает все те разрушения, которые претерпевало Закавказье от вторжения войск халифата и Византии, дает сведения о хазарах, пишет о том, что халифат угнетал закавказские народы, как они оказывали сопротивление, как вспыхивали народные восстания. Он же приводит интересную переписку халифа Омара с императором Львом III.

Представляет значительный интерес "История" Гевонда (82) и для изучения истории Албании. Он сообщает о нашествиях войск хазарского хагана и халифов на Албанию. По Гевонду можно наметить границы Албании того периода. Он также дает сведения о городах, о социально-политическом составе (иерархии духовенства и феодальной иерархии), исторически сложившемся административно-территориальном делении, об албанском языке, религии, об оборонительных сооружениях, этническом составе раннесредневековой Албании.

"История" Гевонда Вардапета переведена на русский язык К. Патканяном (35).

Кроме вышеперечисленных древнеармянских источников, нами в работе частично использованы и данные средневековых армянских историков - Асогика, Мхитара Айриванеци, Вардана Великого и др. Средневековые армянские источники нами использованы частично, потому что, во-первых, эти историки при изложении событий древней и раннесредневековой истории полностью повторяют предыдущих историков, во-вторых, они нередко сокращают или искажают события и факты.

Для изучения истории Албании очень большое значение, имеет "История агван" Моисея Каганкатваци (79; 33; 99), которая является единственным оригинальным письменным источником VII в. по истории Азербайджана.

Изучение Моисея Каганкатваца в XIX в. отражено в работах историков и филологов В. Сен-Мартена, Ф. Броссе, К. Патканяна, Е. Куника, А. Неймана, а также современных исследователей Я. А. Манандяна, С. Т. Еремяна, Т. И. Тер-Григоряна, Манука Абеяна, З. М. Буниятова, З. И. Ямпольского, Т. М. Мамедова, Ф. Дж. Мамедовой и др.

- "История агван" Моисея Каганкатваца дошла до нас на языке грабар (79).

Первое издание отрывков из труда Моисея Каганкатваца в переводе на французский язык сделано французским исследователем Э. Борэ в 1848 году (92). Спустя несколько лет академик М. Броссе издал выдержки из труда Моисея Каганкатваца на французском языке (536). В 1860 году труд этого албанского историка на древнеармянском языке был издан в Москве Н. О. Эмином (79). В том же году армянский исследователь К. Шахназарян также издал его в Париже на древнеармянском языке (79). Спустя год, в Петербурге К. Патканяном он издан в переводе на русский язык (33). Этот труд издан Ч. Довсетом в Лондоне в переводе на английский язык на основе значительной текстологической работы (99).

В 1969 году В. Аракелян издал в Ереване "Историю агван" Моисея Каганкатваца (79) в переводе на современный армянский язык. Однако до сих пор отсутствует критический текст по всем рукописям этого албанского историка.

Точных биографических сведений об авторе "Истории агван" нет. Упоминание о М. Каганкатваца и его труде дают средневековые армянские историки Степаннос Орбелян (85, 91, с. 13), Ухтанес (86, с. 121-122), Мхитар Айриванеци (78, с. 15), Мхитар Гош (49, с. 8) и др. Автором "Истории агван" одни исследователи называют Моисея Каганкатваца (33; Предисловие, с. 7-9; 500, с. 150; 106, с. 52), другие - Моисея Дасхуранци (120, с. 30; 99, с. XIX). З. И. Ямпольский высказал предположение, что одним из основных авторов "Истории агван" был Адриан из городка Каганкайтук в Карабахе (500; 151).

Исследование о Моисее Каганкатваца и его труде принадлежит Т. И. Тер-Григоряну (445). Он считает, что существовало два автора этого труда - первый был Моисей Каганкатваца, который составил I и II книги до VII в., а вторым автором был Моисей Дасхуранци, который составил III книгу (445, л. 91). С этим мнением Т. И. Тер-Григоряна соглашается З. М. Буниятов (185, с. 11).

Некоторые специалисты, основываясь на том, что "История Албан" заканчивается описанием событий конца X в., считали ее произведением X в. (536; 33: с. VII-X; 551, с. 22; 358, с. 70-72; 161, с. 370-374; 136, с. 50; 106, с. 390-391; 120, с. 30). Другие, на основании того, что в ней есть описание событий VII в., сделанные очевидцем, считают I и II книги этого труда произведением VII века (555, с. 44; 553, с. 1-16; 92; 278, с. 422-433; 117; 118, с. 291-292; 445, л. 91; 275, с. 9; 403, т. II, с. 305; 500, с. 150, 151; 451, с. 15-16; 185, с. II, 25; 336; 337, с. 48; 251, с. 3).

Кроме вышеуказанных мнений, еще есть мнения исследователей, которые считают, что I, II и начальные главы III книги были написаны в конце VII и начале VIII вв. (334, с. 15; 237, с. 192).

Несмотря на то, что "История Албан" дошла до нас в рукописи на древнеармянском языке грабар, не исключено, что она первоначально была написана на албанском

языке и была переведена на грабар (500, с. 149-159; 337, с. 48; 235, с. 94; 185, с. 97-98; 445, л. 4), В тексте "Истории Албан" есть ряд показателей того, что она была переведена на грабар человеком, плохо знавшим албанский язык VII в. или плохо знавшим грабар (337, с. 48; 237, с. 194; 235, с. 94). В самом факте перевода "Истории Албан" на грабар могли отразиться не только григорианизация самостоятельной до VIII в. албанской церкви и арменизация части албанцев, но и политика раннесредневековых армянских католиков, сохранявших сведения о прошлом Кавказской Албании.

Есть авторы, которые неверно утверждают, что "История Албан" является компилятивным трудом и что все материалы албанской истории заимствованы у армянских авторов (551, с. 10-12; 120, с. 1-31, 161-175, 321-349, 552-556; 1955, с. 309-329; 1957, с. 38-40, 525-536; 1958, с. 149-151). В "Истории Албан" много заимствований и из древнеармянских источников, в частности, из "Истории" Фавста Бузандаци. Однако изучение этих заимствований и сходства показывает самобытность албанского подхода к историческим фактам при заимствованиях авторов "Истории Албан" из армянских источников или из сходных с ними первоисточников (337, с. 48).

Как и во всяком источнике, написанном более тысячи лет назад, в этом труде много внимания уделяется царям, церкви, религиозным этапам. Но через это описание царей пробивается интересующий науку вопрос: каковы были точка зрения и мировоззрение авторов "Истории Албан" и их отношение к ее источникам. Это хорошо видно при сравнении текста Фавста Бузандаци и М. Каганкатваци.

Сопоставление и сравнение данных албанского историка с данными армянского историка более подробно изложено в опубликованных нами работах (337, с. 48 и далее; 341, с. 12-16). Поэтому здесь не будем подробно останавливаться на этом вопросе.

Приведенные материалы сходства и различия Фавста и М. Каганкатваци в описании одних и тех же событий позволяют сделать следующие предварительные выводы.

1. Эти источники V и VII веков связаны между собой или непосредственно, или через другой источник.
2. М. Каганкатваци глубже, чем Фавст, излагает события со своей точки зрения, опускает детали, не имеющие прямого отношения к истории Албании, и приводит факты, которых нет у Фавста. Эти факты могли быть почерпнуты из местной (устной или письменной) албанской традиции или источников, которые не использовал или иначе использовал Фавст (337, с. 52; 341, с. 15).

Обзор древнеармянских авторов и частичное сравнение их материала с фактическим материалом М. Каганкатваци показывает, что большинство этих армянских авторов были очевидцами описываемых событий или пользовались данными очевидцев. Почти все древнеармянские авторы принадлежали к определенным политическим группировкам, были апологетами григорианской церкви или отдельных княжеских фамилий. Это делало их, как и всех историков классового общества, несколько тенденциозными не только в освещении исторических фактов, но и в самом отборе фактов. Данное обстоятельство надо всегда учитывать при работе над первоисточниками.

"История Албан" М. Каганкатваци является как бы коррективом для уточнения сведений древнеармянских авторов, относящихся к истории Албании. При этом, конечно, надо учитывать тенденциозность самой "Истории Албан" М. Каганкатваци, авторы которой чаще всего были апологетами албанского католика да и албанских царей.

Кроме армянских источников, при исследовании раннесредневековой истории Албании были использованы грузинские письменные источники (см.: 361). Однако сведения грузинских источников об Албании IV-VII вв. малочисленны.

Один из грузинских источников - свод хроник - "Мокцевай Картлисай", составленный примерно в VII-IX вв. (56). Значение этого труда для истории Албании заключается в попутных сведениях о городах, областях, хазарах и гуннах на территории Албании.

К важным грузинским источникам относятся Мровели Леонти, автор "Жизни Картлийских царей", и Джаваншир, автор "Жизни Вахтанга Горгасала" (50). Исследователи считают, что Мровели жил на рубеже XI-XII вв. (18, 171-184; 50, с. 8-10). Значение этих трудов для истории Албании заключается в сведениях о хазарских и гуннских вторжениях, а также в сообщениях о городах и областях.

Некоторые весьма интересные данные по истории Кавказской Албании оставили грузинские агиографические памятники (51; 53; 17; 18).

Кроме отмеченных источников, при исследовании раннесредневековой истории Албании были привлечены также сирийские и византийские письменные источники.

В большом количестве важные данные почерпнуты нами из сирийских источников в переводах и исследованиях Н. В. Пигулевской (421; 422; 423).

Много данных по раннесредневековой истории Азербайджана приводится в переводе на русский язык, сделанном специалистами из византийских источников (9; 16; 46).

Источниками рассматриваемого периода являются и арабские источники. Они оставили различные сведения об экономике и политической истории Албании (Аррана) (315; 206).

Авторы арабских источников чаще всего не были очевидцами событий раннесредневековой Албании. Но, несмотря на это, они оставили сведения о ней, так, как и арабские авторы, излагающие в своих трудах историю "с возникновения мира" до своих времен.

Арабские источники ценны тем, что они в отличие от армянских и других источников сравнительно подробно характеризуют экономическое положение Албании и тем самым восполняют пробел в других источниках. Однако арабские источники при изложении событий в Албании нередко повторяют друг друга.

Одним из важных арабских источников является труд Ибн Хордадбега (820-913), автора "Книги путей и государств" (24; О нем см.: 315, т. IV, с. 147-150; 185, с. 19-21). Он был начальником почты (451, с. 22; 185, с. 20). Исследователи считают его труд самым ценным среди трудов арабских географов (60, с. 11, 184, с. 127-136). В

книге Ибн Хордадбега имеются важные сведения об Албании - ее городах, путях, экономике в целом, сельском хозяйстве, торговле, налогах, географические заметки.

Балазури - арабский историк IX века. Он автор "Книги завоевания стран" (13; О нем см.: 181, т. 1: с. 18-19; 315, т. IV, с. 35,154-156, 158,161, 206, 208, 302; 330, с. 56; 185, с. 16). Значение этого труда для истории Албании заключается в сведениях о походах сюда армий халифата, а также- в сообщениях о городах. Об Албании есть сведения у автора IX века Якуби, написавшего "Историю" (64; 63; О нем см.: 315, т. IV, с. 151-154; 185, с. 18), и географа X века - Масуда. Он автор книги "Промывальни золота и рудники самоцветов" и "Книги сообщений и знаний" (47; О нем см.: 315, т. IV, с. 171-184). Масуди дает сведения о городах, о Каспийском море и торговых путях, о населении Кавказской Албании.

Другой географ X века Истахри написал "Книгу путей и государств" (30; 315, т. IV, с. 194 - 198), включив в нее атлас географических карт. Значение труда Истахри для истории Албании состоит в его сведениях о границах, городах, путях, описании Каспийского моря. Арабский географ Ибн Хаукал в середине X в. переработал этот труд Истахри и составил карту (21; О нем см.: 185, с. 20-21), включая земли Албании.

По истории Албании у Ибн Хаукала имеются данные о географии, хозяйстве, торговле, городах, дорогах, рынках.

Сведения об Албании имеются также у арабского географа, жившего в середине X в., Мукаддаси, автора сочинения "Лучшее разделение для познания климатов" (48; О нем см.: 315, т. IV, с. 211; 185, с. 21-22). Мукаддаси сообщает сравнительно подробно о городах Албании, дает сведения о населении, хозяйстве, торговле и торговых путях.

Арабский автор Ибн аль-Факих (начало X века) - составитель географического труда "Книга стран" (22; О нем см.: 315, т. IV, с. 124-127; 185, с. 22), дает сведения о городах Албании (Аррана).

Арабский географ Ибн Руста жил в конце IX - начале X в. и является автором "Книги драгоценных камней" (23; О нем см.: 315, т. IV, с. 159-160; 185, с. 22-23). В своем труде он дает сведения о городах, торговле, населении и торговых путях Албании. Кудама является одним из арабских авторов середины X века. Он написал "Книгу о харадже и об обязанностях" (43; О нем см.: 315, т. IV, с. 160-162; 185, с. 23), использовав труды Балазури и Ибн Хордадбега (451, с. 23; 185, с. 23). Кудама пишет о городах, дорогах и этническом составе Албании (Аррана).

Арабский географ Якут Хамави (1179-1229) - автор географической работы "Алфавитный перечень стран" (62, 61; О нем см.: 437, т. VI, с. 191; 315, т. IV, с. 370; 185, с. 24). При написании своего труда он широко использовал работы своих предшественников (185, с. 23). Якут Хамави дает сведения о городах, торговых путях и населении Албании.

ОТ РЕДАКТОРА

История Кавказской Албании - древнейшего государственного образования на территории Северного Азербайджана - более 150 лет привлекает внимание исследователей. Первые публикации по истории Кавказской Албании появились еще в 30-е годы XIX века. За это время отдельным вопросам или периодам истории этого древнего государства посвящены многочисленные статьи и целый ряд объемистых книг разных исследователей. Особенно большие успехи в этой области были достигнуты после второй мировой войны, когда начались планомерные исследования археологических памятников Албании, к изучению ее истории наряду с историками и археологами подключились лингвисты, искусствоведы, антропологи, архитекторы и представители других отраслей науки. Ныне общими усилиями многих исследователей удалось достоверно проследить ряд кардинальных вопросов истории Албании.

Большую заслугу в изучении истории Кавказской Албании имеет и автор настоящей книги. Он более 30 лет занимается изучением раннесредневекового периода истории Албании, по этой теме опубликовал много статей и книгу "Албания и Атропатена по древнеармянским источникам (IV-VII вв.)" Настоящая книга является продолжением изысканий автора в этой области. Книга является плодом многолетнего труда автора. В книге автор старался охватить широкий круг вопросов раннесредневекового периода истории Азербайджана. В этом смысле данная книга выгодно отличается от всех других книг по истории Кавказской Албании, ибо здесь автор старался комплексно исследовать все основные вопросы истории этой страны. Следовательно, настоящая книга является фундаментальным исследованием по раннесредневековому периоду истории Кавказской Албании.

Здесь уместно ответить, что в IV-VII вв. в Азербайджане и окружающих его географических регионах во всех сферах жизни населения происходили большие качественные изменения. В это время на Кавказе, в странах Ближнего и Среднего Востока произошли большие политические события. Азербайджан стал объектом нашествий крупнейших мировых держав того времени - Сасанидского Ирана, Византии, Хазарского каганата и Арабского халифата. Большие изменения происходили в социальной структуре общества, материальной и духовной культуре местного населения.

Это период формирования и становления феодального общества, распространения здесь христианской, зороастрийской и мусульманской религий, широкого распространения письменности, появления первых исторических и художественных сочинений местных авторов, дальнейшего развития ремесленного производства и торгово-экономических отношений.

История Азербайджана данного периода в разной степени отражена в армянских, грузинских, иранских, византийских, арабских и местных источниках. Поэтому при написании книги автору приходилось пользоваться всеми этими разноязычными источниками, а также многими археологическими материалами, с которыми по большей части он непосредственно ознакомился как в археологических экспедициях, так и в специальных хранилищах. Следует отметить, что автор, за исключением отдельных случаев, пользовался этими источниками с надлежащим умением.

В книге автор коротко освещает динамику образования феодального строя, говорит об источниках и степени изученности исследуемых вопросов. В отдельных главах

освещены вопросы территории и населения, отрасли хозяйства, которыми занималось местное население, общественные отношения и. государственная власть, письменность и школа, вопросы религии, внешняя политика, оборонительные сооружения изучаемого периода.

При освещении всех этих сложных вопросов автор привлекал имеющиеся письменные источники и обширную разноязычную литературу.

В книге автор достаточно убедительно пишет, что Кавказская Албания в IV-VII вв. занимала обширную территорию, состояла из ряда областей. Здесь, говоря о населении Албании, автор соглашается с мнением авторов, считающих народ с этнонимом албаны тюркоязычным. Язык удинов он также относит к тюркоязычной группе. В данном случае можно было бы, привлекая письменные источники и другие исторические аргументы, поспорить с автором. Но за неимением возможности вынужден по этому поводу сказать всего несколько слов. В IV—VII вв., бесспорно, на территории Албании уже были тюркоязычные племена. К ним относятся гунны, хазары и другие. Но сами албанские племена, по всей вероятности, преимущественно были Кавказоязычными. А удинов, как мне представляется, никак нельзя отнести к тюркоязычным племенам, так как они до сих пор живут в селе Нидж Габалинского района, говорят на удинском языке, который, бесспорно, входит в группу кавказских языков.

Автор справедливо считает, что в IV-VII вв. в Албании шел не насильственный, а естественный ассимиляционный процесс.

Говоря о городе Кабала, следует отметить, что он был основным, точнее столичным городом Албании до середины V в. А после переноса столицы в Партав (Барду) Кабала стала лишь одним из крупных центров страны, отнюдь не основным. Кабала не была также столицей хазар, хотя некоторые арабские авторы упомянули этот город под названием Хазар, так как туда еще Сасаниды поселили 10 тысяч хазар (сабиров).

В книге довольно подробно освещены вопросы общественных отношений, социальной структуры общества, налоговая система. При этом широко привлечены как письменные источники, так и обширная специальная литература.

Особый интерес представляет глава, в которой освещены письменность и школа в Албании. Автор весьма резонно утверждает, что еще до Месропа Маштоца (до начала V в.) Албания имела свою письменность. Здесь автор привлек обширный материал. Но, к сожалению, быть может не по его вине (ибо рукопись книги долго находилась в издательствах), не использованы целый ряд статей С. Н. Муравьева об албанских письменах, изданных за последние годы. Особенно хочется отметить объемистую статью С. Н. Муравьева "Три этюда о кавказско-албанской письменности", опубликованную в Ежегоднике иберийско-кавказского языкознания (Т. VIII, Тбилиси, 1981, с.222-320).

Ценные сведения приведены также в главах, посвященных религии, внешней политике и оборонительным сооружениям.

Таким образом, автор, несомненно, написал ценную книгу по самому сложному периоду истории Кавказской Албании. Отмеченные мною мелкие погрешности

отнюдь не снижают большую научную значимость данной книги. Нет сомнения в том, что автор настоящим исследованием вносит большой вклад в историографию Азербайджана.

Книга, бесспорно, представляет значительный научный интерес и будет привлекать пристальное внимание не только специалистов-историков, но и широкого круга читателей, интересующихся древней историей Азербайджана и сопредельных стран.

Ильяс БАБАЕВ,

доктор исторических наук

ГЛАВА ПЕРВАЯ

ТЕРРИТОРИЯ И НАСЕЛЕНИЕ РАННЕСРЕДНЕВЕКОВОЙ АЛБАНИИ

Территория и границы Албании - один из трудных и спорных вопросов истории страны. Ряд исследователей, таких, как А. Яновский, Б. Дорн, М. Бархударян, А. Е. Крымский, С. В. Юшков, В. Н. Левиатов, К. В. Тревер, З. И. Ямпольский, С. Т. Еремян, К. Алиев, А. П. Новосельцев, А. Ш. Мнацаканян, Д. Л. Мухелишвили, Т. Г. Папуашвили, Т. М. Мамедов (об этом см. выше во "Введении"), изучили границы и территорию древней Кавказской Албании.

Ряд исследователей, таких, как И. Шопен, Г. Хюбшман, В. Ф. Минорский (об этом см. выше во "Введении") также затронули вопросы о границах и территории древней Кавказской Албании.

Между тем вопрос о границах и территории раннесредневековой Албании и поныне является сложным, малоизученным и дискуссионным. Кроме того, есть исследователи, которые необоснованно полагают, что территория Албании в раннесредневековье уменьшается и доходит до нуля (123, с. 5; 129, с. 44-48). При этом заметим, что в своих суждениях о границах раннесредневековой Кавказской Албании исследователи опираются на труды античных и данные раннесредневековых авторов об античном периоде, которые, конечно же, никак не могли содержать какие-либо сведения о границах Албании IV-VII вв. С этим мнением исследователей нельзя согласиться. Если обратимся к раннесредневековым письменным источникам, то истина становится ясна. Раннесредневековые письменные источники сохранили различные сведения об исторически сложившейся территории и политических границах Албании. Из армянских письменных источников, таких, как Фавст Бузандаци (87, кн. IV, гл. 24, с. 50), Егише (68, гл. HI), М. Хоренаци (76, кн. П., гл. 8,12, 51), А. Ширакаци (11, с. 17), а также албанского историка М. Каганкатваци (79 кн. I, гл. 4, 5) становится ясно, что территория Кавказской Албании на севере простиралась до северных предгорий Большого Кавказа и что она была смежна даже с Сарматией².

Из письменных источников Ф. Бузандаци (87, кн. III, гл. 6), М. Хоренаци (76, кн. И, гл. 6), А. Ширакаци (11, с. 19), а также М. Каганкатваци (79, кн. I, гл. 4, кн. II, гл. 21) становится ясно, что территория Албании простиралась до верховьев Аракса, включая и ее левобережные части³. Ф. Бузандаци, говоря о событиях IV века, область Хабанд и город Амарас помещает между границей Албании и Армении на территории Албании (87, кн. III, гл. 6).

Из письменных источников Ф. Бузандаци (87, кн. V, гл. 12, 13, 14), Л. Парпеци (74, гл. 33) и А. Ширакаци (11, с. 17, 19, 20) становится ясно, что территория Албании на юге простиралась до нижнего течения и слияния рек Аракса и Куры, включая сюда Мугань и Мильскую степь, и Пайтакаран.⁴

Территория Албании на востоке простиралась до Каспийского моря⁵(11, с. 17).

Из данных Егише (68, гл. III), М. Хоренаци (76, кн. II, гл. 8), а также М. Каганкатваци (79, кн. II, гл. 2, 21, кн. 1, гл. 4) становится ясно, что на западе Албания граничила с Иберией, и граница Албании IV-VII вв. проходила от впадения р. Акстафачай в р. Куру, включая и нынешний Закатальский район до Андийского хребта⁶. Она охватывала также побережье среднего к нижнего течения р. Алазани. Из Фавста Бузандаци мы узнаем, что Албания граничила также и с Атропатеной (87, кн. III, гл. 6).

Тот же армянский историк Фавст Бузандаци свидетельствует о том, что во время правления албанского царя Урнаира в IV в. Ути, Шакашен, Гардмандзор (87, кн. V, гл. 13), Арцах (87, кн. V, гл. 19), область каспов, в том числе город Пайтакаран (87, кн. V, гл. 14), входили в состав албанского государства.

В 371 году полководец армянского царя Папа Мушег Мамиконян выступил с войском против Албании, разгромил Арцах и Албанию и отнял у них "гавары - Ути, Шакашен и Гардмандзор, Колт и сопредельные им гавары" (87, кн. V, гл. 12, 13, см. 403, т. II, с. 312; 451, с. 200-201). Спарпет Мушег Мамиконян также захватил область каспов и город Пайтакаран (87, кн. V, гл. 14, см.: 403, т. II, с. 312, 451, с. 200). Но это длилось не долго, вскоре, во время раздела Армении между Сасанидами и Византией по договору 387 года, Албании были возвращены Арцах, Ути, Шакашен, область каспов и город Пайтакаран (11, с. 17; см: 101, с. 11-18; 118, с. 230; 403, т. 2, с. 312; 451, с. 201; 527, с. 240-241).

Группа исследователей, Н. Адонц (118, с. 230). И. Маркварт (101, с. 118), Ст. Кананян (524, с. 154), С. Т. Еремян (403, т. 2, с. 312; 520, с. 120), А. Манандян (527, с. 240, 241), А. Ш. Мнацаканян (374, с. 15-33) и др., считают, что эти области до IV века не входили в состав Албании.

Вопреки вышеуказанным исследователям, ряд исследователей, таких, как А. Е. Крымский (319, с. 289), В. Ф. Минорский (372, с. 27-28), К. В. Тревер (451, с. 58), К. Алиев (125, с. 11; 123, с. 3-4; 124, с. 130-133), В. Гукасян (239, с. 122-127), изучая границы и территорию древней Кавказской Албании, основываясь на греческих, латинских и других письменных источниках, доказывают, что эти области и до IV века входили в состав Кавказской Албании.

В последующие века, т. е. до прихода арабов в Закавказье, вышеуказанная территория входила в состав Албанского государства. Из данных М. Каганкатваци становится ясно, что во времена правления царя Вачагана левая и правая стороны реки Куры принадлежали Албании (79, кн. I, гл. 16-17; см: 319, с. 290). Этот же историк, говоря об албанском царе Джаваншире, указывает, что в VII в., во время правления Джаваншира, территория Албании простиралась от пределов Иберии до ворот гуннов и до реки Араке (79, кн. I, гл. 21).

Таким образом, из вышеуказанных данных становится ясно, что в IV-VII вв. территория Кавказской Албании была обширная. Албанское царство распространялось от Северной части Большого Кавказа до нижнего течения и слияния рек Аракса и Куры, включая сюда Мугань и Мильскую степь, провинции Пайтакаран, Ути, Арцах, области Гардман, Шакашена, Чора, Лпиния и др.

Об исторически сложившемся административно-территориальном делении Албании сохранились сведения ряда авторов. Из свидетельств Агафангела, Ширакаци, Хоренаци, Гевонда и др. видно, что Албания в IV-VII вв. делилась на области, провинции и округа. Это также подтверждает М. Каганкатваци (65, с. 115; 11, с. 17, 19, 20; 82; гл. 21; кн. II, гл. 74, кн. III, гл. 54; 79, кн. I, гл. 27, 29, кн. II, гл. 10, 11, 14, 17, 22, 36, 37, 341, с. 35). Одной из таких областей была Чора (Джора), которая составляла прикаспийскую полосу, начиная от прохода Чора, к югу, до того места, где восточные отроги Главного Кавказского хребта вплотную подходят к Каспийскому морю (87, кн. IV, гл. 50; 68, гл. III; 79, кн. II, гл. 14; 76, кн. II, гл. 51, кн. III, гл. 12) (до р. Сумгаит.) В этой области обитали табасараны, албаны, чилбы, леги, маскуты, шичбы, хазары, гунны (о племенах см. ниже). Здесь были такие известные города, как Чора (Чога,) Дербент и Цри (О городах см. ниже).

Одной из крупных областей страны была Сакашена-Камбечан. Она занимала территорию от северных отрогов Кавказских гор до р. Куры (87, кн. V, гл. 13; 76, кн. II, гл. 50; 11, с. 17). Здесь в северной части обитали хечматаки, ижмахи, глуары, гугары, егерсваны, гаты и др., а на юге, главным образом на равнинах, жили гунны, албаны (О племенах см. ниже.) В этой области были такие известные города, как Кабала, Сирхарын и др. (О городах см. ниже).

Одной из областей рассматриваемого периода была Лпиния (68, гл. I, VII; 79, кн. II, гл. 14). Эта область занимала территорию от впадения р. Акстафачай в р. Куру, включая и нынешний Закатальский район до Андийского хребта. Она ухватывала также побережье среднего и нижнего течения р. Алазань (68, гл. III; 76, кн. II, гл. 8; 79, кн. I, гл. 2, 21; см., 265, ч. I, карта V-VII вв.). В этой области обитали сами лпины, албаны, саки (О племенах см. ниже). Здесь были такие города, как Халхал, Хунаракерт (О городах см. ниже).

Одним из районов Кавказской Албании в это время был Пайтакаран (11, с. 17. 19; 341, с. 37). Территория его лежала по юго-западному побережью Каспийского моря и находилась к востоку от Ути, расположенного на Араксе (11, с. 19; 341, с. 37). А. Ширакаци называет провинцией и Пайтакаран, выделяя в ней области: Хракот-Перож, Варданакерт, Еотипоракнян-Багинк, Ротибого, Баханрот, Ароспижен, Гани, Атли, Багаван, Спандаран-Перож, Ормизд-Перож, Алеван (11, с. 19; 341, с. 37). Здесь находились известные города Пайтакаран, Байлакан (О городах см. ниже). Обитали здесь каспы, гелы, баласичи, гунны (О племенах см. ниже).

Ути рассматривается М. Хоренаци как область (76, кн. II, гл. 55, 74), что подтверждает историк М. Каганкатваци, сообщая, что Ути была областью Албании (79, кн. I, гл. 6, 27, кн. II, гл. 10, 17, 36, 37). По А. Ширакаци, Ути рассматривается как провинция, которая делилась на следующие области: Аранрот, Три, Ротпациан, Агуэ, Тучкатак, Гардман, Шикашен (11, с. 20; 341, с. 36). Албанская провинция Ути находилась к востоку от Аракса между Арцахом и рекою Курой (там же). Здесь находился такой известный

город, как Барда (Партав) - столица Албании. В Ути обитали племена цавдейцев, утийцев (удинов), саков (О племенах см. ниже).

Одной из областей Албании в рассматриваемый период был Арцах (87, кн. IV, гл. 50; 341, с. 37). Эта область распространялась с запада до р. Акер (ныне Хакаричай) и Карабахского хребта, а с юга до р. Аракс, с севера она охватывала Мровдаг. Кроме нагорной части она включала в состав своей территории также и нынешнюю Мильскую и Муганскую степи (11, с. 19; 341, с. 37). Здесь обитали гаргары, албаны, гунны, хазары, басилы (О племенах см. ниже).

А. Ширакаци называет Арцах провинцией, имевшей ряд областей: Мьюс-Хабанд, Вакуник, Берадзор, Мец-Куани, Мец-Иранк, Харгланк, Муханк, Писанк, Панцканк, Сисакан-востан, Кусти-Парнай и Колт (11, с. 19; 341, с. 37). На юго-западе Арцах граничил с Сюником (11, с. 19; 341, с. 37).

Одной из областей Албании был Гардман (79, кн. II, гл. 17, 22; 341, с. 36). В отношении Гардмана письменные источники высказывали разные мнения. А. Ширакаци называет Гардман областью (11, с. 17; 341, с. 36), что подтверждается М. Каганкатваци (79, кн. II, гл. 17, 22; 341, с. 36). А. Ширакаци высказывал мнение, что Гардман входил в состав Армении (11, с. 17; 341, с. 36). Но Фавст Бузандаци (87, кн. V, гл. 13; 341, с. 36), М. Каганкатваци (79, кн. II, гл. 22, кн. III, гл. 23; 341, с. 36) и Вардан (73, с. 40; 341, с. 36) сообщают, что, как область, Гардман входила в состав Албании. Эта область имела своего правителя (79, кн. II, гл. 3.) по имени Вардан, который правил при царе Вачагане III (79, кн. I, гл. 26). М. Хоренаци сообщает нам о том, что во времена Месропа Маштоца правителем Гардмана был Хурс (76, кн. III, гл. 60). Эта область входила в состав провинции Ути и занимала территорию между реками Ганджачай и Дзегамчай. Гардман с юга граничил с горным хребтом Мровдага (11, с. 20, 17; см. 518, с. 33). По А. Ширакаци, Албания была разделена на следующие провинции: Йехин, Бех, Камбечан, Шаке, Востани-Марцпан, Дашти-Баласакан. Кроме того, как отмечает А. Ширакаци, албанцы отторгли от Армении области Шакашен, Гардман, Колт, Заре и еще 20 областей, лежащих в местностях до впадения Аракса в реку Куру (11, с. 17; 341, с. 37).

Вышеуказанные области входили в состав Кавказской Албании и были известны в IV-VII вв. под общим названием Албания.

Таким образом, изучение вышеуказанных материалов дает основание полагать, что территория Кавказской Албании IV-VII вв. была достаточно обширной и простиралась от северной части Большого Кавказа до нижнего течения и слияния Аракса и Куры, включая сюда Мугань и Мильскую степь. В состав албанского государства IV-VII вв. входили провинции Ути, Арцах, Пайтакаран, области Чора, Лпиния, Гардман, Шакашен и др.

Албания на севере граничила с северным предгорьем Большого Кавказа и даже была смежна с Сарматией. На юго-западе Албания простиралась до верховьев Аракса, включая сюда и ее левобережную часть, а на юге - до слияния рек Аракса и Куры, включая сюда Мугань и Мильскую степь, и Пайтакаран. На востоке граничила с Каспийским морем. С западной стороны Албания граничила с Иберией.

Этнический состав Кавказской Албании - один из малоизученных, трудных и нерешенных вопросов истории Азербайджана. В своих исследованиях А. Бакиханов, М. Бархударян, В. Минорский, С. Т. Еремян, И. Г. Алиев, З. И. Ямпольский, К. Г. Алиев, З. М. Буниятов, Л. М. Меликсет-Бек, Т. М. Мамедов, А. П. Новосельцев, Т. Г. Папуашвили, Ю. М. Джафаров и др. (Об этом более подробно см. выше во "Введении") уделяют некоторое внимание этому вопросу. Цель настоящего раздела - рассмотреть сведения письменных источников об этническом составе населения Азербайджана в IV-VII вв.

Исследователи С. Т. Еремян (403, т. II, с. 304, 328-329), К. В. Тревер (451, с. 11), А. М. Мнацаканян (374, с. 15-25) указывают на то, что в IV-VII вв. местное население древнего Азербайджана было ассимилировано соседями. Либерально-буржуазный историк Лео (А. Г. Бабаханян) совершенно неверно утверждает, что "в конце V в. Агванк был страной, лишь наполовину сохранившей национальную самостоятельность; другой своей половиной он был уже арменизирован или находился накануне арменизации (522; 523, с. 333-334). С этим мнением исследователей согласиться нельзя.

Сведения об этническом составе населения древнего Азербайджана (в его составе были земли Атропатены и Кавказской Албании) сохранил ряд армянских авторов (334, с. 40-41; 335, с. 12-13; 342, с. 58-61). Уточнению этих сведений помогает их сравнение со сведениями по этому вопросу историка М. Каганкатваци (79). Сведения об этническом составе населения древнего Азербайджана оставили также греко-византийские (9; 16; 46; 58 и др.), сирийские (421; 422; 423; см.: 510), грузинские (51; 53; 56; 17; 364, с. 131-132) и арабские источники (21; 22; 23; 24; 47; 48; 64; 13; 30). Об этническом составе албанов дают нам сведения армянский историк Агафангел и М. Хоренаци (65, с. «117; 76, кн. II, гл. 85, 58; кн. III, гл. 3, 6). Но Агафангел в арабской версии своего труда, вероятно, в силу случайности, именует албанов "аланами" (8, с. 117; 342). Об этническом составе албанов дают нам сведения армянский историк Л. Парпеци (74, гл. 25, 26, 37, 75), Асогик (84, кн. II, гл. 1), сирийский историк Захарий Ритор (421, 109, 114; 423, 165) и албанский историк М. Каганкатваци (79, кн III, гл. 5; кн. 1, гл. 2, 3). Албаны упоминаются также у греческих авторов IV века (45, с. 222, 260, 264; 280; с. 283, 291; 241). Основываясь на письменных источниках, исследователи локализируют их у левого берега р. Аракс, в нынешнем Карабахе и Мильской степи (402, т. I, с. 224; 403, т. 2, с. 303). Они заселяли территорию к северу от р. Куры и прикуринскую равнину (451, с. 44; 127, с. 16), часть Камбисены (127, с. 16), бассейн рек Алазани и Иори (403, т. 2, с. 304; 127, с. 16), склоны Малого Кавказа (451, с. 45; 127, с. 16) и на побережье Каспия (451, с. 46; 127, 16). Албанцы были древнейшим местным населением Албании и принадлежали к кавказской группе (402, т. I, 224; 263, с. 23, 131, 67). Кроме того, в науке имеется также мнение, что албанцы не принадлежали к кавказской группе языков. Ряд исследователей, опираясь на топонимические, ономастические и другие вещественные доказательства, справедливо считают их входящими в тюркскую группу языков (217, с. 109-114; 217а, с. 17-20, 27-29, 121-125; 129, с. 55-57). Мы полностью разделяем эту точку зрения исследователей. Таким образом, изучение данных письменных источников и работ исследователей показывает, что албаны населяли районы к северу от Куры и прикуринской равнины, часть Камбисены, склоны Малого Кавказа, побережье Каспия, нынешний Карабах и Мильскую степь.

В составе древнего населения Албании были утийцы. Армянские авторы Агафангел, Фавст Бузандаци, Л. Парпеци, Егише, М. Хоренаци, А. Ширакаци (65, с. 20-21, 414; 8,

с. 115, 117; 87, кн. V, гл. 13; 74, кн. II, гл. 35; 68, гл. III; 76, кн. II, гл. 8, 44, 45; II, с. 51; 342, с. 59) в "Книге посланий" (67, с. 61), Иоани Лрасханакертци (80, с. 127, 140, 161, 178, 195, 218, 219, 225, 256, 301, 304, 309, 320, 321), Асогик, Вардан Великий и албанский историк М. Каганкатвацци (84, кн. I, гл. 2; 73, с. 39; 79, кн. I, гл. 4, 6, 8, 23, 25, 29, 30; кн. II, гл. 10, 11, 14, 15, 19, 25, 32, 33, 34; 342, с. 59) называют среди этнических групп Албании утийцев.

Об утийцах (удинах) также упоминают арабские географы (13, с. 13). Исследователи А. Шифнер (556), В. Фон-Эркерт (542), А. Дирр (261; см.: 539, с. 60-72), Л. П. Загурский (277, с. 9), Л. Г. Лопатинский (323, с. 4), М. Г. Джанашвили (19, с. 83), Н. Я. Марр (357), Н. Яковлев (492, с. 28-29), Б. Лалаян (521, с. 155-171), И. Г. Алиев (131, с. 65, 67) относят удинский язык к иберо-кавказской группе. Но есть исследователи, такие, как Т. Тер-Мкртчян (Миабан) (531, с. 923-934) и А. Пайазат (508), которые ошибочно и необоснованно считают удинский язык родственным с халдским. Кроме того, в науке имеется также мнение, что язык племени удинов не принадлежал к кавказской группе языков. При этом надо отметить, что ряд исследователей, основываясь на данных письменных источников, топонимических и других материалов, справедливо считают язык удинов входящим в тюркскую группу языков (159, 60-61; 129, 57-58). Мы также полностью разделяем эту точку зрения.

Армянский географ Анания Ширакаци фиксирует утийцев между Севанским озером и Араксом и, с другой стороны, Курой и Арцахом (11, с. 51). Армянский историк М. Хоренаци производит утийцев от потомка легендарного Арана (76, кн. II, гл. 8; 451, с. 46-47; 275, с. 148). Об этом также свидетельствует историк М. Каганкатвацци (79, кн. I, гл. 4).

Опираясь на письменные источники, исследователи локализуют утийцев по-разному.

Е. А. Лалаян указывает, что "удины являются не аборигенами населяемого ими района, а лишь позднейшими иммигрантами" (320, т. 5, с. 37-47). Такую точку зрения до Е. А. Лалаяна имели ряд исследователей. Известный арменовед И. Г. Адонц высказывал мысль, что "вначале утии жили южнее Аракса, затем - севернее, причем река Араке считалась границей между Отеной и Атропатеной (118, с. 420). Такое же мнение о том, что удины не аборигены населяемого ими Нухинского района, а лишь пришельцы с юга, высказывал азербайджанский историк А. А. Бакиханов (166, с. 13). Такое же мнение высказывал И. И. Мещанинов, еще в 1927 году об этом он писал так: "Принудительно переселенные, они (утии.-Т. М.) сплотились в новом месте своего жительства и до последнего времени сохранялись в селениях Варташен и Нидж, тогда как основная масса этинов оставалась на месте и утратила свой облик в процессе нового государственного образования" (371, с. 35; 36; 370, с. 39). И. Г. Алиев отмечает, что утии до переселения в Албанию жили южнее Аракса (131, с. 65-67). А. Яновский указывает, что удины занимали Шекинский район (503, с. 166). В. Ф. Минорский локализует удинов на нынешней территории Гянджи (Кировабад), Шамкира и Тауза (552, с. 372-373). Г. Капанцян указывает, что удины жили у реки Куры, при этом локализует их южнее реки Араке (306, с. 19, 20, 69). С. Т. Еремян локализует удинов в низовьях рек Тертер и Кура (268, ч. I, с. 208). На этом же месте удинов локализируют К. В. Тревер (451, с. 46) и К. Г. Алиев (127, с. 17). Исследователи Г. С. Федоров и Я. А. Федоров помещают удинов на прикаспийском побережье в пределах нынешнего Дагестана. При этом они указывают, что удины пришли сюда из Северного

Азербайджана (454, кн. II, т. 19, с. 174). В "Истории Дагестана" удинов локализуют на приморской части восточного Кавказа (293, т. I, с. 106).

Таким образом, изучение данных письменных источников и работ исследователей показывает, что утиицы обитали между озером Севан и Араксом, между Курой и Арцахом, в низовьях рек Тертер и Кура и в районе нынешнего Шеки.

Удины, ныне живущие на территории Азербайджанской Республики в селении Нидж Кабалинского района и в селении Октемберян на территории Грузии, являются потомками утиев (451, с. 47; 469, с. 59).

О каспах дают нам сведения армянский историк Фавст Бузандаци и географ Анания Ширакаци (87, кн. V, гл. 14; 11, с. 6).

Фавст Бузандаци называет земли Азербайджана в нижнем междуречье Куры и Аракса землей каспов и говорит, что на этих землях жили "парсы" (87, кн. V, гл. 14; 342, с. 59). В этих "каспах" следует видеть потомков каспиев, известных из работ античных авторов ⁷(54, кн. XI, гл. 5, 4). А. Ширакаци (11, с. 6; 342, с. 59) сообщает, что каспий обитали на территории к юго-востоку от устья Аракса.

Что касается парсов, то С. Т. Еремян видит в них древних паррасиев или парсиев (28, с. 220), отмеченных Страбоном⁸ (54, кн. XI, гл. 7). О племенах каспиев дают сведения также греко-византийские авторы IV века (45, с. 222, 270, 321, 272).

В своих работах ряд исследователей затронули вопрос о локализации каспиев. Е. А. Пахомов локализует каспиев в междуречье Куры и Аракса (409, с. 17). Согласно авторам "Очерков истории СССР" (402, с. 224), С. Т. Еремян (268, ч. I, с. 208; 403, 303) и И. Г. Алиеву (131, с. 106), каспий локализуются на территории нынешнего Талыша, в Мугано-Мильско-Карабахской зоне. Касаясь вопроса о каспийском населении, К. В. Тревер его локализует в низовьях Куры и в ее левобережье (451, с. 45). Согласно С. В. Юшкову, каспий жили южнее реки Куры у Каспийского моря (487, с. 131). К. Алиев локализует каспиев южнее слияния Куры и Аракса (127, с. 16). И. Г. Алиев отмечает, что каспий жили в Мидии, Албании и других областях и по языку были не иранцами, и относит их к "каспийской" семье (131, с. 79, 106). Затрагивая этот вопрос, К. Алиев относит каспийцев к кассито-эламской группе и при этом указывает, что они находились в языковом отношении в родстве с народами древней Передней Азии (127, с. 16).

Согласно авторам "Истории Дагестана", каспийцы относились к племенам Дагестана (293, т. I, с. 103).

Изучение данных письменных источников и работы исследователей показывает, что каспий жили к юго-востоку от Аракса, между Араксом и Курой, в низовьях Куры и Муганской зоне.

Одной из этнических групп, составляющих раннесредневековую Албанию, были чилбы. У греческих авторов они называются силвы (451, с. 47; 127, с. 17). О чилбах дают нам сведения армянские авторы Фавст Бузандаци, Егише, армянский географ Анания Ширакаци (87, кн. III, гл. 7; 68, гл. IV, VIII; 11, с. 6; 342, с. 59). В греческой версии

Агафангела также даны сведения о чилбах (451, с. 47). Историк М. Каганкатваци упоминает также об этнониме чилбов (79, кн. I, гл. 10).

Основываясь на письменных источниках, ряд исследователей в своих работах затронули вопрос о локализации чилбов. М. Бархударян помещает чилбов между рекой Дивичи и сел. Куба (517, с. 76). А. Яновский помещает их в Алазанской долине (503, с. 164). К. В. Тревер локализует чилбов в Дагестане - в верховьях Андийского Койсу (451, с. 192). Согласно С. Т. Еремян, чилбы жили на южном хребте Главного Кавказа (275, с. 148; 270, карта V-VII вв.). К. Алиев указывает, что чилбы жили южнее р. Самур (127, с. 17). Т. Г. Папуашвили помещает их на южных склонах Главного Кавказского хребта в верхнем течении р. Алазань (417, с. 8).

Таким образом, исследование показывает, что чилбы обитали на южном склоне Главного Кавказа в зоне верхнего течения р. Алазани, южнее р. Самур, в верховьях Андийского койсу.

Об этнической группе Кавказской Албании лпинах оставили сведения письменные источники. О них сообщают армянские историки Агафангел, Егише и историк Каганкатваци (68, гл. I, II, IV, VIII; 79, кн. III, гл. 23; 342, с. 58; 451, с. 48). Албанский историк помещает лпинов рядом с сивлами в горных районах Дагестана (79, кн. III, гл. 23).

Ряд исследователей в своих работах затронули локализацию лпинов. С. В. Юшков помещает лпинов в верховьях и в центральном течении реки Самур (487, с. 138-139), А. М. Бархударян - между рекой Сумгаит и с. Ливичи (519, с. 145).

С. Т. Еремян отождествляет этноним лпины с этническим названием албанов (275, с. 148-149; 270, карта V-VIII вв.). С. Т. Еремян лпинов локализует на южных склонах Кавказских гор, а именно в долине Алазани (275, с. 149). К. В. Тревер не соглашается с отождествлением С. Т. Еремян этнонима лпины с этническим названием албанов (451, с. 48). К. Алиев в своей работе указывает, что лпины жили в предгорьях Большого Кавказского хребта в районе р. Алазань и к востоку от нее (127, с. 16). Т. Г. Папуашвили помещает их на южных склонах Главного Кавказского хребта в верхнем течении р. Алазань (417, с. 8).

Таким образом, изучение данных письменных источников и работы исследователей показывают, что лпины обитали на южных склонах Большого Кавказа и в районах верхнего течения р. Алазань.

Армянские историки Хоренаци, Асогик, Варлан и историк М. Каганкатваци (76, кн. II, гл. 8; 84, кн. I, гл. 2; 73, с. 39; 79, кн. I, гл. 27, кн. II, гл. 21, 342, с. 59) называют среди этнических групп Албании гаргарцев. Об этническом составе гаргарцев также сообщает Страбон (54, кн. I, гл. 5; 45, с. 244, 317). М. Хоренаци и М. Каганкатваци производят гаргаров от потомка легендарного Арана (76, кн. II, гл. 8; 79, кн. I, гл. 4).

М. Хоренаци сохранял сведения не только об имени и расслоении гаргарийцев, но и о гаргарском языке "... богатом горловыми звуками" (76, кн. III, гл. 54). М. Хоренаци указывает, что они жили на Гаргарской равнине - в нынешнем Нагорном Карабахе, южнее р. Куры, в бассейне р. Каркар-Чай (76, кн. I, гл. 85).

К. В. Тревер, опираясь на письменные источники, называет гаргарийцев одним из древнейших племен Кавказской Албании и локализует их в части Карабахской степи (451, с. 48-49). К. Алиев указывает, что гаргары обитали южнее р. Куры, в бассейне р. Каркар-Чай (127, с. 17). С. Т. Еремян локализует их на Гаргарской равнине - современной Мильской степи (403, т. I, с. 303). Ряд исследователей относят их по языку к кавказской группе (469, с. 174; 485, с. 25, 207, 154). Кроме того, в науке имеется мнение, что язык гаргаров не принадлежал к кавказской группе языков. Ряд исследователей, опираясь в основном на топонимические и др. вещественные доказательства, справедливо считают гаргаров входящими в тюркскую группу языков (129, с. 58-59; 217, с. 115, 116, 217 а, с. 29-30). Мы также полностью разделяем эту точку зрения.

Таким образом, изучение данных письменных источников и работ исследователей показывает, что гаргарцы жили на Гаргарской равнине в нынешнем Нагорном Карабахе, южнее р. Куры, в бассейне р. Каркар-чай.

Армянский географ Анания Ширакаци дает нам сведения о племени легов (11, с. 6). Наряду с другими племенами он помещает легов в Сарматии (11, с. 6).

О легах дают сведения также и грузинские письменные источники: "Лекосу или Лекану досталась в удел земля от моря Дардубандского (Каспийского) до реки Ломени (Терека) и до великой хазарской реки (Волги)" (18, с. 9; 50, с. 21). О легах дает сведения и армянский историк М. Хоренаци (76, кн. III, гл. 37, 38).

Основываясь на письменных источниках, исследователи затронули вопрос о локализации легов.

А. Яновский помещает их "к северу от албанцев в горах Кавказских..." (503, с. 106). П. К. Услар отождествляет легов с лезгинами (453, с. 539-540), а также с нынешними лакцами (453, с. 43). Г. Халатьян считает, что казыкумуки, "называющие себя и теперь лаками", явились потомками легов (456, с. 264). И. Г. Алиев также отождествляет легов с лаками (131, с. 104-105) и при этом указывает, что они были неиранцами (131, с. 102-103). З. И. Ямпольский указывает, что кадусев называли легами (497, с. 105).

Н. Я. Марр также отождествлял легов с лезгинами (359, с. 35). С. В. Юшков легов помещает по Самуру южнее Дербента (487, с. 145). С. Т. Еремян также отождествляет легов с лезгинами и помещает их в долине реки Самур (268, с. 208). К. В. Тревер локализует легов севернее удинов и албанцев в "горных районах бассейна р. Самур" (451, с. 47). К. Алиев помещает легов на территории "Южного Дагестана и к югу от р. Самура" (294, кн. II, т. 19, с. 85). Дагестанский исследователь М. М. Ихиллов локализует легов в нынешней "долине рек Кудиала и Самура" (127, с. 16). Авторы "Очерков истории СССР" отождествляют легов с лезгинами и указывают, что они жили у подножия Кавказского хребта (402, т. I, с. 225).

Таким образом, изучение данных письменных источников и работы исследователей показывают, что леги обитали в горных районах бассейна рек Самур и Кудиал.

Географ VII века Анания Ширакаци наряду с другими племенами дает сведения также о племени гелов, называя их при этом "дели" (II, с. 6; 342, с. 60). Армянский географ помещает их на юго-востоке Каспия до Аракса (II, с. 6; 342, с. 60). В гелах, вероятно,

следует видеть потомков галев и предков талышей. Армянский историк М. Хоренаци также дает сведения о гелах (76, кн. II, гл. 12).

Основываясь на письменных источниках, исследователи затрагивают вопрос о локализации гелов. Согласно К. В. Тревер, гелы жили севернее албанов, а также "у юго-западного угла Каспия (область Гилян)" (451, с. 47). И. Г. Алиев также локализует их на юго-западном побережье Каспия (131, с. 104). К. Алиев гелов помещает в южном Дагестане и в районе р. Кудиал-Чай (127, с. 17). А исследователь З. И. Ямпольский отмечает идентичность этнонимов гелов и кадусиев (497, с. 105).

Таким образом, изучение данных письменных источников и работы исследователей показывает, что гелы обитали у юго-западного угла Каспия.

Армянские историки М. Хоренаци, Асогик, Вардан и М. Каганкатваци называют среди этнических групп Албании также цавдейцев (76, кн. II, гл. 8; 84, кн. 1, гл. 2; 73, с. 39; 79, кн. 1, гл. 27, 28, кн. II, гл. 21; 342, с. 59). Армянский историк Егише (68, гл. II) также дает сведения о цавдейцах. М. Каганкатваци (79, кн.1, гл. 27, 28, кн. II, гл. 21) и М. Хоренаци производят цавдейцев от потомка легендарного Арана (76, кн. II, гл. 8). Т. Г. Папуашвили локализует цавдейцев в бассейне среднего течения р. Иори, при этом называет их соджей (477, с. 8). М. Хоренаци, Асогик, Вардан и М. Каганкатваци (76, кн. II, гл. 8; 84, кн. I, гл. 2; 73, с. 39; 79, кн. I, гл. 27, 28, кн. II, гл. 21; 342, с. 59) называют среди этнических групп Албании гардманцев.

Егише, Фавст и Парпеци дают сведения о том, что на Кавказе жили еще горцы (68, гл. X 87, кн. III, гл. 7; 74, с. 66; 342, с. 60), у которых было одиннадцать царей (87, кн. III, гл. 7; 68, гл. 10).

Фавст Бузандаци (87, кн. III, гл. 7) и Егише (68, гл. IV) отмечают на территории Кавказа еще этнические общности таваспаров, хечматаков, ижмахов, гатов, глуаров, гугаров, шичбов, баласичев, егерсванов и другие кочевые племена. Армянский географ Анания Ширакаци также упоминает об этих этнонимах шичбов, тавасапаров, хечматаков (II, с. 6; 342, с. 59). Касаясь некоторых из этих этнонимов, К. В. Тревер полгает, что тавасапары, хечматаки, гугары, баласичи и др. были кавказскими этносами (451, с. 192). Кроме того, в науке имеется также мнение, что ижмахи принадлежали к тюркоязычной группе (129, с. 59-60, 217, с. 116; 217а, с. 29). К. В. Тревер при этом таваспаров локализует в южном Дагестане на левом берегу нижнего течения Самура (451, с. 192), а баласичев она помещает "на правом берегу низовьев Аракса и Куры" (451, с. 192). Согласно К. В. Тревер, племена хечматаков жили выше по Самуру (451, с. 192).

Таким образом, изучение данных письменных источников и работы исследователей показывают, что тавасапары обитали на левом берегу нижнего течения Самура, баласичи - в низовье Аракса и Куры, а хечматаки - выше, по Самуру.

Армянские авторы Агафангел, Фавст Бузандаци и географ Анания Ширакаци упоминают маскутов (87, кн. III, гл. 7; II, с. 6; 451, с. 193). Анания Ширакаци помещает их на северо-западном побережье Каспийского моря, при этом Анания Ширакаци пишет, что Верканское море (Каспийское море.- Т. М.) к северо-западу граничит со страной Маскутов..." (I, с. 6).

О маскутах также дают сведения арабские географы (24, с. 17). Они маскутов локализируют за Дербентом (24, с. 7). О маскутах дает также сведения историк М. Каганкатвацци. Он помещает их в области Хабанде (79, кн. I, гл. 14). А армянский историк Агафангел их помещает в Гугарне или Гогаренах (греческих авторов), т. е. в нынешних Ахалкалаки и Борчалинских районах (65, с. 153). Вопрос о локализации маскутов на территории Кавказской Албании затронули ряд исследователей. В своей работе М. Бархударян локализирует их в районе между Дербентом, Каспием и отрогами Малого Кавказского хребта (517, с. 77). С. Т. Еремян помещает маскутов у побережья Каспийского моря до северных пределов Кавказской Албании (268, с. 208; 269). А исследователь К. В. Тревер пишет, что "маскуты обитали на северо-западном побережье Каспийского моря, южнее устья Самура, на территории, носившей в V в. название Чор-Чол" (451, с. 122).

Ряд исследователей считают, что маскутские племена по происхождению и по языку принадлежат к народностям иранской группы языков. Однако в науке существует еще мнение, что среди маскутских племен были и тюркоязычные племена (217, с. 108; 212, с. 61-64; 129, с. 49-50; 1196, с. 183-186; 217а, с. 98-99).

Изучение сведений письменных источников и работы исследователей показывают, что маскуты обитали в области Хабанда, северо-западном побережье Каспийского моря, южнее устья р. Самур.

Раннесредневековые письменные источники оставили нам сведения также о сакских племенах. М. Каганкатвацци среди албанских областей указывает область Шакашен (79, кн. II, гл. 2) (Сакасена в греческих источниках). Анания Ширакаци также упоминает область Шакашен (11, с. 45, 51). При этом он помещает область Шакашен между р. Курой и областью Арцах в составе Ути (11, с. 51). Исследователь И. Маркварт помещает Сакасену в составе области Ути (101, с. 121). К. В. Тревер также область Шакашен (Сакасена) помещает на правом берегу Куры в районе впадения в нее р. Иори и Алазани (451, с. 49). Авторы "Истории СССР" помещают сакские племена на левобережье р. Куры в районе Шеки и Гянджи (268, с. 225). Авторы "Очерков истории СССР" также локализируют Сакасену в долине р. Куры в районе современного Кировабада (402, т. I, с. 225). К. Г. Алиев также локализует Сакасену "в районе нынешнего города Кировабада" (127, с. 17).

Ряд исследователей считают, что сакские племена по происхождению принадлежали к народностям иранской группы языков (104а, с. 121; 232в, с. 3; 263а, с. 15; 400а, с. 12; 439а, с. 138).

Кроме того, в науке имеется также мнение, что определенная часть сакских племен была тюркоязычной (371а, с. 117-136; 183а, с. 89; 293а, с. 40; 232а, с. 103; 284а, с. 171; 140а, с. 63, 64; 259а, с. 9; 451а, с. 221; 230а, с. 113, 217, 245; 217а, с. 20-27; 140б, с. 290, 320, 232б, с. 79; 173а, с. 33; 284а, с. 51-72, 94, 113, 118-119, 149-150; 1196, с. 166-183).

Изучение сведений письменных источников и работы исследователей показывают, что саки жили на левобережье р. Куры в районе Шеки и Кировабада.

Армянский историк Лазарь Парпеци, говоря о борьбе закавказских народов против сасанидских войск, дает нам сведения о кангарах. Он у реки Куры на границе Армении

и Грузии указывает "земли кангаров" на Кангарских горах (74, с. 132; 309, с. 175). Армянский географ Анания Ширакаци помещает кангаров между Иберией и Албанией (11, с. 51). О них также дают сведения сирийские источники, при этом помещают их на севере границы Армении и Грузии (424, т. 5, с. 77). Исследователь С. Г. Кляшторный локализует кангаров "на севере от Севана, на границе с Албанией и Иберией" (309, с. 175).

Ряд исследователей считают, что кангары по происхождению и по языку принадлежали к народностям тюркской группы языков (129, с. 58, 59; 486, с. 77-78; 217, с. 120-121; 217а, с. 30-31).

Древнеармянские, сирийские, византийские, грузинские, арабские письменные источники дают еще сведения об этнических общностях, живших в зоне Кавказской Албании и, вероятно, говоривших на языках тюркского типа в IV-VII вв. (496, с. 64; 436, с. 175-185; 435, с. 21, 39).

Этот период стал определяющим в этническом составе Кавказской Албании. Он характеризуется интенсивным проникновением различных новых - пришлых тюркоязычных племен в Албанию, в результате чего удельный вес племен тюркской группы языков увеличивается.

Принадлежность басилов, хазар, гуннов к тюркоязычным племенам изучена и доказана многими видными учеными, такими, как Маркварт И. (101, с. 56, 73, 96, 119), Артамонов М. А. (137, с. 52-54, 57-70, 116, 124-127, 145-148, 181-183 и др.), Гумилев Л. Н. (248, с. 15-24 и др.), Минорский В. Ф. (372, с. 34-35; 114-115, 195 и др.), Пигулевская Н. В. (423, с. 78, 138, 150, 165-166; 421, с. 109, 110, 114-115), Меликсет-Бек Л. М. (360, с. 709-713; 365, с. 112-118), Баскаков Н. А. (178, с. 235, 316, 320 и др.), Гадло А. В. (210, с. 26-30, 86-92, 133-136, 138-142), Демирчизаде А. М. (252, с. 15, 48-58 и др.), Гаджиев Н. З. (208, с. 212-232 и др.), Гаджиев Т. И. (209, с. 34, 66-82) и др.

Древнеармянские историки дают сведения о гуннах в зоне Кавказской Албании. Армянские историки V века во второй половине IV века фиксируют в Албании гуннов (87, кн. III, гл. 6; 234, с. 189). Еще одним доказательством существования на территории Албании гуннов является то, что во время восстания закавказских стран 450 г. гуннские племена союзничали с восставшими, о чем свидетельствуют Лазарь Парпеци, Егише и М. Каганкатваци (74, кн. II, гл. 35; 68, гл. III, VII; 79, кн. II, гл. 2). Егише и М. Каганкатваци (68, гл. 10; 79, кн. II, гл. 10-11) фиксируют гуннов на территории Албании во второй половине V века в связи с восстанием албанского царя Ваче II. А в начале VI века М. Каганкатваци фиксирует гуннов на территории Албании в связи с их нашествием в Албанию (79, кн. I, гл. 29, 30).

У армянских историков Лазаря Парпеци, Себеоса, Гевонда, Асогика (74, кн. II, гл. 35; 81, отд. III, гл. 6, 36; 82, гл. 7; 84, с. 96; 342, с. 60) есть сообщения о том, что в пределах Албании жили гунны.

По Себеосу они жили у каспийских ворот (81, отд. III, гл. 36; 342, с. 60). Гевонд и Асогик (82, гл. VIII; 84, с. 95; 342, с. 60) сообщают о проживании гуннов и в Дербенте, а также о том, что они держали здесь свои войска. Егише и Себеос (68, гл. III; 81, отд. III, гл. 36; 342, с. 60) называют каспийские ворота "воротами гуннов". Но Егише и Хоренаци называют их еще "воротами аланов" (68, гл. 7; 76, кн. II, гл. 86; 342, с. 60).

Егише называл Бармакскую стену "обороной от гуннов" (68, гл. VII; 342, с. 60), Лазарь Парпеци - "... укрепленной, воздвигнутой между албанами и гуннами" (74, кн. II, гл. 35; 342, с. 60).

Гунны Фавста, Парпеци, Егише, М. Хоренаци, А. Ширакаци и историка М. Каганкатваци (87, кн. III, гл. 7; 74, кн. II, гл. 35; 68, гл. 7; 76, кн. III, гл. 9; И, с. 16; 79, кн. I, гл. 12; 342, с. 60), возможно, были тюркоязычными племенами. Касаясь этого вопроса, исследователь Мирали Сеидов в своих работах считает гуннов тюркоязычными племенами (434, с. 205-216). Армянский историк V в. Егише дает сведения о "хайландурах" (68, гл. I, 7,10; 342, с. 60). Исследователи И. Маркварт (101, с. 96), З. М. Буниятов (185, с. 180) отождествляют их с гуннами. Согласно мнению Мирали Сеидова, они принадлежали к тюркоязычным племенным союзам, переселившимся в Закавказье в IV-V вв. (433, с. 84-93).

Наряду с армянскими письменными источниками, византийские историки также фиксируют гуннов на территории Кавказской Албании в V в. в Мугани (58, с. 36, 77,102, 260; 55, с. 61-65) и VI в. в области Гянджи (Сакашене) (16, с. 411-412; 418-420; 234, с. 183; 185, с. 179). Гуннов на территории Албании IV-VII вв. фиксируют также сирийские источники (426, с. 86; 423, с. 78, 138, 150, 166; 421, с. 109*-110, 114-115). О них также дают сведения грузинские источники и при этом фиксируют их на территории Албании в V- IX вв. (56, с. I, 5, 6; 51, с. 21; 18, с. 13; 360, с. 709-711; 234, с. 709-711; 234, с. 189).

Ценные сведения о вторжении гуннских племен в V-VII вв. в Албанию сохранили письменные источники. Об этом более подробно изложено в главе "Внешняя политика и войны" (см. главу "Внешняя политика и войны").

Письменные источники по-разному локализуют гуннов на территории Кавказской Албании. Армянский географ Анания Ширакаци локализует их к северу от Дербентского прохода⁹ (II, с. 16, см.: 406, с. 31). А сирийский источник VI века гуннские племена локализует за Дербентом (423, с. 165; 421, с. 114). Ряд исследователей, коснувшись локализации гуннских племен, высказали разные мнения. Такие дагестанские исследователи, как Р. М. Магомедов (325, с. 34, 56), А. Р. Шихсаидов (476, с. 42) и авторы "Очерков истории Дагестана" помещают гуннов на территории Северного Дагестана и приморской части страны (401, т. I, с. 30, 35). Это мнение дагестанских исследователей подтверждают найденные археологами находки на приморской части Дагестана (401, т. I, с. 30, 35; см.: 194, с. 46-47), а также топонимика и ономастика страны (476, с. 43-44).

Исследователи Л. М. Меликсет-Бек (360, с. 710-711), М. А. Артамонов (136, с. 54), Р. А. Гусейнов (234, с. 189- 190), З. М. Буниятов (185, с. 179) помещают гуннов между реками Курой и Араксом.

Изучение сведений раннесредневековых письменных источников и работы исследователей показывают, что гунны обитали в северной части Дагестана, в районе Дербента, а также между Курой и Араксом.

Древнеармянские историки сообщают еще об этнических общностях басилов и хазар, которые, начиная с III в. до VII в. включительно, часто совершали набеги на территорию Кавказской Албании. Об этом более подробно изложено в главе "Внешняя

политика и войны". Хазары после захвата Албании оседали здесь (76, кн. II, гл. 84-85; 84, кн. II, гл. I; 73, с. 43; 186, с. 21-27; 185, с. 180; 137, с. . 142-156; 342, с. 61). Среди этих общностей также могли быть носители языков тюркского типа. Хазары зафиксированы на территории Закавказья и Кавказской Албании М. Хоренаци (76, кн. II, гл. 65; 456, с. 102; 342, с. 60), Ананией Ширакаци (11, с. 35-37; 406: с. 28-29; 113, с. 347; 97, с. 36; 365, с. 114), Гевондом (82, гл. 4, 5; 342, с. 60), Ухтанецом (86, гл. 46), Асогиком (84, кн. I, гл. 5, кн. II, гл. 6; 365, с. 116; 342, с. 60-61), К. Гандзакеци (83, с. 51; 41, с. 35), Варданом (73, с. 43; 342, с. 60), Степаносом Орбеляном (85, гл. 64 (65), 65 (66), 69 (70) и М. Каганкатваци (79, кн. II, гл. I, гл. 11, 15: 23; см.: 358, с. 74-76; 342, с. 60).

В своих трудах хазар на территории Закавказья фиксируют византийские (46, с. 29-231, 235, 267; 16, с. 411, 412; 9, кн. VIII, с. 88) сирийские (421, с. 110,114), грузинские (56, с. 44,127-129,131-132; 51, с. 49; 19, с. 10,11,19, 23; 50, с. 38-39) источники.

Арабские географы Балазури, Якуби, Ибн аль-Факих, Ибн Хор-дадбех, Якут Хамави (13, с. 16, 17, 18; 64, с. 57-59; 24, с. 13, 17; 61; 62, с. 295, 340-344; 22, с. 11-23) и др. фиксируют на территории Кавказской Албании хазар и при этом часть Албании называют "страной хазар" (13, с. 5,17; см.; 185, с. 180).

Письменные источники, касаясь локализации хазар, по-разному подходят к этому вопросу.

По данным М. Хоренаци, у подошвы Большого Кавказа жили хазары и басилы (76, кн. II, 84; 342, с. 61), и они же жили на Гаргарской равнине (76, кн. II, гл. 85; 342, с. 61). Данные М. Хоренаци о проживании басилов на Гаргарской равнине подтверждают Асогик и Вардан (84, кн. I, гл. I; 73, с. 51, 52; 185, с. 180; 342, с. 61). Анания Ширакаци помещает их в Сарматии¹⁰ (11, с. 35-37; 97, с. 36; 315, с. 114).

Сирийский источник помещает хазар севернее Дербента (421, с. 114). Грузинский письменный источник помещает их в районе бассейна реки Куры (18, с. 8-11), византийский историк - между Курой и Араксом и на северо-западе по побережью реки Куры (16, с. 411-412), арабские географы - в городах Байлакане, Кабале, Барде (13, с. 5; 61, с. 14), Дербенте (13, с. 17) между Самуром и Шабираном (13, с. 18).

Ряд дагестанских исследователей коснулись локализации хазар. Р. М. Магомедов помещает их на территории Северного Дагестана и в предгорьях Южного Дагестана (325, с. 50), А. Р. Шихсаидов - в северной части Дагестана, включая Дербент (476, с. 45). Авторы "Очерков истории Дагестана" равнинную часть Северного Дагестана и его прибрежную полосу Дербент и Северный Азербайджан включают в состав Хазарского Хаганата (401, т. I, с. 40). Опираясь на письменные источники, З. М. Буниятов помещает их в Северном Азербайджане (186, с. 21-27; 185, с. 180).

Изучение сведений раннесредневековых письменных источников и работы исследователей показывают, что басилы и хазары обитали у подошвы Большого Кавказа, в центре Азербайджана на Гаргарской равнине. Кроме того, хазары жили в районе Дербента, в бассейне р. Куры, между Курой и Араксом, в Кабале, Байлакане, между Самуром и Шабраном и в других местах Албании.

Вышеуказанные данные древнеармянских, византийских, сирийских, грузинских, арабских письменных источников о проживании и увеличении числа тюркоязычных племен в IV-VII вв. Кавказской Албании подтверждают исследования топонимических (См.: 485, с. 23-31; 128, с. 119-123; 129, с. 52-61; 212, с. 61-64; 213, 6-11; 214, с. 94-98; 215, с. 77-83; 216, с. 87-91; 217, с. 109-129; 217 а, с. 29-34, 39-46; 159, с. 21-22, 55-65) и лингвистических (252, с. 48-58, 82; 178, с. 316, 320; 486, с. 77-78; 241, с. 12-45; 242, с. 30-41; 243, с. 23-24; 244, с. 10-21; 245, с. 22-33; 209, с. 34, 66-82) материалов.

Таким образом, данные письменных источников, а также исследования топонимических материалов показывают, что" одним из главных компонентов этнического состава населения Кавказской Албании в IV-VII вв. являлись племена тюркской группы языка. По данным древнеармянских, греко-византийских, сирийских, грузинских и арабских источников местным древнейшим населением Албании были албаны, утийцы, лпины, каспы, чилбы, гаргарцы, леги, гардманцы, цавдейцы. Часть этих народностей Кавказской Албании по своему языку принадлежали к кавказской группе.

Письменные источники на территории Кавказа отмечают еще этнические общности таваспаров, хечматаков, ижмахов, гатов, глуаров, гугаров, шичбов, баласичев, егерсванов и других кочевых племен.

Письменные источники наряду с местным населением фиксируют на территории Кавказской Албании маскутов, саков, гелов.

Исследование материалов источников свидетельствует о том, что в Кавказской Албании были и такие этнические общности, которые говорили на языках тюркского типа. Это были албаны; гаргары, утийцы, кангары, ижмахи, басилы, хазары, а также гунны и др.

Таким образом, материалы источников свидетельствуют о несостоятельности мнения некоторых историков о том, что якобы местное население Албании IV-VII веков было ассимилировано ее соседями. В рассматриваемом нами периоде в Албании шел не насильственный, а естественный ассимиляционный процесс. Этот процесс проходил в нескольких направлениях: 1. Среди местных племен (кавказоязычных и тюркской группы языка), 2. между пришлыми племенами, 3. между пришлыми (ираноязычными и тюркоязычными) и местными племенами (кавказоязычными и тюркской группы языка). В результате вышеуказанных процессов рассматриваемого нами периода в стране мы видим два важных основных направления: консолидацию пришлых тюркоязычных племен вокруг местных племен тюркской группы языка и естественную ассимиляцию со стороны тюркоязычных племен - кавказоязычных и ираноязычных, и в этом процессе в конце рассматриваемого нами периода победа тюркской группы языка в Албании. Исследование показывает, что в этническом составе населения страны были этнические элементы, являющиеся носителями тюркских языков.

ГЛАВА ВТОРАЯ

ХОЗЯЙСТВО

1. Земледелие, садоводство, виноградарство и другие культуры

Хозяйство Албании в древнеармянских, арабских и других источниках не получило исчерпывающего освещения. Общая характеристика хозяйства Албании в IV-VII веках дана в сводной "Истории Азербайджана", в статье С. Б. Ашурбейли, в неопубликованных работах З. И. Ямпольского, в книгах З. М. Буниятова, К. В. Тревер, Т. М. Мамелова, Т. А. Буниятова, Р. М. Ваидова, "Очерках истории Дагестана", "Истории Дагестана" и др. (Об этом более подробно см. выше во "Введении"). При этом надо отметить, что эти вопросы изучены в пределах широких хронорамок или только на основе материалов археологических раскопок, или только на основе одной группы одноязычных письменных источников и, следовательно, исследуемый нами период (IV-VII вв.) в этих работах освещен крайне поверхностно. В предлагаемой работе исследование этих вопросов построено на основе привлечения и анализа широкого круга разноязычных письменных источников и их сопоставления с материалами археологических раскопок. Теперь, нам кажется, настало время попытаться дать более углубленное освещение вопросов хозяйства Албании IV-VII вв. по различным группам разноязычных первоисточников. Среди этих первоисточников наибольший материал сохранили армянские и арабские источники.

Армянские и арабские источники, описывая Албанию, дают сведения о ее природе и хозяйстве. В Албании были зеленые степи (79, кн. I, гл. 16; 341, с. 17), густые леса (68, гл. 3, 7; 79, кн. I, гл. 28), прекрасные сады (79, кн. II, гл. 10; 341, с. 17). Албания имела обширные возделываемые плодородные поля. О них мы находим данные у армянского географа А. Ширакаци (II, с. 17; 341, с. 17) и историка М. Каганкатваци (79, кн. II, гл. 14; 341, с. 17). Об этих плодородных полях и посевах также лают сведения арабские географы Ибн Хаукал (21, с. 86, 88, 92), Истахри (30, с. И), Якут Хамави (62, с. 16).

Основным занятием албанцев рассматриваемого периода было земледелие. В результате роста производительных сил в раннесредневековой Албании оно получило сравнительно большое развитие.

Сведения А. Ширакаци (11, с. 19; 341, с. 20), М. Каганкатваци (79, кн. I, гл. 5, 26; 341, с. 20), Ибн Хаукаля (21, с. 86, 88, 92), Истахри (30, с. 11), Якута Хамави (62, с. 18) подтверждают это.

По обоим берегам Куры (79, кн. I, гл. 5), на Муганской и Мильской степях (II, с. 19) и в других местах Албании занимались земледелием. Письменные источники не дают никаких сведений о способах обработки земли в раннесредневековой Албании. Ценные сведения об этом дают археологические и этнографические данные. Из археологических материалов ясно, что у албанов тогда существовало пашенное земледелие (201, с. 67-68; 190, с. 10-13). Обработка земли велась деревянным плугом, оснащенным железным лемехом (201, с. 67-68; 190, с. 10-13). Данные этнографии позволяют восстановить процесс использования этого сельскохозяйственного орудия (190, с. 12-13). Остатки железного лемеха были обнаружены на раннесредневековом поселении в Мингечауре (201, с. 68, р. 14; 190, с. 11, р. 2). Во время раскопок, в слоях, относящихся к тому же времени, обнаружены в большом количестве эти и другие сельскохозяйственные орудия (190, с. 10-13).

Археологические раскопки раннесредневековых слоев выявили большое количество жатвенных орудий. Железные серпы были выявлены из раннесредневековых

поселений Мингечаура Р. М. Ваидовым (201, с. 69, XVI; 190, с. 29). Железные серпы были найдены и в мингечаурских катакомбных погребениях (149, с. 71; 147, с. 5; 190, с. 29). Там же в слое, относящемся к VI-VII векам, обнаружено лезвие косы (201, с. 69; 190, с. 30-31). Подобные косы кое-где употребляются и в наше время (201, с. 69; 190, с. 30). Впервые в Закавказье в Мингечауре археологически добыты костяные напальчники для охвата снопов (202, с. 94; 201, с. 69; 190, с. 30).

Обнаружение археологами в большом количестве разных жатвенных и других сельскохозяйственных орудий наглядно свидетельствует о высоком развитии земледелия в Албании в эпоху раннего феодализма.

Плодородные поля Албании орошались большим количеством рек и искусственными каналами. Ширакаци отмечает в Албании много рек (II, с. 17; 341, с. 17). Это подтверждает М. Каганкатвацци, сообщая, что Албания богата реками, водяными источниками (79, кн. II, 14). О главной реке Куре, которая протекала через Албанию, сообщают армянские историки Егише, Хоренаци, Ширакаци, Парпеци, Себеос (68, гл. III, 76, кн. II, гл. 8; II, с. 6; 74, кн. II, гл. 35; 81, отд. III, гл. 6; 341, с. 17), Асогик, Айриванеци (84, кн. I, гл. 5; 78, с. 54; 341, с. 18), а также грузинские источники (50, с. 21, 22, 23-24, 28, 34, 38; 50, с. 81, 86; 18, с. 8; 17, с. 53). Через территорию Албании протекали также реки Араке (II, с. ар. 6, рус. 15; 81, отд. III, гл. 26; 341, с. 18; 50, с. 22; 18, с. 8), Лопнас (68, гл. III; 341, с. 18), Тертер (79, кн. I, гл. 10), Арцани (81, отд. III, гл. 35) и др.

Письменные источники сообщают, что главной водной артерией Албании была река Кура и побережья ее орошались "медленным течением" (79, кн. I, гл. 5; 341, с. 17; 333, с. 70).

Поля Албании орошались также оросительными каналами (22, с. 31; 13, с. 20; 368; 404, с. 185-187; 451, с. 70-71; 190, с. 19-26). Одним из таких оросительных каналов был канал, ныне называемый Гяурарх (451, с. 70-71; 190, с. 19-26). Т. С. Пассек (404, с. 185-187), В. Н. Левиатов (322, с. 76), Т. А. Буниятов (190, с. 19-23) сооружение ирригационной системы Гяурарх относят к VI-V вв. до н. э. И. И. Мещанинов, основываясь на данных археологических раскопок, сооружение этой ирригационной системы, берущей свое начало от Аракса и протянувшейся на 100 км, относит к раннесредневековому времени - к IV-VI вв. (368, с. 31), А. А. Иессен (284, с. 34; 279, с. 47; 280, с. 27), Г. М. Ахмедов (152, с. 17; 155, с. 63), основываясь на письменных источниках и археологических материалах, присоединяются к мнению И. И. Мещанинова.

Другими видами искусственного орошения были кягризы (249, с. 66; 451, с. 71; 190, с. 24-25). Этнографические данные показывают, что в настоящее время для орошения земли используются воды кягризов (431, с. 39).

Благоприятный климат, плодородная почва, искусственное орошение и большое количество рек обеспечивали хорошие урожаи зерновых и бахчевых культур. Армянский географ VII века А. Ширакаци сообщает, что в Албанской области Пайтакаран (зона Мильской степи) был самородный ячмень (II, с. 19, 333, с. 69; 341, с. 19). Эти его данные дополняются сообщением историка М. Каганкатвацци, сообщающего, что в Албании по обоим берегам Куры изобиловали хлеба (79, кн. I, гл. 5; 341, с. 20), выращивались ячмень, пшеница (79, кн. I, гл. 26; 451, с. 178; 333, с. 69; 341, с. 20; 190, с. 76; 185, с. 61). Археологические работы на территории

древней Албании, в частности Мингечаура, выявили остатки ячменя. Они были обнаружены в 1949 г. на левом берегу Куры в зоне Судагылана (299, с. 97, рис. 18, с. 98).

Во время раскопок там, в слоях раннего средневековья, Р. М. Ваидовым также обнаружены остатки пшеницы и ячменя (203, с. 129; 202, с. 91, 94; 376, т. 3, с. 14; 190, с. 75). Остатки обуглившейся пшеницы, ячменя и в городище Хыныслы (457, с. 216; 190, с. 75).

Археологические материалы показывают, что албанцы того времени культивировали и просо (202, с. 129; 201, с. 72-74, таб. I; 190, с. 75). Значительное количество остатков проса (202, с. 129; 201, с. 72-74, таб. I; 190, с. 75) археологами обнаружено в Мингечауре.

"В селении Нахичевань были открыты две глубочайшие, огромной ширины ямы, в которых хранился в запасе зерновой хлеб" (76, кн. III, гл. 32, 333, с. 69). Это сообщение армянского историка М. Хоренаци о хранении зерновых культур в ямах в смежной с Албанией территории подтверждают археологические находки. Во время раскопок на земле Албании в Мингечауре обнаружены грунтовые ямы раннесредневекового времени, в которых хранилось зерно (202, с. 129; 201, с. 26, 73, 74; 190, с. 42-44). В Мингечауре в таких хозяйственных ямах были остатки ячменя, пшеницы, проса, в большом количестве мука (202, с. 129; 201, с. 26; 73, 74; 190, с. 42-44). Зерно хранилось также в больших кувшинах (202, с. 129; 201, с. 26, 73, 74; 190, с. 42-44). Они обнаружены в Мингечауре (с. там же). Хозяйственные ямы вскрыты и раскопаны в Байлакане (154, с. 37), в Хыныслах обнаружены и хозяйственные ямы, а также и кувшины для хранения зерна (457, с. 213). Сосуды для хранения зерна, относящиеся к раннесредневековью (293, т. I, с. 109; 476, с. 49), обнаружены и на территории Албании в Дагестане.

Письменные источники не дают никаких сведений об обмолоте зерновых культур в Албании изучаемого нами периода. Об этом дают нам сведения материалы археологических раскопок. Во время археологических раскопок в Мингечауре в слое раннесредневековья была обнаружена молотильная доска (201, с. 70; 190, с. 37-39). Этнографические данные позволяют восстановить процесс использования этого орудия труда (190, с. 38; 193, с. 44). Молотьба осуществлялась еще деревянными палками (193, с. 33-34) и, вероятно, копытами животных (193, с. 35-36). Зерновые молотились каменными жерновами, зернотерками, которые были найдены в большом количестве при археологических раскопках в Мингечауре в слоях раннего средневековья (202, с. 91, 203, с. 137; 201, с. 70-71; 193, с. 48-53). Такие зернотерки кое-где бытовали до недавнего времени в Азербайджане (193, с. 53; 201, с. 72).

Климатические и почвенные условия были благоприятными для созревания в Албании хлопка. Есть исследователи, которые приписывают хлопководство Албании к Армении (488, с. 566). Письменные источники это отрицают. Из Ширакаци ясно, что в Албании, в области Пайтакаран, производилось большое количество хлопка (И, с. 19; 333, с. 69; 341, с. 20; 190, с. 87; 185, с. 61). Эти данные А. Ширакаци подтверждает М. Каганкатваци, который сообщает, что в Албании по обоим берегам Куры изобиловал хлопок (79, кн. I, гл. 5; 201, с. 74; 333, с. 69; 341, с. 20; 190, с. 87; 185, с. 61).

Данные сообщения письменных источников подтверждают археологические находки. Во время раскопок в Мингечауре, в слоях раннего средневековья, обнаружены семена хлопка (201, с. 74; 190, с. 88). В катакомбных погребениях, также относящихся к раннему средневековью, обнаружены мотки хлопчатобумажных ниток (149, с. 68; 190, с. 88).

Моисей Каганкатвацци сообщает, что в Албании было развито садоводство (79, кн. I, гл. 26; кн. II, гл. 25; 333: с. 70; 341: с. 17, 20).

В Албании были также плодовые сады (79, кн. II, гл. 10; 341, с. 17, 20), развито огородничество (79, кн. II, гл. 25). Развитие садоводства в Албании отмечают арабские географы (30, с. 7, 18, 19; 21, с. 85, 92; 48, с. 15, 75), это, а также развитие и огородничества документируют археологические раскопки. Раскопки выявили много косточек фруктов (винограда, вишни, сливы) (201, с. 75-76; 154, с. 38; 291, т. I, с. 85), остатки граната, крупного (грецкого) ореха и семена овощей (арбуза, тыквы) (201, с. 74; 190, с. 99).

Во время археологических раскопок выявлены орудия труда, которыми пользовались садоводы и огородники Албании. В Мингечауре во время раскопок в слоях, относящихся к III-VIII векам, выявлены железная мотыга (201, с. 74; 190, с. 99), железные ножи с узкими кинжаловидными лезвиями для обрезания виноградников и ветвей (201, с. 75; 190, с. 124).

Обнаруженные археологами орудия труда, которыми пользовались садоводы и огородники Албании, говорят о высоком уровне развития садоводства, огородничества в раннесредневековье.

Армянский географ VII века А. Ширакаци сообщает, что в албанской области Ути культивировались масличные и цитрусовые (II, с. 20; 451, с. 178; 333, с. 69-70; 190, с. 106; 341, с. 19). О большом количестве оливковых деревьев Албании сообщает также М. Каганкатвацци (79, кн. I, гл. 5; кн. II, гл. 25; 451, с. 178; 333, с. 69-70; 341, с. 20; 190, с. 106). Эти данные письменных источников о масличных деревьях подтверждаются археологическими материалами. Во время раскопок были выявлены остатки маслины (457, с. 217; 313, с. 703).

Об обильном урожае смоковницы (инжира) в Албании дает сведение историк М. Каганкатвацци (79, кн. II, гл. 25). Об этом сообщает и арабский географ Истахри, который пишет, что "смокву в Барду привозят из Ласуба, и считаются они лучшими сортами этих плодов" (30, с. 7). О виноградарстве Албании IV-VII вв. есть сведения и у М. Каганкатвацци (79, кн. I, гл. 26; кн. II, гл. 25; 341, с. 20).

Виноградарство в Албании упоминает и арабский географ Мукаддаси. Сообщая об области ар-Рихаб¹¹, он отмечает, что в этой области "много плодов и винограда" (48, с. 75). Эти данные письменных источников дополняют и подтверждают археологические находки. В одном из раскопанных жилищ в Ханларском районе обнаружены косточки винограда (420, с. 71). Они выявлены и в Мингечауре, в слоях раннесредневекового времени (303, с. 30; 201, с. 75; 190, с. 130-131), в Байлакане (154, с. 38) и на раннесредневековом могильнике близ села Чир-Юрт (Дагестан) (401, т. I, с. 41-42).

Выявленные во время археологических раскопок орудия труда раннего средневековья, которые использовали виноградари, отмечены выше. Они известны из Мингечаура (железная мотыга для обработки виноградников - 201, с. 74; 190, с. 29), (железные ножи для обрезания виноградников - 201, с. 75; 190, с. 124).

Из винограда албанцы готовили различные продукты. М. Каганкатвацци сообщает, что албанцы изготавливали виноградный сок (капку) (79, кн. I, гл. 26). Это подтверждают археологические и этнографические данные.

Археологические раскопки слоев раннесредневекового периода дали керамическую (201, с. 76; 190, с. 117) и каменную ванны (190, с. 116) для давления виноградного сока. Способы его приготовления восстанавливаются по этнографическим материалам (190, с. 114, 117-118), как и способы приготовления вина (190, с. 115).

М. Каганкатвацци сообщает, что в Албании изготавливалось большое количество вина (79, кн. I, гл. 5; 333, с. 69-70; 341, с. 20; 201, с. 75; 190, с. 131), было развито виноделие (79, кн. I, гл. 26; 333, с. 70; 341, с. 20). Наличие виноделия в Албании подтверждают археологические находки, Г. Ниорадзе, исследовав ископаемые керамические сосуды Алазанской долины, приходит к выводу, что часть этих сосудов использовалась для хранения вина (386, с. 107). Такого типа сосуды были найдены на территории древней Албании кроме Алазанской долины (386, с. 76; рис. 15 и 66) еще в Ялойлу-Тапе (472, рис. 7, 13, 14; 223, рис. 11 и 13), в Мильской степи (386, с. 76, рис. 66-а) и в кувшинных погребениях Мингечаура (287, с. 455, рис. 8-9). Во время раскопок в Мингечауре, относящихся к раннесредневековью, обнаружены большие кувшины для хозяйственного назначения (204, с. 10; 201, с. 76; 190, с. 129). Т. А. Бунятов полагает, что в этих кувшинах хранили вино (190, с. 129-130). Здесь были обнаружены остатки бурдюка раннесредневекового периода с осадками вина (201, с. 76; 190, с. 130).

Арабские географы сохранили большое количество сведений о садоводстве и садовых плодах. Истахри сообщает, что в Андерабе¹², в одном фарсах от Барды, "произрастают... превосходный волоцкий орех, лучше ореха самаркандского. Среди плодов шахибал-лут¹³ лучше шахибаллута сирийского. Там же растет плод по имени зукал¹⁴ величиною приблизительно в губейра¹⁵. В нем есть косточки и он сладок, когда созреет, и кисло-сладкий до созревания" (30, с. 7; 451, с. 179). Истахри пишет: "...что же касается шахибаллута, то он величиною в половину черного грецкого ореха, а вкус его близок по вкусу волоцкого ореха и спелого финика" (30, с. 7; 451, с. 179). Сведения Истахри подтверждает Ибн Хаукал, он сообщает: "Что касается до города Барды, то он Умму-р-Ран¹⁶ и лучшая часть этих стран. Город весьма большой, он около фарсха в длину и поменьше этого в ширину; он в блестящем положении и прекрасном состоянии, что выражается в здоровом климате, плодородии и обилии посевов, плодов, деревьев и рек.

... На расстоянии фарсха от него находится место, называемое Андераб; между Керне и Ласубом прекраснейшее место, а окрестности его более чем на день пути в ширину и длину, склоны покрыты садами и возделаны, приятны, благодаря местам прогулок и садам, и там масса плодов, весьма значительное количество товаров и солидные источники доходов, торговые пункты от него одинаково близки. В прежнее время эти места были более цветущими и в лучшем состоянии, чем теперь. Имеется в нем волоцкий орех и "шахибаллут", стоящий выше шахибаллута сирийского по величине, приятности, вкусу и обилию плодов. Там же произрастает "зукал" по

величине с "губейра", он имеет финиковую косточку, сладок на вкус, когда созреет, и горек, пока не созрел" (21, с. 86). О "зукале" дает сведения и арабский географ Мукаддаси (48, с. 15).

Эти данные письменных источников подтверждают археологические находки в Минегечауре. Здесь обнаружены остатки грецкого ореха и граната (300, с. 45; 301, с. 147; 201, с. 75-76; 291, т. 1, с. 85), в другом месте - косточки персика, остатки граната и ореха (302, с. 40), в слоях раннего средневековья, в том числе косточки винограда, персика (201, с. 75-76).

Арабские географы Истахри, Ибн Хаукал и Мукаддаси дают сведения еще об одном культурном растении Албании - шафране¹⁷. Истахри, сообщая о шафране, отмечает, что он произрастал в Дербенте - "Баб-аль-Абвабе"¹⁸... произрастает шафран" (30, с. II). Об этом растении в зоне Дербента дает сведения и Ибн Хаукал. Он отмечает изобилие там шафрана, сообщая: "В нем (Баб-аль-Абваб) произрастает в изобилии шафран" (21, с. 89). О шафране в Албании говорит и Мукаддаси: "Вывозится из Барды масса шелку, а из Баб-аль-Абваба полотняные одежды, шафран и превосходные мулы" (48 с. 14).

В Албании было много хороших пастбищ, настолько богатых, что армяне и сюникцы со своими стадами овец приходили сюда на зимовку: "Захватчики гунны взяли пленных и держали в своем лагере на той стороне Куры, дойдя до берега Аракса, захватили и увели в плен в свой лагерь не только местных жителей, но также жителей областей Араратской и Сюник, пригнавших на зимние пастбища стада овец и скота" (79, кн. II, гл. 26; 333, с. 70; 341, с. 21).

А. Ширакаци отмечает в Албании множество рек, плодоносные поля, "густые тростники" (И, с. 17; 451, с. 180; 341, с. 17).

Видимо, эти тростники использовались для строительства, а также в других отраслях хозяйства. О ремесленниках, изготавливающих телеги, "подстеленные камышами", дает сведения М. Хоренаци (76, кн. III, гл. 32; 341, с. 21).

Арабские географы отмечают в Албании марену, которая использовалась как краситель. Об этом растении сообщают Ибн Хаукал (21, с. 98), Истахри (30, с. 39), Мукаддаси (48, с. 6). Ибн Хаукал пишет: "Эта марена растет во всем Арране от пределов Баб-аль-Абваба до Тифлиса и в области реки ар-Расе до области Джурджана" (21, с. 98; 451, с. 180). О марене Албании Мукаддаси сообщает: "У них встречаются манна, марена, жасмин..." (48, с. 6). Обилие марены в Албании, высокое качество делали возможным и экспорт ее в другие страны водным и сухим путями. Ибн Хаукал пишет: "В областях Варсана, Барда и Баб-уль-Абваба, а также на островах, лежащих на море Хазар, растет марена, вывозимая по морю Хазарскому в Джурджан, а оттуда сухим путем в Индийские земли" (21, с. 98). Истахри сообщает: "Из страны Барда вывозятся мулы и доставляются во все страны. Вывозят также оттуда марену, доставляемую в страны Индии и другие места" (30, с. 25).

М. Каганкатваци отмечает, что по обоим берегам реки Куры изобиловали тутовые деревья (79, кн. I, гл. 5). Ибн Хаукал пишет: "... в Барде разнообразные вещи из шелка; дело в том, что тутовые деревья их общедоступны, у них нет владельцев и их не продают и не покупают..." (21, с. 87; 451, с. 180). Истахри, дополняя это,

сообщает нам, что "червей шелковых вскармливают на тутовых деревьях, не принадлежащих никому" (30, с. 7).

Из числа дикорастущих деревьев арабские географы упоминают еще березу, а также они лают сведения о деревообделочном ремесле. Ибн-аль-Факих пишет, что в Албании растет "в изобилии береза, из которой выделяются удивительные вещицы" (22, с. 39), добавляя, что "береза эта вырубается из густого леса в стране Барда, богатой деревьями и кустарниками" (22, с. 39). О травах и кустарниках дают сведения Ибн аль-Факих (22, с. 39) и Истахри (30, с. 39). Последний отмечает "остров в устье реки Куры; это значительный остров, покрытый зарослями, кустарниками" (30, с. 39).

Таким образом, вышеотмеченные материалы показывают, что в IV-VII вв. в Албании было очень разбито хозяйство.

Изучение письменных источников и археологических материалов показывает высокое развитие земледелия в эпоху раннего феодализма. Письменные источники и археологические материалы показывают, что Албания имела настолько плодородные поля, что ее население занималось земледелием, садоводством, виноградарством.

Изучение письменных источников и археологических материалов показывает, что Албания имела обширные плодородные земли и основным занятием албанов рассматриваемого периода было земледелие. Им занимались по обоим берегам Куры, в Муганской и Мильской степях и в других местах. Земледелие было пашенным, обработка земли велась не только деревянной сохой, но и деревянным плугом с железным лемехом. В тех районах, где не хватало влаги, поля орошались при помощи ирригационных сооружений. На территории раннесредневековой Албании культивировались пшеница, ячмень и просо. Обнаружение археологами в большом количестве разных жатвенных и других сельскохозяйственных орудий наглядно свидетельствует о высоком развитии земледелия в Албании в эпоху раннего феодализма.

Исследование данных письменных источников и археологических материалов показывает, что на территории раннесредневековой Албании было также развито садоводство и огородничество. Благоприятный климат, плодородная почва, многочисленные реки, а также искусственное орошение - все это обеспечивало высокие урожаи зерновых и бахчевых культур. Они выращивали зерновые (пшеницу, ячмень, просо), бахчевые (арбузы, тыкву и др.) и другие технические культуры (маслину, шафран, марену и др.). Занимались хлопководством, виноградарством, садоводством (кизил-зукал, персик, вишня, слива, гранаты, грецкий орех, орех, каштан - шахбаллут, инжир-смоква). Очень высокая урожайность винограда позволяла жителям заниматься и виноделием.

§ 2. Скотоводство и ремесла

Скотоводство и ремесла Албании IV-VII вв. не получили еще исчерпывающего научного освещения. Упоминания и общая характеристика этих отраслей хозяйства Албании того периода дается в свободной "Истории Азербайджана" (292, т. I, с. 86-87), в книге К. В. Тревер (451, с. 180-184), работе С. Б. Ашурбейли (156, с. 149-150) и Т. Буниятова (190, 191), Т. М. Мамедова (341, с. 20, 21) и др. При этом надо отметить, что эти вопросы исследованы в пределах широких хронорамок или только

на основе материалов археологических раскопок, или только на основе одной группы одноязычных письменных источников и, следовательно, исследуемый нами период (IV-VII вв.) в этих работах освещен крайне поверхностно. Ниже делается попытка несколько углубить освещение истории скотоводства и ремесла Албании тех веков на основе привлечения и анализа широкого круга разноязычных источников и их сопоставления с материалами археологических раскопок.

Армянский историк Егише отмечает, что в Албании разводили овец, быков, свиней, птицу (68, гл. III). Армянский географ Ширакаци сообщает, что в Ути была птица катак (II, с. 20). Моисей Каганкатваци отмечает среди домашних животных овец, коз, оленей, лошадей, быков (79, кн. I, гл. 26; 341, с. 19).

Хозяйство Албании в раннем средневековье характеризуется развитием скотоводства и ремесел.

Заметные сдвиги происходили в области скотоводства. Увеличивалось количество крупного и мелкого рогатого скота. М. Каганкатваци отмечает здесь разведение крупного и мелкого рогатого скота, коневодство (в том числе - верховое) (79, кн. I, гл. 26; 333, с. 70; 341, с. 21).

По сведениям историка М. Каганкатваци правитель Дживаншир женился на дочери хагана, который вернул ему все награбленное "...120000 голов овец, 8000 лошадей и быков..." (79, кн. II, гл. 26; 341, с. 94).

М. Каганкатваци отмечает в Албании породу белых лошадей (79, кн. II, гл. 21). В Албании были хорошие пастбища, настолько богатые, что армяне и еюнийцы со всеми стадами овец приходили на зимовку в землю албан. Выше приведена выдержка из М. Каганкатваци: "гунны взяли пленных и держали в своем лагере на той стороне реки Куры, дойдя до берега Аракса, захватили и увели в плен в свой лагерь не только местных жителей, но также жителей областей Араратской и Сюни, пригнавших на зимние пастбища стада овец и скота" (79, кн. II, гл. 26; 333, с. 70; 341, с. 21).

О скотоводстве Албании дают сведения также арабские географы Мукаддаси (48, с. 5-6, 14, 16), Истахри (30, с. 25, 39), Ибн аль-Факих (22, с. 39), Ибн Хаукал (21, с. 97, 102), они отмечают в раннесредневековой Албании домашних животных (48, с. 50; 30, с. 39), крупный и мелкий рогатый скот (48, с. 16; 22, с. 39; 21, с. 102), мулов, лошадей (48, с. 14; 30, с. 25; 21, с. 97, 102) и ослов (21, с. 102); породистых и сильных мулов здесь было столько, что их вывозили в другие страны (48, с. 14; 30, с. 25; 21, с. 97).

Приведенные данные письменных источников о скотоводстве Албании подтверждают археологические находки костей домашних животных в Мингечауре - мелкого и крупного рогатого скота: коров, овец, коз, осла, лошади, свиньи (202, с. 94, 95; 201, с. 77-78, 26; 384, с. 230); в Кабале (290, с. 68) и Торпах-Кале (143, с. 33). р костей, археологически добытых в Мингечауре в раннесредневековых слоях поселений (№ 2 и № 3), 29,54% составляют кости мелкого рогатого скота, 25% - крупного рогатого скота (201, с. 77; 192, с. 34). В Мингечауре в катакомбных и срубных погребениях, относящихся к IV в., обнаружены кости мелкого рогатого скота (147, с. 114-143).

Остатки костей лошадей археологи обнаружили в селе Эных Кусарского района (458, с. 176). На раннесредневековых поселениях № 2 и № 3 в Мингечауре они составляют 9,09 (201, с. 77; 192, с. 89) остеологических находок. В Мингечауре в древнесрубных погребениях найден нож, на ручке которого выгравирована оседланная лошадь с уздечкой (147, с. 138). На глиптике изображены бык, олень (303, с. 23; 145, с. 100). Остатки мелкого рогатого скота обнаружены в ямках при раскопках Байлакана (154, с. 38).

Большую роль в скотоводстве раннесредневековья играли собаки. В археологических слоях раннего средневековья выявлены остатки костей собак. В Мингечауре на поселениях № 2 и № 3 они составляют 0,75% остеологического материала (201, с. 77, 192, с. 60). Кости собак археологически были вскрыты в Хыныслах Л. А. Халиловым в каменных ящиках V-VI вв. (457, с. 217; 192, с. 63) и в селе Худжабала (459, с. 155). Т. А. Бунятов видит в археологических остатках собак показатель их роли в скотоводстве (192, с. 58-64).

Изучение археологического и этнографического материала показывает, что в раннесредневековой Албании разводили верблюдов (192, с. 98-102), как вьючных, так и для верховой езды (192 с. 99-100).

Археологические и этнографические материалы показывают, что в раннесредневековой Албании было очень распространено изготовление молочных продуктов (192, с. 127-130). Археологические раскопки выявили ряд типов керамической посуды, предназначенной для доения животных (201, с. 38-39, таб. 4; 79; 192, с. 127) и для изготовления сливок (201, с. 39, таб. 5; 192, с. 127). Подобная посуда изредка применяется и в современном хозяйстве Азербайджана (142, с. 176).

Из молока в раннесредневековой Албании производили сыр, масло, кислое молоко, сливки и айран (201, с. 79-80; 192, с. 127).

Археологические раскопки раннесредневековых слоев Мингечаура дали керамические маслбойки (201, с. 79-80, таб. 18; 192, с. 128). Подобные маслбойки кое-где применяются и в современном хозяйстве Азербайджана (142, с. 176, таб. 5, 8; VII, 13). В раннесредневековой Албании наряду с керамической маслбойкой скотоводы использовали также деревянные и кожаные маслбойки (193 с. 113-114; 201, с. 80).

Археологические и этнографические материалы показывают, что развитие скотоводства давало возможность использовать в быту Албании шерсть и кожу скота (202, 91; 201, с; 80; 149, с. 68; 192, с. 131-133. В Мингечауре в слоях III-VIII вв. обнаружены железные ножницы для стрижки овец (201, с. 80; 192, с. 80; 192, с. 134), они выявлены и в катакомбных погребениях (147, с. 147; 192, с. 134). Подобные железные ножницы до сих пор кое-где применяются в хозяйстве Азербайджана (201, с. 80). Шерсть была сырьем для ткачества (192, с. 139-144; 201, с. 84).

Вышеуказанные материалы позволяют утверждать, что в IV-VII вв. лошади и верблюды служили для транспортных передвижений и верховой езды, а развитие крупного и мелкого рогатого скота обеспечивало население Албании IV-VII вв.

мясом, шкурами, шерстью, сыром, маслом и др. молочными продуктами, а также сырьем ремесленное производство раннесредневековой Албании.

Письменные источники отмечают в Албании рыболовство. М. Каганкатваци сообщает, что в Каспийском море и в Куре тогда было много крупной и мелкой рыбы (79, кн. 1, гл. 5; 333, с. 71; 341, с. 17). Это подтверждает Мхитар Айриванеци (78, с. 54; 333, с. 17). М. Каганкатваци сообщает, что албанцы на Куре и Араксе ставили рыбные промыслы и собирали пошлины с "рыбаков больших рек -Куры и Аракса" (79, кн. II, гл. 16; 333, с. 71; 341, с. 22). О рыболовстве в Албании сообщают и арабские географы Истахри (30, с. 9, 25), Ибн аль-Факих (22, с. 21; 37, 39), Ибн Хаукал (21, с. 87; 451, с. 180). Ибн Хаукал пишет, что в реках Куре и Араксе вылавливались такие сорта рыб, как шамая, осетрина, окунь. Он пишет: "Берда от реки Куры приблизительно в 3 фарсах, а в Куре рыба, известная под именем шурмахи¹⁹, есть она также и в реках Рассе²⁰, в Варсане и в других местах;... В реках Куре и Рассе есть рыба "аз-зарака" и "шиубэт"²¹ (21, с. 87). Эти сведения Ибн Хаукала подтверждает Истахри (30, с. 9). О рыбе шамае дает сведения также Ибн аль-Факих, который сообщает: "...из всех рыб в этой реке главным образом славится шурмахи, благодаря вкусу своему и приятности, обилию жира и сочности мяса" (22, с. 39).

Ибн Хаукал и Истахри отмечают, что рыба из Албании вывозилась ввиду ее "приятности и вкуса в Ардабиль, Ирак и Рей" (21, с. 87; 30, с. 9).

Рыболовство в Албании подтверждают и археологические находки. В Мингечауре найдены в большом количестве глиняные и каменные рыболовные грузила (202, с. 91, 94-95). Алина каменных грузил 20-30 см, ширина 15-20 см, толщина 7-14 см, вес - 2-5 кг (201, с. 82). Глиняные грузила в форме маленьких колес, вес их 0,4-1,2 г (201, с. 82). Здесь также найдены рыбные кости частиковой и осетровой породы - мерсика, белуги, сазана, шамай, сома (201, с. 82), и в Байлакане раскопки дали остатки рыбных костей (154, с. 38). Таким образом, изучение письменных источников и археологических материалов показывает, что раннесредневековые албаны занимались рыболовством и развито было рыболовство в Албании IV-VII вв. Рыбы было столь много, что она вывозилась и в другие страны.

В Албании было развито и ткачество. Обилие шелковицы на берегах Куры (79, кн. 1, гл. 5; 333, с. 70; 341, с. 21) обеспечивало сырьем производство разноцветных шелковых тканей, из которых шили одежду, царские одеяния (79, кн. 1, гл. 19; 333, с. 70, 341, с. 21). Здесь ткали и полотно (79, кн. 1, гл. 19; 333, с. 70; 341, с. 21).

Сырьем для ткачества в Албании IV-VII вв., как отмечено выше, была шерсть (192, с. 139-144; 201, с. 84). Другим сырьем для ткачества в Албании того времени был лен (201, с. 84).

Вышеприведенные сведения албанского историка о ткацком ремесле Албании подтверждают и дополняют арабские географы. Сведения об изготовлении в Албании полотняных тканей, производстве шелка и льна дают Истахри (30, с. 7, 11), Ибн Хаукал (21, с. 87, 89), Мукаддаси (48, с. 14), Якут Хамави (62, с. 23).

Данные письменных источников о ткацком ремесле подтверждают археологические материалы. В Мингечауре и Дербенте были найдены части ткацкого станка, глиняные пряслицы (202, с. 91, 94; 149, с. 68; 201, с. 86; 451, с. 81; 317, с. 33). Там

на поселении № 3 обнаружены остатки ковров (201, с. 86; 192, с. 144) и части ковроткацкого станка (303, с. 18; 192, с. 144; 141). Археологические материалы свидетельствуют, что в раннесредневековой Албании ремесленники-ткачи использовали различные краски. Раскопки на Торпахкала (143, с. 33) и в Байлакане (154, с. 60) обнаружили остатки красок. Кроме Мингечаура, остатки ткацких станков обнаружены на Баба-дервише (130, с. 58), а глиняные пряслицы - на городище Байлакан (154, с.60). Подобные пряслицы до сих пор кое-где применяются в Азербайджане (298, с. 117; 303, с. 20, 33; 202, с. 91, 94; 149, с. 68; 201, с. 84, 85).

В Мингечауре в погребениях III-VII вв. найдены остатки тканей - шелка, парчи, полотна, шерсти и мотки шерстяных, хлопчатобумажных и шелковых ниток (201, с. 85; 192, с. 138). Часть шелковых тканей того времени, обнаруженных в Мингечауре, по-видимому, привозились в Албанию из Средней Азии и из Китая (201, с. 86).

Из сообщений Истахри (30, с. 7, 9, 11; 451, с. 181), Ибн Хаукаля . (21, с. 87, 89; 451, с. 181), Якута Хамави (62, с. 23) и Мукаддаси (48, с. 14) ясно, что центрами ткацкого производства Албании были города Барда и Дербент. О шелководстве в Барде Истахри пишет; "Из Барды вывозится много шелка. Червей шелковичных вскармливают на тутовых деревьях, не принадлежащих никому. Много его (шелку) отправляется оттуда в Персию и Хузистан" (30, с. 7, 9).

Ибн Хаукал отмечает: "Выделяются в Барде разнообразные вещи из шелка; дело в том, что тутовые деревья их общедоступны, у них нет владельцев и их не продают и не покупают, а отправляется шелк в Персию и Хузистан" (21, с. 87).

По арабским источникам, другим центром ткачества был город Дербенд. Истахри пишет: "Из Бабаль-Аббаба вывозится полотняная одежда и кое выделяется полотняная одежда в Арране, Армении и Азербайджане нигде, кроме этих мест" (30, с. 11; 451, с. 182). Ибн Хаукал, подтверждает Истахри, дополняет это сообщение. "Вывозится из него полотняное верхнее платье, и нет в Арране, Армении и Азербайджане полотняной одежды нигде, кроме как тут" (21, с. 89; 451, с. 182). Полотняную одежду из Албании вывозили в другие страны (30, с. 11; 21, с. 89; 62, с. 23).

Таким образом, вышеуказанные данные письменных источников и археологические материалы показывают, что в IV-VII вв. в Кавказской Албании ткачество являлось одной из развитых отраслей ремесла.

М. Каганкатвацци дает сведения о металлургии в Албании в VII веке, о мастерах, занятых добычей железа, меди, серебра, золота, выплавкой и обработкой металлов. По этому поводу он пишет: "Он отправил своих официальных лиц различным ремесленникам, искусным в добывании золота, серебра, сварочного железа и выделки меди" (79, кн. II, гл. 16; 333, с. 70; 340, с. 21-22). Его же сообщения документируют наличие в Албании ювелиров, которые разукрашивали сосуды золотом, серебром и драгоценными камнями (79, кн. I, гл. 19; 333, с. 70; 341, с. 21), готовили золотые кресты (79, кн. 1, гл. 21, 23) и драгоценные сосуды (79, кн. 1, гл. 23). Эти данные албанского историка подтверждает арабский географ Ибн Хаукал. Он пишет, что в Албании "употребляют широко золото и серебро для драгоценных сосудов..." (21, с. 104).

Подтверждая эти данные письменных источников, археологические находки показывают, с каким искусством албанские ювелиры изготавливали различные женские украшения из золота, серебра и других металлов. В Мингечауре были найдены среди материалов раннего средневековья золотые серьги (144, с. 20, 22, 23, таб. III, рис. 1, 2, 5, 6, 7; 202, с. 98, рис. 31, 2, 3, 4, 5; 384, с. 228, таб. VII, рис. 9; 149, с. 70, рис. 29, 3, 4; 201, с. 59, таб. XIII, р. 18), ожерелье из золота (144, с. 37, таб. IV, рис. 6), золотая подвеска (144, с. 28, таб. IV, рис. 6), золотой перстень (144, с. 37, таб. VII, р. 2), серебряная поясная пряжка (144, с. 32; 202, с. 98, р. 31, 3). Часть этих изделий сделана албанскими мастерами. В Мингечауре были обнаружены также золотые (303, с. 20, 29, III таб., р. 8) и серебряные (201, с. 62; 384, с. 228, XII таб., р. 8) кольца, серебряные серьги (149, с. 68, р. 29, 1-6; 201, с. 63, XIII таб., р. 18, 24; 384, с. 228, XII таб., р. 8, с. 233, X таб., р. 3), серебряный браслет (299, с. 397; 384, с. 228, VII таб., р. I, с. 230, IX таб., р. 3). Кроме золотых и серебряных украшений, в Мингечауре были найдены украшения из других материалов: браслеты (149, с. 68, р. 29, 10; 384, с. 228, VII таб., р. 2-3, с. 232, X таб., р. 6; 201, с. 58, XII таб., с. 22), фибулы (202, с. 95; 303, с. 20, 27, III таб., р. 10; 384, с. 228, VII таб., р. 4-5, с. 230, IX таб., р. 2, X таб., р. 2, с. 232, 233; 146, с. 247, р. 5; 201, с. 59, XIII таб., р. 1-8, II, 15, 19-20), кольца (303, с. 20, 27, III таб., р. 7; 201, с. 62, XIII таб., р. 9, 10, 12-17, 22, XI таб., р. 3; 4, 5; 384, с. 230, 232, X таб., р. I, XII таб., р. 6), пояса (202, с. 99; 303, с. 27, III таб., р. II; 384, с. 228; 201, с. 63, таб. XII, р. 18, 23, 24, 26; 149, с. 67, р. 27, таб. I, р. 20), серьги (146, с. 248, р. 6; 149, с. 70, р. 6, 1-6; 384, с. 232-233, X таб., р. 3; 201, с. 63, таб. XIII, р. 18, 24).

Украшения IV-VII веков (кольца, серьги, браслеты, фибулы, подвески-многогранники, пряжки) были обнаружены в Кабале (290, с. 68), в селе Эных Кусарского района (458, с. 176, таб. р. 9-11, с. 177, таб. р. 1-4, 8-7), в Хыныслах (Шемаха) (462, с. 37, VIII таб., р. 1-5, 7-8, 10; 457, с. 217, р. 6, 8, Д, 12, 9) в селе Худжабала (459, с. 159, р. 4; 1, 4, 5, 8, с. 167, р. 5; 1, 2, 5), в Байлаконе (154, с. 45; 155, с. 58), в Мингечауре в большом количестве обнаружены полихромные бусы различных форм (149, с. 68, 71, р. 27, 6-11, р. 29, 14, 17; 303, с. 20, 25, 26; 384, с. 228, VII т., р. 5; с. 229, 231, таб. XI, р. I, с. 233, 232, VII таб., р. 1; 201, с. 63, таб. XV). Бусы обнаружены и в селе Эных Кусарского района (458, с. 176, таб., рис. 9-11), в Хыныслах (Шемаха) (462, с. 38, VIII таб., р. 9; 457, с. 217), в селе Худжабала (459, с. 159, рис. 4; 2, 3, 6, с. 161, рис. 4, 7), на Торпахкала (143, с. 40, 4 таб., р. 6-7, с. 41, 4 таб., р. 3) и в Пушкинском районе (155, с. 58).

Техническими приемами обработки металла албанскими мастерами тогда были холодная и горячая ковка, припайка, литье и чеканка (144, с. 9; 149, с. 70, рис. 1-6; 154, с. 46).

Таким образом, материалы вышеуказанных письменных источников, а также выявленные археологическими раскопками украшения показывают, что раннесредневековое производство украшений не отставало от ремесленного производства соседних стран.

Письменные источники донесли до нас сведения о гончарном ремесле Албании того времени. Фавст Бузандаци сообщает, что в Албании было развито гончарное, производство (87, кн. V, гл. 4; 333, с. 70; 341, с. 21; 340, с. 13). Это подтверждает М. Каганкатваци. Он пишет, что албанские гончары изготавливали "разные драгоценные царские сосуды" (79, кн. I, гл. 23; 333, с. 70; 341, с. 21; 156, с. 152),

ювелиры разукрашивали эти сосуды золотом, серебром и драгоценными камнями (79, кн. I, гл. 19; 333, с. 70; 341, с. 21). Ибн Хаукал дает сведения о гончарах-ремесленниках. По этому поводу он пишет так: "...в этих странах... имеют обильные доходы, употребляют широко золото и серебро при изготовлении драгоценных сосудов-подносов, чаш и жбанов, искусно выделанных из камня и драгоценных металлов, а равным образом - изготовляя дорогую стеклянную посуду, цветной хрусталь и всякие драгоценности" (21, с. 99; 156, с. 161).

Гончарное производство Албании подтверждают археологические раскопки. В Мингечауре (202, с. 91, 149, с. 68, рис. 26-4; 303, с. 20; 384, с. 229, 230, 9 таб., р. 4-9; 203, с. 134, рис. 62, 63) в Хыныслах (Шемахе) (457, с. 217, рис. 6, 1-3), в Кабале (290, с. 69, 67; 297, с. 75), на Торпахкале (143, с. 33-34), в Оренкала (481, с. 4, с. 223-224), в селе Дагколаны Шемахинского района (460, с. 115, 116, таб. I, р. 1-6, таб. II, р. 1-2, 5-8), в селе Эных Кусарского района (458, с. 176, рис. 13-15): Казимагомедском районе (461, с. 917, 918, 1 таб., р. 1, 3, 4, 8, II таб., р. 2, 5, 6-7), в селе Худжабала (459, с. 155, 156, рис. 1, 1-11, 13, рис. II, 1, 2, 3, 5), городе Байлакане (154, с. 46, 47; 155, с. 59) и в других местах (398; 397; 399; 400; 317, с. 27-28) выявлено большое количество керамических сосудов III-VIII вв. Они показывают, что керамическое производство в раннесредневековой Албании испытывает некоторый упадок (201, с. 34-35, 84; 225, с. 64). Его считают следствием войн и нашествий кочевников, уводом гончаров в другие страны (201, с. 34, 35; 225, с. 66). Другие считают, что такое положение гончарного производства объясняется сменой экономической формации (400, с. 5) или видят причину этого в том, что в IV-VII веках ведущей отраслью являлось сельское хозяйство (465, с. 174; 154, с. 47). Мы разделяем две последние точки зрения. Но, по-видимому, были и другие веские социально-экономические причины. Ибо некоторый упадок в гончарном производстве в раннесредневековье прослеживается и в других странах Закавказья (138; 465, с. 174), а также в Таврике (489, с. 10) и Средней Азии (385, с. 259; 449, с. 248-249), Дагестане (400, с. 6).

Археологические раскопки в Мингечауре (287, с. 57-72, рис. 15-19, 22; 201, с. 83), на Торпахкала (200, с. 208-210), в селе Худжабала (459, с. 157, рис. 3) обнаружили гончарные печи раннего средневековья.

Албанские гончары изготовляли тогда сосуды вручную (201, с. 36; 459, с. 155; 458, с. 176; 460, с. 115; 155, с. 54, 56; 154, с. 47; 400, с. 16), лишь изредка применяя ручной гончарный круг (201, с. 36; 155, с. 54, 56; 154, с. 47; 400, с. 16).

Во время раскопок в Мингечауре (201, с. 54-58, XI таб., рис. 6-8, 11-17, 21-22, 24-25, 27-2, 31-32; 34; 149, с. 68, рис. 2, 6-7, 8; 303, с. 27, таб. III, р. 2; 384, с. 233, таб. X, р. 9), в Хыныслах (Шемахе) (457, с. 217, рис. 6; 391, с. 89-90, рисунок), в Кабале (290, с. 67), на Торпахкала (143, с. 34, рис. 15 а, б; 200, с. 207, 210), в Байлакане (154, с. 55), в Дербенте (317, с. 30) найдены сосуды из стекла, датированные IV-VIII вв. Вероятно, часть из них производилась в Албании.

Впервые на почве Албании на Торпахкала обнаружены следы стеклоделательной мастерской с производственными отходами. Эта находка относится к раннему средневековью (200, с. 210).

О ремеслах свидетельствуют и археологически добытые орудия труда.

В Мингечауре раскопки вскрыли сельскохозяйственные орудия труда - железные серпы, косы, костяные когти для охвата снопов (202, с. 91, 94; 201, с. 69, таб. XVI, р. 2, 3, 15; 149, с. 71; 148, с. 5; 190, с. 29-31), жернова и каменные зернотерки (203, с. 137, рис. 64-5-6; 201, с. 70, таб. XVI; 190, с. 52), железную мотыгу (201, с. 74; 190, с. 11, 99). Зернотерка была также обнаружена в Казимагомедском районе (461, с. 918, II табл, р. 4) и в Байлакане (154, с. 58). Подобные зернотерки кое-где используются и в настоящее время (308, с. 42). Большое количество бытовых предметов и орудий труда обнаружено в Дербенте (317, с. 34). Во время раскопок в Мингечауре найдены и другие орудия труда - части прядильных и ткацких принадлежностей (202, с. 91, 201, с. 85; 149, с. 68), ткацкого станка (149, с. 68; 201, с. 86; 192, с. 139), железные ножницы для стрижки овец (201, с. 80; 192, с. 84), рукоятки сапожного и других ремесленных инструментов (149, с. 68; 201, с. 23, 30, 76; 190, с. 67, 70), ножей (202, с. 91-94; 384, с. 234, XI таб., р. 7). Железные ножи были обнаружены также и в других местах - в Хыныслах (457, с. 217, рис. 6-5-6), в селе Худжабала (459, с. 162, рис. 5-3), на Торпахкала (143, с. 36, 2 таб., р. 9-10), в Байлакане (154, с. 45).

Ремесленники Албании того времени изготавливали в большом количестве оружие. Археологические раскопки в Мингечауре (149, с. 68; 384, с. 234), в селе Эных Кусарского района (458, с. 177, таб., рис. 16, 17), Хыныслах (457, с. 217, рис. 6-7), на Торпахкала (143, с. 36, таб. 2, рис. 1-2, 6-10), Байлакане (154, с. 45; 155, с. 58), Мугани (155, с. 58) и Дербенте (317, с. 34) документируют это.

Албанская знать и цари имели печати. Об этом сообщает М. Каганкатвази, отмечая, что печати эти имели вид перстня. В произведении этого автора приводится документ V в., в котором сказано: "К этому предписанию приложили перстни свои... все дворяне царя албанского приложили печати под этой грамотой" (79, кн. I, гл. 23). Археологические находки подтверждают данное сообщение. Во время раскопок в Мингечауре обнаружены в большом количестве перстни-печати (202, с. 95; 203, с. 131; 201, с. 63, XII таб., р. 9-10, 12-14, 16, 17, 22, XIV таб., р. 2-9; 303, с. 18-33, таб. И; 384, с. 228, таб. 12, р. 5, с. 230, таб. 12, р. 7, 10). Специалисты считают, что часть этих перстней-печатей была изготовлена местными мастерами (201, с. 65; 145, с. 101; 392, с. 73-82). Перстни-печати обнаружены также и в других местах Албании (415, с. 106; 457, с. 217, рис. 10; 154, с. 59).

Письменные источники донесли до нас сведения и о ремесле кладчиков и каменщиков. Фавст Бузандази сообщает, что в Албании были развиты эти ремесла. Он пишет: "...заставим работать как гончаров, каменотесов и кладчиков для наших городов, дворцов и других нужд" (87, кн. V, гл. 4; 341, с. 21). Это сообщение подтверждает М. Каганкатвази (79, кн. I, гл. 23; 341, с. 21) и археологические находки. В Мингечауре при раскопках обнаружено большое количество сырцовых и обожженных кирпичей разных размеров (202, с. 94; 203, с. 130; 201, с. 116; 196, с. 80-83, 85-87), а также строительные камни разных размеров и форм (299, с. 397, 398, 399, 201, с. 120, р. 37; 196, с. 85-87), черепица и другие строительные материалы (299, с. 397-399, 403; 196, с. 82-92; 201, с. 117-123). Сырцовые и обожженные кирпичи, а также строительные камни разных размеров и форм найдены и в других местах Албании раннего средневековья (480, с. 90 и ел.; 481, с. 223-224, 227-228; 479, с. 42-43; 408, с. 45; 135, с. 129-133; 167, с. 29-30; 290, с. 183, 258, 284, 208, 302; 155, с. 53, 55, 58, 62; 154, с. 39; 285, с. 228, 230-231; 317, с. 31-32). Археологические находки в слоях того времени документируют, что

албанские ремесленники владели искусством резьбы по камню (149, с. 63, 68, 71; 203, с. 133-134; 415, с. 105, 107-109; 299, с. 398-399; 303, с. 23; 196, с. 82, 90-92, с. 98; 201, с. 63-68, 120-123, 137-139; 451, с. 318-319, 335-339; 154, с. 58-59). До нас дошли многочисленные изображения на камнях. Среди них - изображения всадников (196, с. 82, рис. 4), различных животных, растительный и геометрический орнамент, птицы (196, с. 82 (рис. 2, 3), с. 90 (рис. 8-12), с. 98 (рис. 21-22)); 203, с. 133 (рис. 61); 201, с. 120-123 (рис. 37-39), с. 138 (рис. 47); 299, с. 398-400; 149, с. 71; 415, с. 105, 107, 109; 451, с. 299, 318; 145, с. 100-101).

Албанцы были известны также как искусные мастера резьбы по дереву и кости (149, с. 68 (рис. 28-1, 5, 6); 451, с. 183; 154, с. 59-68; 317, с. 35). Найденные албанские лапидарные надписи, а также пехлевийские надписи Дербента говорят о наличии в Албании V-VII вв. грамотеев-резчиков (299, с. 399-400, рис. 5-8; 203, с. 135 (рис. 61); 201, с. 97, 137-142 (рис. 47-54); 196, с. 98 (рис. 21); 455, с. 101-128; 182, с. 128; 395; 451, с. 335-339; 346-353).

Письменные источники донесли до нас сведения об архитекторах Албании. М. Каганкатваци сообщает, что в Албании были архитекторы, строившие здания и оборонительные сооружения: "... мобилизуя архитекторов и изыскивая много различных материалов..." (79, кн. II, гл. II). Археологические работы на памятниках архитектуры подтверждают данные письменных источников. Эти памятники, относящиеся к раннему средневековью, известны в Мингечауре (203, с. 130-132; 201, с. 94-105, р. 23, 25, 26, 27; 196, с. 80-100, рис. 1-4, 8-12; 299, с. 403; 122; 451, с. 297-306, рис. 34), в Кахском районе, в селах Кум и Лякит (463, с. 35, 33; 451, с. 207-208; 167, с. 29-30; 285, с. 228-231), в Дербенте - Джума Мечеть (182, с. 143-145; 135, с. 141-143, рис. 27; 451, с. 300), дербентские оборонительные стены (172; 170; 439; 408; 164; 326; 135; 401, т. I, с. 76-77; 325, с. 44-45; 451, с. 274-287).

Таким образом, письменные первоисточники и археологические материалы показывают развитие в Азербайджане (Албании) IV-VII веков крупного и мелкого рогатого скота. Заметные сдвиги происходили в области скотоводства. Изучение письменных источников, археологического материала показывает, что увеличивается число крупного и мелкого скота. В раннесредневековой Албании развивается коневодство и верблюдоводство. Развитие крупного и мелкого скота обеспечивало население Албании IV- VII вв. мясом, шкурой, шерстью и молочными продуктами, а также сырьем для ремесленного производства.

Рост земледелия и скотоводства стимулировал в свою очередь развитие ремесленного производства в стране. Развитие ремесла и ремесленного производства IV-VII веков подтверждено письменными источниками и археологическими материалами. Вышеуказанные материалы показывают, что в Албании развивались такие виды ремесленного производства, как гончарное, ювелирное, ткацкое, в том числе шелкоткацкое ремесло, ковроткачество, стеклодувное ремесло, обработка металлов (железа, меди, серебра, золота), резьба по камню, дереву и кости, изготовление орудий труда (железные серпы, плуги с железным лемехом, ножи, ножницы, железные мотыги, ковроткацкие прядильные и ткацкие станки и др.), изготовление оружия (мечи, кинжалы, наконечники стрел, копья) и строительное дело.

Вышеуказанные материалы показывают также развитие рыболовства в Албании IV-VII веков. Рыбы было столь много, что она вывозилась и в другие страны.

Материалы письменных источников, а также выявленные археологическими раскопками предметы показывают, что раннесредневековое ремесленное производство развивалось на высоком уровне и ремесленное производство Албании не отставало от ремесленного производства соседних стран и стояло на уровне стран Ближнего и Среднего Востока.

Изучение письменных источников и археологических материалов показывает, что в Албании IV-VII вв. были такие ремесленники, как ткачи, мастера по обработке металла, ювелиры, гончары, мастера, изготавливающие орудия труда, мастера-оружейники, мастера-кладчики, каменщики, архитекторы, строители и т. д.

---

§3. Города и другие населенные пункты

Города и городская жизнь Албании IV-VII вв. принадлежат к числу наиболее сложных и недостаточно изученных вопросов. Это обусловлено, с одной стороны, тем, что письменные источники дают мало сведений, а с другой, тем, что археологически еще не все города Албании того времени исследованы. Упоминания и общая характеристика городов Албании IV-VII вв. есть в сводной "Истории Азербайджана", в работах З. М. Бунятова, К. В. Тревер, Т. М. Мамедова, С. Б. Ашурбейли, Е. А. Пахомова, Г. М. Ахмедова и др. (Об этом более подробно см. во "Введении"). В Албании того времени, кроме древней столицы Кабалы, письменные источники упоминают ряд известных городов, таких, как Барда (Партав), город Чора (Чола), Дербент, Халхал, Амарас, Цри, Хунаракерт, Пайтакаран, Байлакан и др. Они зарождались и развивались как центры ремесла и торговли местной и транзитной, вероятно, на месте древних поселений сельской общины, на торговых путях или же создавались из центров царского и княжеских хозяйств (451, с. 251; 185, с. 148), как это имело место в соседних странах (266, с. 17).

Ширакаци, Егише и Фавст (11, с. 19; 68, гл. III; 76, кн. V, гл. 4; 333, с. 71; 341, с. 22) сообщают, что в Албании были города-крепости и другие населенные пункты. М. Хоренаци отмечает в Албании много городов, каждый из которых имел своего "правителя" (76, кн. III, гл. 3; 333, с. 71; 341, с. 22). Фавст Бузандаци сообщает, что в городах Албании были дворцы (87, кн. V, гл. 4; 333, с. 71; 341, с. 22). Эти сведения древнеармянских авторов подтверждает М. Каганкатваци, который отмечает, что в Албании было много городов и крепостей (79, кн. I, гл. 2,10,11; 333, с. 71; 341, с. 22). Все эти данные подтверждают и арабские географы - Ибн Хордадбех, Мукаддаси, Балазури, Истахри, Ибн Хаукал, Якут Хамави, Ибн аль-Факих, Ибн Руста, Кудама, Масуди, Якуби (24, с. 5, 15; 48, с. 6, 7, 8, 9,11; 13; с. 5, 6,13, 30; 30, с. 11,17,19; 21, с. 92, 88, 89, 86, 85; 23, с. 51; 43, с. 29; 47,62 с. 40, 41, 58, 59; 64, с. 59, 61; 62, с. 13, 14). Они отмечают, что в Албании (Арране) были города. Ибн Хаукал (21, с. 92, 35) и Истахри (30, с. 17, 19) сообщают, что это - "города красивые, сходные по величине, плодородные с обширными угодьями". Истахри, Ибн аль-Факих, Мукаддаси, Масуди, Ибн Хаукал, Якут Хамави (30, с. 11; 22, с. 89; 48, с. 9; 47, с. 58; 21, с. 88; 62, с. 18) пишут, что города Албании были защищены стенами. Ибн Хаукал, Ибн аль-Факих, Балазури, Мукаддаси, Истахри (21, с. 87; 22, с. 25; 13, с. 13; 48, с. 9; 30, с. 8) сообщают, что в Албании города имели

городские ворота, Якут Хамави, Ибн Хордадбех, Балазури, Ибн Руста (62, с. 89; 24, с. 15; 13, с. 17; 23, с. 59) отмечают в Албании того времени крепости. Из Ибн Хордадбега, Ибн аль-Факиха, Якута Хамави, Ибн Руста, Ибн Хаукала (24, с. 15; 22, с. 11, 62, с. 21; 23, с. 54; 21, с. 102) ясно, что там были "укрепленные замки". О других населенных пунктах-селах дают сведения Балазури, Якут Хамави, Истахри, Ибн Хаукал, Мукаддаси (13, с. 13; 62, с. 23; 30, с. 9, 25; 21, с. 92; 48, с. 6), которые сообщают, что в городах Албании были дворцы.

По словам историка М. Каганкатвази, в городах ее жили "главари" (79, кн. II, 341, с. 23) и "властители" (79, кн. I, гл. 10; 341, с. 23), духовенство, ремесленники (79, кн. II, гл. 10; 341, с. 23) и торговцы (79, кн. II, гл. 16; 333, с. 71). В этих городах, наряду с албанцами, Фавст Бузандази отмечает чужеземцев (сирийцев, греков и др.), которые занимались ремеслами и торговлей (87, кн. IV, гл. 55; 333, с. 71). Эти сообщения подтверждаются М. Каганкатвази в его сведениях о городе Барде (79, кн. II, гл. 10; 333, с. 71).

Барда была одним из главных городов Албании, играла важную роль в торговле. О ней, как столице Албании V-VII вв., дает сведения Ширакаци. Он отмечает, что Барда находилась в области Ути (11, с. 20; 333, с. 71; 341, с. 22). М. Каганкатвази сообщает, что этот город был построен во второй половине V в. албанским царем Ваче. М. Каганкатвази пишет: "По приказу персидского царя Пероза Ваче построил большой город Перозапат, который был назван Партавом" (79, кн. I, гл. 15; 372, с. 28; 451, с. 166; 185, с. 158; 333, с. 72; 341, с. 23). Армянский историк Мхитар Айриванеци, опирающийся на древнеармянских авторов, Подтверждает сведения Каганкатвази о том, что Барда была построена албанским царем Ваче (78, с. 47; 333, с. 72).

М. Каганкатвази, говоря о правлении Дживаншира, дает сведения об этом городе (Перожжавата). Он пишет о великом городе (Перожжавата), в котором "пребывал великий князь востока Дживаншир и епископосапат Ухтанес со всеми вельможами" (79, кн. II, гл. 31; 264, с. 89; 451, с. 266). Арабский географ приписывает основание Барды сасанидскому царю Каваду (488-531). Балазури сообщает: "Кавад... построил в Арране город Барду - (главный) город всей страны" (13, с. 5, 6; 333, с. 72). Обращая внимание на эту деталь, С. Т. Еремян полагает, что сасанидский царь Кавад лишь расширил город и "поэтому назывался также Пероз-Каватом" (271, с. 36). Казвини сообщает, что Барда (город) построена. Александром Македонским, а впоследствии Кавад его благоустроил (185, с. 158). Персидский историк Мирхонд основание города Барды относит к V в. (185, с. 158). Эту дату, как отмечено выше, подтверждает М. Каганкатвази, он отмечал, что во время правления албанского царя Вачагана III им был создан в 487-488 гг. Агуэнский собор, где присутствовали Шупхагиша - архиепископ Партава и Матэ - иерей Партава (79, кн. I, гл. 26; 185, с. 158). Есть мнение, что Барда была основана арабами. З. М. Бунятов вполне справедливо отмечает, что "об основании Барды арабами, конечно, не может быть и речи, поскольку уже в период Сасанидов город назывался историком "великим" и был столицей Арана (185, с. 159). Во время нашествия 628 года хазары взяли город Партав и разрушили его (79, кн. II, гл. I, с. 70; 407, с. 69-70; 186, с. 23; 188, с. 18). Затем, при первом омейядском халифе Муавие (661-680), правитель Аррана Абу-аль-Азиз ибн-Хатим восстановил город Барду, а по сообщениям других, "он построил и обнес его крепким рвом", "... ибо города были (до него) совершенно разрушены и в упадке" (13, с. 15; 443, с. 57; 185, с. 158-159).

М. Каганкатвази дает сведения о том, что Барда была столицей Албании (79, кн. II, гл. 4; 333, с. 72; 341, с. 23), "большим городом" (79, кн. II, гл. 10; 341, с. 23) и имела крепость с четырьмя воротами (79, кн. II, гл. 10; 333, с. 72). Из данных М. Каганкатвази ясно, что "престол" патриарха Албании находился в городе Чога, только албанский глава церкви - Абас перенес его в Барду. По этому поводу он пишет: "... в начале армянского летоисчисления (552 г. н. э.) патриарший престол перенесли из города Чога в столицу Партав..." (79, кн. II, гл. 4; 171, с. 24; 333, с. 72), город Барда стал религиозным центром Албании.

Эти сведения подтверждает Мхитар Айриванеци, из сообщений которого становится ясно, что до католикоса Тер-Абаса патриарший престол Албании находился в Дербенте, католикос Абас перенес этот престол в Партав: "Владыка Абас, католикос албанский переносит патриарший престол из Дербента в Партав" (78, с. 48-49; 333, с. 72; 341, с. 23). До халифата в Барде находилась резиденция сасанидских марзапанов (79, 121/96; 185, с. 159). Во время царствования Вараз-Трдата в Барде была и резиденция албанского католикоса, и царский престол (79, кн. II, гл. 45).

О внутренней жизни Барды сообщает М. Каганкатвази. Рассказывая о войне между Персией и Византией начала VII в., он описывает, как этот город был осажден византийцами во главе с Ираклием. Узнав о намерении Ираклия, Хосров II приказал князьям и владетелям покинуть город Партав (Барду). Об этом сообщает М. Каганкатвази: "Услышав о том, все вожди и князья Албании по приказу Хосрова покинули большой город Партав и укрепились в различных местах. Многие христианские и языческие ремесленники Партава, которые по причине слабости и немощи не могли обрести безопасность, остались там же в городе" (79, кн. II, гл. 10; 341, с. 22). Следовательно, в то время в Барде, кроме "главарей и властителей" жили ремесленники и духовенство, из которых часть была христианами, а часть - так называемыми язычниками (79, кн. I, гл. 10; 451, с. 252; 333, с. 72). О городе Барде также дают сведения грузинские источники, при этом его называют "Бардави" (56, с. 137; 18, с. 8; 50, с. 22, 39; 50, с. 80).

О Барде, как городе, дают сведения и арабские географы Ибн Руста, Якуби, Балазури, Истахри, Ибн Хаукал, Мукаддаси, Якут Хамави, Ибн Хордадбех, Ибн аль-Факих, Кудама, Масуди (23, с. 39; 64, с. 59, 61; 13, с. 5-6, 13, 14, 15, 16, 17, 20; 30, с. 7, 9, 17, 29, 31; 21, с. 86, 87, 88, 91, 101; 48, с. 6, 7, 12, 14; 62, 14, 24; с. 13, 15, 17; 22, с. 15, 39; 43, с. 29; 47, с. 33, 34, 40, 60). Они называют Барду столицей Албании. Об этом пишут Якуби, Балазури, Мукаддаси (64, с. 61; 13, с. 6; 48, с. 6, 7), отмечая, что в Барде была резиденция - "... дворец правителя Аррана". Эти сообщения находим у Истахри и Ибн Хаукаля (30, с. 9, 25; 21, с. 92).

Из Балазури ясно, что город Барда был окружен стенами с воротами (13, с. 13). Об этом сохранили сведения Истахри и Ибн Хаукал (30, с. 9; 21, с. 87).

Ибн Хаукал, Истахри, Мукаддаси (21, с. 92; 30, с. 17; 48, с. 7) отмечают, что Барда была одним из крупных городов в Арране. Мукаддаси называет этот город "прекрасным" (48, с. 7) и сообщает, что "он расположен на равнине и что при нем находятся громадные укрепления" (48, с. 7).

Ибн Хаукал сравнительно подробно описывает богатства, величие и значение Барды. Он пишет: "Город Барда - столица Аррана и сосредоточие этой страны. С древних времен Барда была большим городом, около фарсаха в длину и немного

меньше фарсаха в ширину. Город этот здоровый, цветущий и весьма обильный посевами и плодами, деревьями и потоками. Между Ираком и Табаристаном, после Рея и Исфакана, нет города больше по своему расположению и по своим угождам и рынкам, постоянным дворам, товарам и торговле" (21, с. 86; 443, с. 58-59; 185, с. 160). Эти данные повторяют Истахри (30, с. 7, 8, 9; 155, с. 154-155) и Мукаддаси (48, с. 7,14,15, 38; 156, с. 154). .

Другой арабский географ Истахри дает сведения о том, какие сельскохозяйственные товары произрастали и вывозились из Барды и ее окрестностей. Он пишет: "Менее чем в одном фарсахе (от Барды) есть местность, называемая ал-Андераб, расположенная между Карна Ласубом и Йонтаном и занимающая площадь более, чем день пути. Эта местность изобилует садами и огородами. Здесь произрастают всевозможные плоды, среди которых ал-бун-дук (фирундук), который лучше бундука Самарканда. Там же - оли-шахибулат (каштан), превосходящий сирийский. У них есть плод, называемый арзукал (кизил), вроде ал-губейра (маслины). В нем есть косточка. Он сладок, когда созреет, и горек до созревания. Что касается аш-шахибалута, то он величиной в половину ореха, со вкусом, подобным вкусу ал-бундука и ар-рутаба (свежие финики). В Барде есть ат-тин (инжир), привозимый из Ласуба и отличающийся своим качеством. (В Барде) выводится много коконов (ал-абрбшам), а червей там вскармливают на обширных тутовниках. Много шелка вывозят из нее в Фарс и Хузистан" (48, с. 7, 8, 9; см.: 185, с. 160-161). Эти данные повторяются Ибн Хаукалем (21, с. 86, 87, 88) и Мукаддаси (48, с. 7,14).

Город Барда был связан с разными городами торговыми путями. Из Барды они шли на север через Шемаху в Ширван и Дербент (30, с. 29-33; 168, с. 151-152; 270, карты V-VII вв.; 156, с. 155), на юго-восток - через Байлакан на Ардебиль и дальше в Иран (30, с. 29; 168, с. 151-152; 270, карты V-VII вв.; 156, с. 155). Другая торговая дорога шла на юго-запад - в Армению к Двину и дальше в сторону Сирии (30, с. 33, 67; 168, с. 152; см.: 270, карта V-VII вв.; 156, с. 155; 451, с. 266). Еще одна дорога шла на северо-запад - через Гянджу в Тифлис и к побережью Черного моря (30, с. 31-33; 168, с. 151-152; см.: 270, карта V-VII вв.; 156, с. 155; 451, с. 266).

Одним из значительных раннесредневековых городов Албании была Кабала. Она была одним из крупнейших по тому времени городских центров Албании.

О Кабале сохранились сведения письменных источников. Первый раз она упоминается в I в. н. э. Плинием, который пишет, что Кабала (Кабалака) является в Албании "первенствующим городом" (319, с. 293; 451, с. 138). О Кабале дает сведения М. Каганкатваци в документе о канонических постановлениях собора 488 г. в Агуэне. После подписи царя и архиепископа Бардинского (Партава) в этом документе стоит имя "Манаса, епископа Капала (Кабалы)" (79, кн. I, гл. 26; 451, с. 253; 333, с. 72-73; 341, с. 23-24). Историк еще один раз упоминает о городе Капала (Кабалы), когда он говорит об албанских халкедонитах, отмечая, что от албанского католикоса Нерсеса многие отступились, в их числе был "Ионн, епископ Капалака" (Кабалы) (79, кн. III, гл. 3; 451, с. 254). В этом же источнике, когда речь идет о соборе, созданном против халкедонитов, после подписи католикоса Албании отмечается подпись "епископа Капалака (Кабалы)". О городе Кабале дает сведения армянский географ А. Ширакаци (66, с. 28-29) и грузинская хроника - "Картлис Цховреба" (89, т. III, с. 314). О Кабале, как о городе, сообщают Ибн Хаукал, Мукаддаси, Ибн Хордадбех, Истахри, Балазури, Ибн аль-Факих, Якут Хамави, Якуби

(21, с. 92; 48, с. 3, 6, 9; 24, с. 11-13,15; 30, с. 17-19; 13, с. 5,14;" 22, с. 13; 62, с. 14; 64, с. 61). Эти географы сохранили предание о том, что Кабала была основана сасанидским царем Каваддо (488-531 гг.). Об этом пишут Балазури, Ибн Хордадбех, Якут Хамави (13, с. 5; 24, с. 15; 62, с. 14). Данное сообщение арабских географов, приписывающих основание города Кабалы Каваду, является неверным. По Плинию, этот город существовал до Сасанидов еще в I в. н. э. (451, с. 138, 253).

Существование города Кабалы до Сасанидов также подтверждают археологические раскопки, произведенные на территории города (296, с. 72-73). Обращая внимание на подобное сообщение арабского географа Балазури, А. Е. Крымский (319, с. 296) и С. Т. Еремян считают, что Кавад мог лишь укрепить этот город (271, с. 36; см.: 451, с. 254).

Балазури, Якут Хамави, Ибн Хордадбех называют Кабалу "главным городом всей страны" (13, с. 5; 24, с. 14; 62, с. 14). Мукаддаси называет ее "укрепленным городом" (48, с. 9). Из данных арабских писателей ясно, что одно время Кабала была резиденцией албанских царей, т. е. столицей албанского государства. Это положение Кабала занимала при аршакидской династии и до V в. После восстания албанского царя Ваче II против сасанидского царя Пероза, 461., она перестала быть столицей Албании (319, с. 295; 451, с. 254).

Во времена Сасанидов в городе Кабале находилась резиденция персидских марзпанов. В это время вся ее область вместе с городом называлась Востан-и-Марзпаном (11, с. ар. 17, рус. 40; см.: 264, с. 89; 451, с. 254). Во время господства в Албании хазар, город Кабала находился в их подчинении и, по-видимому, был столицей хазар (13, с. 5; см.: 139, с. 298; 275, с. 130; 451, с. 254; 186, с. 22).

Название города дошло до нас в двух формах. У Плиния он назван "Кабалака" (319, с. 293-294), что соответствует армянской форме с суффиксом "ак" - Кабалака (79, кн. III, гл. 3, 8; 319, с. 294). Название города по географу Птоломею - "Хабала" (319, с. 294), что соответствует приведенному историком М. Каганкатваци названию в форме "Капга" (79, кн. I, гл. 26).

Албанская столица Кабала была связана с соседними странами торговыми путями. Через Кабалу шли транзитные торговые пути на север (503, с. 171-173; см.: 451, с. 260) и на юг (503, с. 158; см.: 451, с. 260-261; 275, с. 150).

Местонахождение древней Кабалы до недавнего времени не было уточнено. Разведочные работы археологов сначала создали разные мнения по этому поводу. Более близко к истине подошли А. Яновский и Б. Дорн. А. Яновский отмечал местонахождение в бассейне р. Турьяна (приток Куры) (503, с. 62). Б. Дорн писал, что этот город находился на месте слияния Карачая и Джоурлу-Чая (260, с. 345). Здесь в 1829 г. А. Яновский производил раскопки разведочного порядка в целях выяснения местонахождения города Кабалы (503, с. 168).

А. Е. Крымский, соглашаясь с мнением А. Яновского, останавливается на ошибочных мнениях исследователей о местонахождении города Кабалы (319, с. 300-305; 290, с. 56-58).

В 1903 г. опубликовано описание его развалин, составленное Р. Эфендиевым (483). После А. Яновского в городище Кабала побывал археолог Е. Лалаян, который подтвердил наблюдения А. Яновского о местонахождении Кабалы (320, с. 41-43).

В 1925 г. Д. Шарифов с сотрудниками провел там разведочные раскопки. Он выяснил, что город был защищен рвом, его оборонительные стены имели пять башен диаметром 5,5 м, стены были толщиной более 4 м, площадь города занимала 15-20 десятин (474, с. 73-75).

В 1926 году Л. Шарифов с группой сотрудников произвел глазомерную съемку городища Кабалы (474, с. 175).

Спустя 18 лет, под руководством С. М. Казиева сотрудники Академии наук Азербайджанской ССР вели там раскопки разведочного характера, обнаружив золотые, серебряные вещи, монеты, керамику (226, с. 72-79).

Архитектор И. П. Шеблыкин дал описание остатков крепостных стен Кабалы (480, с. 90 и др.; 481, с. 225). Он отметил, что город разделяется искусственным рвом на две части: Сельбир и Гявуркаласы (481, с. 225; 451, с. 258-259). Сельбир был окружен крепостными стенами с башнями (481, с. 227). На северной стороне был проем ворот (48Г, с. 227). С этой стороны города был защитный вал (481, с. 227). От ворот шла благоустроенная старинная дорога 4 м ширины (481, с. 227).

Другая часть города (Гявуркаласы) также защищена была стенами с башнями и воротами (481, с. 227). В этой части города башни стояли друг от друга на 20-25 м (481, с. 227). И. П. Шеблыкин, описывая крепостные стены Кабалы, отмечает: "Наружные участки фундамента сложены из крупных отесанных камней. Все швы густо промазаны крепким известковым раствором, остальная часть фундамента выполнена забутовкой из булыги, битого кирпича, кирпичного шлака и разного камня. Забутовка проведена на обильном растворе, в состав которого входят средняя и мелкая галька, гравий разной величины. Стены же и башни сложены непосредственно из квадратного жженого кирпича отличного обжига. Диаметр башен достигает 15 м, толщина стен башен равна 4м. Башни сохранились в высоту 9-10 м, стены же - 6 м" (481, с. 227).

Начиная с 1944 года, с перерывами по настоящее время, археологи республики (начав под руководством старейшего археолога Азербайджана, покойного ныне Казиева С. М.) ведут раскопки на городище Кабалы (297, с. 75-105; 290, с. 54-74). Эти раскопки дают ответ на многие нерешенные вопросы истории города.

Одним из городов раннесредневековой Албании был Чора (Чога, Чола). Армянские источники называют весь район этого города Чора и Чога (ущелье в древнеармянском) (76, кн. II, гл. 86, -еще называют "воротами Чора" (Чора дурн), кн. II, гл. 65; Егише называет "укрепления Чора" (пахак Чора), гл. IV; Себеос называет "проход Чора", отд. III, гл. 2; а еще Себеос называет "Крепость Чора", отд. III, гл. 35; Асогик, кн. I, гл. 65; Вардан, с. 36 называет "воротами Чора" (Чора дурн). (См.: Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании, с. 276). М. Каганкатваци именует район этого города "укрепления Чора" (пахак Чора) (79, кн. I, гл. 10), "ворота Чора" (Чора дурн) (79, кн. II, гл. 1,11, 12, 23, 39). В грузинском источнике этот район также назван "Чора" (51, с. 24). В составе Албании была область Чора (79, кн. II, гл. 14). Фавст Бузандаци также называет Чора областью (87, кн. IV, гл. 50). Однако Егише называет Чора страной (68, гл. III). Кроме того, из Егише мы узнаем, что Чора имела своего правителя (68, гл. III). Себеос называет Чора (Чога) крепостью (81, отд. III, гл. 35; 341, с. 23), М. Каганкатваци - городом (79, кн. II, гл. 4; 333, с. 72; 341, с. 23). Албанский историк

отмечает, что Чора (Чога) "большой город" (79, кн. I, гл. 4; 333, с. 72; 341, с. 23), находился "недалеко от Дербенда" (79, кн. I, гл. 39; 451, с. 263; 333, с. 72; 341, с. 23). Чора назван городом и М. Айриванеци (78, с. 369), поэтому ошибочным является отождествление города Чора с городом Дербентом (171, с. 24). Это отрицается сообщениями М. Каганкатваца о Чога, как находящемся недалеко от Дербента (79, кн. II, гл. 39).

Город Чора отождествляется с городищем Торпах-Кала около современной железнодорожной станции Билиджи в Дагестане (401, т. I, с. 33; 289, с. 156-157). В 1924 г. исследование этого города вел А. С. Башкиров (179, с. 235), в 1937 г. - Е. А. Пахомов (414, с. 34), затем - М. Исаков (289, с. 156). М. Исаков дает описание городища около Билиджи. Оно - площадью около 100 га, вокруг него видны остатки древней стены, высота вала здесь около 20 м, ширина - 12-15 м. Вокруг городища имеется ров шириной 20-25 м, глубиной 4-6 м (289, с. 156; 401, т. I, с. 33; 451, с. 262).

В 1928 году во время осмотра места в 2 км к востоку от ст. Билиджи в лесу было обнаружено кладбище. И. А. Орбели видел там каменные плиты с надписями, сходными с армянскими, но содержащими неармянские имена и слова (451, с. 264). К. В. Тревер полагает, что это кладбище города Чора (451, с. 264).

Чора был одним из больших городов Албании. М. Каганкатваца пишет, что первая резиденция албанских католикосов (патриарший престол) находилась в Чора (Чога) до 552 года (79, кн. 2, гл. 4; 341, с. 70; 185, с. 151). Это показывает, что город Чора (Чога) тогда был религиозно-политическим центром Албании. В 628 году, во время нашествия войск хазарского хагана - Джебухагана и его сына они прошли через Дербентские ворота и обрушились на город Чога. Город и его крепостные стены были "разрушены до основания" (79, кн. I, гл. II; 188, с. 17; 186, с. 23, 185, с. 50; 341, с. 87).

На правом берегу реки Куры находился еще один город Албании - Халхал. Об этом городе (Халхал или Хаг-хаг) сообщают историки Агафангел (65, с. 29; 333, с. 72) и Егише (68, гл. II; 333, с. 72), а также М. Каганкатваца (79, кн. I, гл. 29; 333, с. 72; 341, с. 23). Из Агафангела следует, что город Халхал находился в области Ути (65, с. 29; 333, с. 72; 341, с. 23). Это сообщение армянского историка подтверждает М. Каганкатваца (79, кн. I, гл. 29; 333, с. 72; 341, с. 23). Егише также сообщает, что Халхал находился в области Ути и в III веке этот город был зимней резиденцией албанских царей (68, гл. III; 333, с. 72; 341, с. 23), располагаясь на границе с Иберией (68, гл. III; 333, с. 72; 341, с. 23). Это сообщение повторено М. Каганкатваца, отмечая: "встретился с ним на границах Иберии, напротив Халхал - зимней резиденции царства албанского" (79, кн. II, гл. 2; 333, с. 72). Но Агафангел, очевидно, проявляя тенденциозность, пишет (в греческом и армянском текстах), что город Халхал был зимней резиденцией царей Армении (65, с. 29; см.: 451, с. 164; 333, с. 72). Этот город локализуется вблизи реки в 2 км от дороги Акстафа - Ереван на территории Казахского района (451, с. 265; 264, с. 84, 128; см.: 546, с. 272) и отождествляется с древним городом Лала (264, с. 84-85).

Г. Тер-Мкртчян (Миабан) еще в 1893 году, отмечая село Халхал, писал: "Достоинно внимания..., что в Утике главный город назывался Хагхаг или Халхал, который в первые века христианской веры служил резиденций аршакидских царей. Теперь

тоже существует село Халхал, к северо-востоку от Нухи, жители которого уже позабыли утийский язык и, если не ошибаюсь, говорят по-тюркски" (531, с. 932).

В Южном Азербайджане в средние века был и в настоящее время существует город Халхал (475, с. 90).

О Дербенте²³, почти несомненно входившем одно время в состав Албании, находящемся на побережье Каспийского моря, дают сведения М. Каганкатвази (79, кн. II, гл. 39; 333, с. 72; 341, с. 23), Гевонд (82, гл. 19; 333, с. 72; 341, с. 23), Мхитар Айриванеци (78, с. 48-49; 333, с. 72), называя его городом. Это подтверждают арабские географы Якуби, Балазури, Ибн Хордадбех, Ибн Руста, Ибн аль-Факих, Истахри, Масуди, Ибн Хаукал, Мукаддаси, Якут Хамави (64, с. 61; 13, с. 5; 24, с. 15; 23, с. 43, 51; 22, с. 11,15; 30, с. 11,17; 47, с. 40, 41; 21, с. 88, 89, 92, 48, с. 3, 9; 62, с. 14,18). Существование в VI в. города Дербента подтверждается пехлевийскими надписями на его крепостной стене (416, с. 3-22; 395, с. 29; 185, с. 152). Более древний этап этого города вскрыт археологически (316; 317, с. 11-12). Гевонд сообщает, что Дербент имел стены и башни крепости (82, гл. XII; 333, с. 72; 341, с. 23). Это сообщение подтверждают арабские географы Истахри, Ибн Хаукал, Мукаддаси, Якут Хамави (30, с. 11; 21, с. 88, 89; 48, с. 3; 62, с. 18, 19, 20), они пишут, что город Дербенд (Баб-аль-Альваб) был окружен каменными стенами, был построен на твердом основании на берегу Каспийского моря. Ибн аль-Факих, Мукаддаси, Балазури (22/с. 23, 24; 48, с. 9; 13, с. 7) отмечают, что этот город имел крепостные стены с башнями. Другие арабские историки сообщают, что он был портовым городом (30, с. 11, 21, с. 88; 62, с. 18,19). О городе Дербенте также дают сведения грузинские источники, при этом его называют "Дарубанди" (50, с. 26, 38-39; И).

Об основании города Дербента у Гевонда сказано, что он был построен при Иездигерде I, византийским императором (82, гл. XII).

Однако известно, что Сасаниды прочно укрепились в районе Дербента только при Хосрове I Ануширване (531-578). Поэтому эти сведения Гевонда, может быть, следует отнести не к Дербенту, а к Бешбармакскому валу.

Постройка шедшей к морю и по горам Дербентской стены приписывается сасанидскому царю Иездигерду I, Каваду и его сыну Хосрову I Ануширвану. Ибн аль-Факих, Якут Хамави (22,70 с. 11; 62, с. 14) сообщают, что сырцовые стены Дербента (Бабаль-аль-Аваб) "основаны" Кавадом.

Археолог А. А. Кудрявцев полагает, что сырцовые стены Дербента были построены при сасанидском царе Иездигерде II (316, с. 16; 317, с. 14).

О возведении каменных стен и построении города Дербента Хосровом Ануширваном в VI в. дают сведения Балазури, Ибн Хордадбех, Масуди, Мукаддаси, Якут Хамави, Ибн аль-Факих, Ку-дама (13, с. 5; 24, с. 15; 47, с. 40, 41; 48, с. 9; 62, с. 14; 18; 22, с. 15; 43, с. 29). Эти данные арабских географов и историков о построении города Дербента в VI в. подтверждаются пехлевийскими надписями (416, с. 3-22; 395, с. 29; 185, с. 152), а также археологическими данными (317, с. 15).

Арабские географы и историки дают сведения о масштабах и хозяйстве Дербента. Ибн Хаукал сообщает: "Баб-аль-Абваб - город на Хазарском море и в середине

города гавань для судов. В этой гавани, тянувшейся с моря, от моря до города есть сооружение, имеющее форму двух стен обеих сторон; по нему проходят суда от того места, где фарватер сделан извилистым. В устье фарватера протянута цепь, подобная цепи в Тире и Бейруте, а на ней запоры, находящиеся во владении того, кто наблюдает за состоянием моря; судно не входит и не выходит иначе как с разрешения. Эти две стены сделаны из камня и свинца. Море Хазарское, оно же Табаристанское. Еород этот богаче Ардебиля в отношении посевов, но плоды его малочисленны; если не считать того, что ввозится из других округов. Вокруг этого города построена стена из камня, кирпича и глины; город служит портом моря Хазар, Серира и прочих стран Табаристана и Джурджана, земель кяфиров и Дайлама. Вывозится из него полотняное верхнее платье и нет нигде в Арране, Армении и Азербайджане полотняных одежд, кроме как тут. Здесь произрастает в изобилии шафран и встречается много рабов из разных стран кяфиров, прилегающих к ним" (21, с. 88-89; 156, с. 156-157). Марена отсюда шла во многие страны, вплоть до Индии. Из Дербента вывозили еще "превосходных мулов" (48, с. 14). Эти данные повторяют и подтверждают Истахри и Якут Хамави (30, с. 11; 62, с. 18).

К городу Дербенду вели многочисленные торговые пути - сухопутные и морские, связывая его с городами Шемаха, Барда, Берзендж и др. (30, с. 29-33; 24, с. 11; 43, с. 29; 168, с. 151-152; см.: 156, с. 155). Дербенд был связан морскими торговыми путями с Сериром, Джурджаном, Табаристаном, Дайламом (30, с. 11; 21, с. 89; 62, с. 18; 156, с. 156). Дома в городе Дербенде были построены из камня (48, с. 9). Городские талисманы были высечены на городских воротах (22, с. 25; 62, с. 18).

Дербенд снабжался водой по подземным керамическим трубам из горных родников (48, с. 9; 22, с. 25). Проведение воды в Дербенд приписывалось Хосрову Ануширвану (451, с. 280).

Археологические раскопки показали, что город Дербенд состоял из двух частей цитадель и собственно город (316, с. 18; 317, с. 22). Раннесредневековая территория укрепленной части города Дербенда составляла около 26-30 га, а площадь собственно города около 160 га (316, с. 19; 317, с. 27-28).

На территории города из слоев сасанидского периода обнаружены в большом количестве высококачественные керамические изделия (316, с. 19; 317, с. 27-28). Наличие высококачественных керамических материалов и других предметов показывает, что гончарное производство Дербенда было на высоком уровне (316, с. 20f 317, с. 28). Археологические исследования города показали, что население раннесредневекового Дербента, кроме гончарного производства, также занималось и другими ремесленными производствами - стеклоделием (316, с. 30, 32), ткачеством (316, с. 33), металлообработкой, обработкой цветных металлов (316, с. 34) и ювелирным делом (316, с. 35), обработкой костей (316, с. 35).

Одним из городов Албании того времени был Пайтакаран. Название его этимологизируется по-разному. Е. А. Пахомов, исходя из лексики армянского языка, считал, что "Пайт" - дерево, "кан" - местность (409, с. 17). К. В. Тревер, повторяя это, этимологизировала Пайтакаран как "Деревянный (город)" (451, с. 265). "Пайт" - в древнеармянском - дерево, буквально - "Пайтакаран" означает "место лесов, изобилие лесов". Х. Хюбшман считал, что название Пайтакаран является местным, древнекаспийским названием (546, с. 270; 451, с. 265), с чем мы вполне согласны.

Армянские источники, сообщая о Пайтакаране IV-VI вв., называют его городом. О нем пишут Агафангел, Хоренаци, Парпеци, Фавст Бузандаци, Егише, Себеос и Асогик (65, с. 485; 76, кн. III, гл., 3: 74, кн. И, гл. 33; 87, кн. V, гл. 11, 68, гл. IV; 81, отд. II, гл. I; 84, кн. II, гл. I; 333, с. 73; 341, с. 24). Эти сообщения подтверждаются М. Каганкатваци (79, кн. I, гл. 12, 333, с. 73; 341, с. 24). У Агафангела сказано, что Пайтакаран был городом царей Армении (65, с. 485; 333, с. 73), хотя из Фавста Бузандаци, Себеоса, М. Хоренаци и Парпеци (87, кн. V, гл. II; 81, отд. III, гл. 3; 76, кн. III, гл. 3; 74, кн. II, гл. 33; 333, с. 73; 341, с. 24) следует, что Пайтакаран был албанским городом. В главе "О каспах" Фавст Бузандаци сообщает, что жители города Пайтакарана IV в. "отложились от армянского царя" (87, кн. V, гл. II; 451, с. 265). М. Хоренаци отмечает, что тот, кто владел городом Пайтакараном, носил корону (76, кн. III, гл. 3; 333, с. 73), т. е., вероятно, был государственно самостоятельным.

По Агафангелу при Трдате III в Пайтакаране распространилось христианство (65, гл. 13; 99, с. 180; 451, с. 265; 333, с. 73).

Егише называет Пайтакараном не только город, но и область (68, гл. III; 333, с. 73). Ширакаци также считает Пайтакаран провинцией и отмечает, что она была разделена на ряд областей: Хракот-Пероз, Варданакерт, Еотнпоракиян, Багинк, Ротибога, Баханрот, Ароспиджан, Гани, Атли, Багаван, Спандаран-Перож, Ормизд-Перож, Алеван (II, с. 19; 341, с. 37). По свидетельствам М. Хоренаци (76, кн. III, гл. 5; 409, с. 17) и Асогика (84, с. 69; 409, с. 17), в городе Пайтакаране был царский двор. Асогик сообщает, что здесь находился центр албанского католикосата (84, с. 69; 409, с. 17). Себеос сообщает, что в городе был царский архив (81, отд. III, гл. 1-2; 409, с. 17). Из Фавста Бузандаци, Егише и Парпеци (87, кн. IV, гл. 24; 68, гл. III, IV, с. 146; 158; 74, кн. II, гл. 33) ясно, что во времена Сасанидов там стоял военный гарнизон. Город Пайтакаран несколько раз страдал от набегов кочевников. Так было во время нашествия северокавказских кочевников на Албанию в 30-х годах IV века (76, кн. III, гл. 36; 79, кн. I, гл. 12; 84, кн. II, гл. 1; 73, с. 43; см.: 403, т. II, с. 311; 451, с. 188; 409, с. 16). Пайтакаран пострадал также во время Персидско-Византийской войны. Византийский император Ираклий при своем первом нападении на Албанию опустошил страну, в том числе и город Пайтакаран (81, отд. III, гл. 26; с. 140; 451, с. 239).

Армянские авторы сообщают, что Пайтакаран, расположенный на Гаргарской равнине (Мильская степь), в IV-V вв. был одним из экономических и политических центров. Письменными источниками город Пайтакаран локализуется в низовьях рек Куры и Аракса. По Ширакаци, Пайтакаран находился к востоку от Ути, расположенного на Араксе (II, с. 19). А. Е. Крымский помещает его к востоку от слияния Аракса и Куры (319, с. 92), С. Т. Еремян (403, т. II, с. 327), К. В. Тревер (451, с. 265) - на Гаргарской равнине. Е. А. Пахомов локализует город Пайтакаран в низовьях рек Куры и Аракса (409, с. 18), Я. А. Манандян помещает его в нижнем течении Аракса (354, с. 13).

Точное место города Пайтакарана оставалось до последнего времени невыясненным. Ныне город Пайтакаран локализуется археологами А. А. Иессеном (280, с. 27-28; 279, с. 46-47; 281, с. 102; 284, с. 32-34) и Г. М. Ахмедовым (154, с. 29; 152, с. 16) в 7-8 км к юго-востоку от Оленкала, в Мильской степи, на месте нынешнего села Тазакенд Ждановского района.

Археологические раскопки показали, что в раннее средневековье территория укрепленной части города Пайтакаран составляла 5,5 га (154, с. 29), Город имел оборонительные стены и рвы высотой 3-4 м (284, с. 33, рис. 14; 154, с. 29). На территории города обнаружены обломки керамических изделий (284, с. 33; 154, с. 29), римские монеты (284, с. 33; 280, с. 28; 154, с. 29), каменные базы колонн (482, с. 255, рис. 3; 284, с. 33, рис. 15; 154, с. 29), их формы (482, с. 225; рис. 3; 284, с. 33, рис. 15; 154, с. 29), остатки кувшинных погребений (280, с. 28; 284, с. 33-34; 154, с. 30), а также каменные зернотерки (154, с. 30).

Из сведений армянских историков М. Хоренаци (76, кн. III, гд. 6) и Асогика (84, с. 43) ясно, что населяли Пайтакаран албанцы.

Основываясь на результатах археологических раскопок, предполагали перенос города Пайтакаран на новое место. А. А. Иессен и Г. М. Ахмедов считают, что причиной этого было большое стратегическое строительство на северных границах Сасанидского государства (279, с.47; 154, с. 31), включая магистральный канал Гяурарх, который по характеру рельефа должен был проходить около города Пайтакарана (279, с. 47; 154, с. 31). Рельеф местности вынудил перенос города на место города Байлакана, расположенного в 7-8 км к северо-западу от города Пайтакарана в центре Мильской степи (279, с. 47; 154, с. 31).

Байлакан неоднократно упоминается в конце VI - начале VII вв. н. э. О Байлаконе сказано в "Истории албан" (79, кн. III, гл. 19; 99, с. 215; см.: 95, с. 456-468; с. 226-229; 187, с. 6) у Ионнеса Драсханакертци (80, с. 37), Киракоса Гандзакеци (83, с. 104), Самуэла Анеци, у которого Байлакан назван "Бахах" (12, с. 89).

Кроме армянских авторов об этом городе пишут арабские авторы. О Байлаконе, как городе, сообщают Ибн Хаукал, Истахри, Ибн Хордадбех, Ибн Руста, Балазури, Якут Хамави, Якуби, Ибн аль-Факих, Кудама, Масуди, Мукалласи (21, с. 85, 92; 30, с. 17, 19; 24 с. 15; 23, с. 39; 13, с. 15,16,19, 20; 62, с. 13, 14; 64, с. 57, 61; 22, с. 9,11,13,15, 31, 37; 43, с. 25, 27; 47, с. 58-59; 48, с. 9; 409, с. 23). О городе Байлаконе дает сведения и раннеперсидский источник "Худдуд-ал-Аллем" (60, с. 4).

Арабские источники приписывают постройку города Байлакана сасанидскому царю Каваду I (489-531). Об этом сообщают Ибн Хордадбех, Балазури, Ибн аль-Факих (24, с. 15; 13, с. 5; 22, с. I), Якут Хамави (63, с. 9) и др. Персоязычные источники постройку города также приписывают Каваду I (165, С. 66; 307, с. 12). Сведения авторов о существовании города Байлакана V-VII вв. подтверждаются археологическими раскопками на городище Орен-Кала (280, с. 36; 284, с. 32; 151, с. 34).

В свое время здесь вели раскопки археологи И. И. Мещанинов * (368), А. К. Алекперов (132), И. М. Джафарзаде (256), А. А. Иессен (280), А. Л. Якобсон (488; 490), Н. В. Минкевич-Мустафаева (382), Г. М. Ахмедов (154, с. 151) и др.

Название Байлакан этимологизируется по-разному. И. Г. Алиев считает, что оно связано с племенем "палай" (балай) и "каран" (131, с. 61), Ш. М. Ажамшидов считает, что "Байлакан" образовалось от персидского слова Билакан (254, с. 51-54; 154, с. 10). Есть мнение, что "Байлакан" образовалось от слов "Бель" (название племени) и "кан" (местонахождение племени) (372, с. 83).

Точное место Байлакана оставалось до последнего времени неясным. И. И. Мещанинов (368, с. 28), А. К. Алекперов (133, с. 67), А. А. Иессен (282, с. 127; 280, с. 28-29), Г. М. Ахмедов (152, с. 11-14; 154, с. 10) город Байлакан отождествляли с городищем Орен-Кала. В свое время А. А. Бакиханов (165, с. 66), М. Дж. Карабаги (307, с. 12-13), А. Уменец (452, с. 45), В. Безменов (180, с. 145), Н. Торопов (450, с. 127), М. Герсеванов и Н. Зейдлиц (218, с. 257, 265) связывали Байлакан с Орен-Калой. Н. А. Караулов (21, с. 128) и И. М. Джа-фарзаде (256, с. 135) в развалинах Оренкалы видели Юнаня, а Байлакан локализовали на левобережье Аракса у села Карадонлы. Часть исследователей, как отмечено выше, город Байлакан отождествляли с Пайтакараном (409, с. 18-19; 271, с. 34; 319, с. 292). Этому спору был положен конец в 1955 году после археологического выявления на городище Оренкала обломков сфероконических сосудов с надписью "сделал Фадлун в Байлаконе" (250, с. 342). Байлакан сохранился как городище Оренкала около современного села Кабирли Ждановского района Азербайджанской ССР (154, с. 8).

Археологические раскопки показали, что территория его составляла более 40 га, из которых 14 га находились в черте городских стен (151, с. 5; 154, с. 9; 185, с. 151). Город Байлакан был окружен крепостными стенами и защитными рвами (481, с. 223-224; 256, с. 123-124; 381, с. 174; 154, с. 39; 153, с. 380, 381).

Письменные источники сообщают, что население города кроме ремесел и торговли занималось земледелием, садоводством (21, с. 85-92; 30, с. 18-19; 11, с. 19). Эти данные подтверждаются археологическими находками, следами культур винограда, вишни, сливы (154, с. 38). Население Байлакана занималось ремесленным производством (282, с. 115, 380, с. 24-64; 154, с. 30, 44-61), а также скотоводством.

О раннесредневековом периоде другого города Албании - Амарасе сообщают авторы V века Фавст Бузандаци, М. Хоренаци и историк М. Каганкатваци и средневековый автор Асогик.

Фавст Бузандаци, М. Хоренаци и Асогик (87, кн. III, гл. 6; 76, кн. III, гл. 3; 84, кн. II, гл. 1; 333, с. 73; 341, с. 24) называют Амарас селом. М. Каганкатваци сообщает, что Амарас был городом (79, кн. 1, гл. 14; 333, с. 73; 341, с. 24), в области Арцах в провинции Хабанд (79, кн. 1, гл. 14; 333, с. 73; 341, с. 24). Армянские авторы V века Фавст Бузандаци, М. Хоренаци (87, кн. III, гл. 6; 76, кн. III, гл. 3) также помещают Амарас в Хабанде. Фавст Бузандаци, говоря о событиях IV века, область Хабанд и город Амарас помещает у границы Армении на территории Албании (87, кн. III, гл. 6). Сведения приведенных авторов об Амарасе как городе IV-VII вв. подтверждаются археологическими раскопками, проведенными на городище Амарас (227, с. 48). Археологическая экспедиция Института истории АН Азербайджанской ССР в течение нескольких лет вела работы на его городище (227, с. 48) в Гадрутском районе Азербайджанской ССР (227, с. 49). Раскопки показали, что в то время территория города Амараса в 7-8 гектаров находилась в черте городских стен, имевших через каждые 15-16 метров полукруглые башни (227, с. 50). Вероятно, и до этого времени здесь был населенный пункт еще в античное время. По письменным и археологическим данным здесь было поселение (См.: 273, с. 8Q-82; 495, с. 217). Поэтому С. Т. Еремян город Амарас отождествляет с городом Анариаком (273, с. 51).

Название города Амараса этимологизируется по-разному, тем более, что раннесредневековые армянские авторы дают этому городу разные наименования.

Фавст Бузандаци называет его "Амарен" и "Амарас" (87, кн. III, гл. 6), М. Хоренаци "Амаре" (76, кн. Ш, гл. 3). Впоследствии местные мусульмане называли его "Агоглан" (Белый юноша) (484, с. 135-136). З. И. Ямпольский предполагает, что название "Агоглан" более древнее название, чем "Амарас" (495, с. 217). Слово Амарас в древнеармянском языке означает "Места летнего отдыха" и "Летняя резиденция" (139, с. 27-28). Р. Б. Гекушев считает название Амараса арменизированной формой древнего имени "Амаре" (227, с. 24).

Фавст Бузандаци сообщает, что в Амарасе была построена церковь дедом Григориса "святым" Григорием (87, кн. III, гл. 6). Сведения о построении церкви в период, к которому относят Григория, подтверждаются археологическими раскопками на городище Амарас (227, с. 52-63, рис. 1).

После того, как Григорис был убит, пришедшие с ним из района Хабанд в 30-х годах IV века привезли тело Григориса в Амарас и погребли там около церкви, построенной его дедом Григорием. Об этом свидетельствуют Фавст Бузандаци (87, кн. III, гл. 6), М. Хоренаци (76, кн. III, кн. 3), Асогик (84, кн. II, гл. I), Вардан (73, с. 43) и М. Каганкатваци (79, кн. I, гл. 14). "Мощи" Григориса, якобы, были найдены в Амарасе при албанском царе Вачагане III (79, кн. I, гл. 23). После этого в Амарасе была построена церковь, а у его могилы - часовня (79, кн. I, гл. 23). Все это подтверждается археологическими раскопками на городище Амарас (227, с. 38, 53-54).

М. Каганкатваци отмечает еще, что город Амарас имел церковь с епископской кафедрой (79, кн. I, гл. 14; 333, с. 73), что в Амарасе был монастырь (79, кн. I, гл. 20; 333, с. 73).

Амарас IV-VII вв. был одним из религиозных центров Кавказской Албании. В V-VII вв. здесь была резиденция Амарасского епископства (79, кн. II, гл. 7).

Археологические раскопки показали, что население Амараса занималось ремесленным производством - гончарным, стекольным (227, с. 65-67, рис. 4, с. 70, таб. III, рис. 5, с. 77-79, рис. 5) и др.

М. Каганкатваци сообщает еще о городе Цри на территории Албании - "крепостной город Цри" (79, кн. I, гл. 14; 333, с. 74; 341, с. 25). Он называет его большим городом албанского владычества (79, кн. I, гл. 14, 333, с. 74; 341, с. 25), имевшим своего правителя. При албанском царе Ваче III этим правителем города Цри был Хочкарик (79, кн. I, гл. 19). Тот же историк сообщает, что в Албании был город Сирхар (79, кн. I, гл. 6; с. 74; 341, с. 25) в области Ути (79, кн. I, гл. 6; 333, с. 74; 341, с. 25). Об этом албанский историк пишет: "Оттуда он (Егише) прибыл в область Ути в город Сирхарн с тремя учениками..." (79, кн. I, гл. 6; 333, с. 74; 341 с. 25).

М. Хоренаци сохранил свидетельство, что на территории Албании был крепость-город Хонаракерт (76, кн. II, гл. 8; 333, с. 74; 341, с. 25), который находился вблизи реки Куры на границе Албании и Иберии (76, кн. II, гл. 8; 333, с. 74; 341, с. 25). Об этом городе также дают нам сведения грузинские источники. При этом они его называют "Хунан"ом (50, с. 23, 28, 32, 39; 17, с. 53). Этот город локализуется на городище Торпагкала в Шамкирском районе (199, с. 278-279; 379, с. 276 и сл.).

Таким образом, вышеуказанные материалы - письменные источники и археологические материалы показывают, что в IV-VII вв. с развитием хозяйственной жизни в Албании развивались и расширялись существующие и возникали новые города, как центры ремесла и торговли - местной и транзитной, а также общественно-политические центры страны. Они были связаны торговыми путями с соседними странами.

Материалы раннесредневековых письменных источников показывают, что в Албании было много городов, крепостей и других населенных пунктов. Города Албании были окружены стенами и имели башни и городские ворота. Они были красивые и обширные. Они имели своих правителей ("главари", "властители"), в них жили ремесленники, торговцы и духовенство. Письменные источники констатируют также факт проживания в городах чужеземцев (сирийцев, греков и др.), которые занимались ремеслами и торговлей. В городах Албании были большие рынки. Жители городов занимались, в основном, ремесленным производством, торговлей, а также земледелием, садоводством, скотоводством. Крупными и значительными торговопромышленными центрами являлись Барда (Партав), Чора (Чога), Лербенд, Пайтакаран, Байлакан, Халхал, Кабала, Амарас, Цри, Хонакерт (Хунаракерт) и др.

Города Албании обычно состояли из двух частей - цитадели и собственно города. Археологические материалы показывают, что укрепленная часть города того времени в среднем составляла площадь 20 га и более, а собственно город располагался на площади до 40 га и более.

---

§4. О торговле

Как выражение развития роста производительных сил, города Азербайджана росли по объему торговли, внутренней и транзитной. Закавказье, в том числе Албания, через которую шли транзитные пути, играло значительную роль в этой торговле. Мировая торговля имела крупное влияние на экономическое и культурное развитие стран, расположенных на путях международного обмена. Древнее Закавказье служило зоной транзита ценных продуктов из Индии и Китая до берегов Атлантики.

Главными товарами из Индии были в то время рис, хлопчатобумажные ткани, перец, корица, пряности, драгоценные камни и жемчуг, разного рода благовония, слоновая кость, черное дерево и красильные вещества. Из Китая шел шелк и шелковые материи. Через Кавказ на восток вывозили свинец, медь, олово, золотые и узорчатые ткани египетских и сирийских ремесленников, стеклянные сосуды Александрии, стеклянные товары Сирии и др.

Сухопутные дороги мировой торговли древности оставались в основном, в раннее средневековье, прежние. Они соединяли Малую Азию, Средиземное и Черное моря.

Большое значение для развития мировых сухопутных сношений имели связи между Передней Азией и Китаем через Среднюю Азию, установившиеся во II веке до н. э.

Для изучения основных торговых путей, проходящих через Закавказье, одним из важнейших источников является географическая карта, приписываемая римскому географу IV столетия Касторию, известная под названием "Табула Пефтингера". Этот

редакторский документ переиздан и подробно прокомментирован Конрадом Миллером (103).

Карта Кастория имеет большое значение для изучения исторической географии Армении, Иберии и Албании (349, с. 7; 264, с. 79). Изучением мировых торговых путей, проходивших через страны Закавказья - Армения, Иберия - Картли, Албания - Арран по данным "Табулы Пефтингера" занимались Л. И. Маркварт (550), Я. А. Манандян (350), С. Т. Еремян (264, с. 79 и др.), З. И. Ямпольский (502).

Античные писатели дают сведения о пути из Каспийского моря в Куру, в ту-зону Азербайджана, где располагались Албания и Атропатена, и дальше - по суше в Грузию и по верховьям реки Риони и в Черное море (502, с. 161). Этот торговый путь, проходящий через Албанию, не терял свое значение и играл большую роль и в раннее средневековье. Но, несмотря на это, отдельные ученые (В. В. Бартольд, Я. А. Манандян, Томпсон, В. Тарн) отрицали его (502, с. 161).

В. В. Бартольд, ссылаясь на Феофана Митиленского, утверждал, что по Каспийскому морю не может быть плавания (171, с. 11-12). З. И. Ямпольский, рассмотрев "за" и "против", уточнил данный вопрос (502, с. 161). Используя данные древних писателей, таких, как Патрокл, Аристокл, Эратосфен, Марк Теренций Варрон, Г. Элий Солин, он приходит к заключению, что этот путь существовал. Он пишет: "Таким образом, вероятно, если не считать заподозренного в умышленной дезинформации Феофана Митиленского, античные авторы свидетельствуют о возможности и наличии судоходства на Каспийском море, судоходства по реке Куру и о последующем сухопутном пути к Риони и затем в Черное море. Это тем более вероятно, что к берегам реки Куры и ее притоков подходили большие древние дороги" (502, с. 170; 350, с. 7; 425, с. 99).

Судоходность реки Куры в раннесредневековье подтверждается сведениями армянских историков. Армянский историк V века Егише указывает, что близ города Халхал через Куру переправлялись верхом (68, с. 124-127). Эти данные подтверждает М. Каганкатвацци (79, кн. I, гл. 29).

По данным Лазаря Парпеци в Халхал переправлялись через реку Куру на лодках (74, с. 110-113). У Матвея Эдесского упоминается, что в том месте через Куру вел понтонный (подвижной) мост (93). У Себеоса на границе Албании и Армении упоминается переправа брод (81, отд. III, гл. 6).

По данным М. Каганкатвацци, "царь гуннов вышел к Дживанширу навстречу, приплыл на корабле по сию сторону р. Куры и остановился на бурных и глубоких водах" (79, кн. II, гл. 26). Этот же историк указывает, что то место располагалось выше впадения Аракса в Куру (79, кн. II, гл. 26). Он же сообщает: "Князь Феофил прибыл в область Ути и поселился на берегах р. Куры близ гавани у разрушенного моста" (79, кн. I, гл. 30).

В. В. Бартольд, отрицая торговый путь, проходящий через Закавказье, приводит такой факт, что река Оме не впадала в Аму-Дарью и Каспийское море (173, с. 19). Г.Т.К. Гозалишвили в своем труде убедительно доказал, что Аму-Дарья впадала в Каспийское море (232, с. 160).

Несмотря на то, что этот торговый путь играл важную роль в экономике, торговле Албании и Иберии, Я. А. Манандян, основываясь на статье В. В. Бартольда и Гурко-Кряжина, отрицает существование его (350, с. 56-60).

Английский специалист по древней истории Вильям Тарн более тонко отрицал существование этого торгового пути (502, с. 170-171). З. И. Ямпольский, используя данные древних писателей и арабских авторов, критикуя В. Тарна, приходит к заключению, что "есть данные считать необоснованным мнение о том, что в древности не было водного пути из Каспийского моря в Куру. Этот путь вероятно не только существовал, но еще и был связан с внекавказскими большими водными путями" (502, с. 171-172). Существование этой водосухопутной дороги, проходящей через территорию Албании, подтверждается арабскими географами (30, с. 21, 38, 95).

Зона этих связей могла быть весьма значительной, ибо, вероятно, и в древности Каспийское море было соединено водным путем с одной из среднеазиатских рек, впадающих в Каспийское море, и связанной с внутренними территориями Средней Азии, до пределов Индии.

Дальнейшее изучение древнего пути от устья Куры выявляет опорные пункты, такие, как Барда, Эниан, Мингечаур. Затем от Куры шла четырехдневная сухопутная дорога до Сарапаны, от которого начиналась река Риони, судоходная до Черного моря (502, с. 173-180).

Наличие торгового пути через Каспийское море и реку Куру подтверждается археологическими данными. Проведенными Мингечаурской археологической экспедицией раскопками и обследованиями выявлены населенные пункты по реке Куре (Сангар, Алпаут, Сары Гая, Шехер Бурну, Торпахкала и др.), подтверждающие, что не только Мингечаур был населенным пунктом на Куре, игравшим значительную роль в мировых торговых связях (201, с. 90). Найденные в населенных пунктах и погребениях в Мингечауре образцы китайской шелковой ткани еще раз подтверждают, что эти изделия сюда попали по тем же торговым путям (201, с. 90).

Обнаруженные в кувшинных и в катакомбных погребениях Мингечаура стеклянные сосуды, эмалированные приколки, перстни с печатью и различные бусы указывают на торговые отношения с зоной Греции, Рима и Византии (201, с. 90).

Найденные перстни с печатью, печати, бусы и другие предметы, украшения при раскопках населенных пунктов и погребениях в Мингечауре указывают на торговые отношения с югом (главным образом с Парфией и Сасанидским государством) (201, с. 91).

Большой интерес представляют собой бронзовые весовые ручки, обнаруженные в населенном пункте № 2 в Мингечауре, подтверждающие занятия албанцев торговлей (201, с. 91).

Обнаруженные в населенных пунктах и погребениях Мингечаура аршакидские, римские, сасанидские монеты (201, с. 91) показывают, что торговля здесь велась посредством денежных знаков, что способствовало развитию денежных отношений (201, с. 91).

Один из мировых торговых путей, проходящих через территорию Албании, шел по линии "Артахата-Гобди-Раресака" (103, с. 781-782; 350, с. 159). Направление этого пути К. Миллер определяет через пункты, лежавшие недалеко от нынешних центров Маку, Хой, Маранд, Тебриз, Марага и развалин Тахт и-Сулейман (103, с. 782). Но с этим мнением К. Миллера не согласен Я. А. Манандян, хотя он согласен, что эта линия пролегла через Хой (350, с. 160).

Одним из торговых путей, проходящих через Закавказье в III-VII веках, является круговой путь Артахата-Санора-Армастика. Изучением этого пути занимался ряд ученых, таких, как Л. И. Маркварт (550), Я. А. Манандян (350, с. 166), С. Т. Еремян (264, с. 79 и далее).

Направление приведенной круговой дороги К. Миллер относит к территории Азербайджана - через Ордубад - Тебриз - Гандзак в город Курополис (около нынешнего Решта) и оттуда через Астару - Ленкорань к месту слияния Аракса с Курой, а затем вдоль реки Араке в Ордубад-Арташат (103, с. 655-656; 350, с. 167).

Д. И. Маркварт, сравнивая данные таблицы Пефтингера с данными анонимного автора Равенского, локализовал станцию Армастика и ее место в путях того времени. Дорога от Артахата направлялась по линии нынешней дороги Ереван-Акстафа, вдоль реки Занга, вплоть до ее впадения в озеро Севан, где на месте современного села Гомадзор, как предполагается, была станция Гелина, или, как он предлагает читать, Геламиа. Далее дорога шла к месту, где теперь Дилижан, там располагалась узловая станция Санора и дорога разветвлялась на две. Одна из них шла по длине реки Акстафа, выходила к реке Куре у впадения в нее реки Храм. Здесь предполагается место станции Лазо, далее путь вел к Тбилиси и Мцхети-Армази. Другая ветвь от Дилижана направлялась к верховьям реки Акстафа и по притоку реки Бамбак-чай - речка Карби спускалась в Бамбакское ущелье у нынешнего города Кировакан. Отсюда продолжалась вдоль реки Дебела по ее глубокому

каньону, где локализуется станция Лала. Затем у Тбилиси и Мце-Мциета эта дорога соединялась с первой ветвью (См.: 350, с. 168; 264, с. 82).

Данный путь описан и С. Т. Еремян (264, с. 81-91). Он сопоставляет данные таблицы Пефтингера с данными анонимного автора Равенского, рассматривает каждый пункт в отдельности и локализует их. При этом сделана попытка на основе греческой, латинской и местной фонетики и палеографии восстановить первоначальную редакцию. Локализация станции Лала С. Т. Еремян в бассейне реки Акстафы исключает предположенную Марквартом линию от Дилижана через Кировакан (264, с. 84-85). Вместо этого указывается, что дорога шла от Инджевана вдоль левого берега реки Акстафы, через Бахударлу, Лали-гех к городу Казах, а другая - через села Ачаджур, Севкар, Кохти-Гех к реке" Куре (264, с. 85).

Станция Лала С. Т. Еремян отождествляется с Халхалом, который в армянских и грузинских источниках известен как зимняя резиденция царей Албании (264, с. 85).

Локализация станции Лала и анонимной станции дала С. Т. Еремян основание так представить круговую линию: от Лала до Армастика дорога шла по известному ныне пути вдоль реки Куры до Армази-Мцхета, через Тбилисскую котловину; отсюда - на восток, в нынешнюю Кахетию и Кизику, и затем сворачивала на юг к реке Куре.

Отсюда она направлялась на запад, по правому берегу Куры, и подходила к Синора, образуя кольцо (264, с. 86).

С. Т. Еремян определяет географические пункты, через которые проходили дороги. Эта дорога, имевшая особое значение для торговли закавказских стран, в том числе и для Албании, шла через следующие географические пункты: Мцхета по долине реки Куры у Тбилиси, через Казахскую степь, Акстафу, реку Гянджа, село Камарлу, Караязский канал, Тбилиси (264, с. 87-88), а вторая полуокружная - через Халхал, Тауз, село Гушчи, железнодорожные станции Дзегам, Шамхор, западнее города Гянджи (264, с. 88).

После определения этих станций С. Т. Еремян определяет пять неизвестных пунктов до Анонимной станции (264, с. 88).

Столица древней Албании город Кабала имела торговые связи с западом, югом и севером. Западные торговые пути проходили через Иберию. Эти древние дороги вели к большому городу в местности Карагач на р. Алазани (503, с. 171).

Южный путь проходил через Атропатену и Армению. Этот путь в Кабалу шел вверх по руслу.р. Турьян, в которую впадали реки Кара-Чай и Джаурлу-Чай, проходящие через Кабалу (503, с. 168).

Археологические обследования, проводившиеся в последние годы в районе Кабалы, показывают, что торговые пути, связывающие этот город с юго-востоком и югом, проходили через Алванский (Албанский) и Саваланский проходы (295, с. 148; 211, с. 7). Эти торговые пути, проходящие через город Кабалу, азербайджанцы ныне называют "Элчи йолу" или "Безирган йолу" (295, с. 148; 211, с. 7).

Торговый путь к северным предгорьям Кавказа вел вверх от северных ворот Сельбира (503, с. 168). Еще в 1925 году Д. Шарифов (474, с. 174) отмечал, что отсюда проходила прекрасная дорога шириной 5-6 м, которая используется и в настоящее время (305, с. 18). К. В. Тревер (451, с. 260-261) и С. Т. Еремян (275, с. 150) предполагали, что по этой дороге в 684 году направлялось албанское посольство к хазарскому хагану.

Город Барда также был связан с городами стран Кавказа и Ближнего Востока торговыми путями. Этот город находился на перекрестке международных торговых путей. Из Барды шли торговые пути в разных направлениях. Ценные сведения о торговых путях, проходящих в раннее средневековье через Барду, оставил армянский географ Анания Ширакаци (350, с. 253-258). Им описаны караванные пути, проходящие через город Барду в VI-VII вв. "Из Двина в Берткуник 60 миль; оттуда в Партав - 160; оттуда к Каспийскому морю - 90. Из Нахичевани в Ардебиль 200 миль; оттуда в Варданкерт - 70; оттуда в Пайтакаран - 60; оттуда к Каспийскому морю - 50. Из Двина к Кульп - 50; оттуда в Котакевх - 120; оттуда в Тифлис - 140; оттуда в Хунаракерт - 70; оттуда в Партав - 100" (350, с. 255; III, с. 166-167).

Кроме этих данных армянского географа ценные сведения есть у арабских географов. Они отмечают, что из Барды шли торговые пути на север - через Шемаху к Дербенду (30, с. 29-31; 21: с. 101; 48, с. 17; см.: 168, с. 151-152; 270, карты V-VII вв.; 165, с. 155), на юго-восток - через Байлакан на Ардебиль и дальше в Иран (30, с. 33, 67; 21, с. 101; 48: с. 17; 24, с. 9-13; 43, с. 9-13, 25-27; см.: 168, с. 151-152;

270, карты V-VII вв.; 156, с. 155). Другая торговая дорога вела на юго-запад в Армению до Двина и дальше в Сирию (30, с. 33, 67; 21, с. 101-102; 48, с. 17; 24, с. 11, 29; см.: 168, с. 152; 270, карты V-VII вв.; 156, с. 156; 350, с. 175-204, 248-250; 451, с. 266; 185, с. 187); еще одна караванная дорога шла на северо-запад - через город Гянджа в Тифлис к побережью Черного моря (30, с. 31-33; 21, с. 101; 48, с. 17; 24, с. И; 43, с. 29; см.: 168, с. 151-152; 270, карты V-VII вв.; 156, с. 155; 451, с. 266).

Археологические обследования последних лет показывают, что Барда-Двинский караванный торговый путь проходил не так, как предполагал академик Я. А. Манандян, а через современные населенные пункты Барда - Мир-Башир - Мардакерт - Агдам-Физули - Кубатлы - Язы - Горис - Шам - У руд - Вагуди - Агуди - Шагат (Шалак) - Базарчай - Зангезурчай, перевал Даралагез - Шарур - Сасаджан - Двин (246, с. 15).

Таким образом, вышеуказанные материалы показывают, что через территорию древнего Закавказья (Иберию, Албанию, Армению) проходили всемирно известные торговые пути, которые играли большую роль в экономике и торговле этих стран. Через территорию Албании проходили такие важные мировые торговые пути, как торговые пути по Каспийскому морю и реке Араке, "Артахата-Гобди-Раресака" и круговой торговый путь "Артахата-Санора-Армастика". Почти все торговые пути Албании носили транзитный международный характер. Наличие торговых путей, проходящих через Каспийское море и реку Куру, подтверждается также археологическими данными.

Как отмечено нами выше, с развитием феодализма в Албании IV-VII вв. развивалась экономика. В связи с этим, вероятно, сельскохозяйственные товары - пшеница, ячмень, просо, хлопок, бахчевые культуры, марена, маслины, шафран, садовые культуры (виноград, яблоко, груша, гранат, вишня, грецкий орех, каштан, кизил), овощи, скот (крупный и мелкий рогатый), лошади, скотоводческие продукты (масло, сыр, кожа, шерсть и др.), различные сорта рыб продавались на местных рынках. Развитие ремесленного производства делало возможным вывоз на рынок керамических изделий, орудий труда (серпы, косы, мотыги, топоры и др.), различного оружия из железа, а также - украшений из золота, серебра и других металлов, ткацких изделий, шелковых тканей, полотна, хлопчатобумажных тканей, ковров и других товаров.

Торговые операции албанцы, вероятно, вели на местных, городских и областных рынках, о существовании которых молчат письменные источники рассматриваемого периода. Но письменные источники позднего периода дают ценные сведения о рынках Кавказской Албании. Арабские источники сообщают, что в городах Албании (Арране) были большие рынки (30, с. 7-9; 21, с. 101-103; см.: 156, с. 154, 156, 160). Они находились у ворот больших городов (30, с. 7-9; 21, с. 101-103; 156, с. 154, 156, 160). Эти рынки, по свидетельству источников, особенно в воскресные дни, бывали оживленными (30, с. 7-9; 21, с. 101-103; 156, с. 154, 156, 160). По сообщению Ибн Хаукаля, "там бывают разные народы, а с ними предметы потребления и товары, как-то: шелк, сакат, бербехар, ароматы, уксус, изделия шорников и медников, золото, серебро, кони, мулы, ослы, крупный рогатый и мелкий скот" (21, с. 102; 156, с. 156).

Археологические материалы, обнаруженные на территории Албании, документируют другие элементы торговых операций. Во время раскопок в Мингечауре в раннесредневековом слое обнаружен бронзовый рычаг от подвесных весов (201, с. 91, таб. 5, 6). Часть подвесных весов, относящихся к раннесредневековью, найдена также в селе Чардахлы Е. А. Пахомовым (см.: 157, с. 91, р. 25). Эти данные показывают, что в раннесредневековье в торговых операциях албанцы пользовались весами, вероятно, они также знали единицы мер и весов.

Часть товаров албанцы вывозили в соседние страны, о чем свидетельствуют письменные источники. Из Албании вывозили мулов (48, с. 14; 30, с. 25; 21, с. 88, 97; см.: 156, с. 157, с. 157, 164), рыбу разных сортов (21, с. 87; 30, с. 9), шелковые ткани, полотно и полотняные верхние одежды (30, с. 7, 11; 21, с. 87, 89; 48, с. 14; см.: 156, с. 157; 451, с. 181-182), шафран (48, с. 14). В Албании марены было, столь много и она была столь высокого качества, что ее вывозили в другие страны по морским и сухопутным путям (21, с. 93; 30, с. 25; см.: 156, с. 164; 451, с. 180).

Из других стран в Албанию привозили разные товары, об этом свидетельствуют обнаруженные археологами на территории Албании импортные товары.

Полагают, что, несмотря на развитие в раннесредневековой Албании шелководства, сюда привозили шелковые изделия из других стран. Эти привозные шелковые ткани найдены во время археологических раскопок в Мингечауре (201, с. 130).

Для раннесредневековых времен характерны завозные геммы и буллы, которые обнаружены при археологических раскопках в Мингечауре, Хыныслах, Кабале, Торпах-Кале, Гяндже и в других местах Азербайджана (162, с. 12-13; 201, с. 63-66; 149, с. 63-72; 202, с. 98; 203, с. 137; 156, с. 163).

Среди импортных вещей, обнаруженных во время раскопок в Мингечауре во втором слое поселения № 3, большой интерес представляет обожженная булла (201, с. 66, 90, 91; 203, с. 131), вероятно, скреплявшая торговые соглашения. Исследователи склонны считать, что наряду с местным производством стеклянных изделий в раннесредневековой Албании были и привозные из других стран Ближнего Востока (156, с. 162; 390, с. 16). К привозным из-за границы стеклянным изделиям относят обнаруженные при археологических раскопках в Азербайджане вазоподобные сосуды (143, с. 34; 247, с. 96; 390, с. 6; 384, с. 228, таб. XI, рис. 3), стеклянный кувшин (247, с. 72-82), рюмки (390, с. 7; 462, с. 31-39; 147, с. 129, рис. 7), пиалы (393, с. 90-94), флаконы (302, с. 42-51; рис. 2; 451, с. 189, рис. 21-2; 390, с. II; 147, с. 130), украшения (390, с. 13-14). Для изучаемого периода характерны привозные, так называемые сасанидские декорированные серебряные сосуды - произведения торевтики, которые обнаружены при археологических раскопках в Торпахкале (143, с. 35, рис. 5, а, б, в, 246, с. 20-21), Мингечауре (149, с. 66, рис. 2, 9 (а, б, в); 451, с. 170; 246, с. 20), Лачине (144, с. 43, таб. XIII, рис. 1) и Ленкорани (144, с. 43, таб. XII, р. 1).

Большое количество привозных украшений было обнаружено при археологических раскопках, относящихся к раннесредневековью, по всей территории Азербайджана (201, с. 59; 413, с. 153, рис. 1; 246, с. 21) и в Дагестане (141, с. 239-249; 427, с. 248, 264; 246, с. 22-23). Исследователи считают, что часть этих украшений была привезена из сасанидского Ирана (413, с. 153; 246, с. 22), а часть - из Византии и других стран (427, с. 248-264; 246, с. 23).

Таким образом, привозные шелковые ткани, геммы, разные стеклянные изделия, декорированные серебряные сосуды, а также женские украшения, обнаруженные на территории Азербайджана, являются вещественным доказательством торгового обмена и определенно указывают на торговые связи, существовавшие в раннесредневековый период между Кавказской Албанией и странами Ближнего и Среднего Востока.

Рост торговых отношений с соседними странами, а также развитие внутренней торговли, привели к увеличению монетного обращения. Предполагают, что "каури" употреблялись в Албании как монеты тогда, когда монеты еще не имели большого распространения (156, с. 153).

Много монет сасанидских царей, относящихся к раннесредневековью, обнаружено при археологических раскопках по всей территории Азербайджана: в Баку (411, с. 12), Агдаме (401, с. 37), Мингечауре (406, в. V, с. 31-32; в. VI, с. 34-35; 413, с. 141-166), Шемахе (406, в. IX, с. 26-27; 457, с. 218), Балакани (406, в. II, с. 20), Таузе (406, в. IX, с. 29), Шамхоре (406, в. VI, с. 33), Жданове (412, с. 90), Исмаиллах (406, в. II, с. 18), Байлакани (429, с. 351-356; 428, с. 365; 412, с. 90-107; 154, с. 60-61). На территории Азербайджана археологами обнаружены также византийские монеты (412, с. 90; 246, с. 24).

С развитием внутренней торговли в азербайджанском городе Барде и, вероятно, в других городах Албании начинается чеканка монет сасанидских правителей (406; 156, с. 153).

Монеты, обнаруженные на территории раннесредневековой Албании, являются вещественными доказательствами торгового обмена и торговых связей, существовавших между раннесредневековой Албанией и странами Ближнего Востока.

Изучение данных раннесредневековых письменных источников и археологических материалов показывает, что в раннесредневековье в Албании торговля получила широкое развитие, а также, что через территорию Албании проходили всемирно известные торговые пути, которые играли большую роль в экономике и торговле страны. Албания становится в это время одним из всемирно известных центров торговли. В IV-VII вв. она имела широкие торговые обмены и связи со странами Ближнего и Среднего Востока.

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

ОБЩЕСТВЕННЫЕ ОТНОШЕНИЯ И ГОСУДАРСТВЕННАЯ ВЛАСТЬ

Как отмечалось выше, советская историческая наука достигла значительных успехов в исследовании проблем генезиса феодализма в Закавказье. В задачу исследования не входило изучение генезиса феодализма в Азербайджане. Эта проблема должна явиться предметом специального исследования на более широкой источниковой и исследовательской базе. Эта работа, в свою очередь, должна явиться лишь одной из тех работ, которые в будущем и составят исследовательскую базу такой важной, сложной, многоплановой проблемы, как генезис феодализма в Азербайджане. Перед нами стояли конкретные задачи.

В то же время заметим, что, учитывая современные достижения советской исторической науки в исследовании генезиса феодализма в Закавказье, мы рассматривали различные аспекты исторического развития Кавказской Албании в IV-VII вв. н.э. как раннефеодального государственного образования.

Вопросы раннесредневековых общественных отношений относятся к числу таких, по которым сохранилось мало конкретных данных и которые еще ждут своего полного и всестороннего решения.

Основой социальных отношений раннесредневековой Албании были антагонистические отношения феодальной собственности. По Егише, социальным фундаментом Албании тогда были крестьяне (68, гл. II; 331, с. 103; 341, с. 26; 389, с. 186-189). Подтверждая это сообщение, М. Каганкатвацци в то же время сообщает, что крестьяне делились на земледельцев, скотоводов (79, кн. I, гл. 26; 451, с. 185; 331, с. 103; 341, с. 26) и садоводов (79, кн. I, гл. 11, 26; 451, с. 185; 331, с. 103; 341, с. 26). Среди людей труда были и рыбаки (79, кн. II, гл. II, 14). По своему социальному положению крестьяне делились на имущих (туаник), середняков (тарапял), бедняков (79, кн. I, гл. 26), простолюдинов (рамиков) (79, кн. I, гл. 26; 331, с. 103; 341, с. 26), чернь (79, кн. I, гл. 26; кн. II, гл. 11,14). Каждая деревня Албании имела старшину (79, кн. I, гл. 26; кн. II, гл. 14).

Фавст Бузандацци (87, кн. V, гл. 4; 331, с. 103; 341, с. 21, 26) и М. Каганкатвацци (79, кн. I, гл. 19, 23; кн. II, гл. 10, 16; 331, с. 103; 341, с. 21-26) констатируют наличие в Албании ремесленников. Имелись в ней и торговцы (79, кн. II, гл. 16; 341, с. 27). Вероятно, близки к ремесленникам были в то время албанские архитекторы (79, кн. II, гл. 2; 341, с. 27).

Господствующий класс Албании того периода представлял собой верхушку военно-феодальной иерархии (332, с. 94-95; 341, с. 26-27). О нем сообщает армянский историк Егише (68, гл. I) и М. Каганкатвацци (79, кн. I, гл. 17). По Егише, в Албании были начальники (хазарапеты) (68, гл. III). Это утверждение не расходится с данными, приводимыми М. Каганкатвацци, Фавстом Бузандацци, Себеосом, М. Хоренацци (79, кн. II, гл. 14; 87, кн. V, гл. 4, 5; 81, отд. III, гл. 35, 38; 76, кн. I, гл. 29; кн. II, гл. 22, 45; кн. III, гл. 37; 331, с. 103; 341, с. 27). Л. Парпеци (74, кн. III, гл. 87; 331, с. 103). Он утверждает, что в Албании были не только рядовые воины, что согласуется со сведениями М. Каганкатвацци (79, кн. I, гл. 8, 12; кн. II, гл. 21), но и знатные воины (68, гл. III), "люди знатные" (68, гл. I, II), что также подтверждает М. Каганкатвацци (79, кн. II, гл. 21; 451, с. 186).

Отдельные отрывочные данные раннесредневековых письменных источников позволяют высказать некоторые суждения о феодальных социально-экономических отношениях Албании, как основе ее строя (451, с. 289; 331, с. 101-103; 341, с. 26-29; 185; с. 67-68; 343, с. 32 и далее; 387, с. 62-65; 75-82; 389). Из сообщений Агафангела, Корюна, Л. Парпеци, Себеоса, Гевонда, Асогика (65, с. 462; 69, с. 20; 74, кн. II, гл. 2; 81, отд. III, гл. I, 38; 82, гл. III; 84, кн. II, гл. 2; 331, с. 101-102; 341, с. 26) явствует, что в Албании были князья. Албанский историк тоже в свою очередь свидетельствует, что в Албании имелись князья-ишханы (79, кн. I, гл. 17; кн. II, гл. 10, 39; см.: 451, с. 289; 331, с. 102; 341, с. 26; 389, с. 198-199). У Парпеци же есть сведения о существовании в Албании младших князей-ишханов сепухи (74, кн. II, гл. 25; 331, с. 102). М. Хоренацци (76, кн. III, гл. 6; кн. II, гл. 45; 331, с. 102) и Гевонд (82, гл. III; 331, с. 102) отмечают, что в Албании были

вельможи. М. Каганкатвацци также пишет о вельможах-нахарарах Албании (79, кн. II, гл. 3: 14, 36; 451, с. 289; 331, с. 102), родоначальниках, людях царской крови (79, кн. II, гл. 3, 14, 36, 451, с. 289; 331, с. 102).

Егише, М. Хоренацци, Л. Парпеци и Асогик (68, гл. III; 76, кн. Ш, гл. 3, 54, 60; 74, кн. И, гл. 25; 84, кн. I, гл. 5; 331, с. 102; 341, с. 26) говорят о правителях в Албании. В частности, Асогик сообщает о наличии в Албании наместников (84, кн. I, гл. 5). Эти данные армянского историка подтверждает М. Каганкатвацци (79, кн. II, гл. 36; 341, с. 26). По Фавсту Бузандаци, в Албании имелись еще и владельцы (76, кн. IV, гл. 50; 331, с. 102). И эти сведения находят подтверждение у М. Каганкатвацци (79, кн. И, гл. 10; 451, с. 289; 331, с. 102; 341, с. 26).

По Егише, Корюну и Л. Парпеци (68, гл. I, II; 69, с. 19; 74, кн. II, гл. 27; 331, с. 106; 341, с. 26; 389, с. 197-198), составной частью албанского раннефеодального общества являлись люди свободные -азаты. Такого же рода данные приводит Моисей Каганкатвацци (79, кн. II, гл. 27; 331, с. 106; 341, с. 26; 389, с. 197-198).

Исключительно трудно на базе ныне доступных источников проследить хотя бы в общих чертах процесс установления феодальной собственности на основное средство производства - землю в раннесредневековье (494; 501; 403, т. II, с. 303-310; 451, с. 185; 331, с. 104-105; 341, с. 28-29; 189, с. 155-156; 185, с. 62-63; 389, с. 208-246). Однако известно, что значительные площади обрабатываемой земли в Албании принадлежали наследственно албанским царям (79, кн. I, гл. 10). Последние имели коронную земельную собственность, а также собственность (поместья) членов царской семьи. По М. Каганкатвацци, албанский царь Ваче владел тысячью дымов (семейств), которые подарил ему отец в детстве (79, кн. I, гл. 10; см.: 331, с. 104-105; 341, с. 64). Отрекшись от престола, Ваче ушел, взяв с собой "... только собственную долю, полученную от отца - тысячу семейств" (79, кн. I, гл. 10; см.: 331, с. 104-105; 341, с. 64). Этот же историк сообщает, что персидский царь Иездигерд III дал Джаванширу "... в услужение деревни с жителями и реки с рыбой" (79, кн. II, гл. 18; 331, с. 104-105; 341, с. 28), что село Лютакан было собственностью царя Вачагана III (79, кн. I, гл. 21; 331, с. 104-105; 341, с. 28), что в Албании у членов царской семьи имелись поместья. У царя Вачагана III была дочь по имени Хынчик, "ей он построил поместье" (79, кн. I, гл. 23; 331, с. 105, 341, с. 28),

Как известно, характерным для феодализма являлось церковное землевладение. Самым крупным землевладельцем после албанского царя была албанская церковь (79, кн. I, гл. 11, 29 (канон 6); см.: 189, с. 196; 185, с. 62; 389, с. 221-223 и 246). Имели свои владения, поселения и "азаты" Албании (79, кн. I, гл. 26; см.: 331, с. 105; 341, с. 28; 343, с. 32; 389, с. 243), албанские вельможи (79, кн. I, гл. 16, 17; см.: 403, т. II, с. 308; 331, с. 105; 341, с. 28; 389, с. 221-225, 243-244). В Албании были и крестьяне, которые владели "пашнями и садами" (79, кн. I, гл. 26; 331, с. 105; 341, с. 28; 389, с. 246).

Население Албании облагалось трудовыми повинностями и налогами. Ценные сведения сохранил М. Каганкатвацци (79, кн. I, гл. 26; 441, с. 185; 189, с. 156; 331, с. 105; 341, с. 29). По этому источнику крестьяне-землевладельцы и крестьяне-садоводы обязаны были давать церкви следующее: "Тот, кто богат, должны дать четыре грива пшеницы, шесть гривен ячменя и 16 кувшинов сладкого (вина)" (79, кн. I, гл. 26; 185, с. 63; 331, с. 105; 341, с. 29), середняки - "половину каравая

хлеба и столько вина, сколько может" (79, кн I, гл. 26; 185, с. 63; 331, с. 105; 341, с. 29), а у "кого нет пашни или виноградника, с того (ничего) не брать" (79, кн. I, гл. 26; 185, с. 63; 331, с. 105; 341, с. 29). Крестьяне-скотоводы давали скотом". "... Тот, кто имеет в своем домашнем хозяйстве овец - одну овцу, трех овец - шерсть и одну головку сыра, а у кого лошадь - жеребенка, у кого крупный рогатый скот - теленка" (79, кн. I, гл. 26; 185, с. 63; 331, с. 105; 341, с. 29).

Кроме натурсбора свободные люди "азаты" давали церкви десятинную долю. Причем, "при сдаче десятинной доли азаты обязаны дать половину ее центральной церкви, половину же - своей церкви" (79, кн. I, гл. 26; 331, с. 105; 341, с. 29; 345, с. 93). После принятия христианства, при царе Урнайре, крестьяне-земледельцы и крестьяне-скотоводы стали давать церкви "десятинные доходы с гумна и садов, виноградников, пастбищ и стад и всех домашних животных" (79, кн. I, гл. И; 331, с. 105; 341, с. 29; 189, с. 156). Натуральный доход, собираемый с жителей Албании, шел в пользу церкви (79, кн. I, гл. 26; 331, с. 105).

Кроме того, "миряне", свободные люди - "азаты", крестьяне, как и все население Албании, обязаны были ежегодно отслуживать обедни за упокой душ своих умерших, за что платили священникам и вносили пожертвования в пользу церкви. "Каждый благородный (свободный) или сельский житель или другой мирянин не должен пропускать ни одного ежегодного подношения в память умершего, в том количестве, сколько он может себе позволить, никто не должен лишать умерших доли их доходов" (79, кн. I, гл. 26; 185, с. 64, 67; 341, с. 73; 345, с. 93). Лица царской фамилии и "азаты" - люди свободные еще при своей жизни "за спасение своей души" должны были дать церкви "... одного коня, оседланного и с доспехами, и все, что может сам принести. Если он не даст этого в течение своей жизни, то его семья должна сделать после его смерти" (79, кн. I, 26). Из оставленного умершим имущества его приближенные должны были выделить определенную долю монастырям и церквам: "Если умерший человек имел лошадей, так тот должен дать церкви одну лошадь, которую он пожелает, если он имел крупный рогатый скот, - одного быка, какого он пожелает" (79, кн. I, гл. 26; 185, с. 64; 341, с. 74; 345, с. 93).

Давали также феодалам и церкви так называемые "пожалования" из поясов, браслетов, одежды, жемчуга, золота, ткани, редких животных, птиц, украшений (79, кн. II, гл. 18, 22; кн. III, гл. 11; 185, с. 66),

Присвоение прибавочного продукта господствующим классом и внешнеполитические интересы албанской знати обеспечивало албанское государство. Эта тема затронута в сводной "Истории Азербайджана", "Очерках истории СССР", в книге К. В. Тревер, а также в работах Т. М. Мамедова, З. М. Буниятова, А. П. Новосельцева и Ф. Дж. Мамедовой (об этом более подробно см. во "Введении"). Но всестороннее исследование вопроса о государстве Албании IV-VII вв. по раннесредневековым источникам до сих пор полностью не завершено.

После захвата Сасанидами Закавказья в соседних с Албанией странах царская власть была уничтожена. Так было с Арменией: она стала провинцией Сасанидского государства (258, с. 79). Ряд исследователей считают, что Албания тоже была включена в состав Сасанидского государства и находилась в полной зависимости от него (402, т. I, с. 314; 274, с. 3; 185, с. 38; 239, с. 126; 325, с. 33). С этим мнением нельзя согласиться. Раннесредневековые письменные источники показывают иное.

В рассматриваемый период в Албании существовало государство, "царская власть" (451, с. 289-291; 341, с. 30-31; 332, с. 91-95).

По раннесредневековым источникам, государство это называлось Албанским царством, и Агафангел, Корюн, Фавст Бузандаци, Егише, М. Хоренаци, Л. Парпеци (65, с. 113,114,117,133,135; 69, с. 18-19; 87, кн. V, гл. 4, 5, 35, 43; 68, гл. X; 74, кн. II, гл. 35; 76, кн. III, гл. 37, 38, 54; см.: 341, с. 30), Айриванеци, Вардан, Асогик (78, с. 45; 83, с. 37, 100; 84, кн. II, гл. 2) отмечают в Албании самостоятельных царей до VII века включительно. Эти данные подтверждает М Каганкатваци (79, кн. I, гл. 6, 7, 10, 11, 13, 15, 17, 18, 19, 21, 22, 23, 26). Он отмечает, что в VII веке, когда не оказывалось прямого наследника или он не был подходящим, правители Албании избирались знатью. После смерти Джаваншира "правители, наместники, сановники, герцоги и все князья той страны собрались в присутствии католикоса Елиазара" и "... единодушно согласились избрать царем брата Джаваншира, Вараз-Трдата" (79, кн. II, гл. 36; 332, с. 92; 341, с. 30). Избрание албанских правителей сопровождалось соответствующей церемонией: "...все сановники, распустив эмблемы с изображениями животных на поднятых знаменах, при звуках труб посадили его на золотой щит и подняли трижды вверх, выкрикивая слова восхваления" (79, кн. II, гл. 4; 332, с. 92; 341, с. 30).

Из сообщений Фавста Бузандаци, М. Хоренаци и Асогика (87, кн. V, гл. 4; 76, кн. III, гл. 3; "4, кн. II, гл. I; 332, с. 92; 341, с. 30) ясно, что албанские цари венчались короной. Эти данные подтверждает албанский историк (79, кн. I, гл. 19; 332, с. 92; 341, с. 30). Корюн, Егише и М. Хоренаци (69, с. 19; 68, гл. III; 76, кн. III, гл. 54) указывают, что албанские цари имели свою резиденцию и царские дворы. Эти сообщения не расходятся с данными М. Каганкатваци (79, кн. I, гл. 19, 26; кн. II, гл. 2, 3, 28, 34; 332, с. 92; 341, с. 30). Так, по Егише, албанские цари имели зимнюю резиденцию в городе Халхале (68, гл. III; 332: с. 92; 341; с. 30), что тоже подтверждается М. Каганкатваци (79, гл. 2, кн. II, 332, с. 92; 341, с. 30).

Столицей царей Кавказской Албании до V века был город Кабала (319, с. 295, 451, с. 254; 333, с. 72), а с V века и до конца рассматриваемого периода, т. е. VII в. - город Барда (Партав) (79, кн. I, гл. 5; кн. II, гл. II; 333, с. 72; 341, с. 23, 39). Цари Албании имели знамена с "изображением животных" (79, кн. II, гл. 36), албанцы разукрашивали свои разноцветные знамена золотом, серебром и драгоценными камнями (79, кн. I, гл. 21).

Письменные источники сохранили мало сведений о жизни двора царей Албании. Только Корюн и М. Хоренаци (69, с. 19; 76, кн. III, гл. 54; 332, с. 92; 341, с. 31) отмечают, что при дворе царей Албании были священники. Это подтверждает М. Каганкатваци, сообщая (79, кн. I, гл. 19, 26; кн. II, гл. III; 332, с. 92; 341, с. 30), что царь "при дворе содержал много иереев, диаконов, чтецов и псаломпевцов, которые днем и ночью совершали службу святым" (79, кн. I, гл. 19; 332, с. 92; 341, с. 31). Албанские цари держали при дворе воинов, были окружены знатью (79, кн. II, гл. 21; 332, с. 92; 341, с. 31), притворе был ритор (79, кн. II, гл. 34; 332, с. 92; 341, с. 31).

Албанские цари скрепляли свои документы печатью на перстне: "... царь опечатал царской печатью-перстнем" (79, кн. I, гл. 23; 332, с. 92; 341, с. 31). Цари и другие правители Албании титуловались по-разному. Так, один из албанских епископов обращается к Джаванширу со словами: "... заботливый князь, всесильный вождь,

эксконсул и патриций, господин Джаваншир, князь Албании" (79, кн. II, гл. 30; 451, с. 289-290; 332, с. 92). Джаваншир в письме к Константу II называет себя "спарапет и князь Албанский" (79, кн. II, гл. 20; 451, с. 290; 332, с. 92). В ответном послании византийский император обращается к нему со словами: "Властитель Гардмана, князь Албании, эксконсул и протонпатриций" (79, кн. II, гл. 21; 451, с. 290; 332, с. 92). Сасанидский царь называл Джаваншира аспарапетом Албанским (79, кн. II, гл. 18; 451, с. 290; 332, с. 92).

Албанские цари облачались в соответствующие пышные одежды, восседали на троне. М. Каганкатваци свидетельствует: "Когда же возшла утренняя звезда, он (Джаваншир) надел свои царские одежды и воссел на троне. Двери отворились и вошли воины, неся свое оружие, и стали позади него с обеих сторон. После того вошли со страхом по порядку знатные" (79, кн. I, гл. 21; 451, с. 290; 332, с. 92; 341, с. 31).

По Егише, некоторые-албанские цари находились в родственных отношениях с династией Сасанидов (68, гл. X; 332, с. 92; 341, с. 31-32). Эти сведения подтверждает М. Каганкатваци (79, кн. II, гл. 9; 332, с. 92; 341, с. 32).

В Албании при дворе царей творили суд. Историк сообщает об этом: "При его дворе собрался праведный суд и неподкупное правосудие над народом" (79, кн. II, гл. 21, 332, с. 92; 341, с. 32), и смертные казни приводились в исполнение по указанию царя (79, кн. II, гл. 26; 332, с. 92; 341, с. 32).

Имена многих албанских царей нам известны, но даты правления их пока точно не установлены. М. Каганкатваци и Айриванеци, К. Гандзакеци оставили списки царей и правителей Албании (79, кн. III, гл. 22; 78, с. 19; с. 19; 83, с. 99-100; 341, с. 33). С начала рассматриваемого периода и до второй половины V в. здесь правила династия албанских Аршакидов (79, кн. I, гл. 16; 319, с. 294-295; 451, с. 145). Одним из албанских царей в начале IV века был Санат-рук. О нем пишут Фавст Бузандаци (87, кн. III, гл. 6-7; см.: 451, с. 191, 194-197; 329, с. 91), М. Хоренаци, Асогик, Вардан (76, кн. III, гл. 3, 4, 5, 6, 9; 84, кн. II, гл. I; 73, с. 43; см.: 451, с. 188-190, 195; 329, с. 91) и М. Каганкатваци (79, кн. I, гл. 12; 451, с. 188). Санатрук вел свое происхождение от аршакидской династии (87, кн. III, гл. 6; 76, кн. III, гл. 3). О короновании Санатрука, захвате им города Пайтакарана сообщают М. Хоренаци, Асогик, Вардан (76, кн. III, гл. 9; 84, кн. II, гл. I; 73, с. 43; 451, с. 189; 329, с. 91) и М. Каганкатваци (79, кн. I, гл. 12; 451, с. 180). По данным письменных источников, Санатрук был союзником Сасанидов и по повелению персидского царя Шапура II вместе с ним выступил против византийско-армянских войск (76, кн. II, гл. 9; 79, кн. I, гл. 12; 451, с. 190-191).

После Санатрука в Албании правили Вачаган I Храбрый и Ваче I. К сожалению, о них сохранились только скудные данные у М. Каганкатваци (79, кн. I, гл. 15; III, гл. 22; 78, с. 19).

Одним из албанских - аршакидских царей был Урнаир, о котором сообщают Агафангел, Фавст Бузандаци, М. Хоренаци и Айриванеци (65, с. 113; 87, кн. V, гл. 4, 5, 35; 76, кн. III, гл. 37; 78, с. 45; 332, с. 93; 341, с. 32-33).

Агафагел отмечал, что между албанским царем Урнайром и армянским царем Трдатом были дружеские отношения. "Армянский царь Трдат послал письмо царю

албанов и пригласил его к себе в город Вагаршапат" (65, с. 113; 332, с. 93; 341, с. 33).

Царь Урнаир был родственником (зятем) сасанидского царя Шапура (310-379): "Урнаир, царь агванский, был мужем сестры персидского царя Шапуха" (79, кн. I, гл. 9; 319, с. 295; 332, с. 93; 341, с. 31-32). Этот династический брак содействовал обеспечению независимости албанского государства, сделал албанских царей союзниками Сасанидов. Урнаир в качестве союзника Шапура II совместно с ним сражался против войск Византии и Армении (87, кн. V, гл. 4; 76, кн. III, гл. 36-37; 79, кн. I, гл. 13; см.: 451, с. 199-200; 329, с. 92).

При Урнаире христианство стало государственной религией Кавказской Албании (65, с. 114-115, 117, 133, 135; 79, кн. I, гл. 9, 11; 78, с. 45; 341, с. 49).

Об албанском царе аршакидской династии Арсвагене (Арсваг) сообщают Корюн, М. Хоренаци и М. Каганкатваци (69, с. 18; 76, кн. III, гл. 54; 79, кн. II, гл. 3; кн. II, гл. 22; 341, с. 33; 329, с. 93). Во время правления Арсвагена, в начале V в. вошла в употребление письменность Албании. Об этом сообщают Корюн и М. Хоренаци (69, с. 18; 76, кн. III, гл. 54; 330, с. 103). Аналогичные сведения о создании письменности Албании в V в. при царе Арсвагене приводят историк М. Каганкатваци, а также Асогик и Вардан (79, кн. II, гл. 3; 84, кн. II, гл. I; 73, с. 51; 330, с. 104).

При Арсвагене была открыта первая школа для обучения детей этой письменности. По его приказу "для обучения письменности" были собраны "дети из разных областей и местностей", которым было назначено "содержание на (их) пропитание" (69, с. 19; см.: 330, с. 103).

После составления алфавита албанский епископ Еремия перевел религиозные книги на албанский язык, о чем свидетельствует армянский историк Корюн (69, с. 19; см.: 330, с. 103).

Об албанском царе Ваче II сообщают Егише, Айриванеци и М. Каганкатваци (68, гл. X; 78, с. 19, 47, 48; 79, кн. I, гл. 10-11, 15-16, кн. III, гл. 22; 332, с. 93). По апологетической характеристике М. Каганкатваци, Ваче II был "широкоплеч, высокого роста, подобен ангелу, радостен (утешителен), воодушевитель, ясен, красивее всех товарищей - сверстников своих" (79, кн. I, гл. 11; 341, с. 33). Он находился в родственных отношениях с сасанидским царем, будучи племянником (сыном сестры) Ормизда и Пероза (68, гл. X; 341, с. 33).

Царь Ваче II "... по своим отцовским (обычаям) традициям раньше был христианином, но Иездигерд, царь царей, насильно сделал его магом" (68, гл. X; 451, с. 214; 341, с. 63). После смерти Иездигерда Ваче II, недовольный политикой Сасанидов, в 457 г. восстал против них (68, гл. X; 79, кн. I, гл. 10; 451, с. 214; 341, с. 63). Не имея достаточных сил, чтобы противостоять Сасанидам, он отступил к проходу Чора. К нему примкнуло одиннадцать отрядов горских племен. Заключив с ними союз, Ваче II вел борьбу с Сасанидами: "Приступом взял он (Ваче П.- Т. М.) ущелье и перевел в эту страну войска мазкутов и заключил союз с одиннадцатью царями горных племен" (79, кн. I, гл. 10; 451, с. 214; 430, с. 34; 401, т. I, с. 36). Сасанидский царь Пероз, учитывая, что Ваче II не прекращает борьбу, призвал на помощь хайландуров. Большими сокровищами "он привлек их на свою сторону и с их помощью вел длительную борьбу с восставшими албанами" (68, гл. X; 79, кн. I, гл.

10; 403, т. II, с. 313; 451, с. 215; 423, с. 51). Но ему так и не удалось покорить албанского царя. "Хотя войска Ваче,- сообщает албанский историк уменьшились и рассеялись, но покорить его не могли" (79, кн. I, гл. 10; 451, с. 216).

Тогда Пероз пошел на переговоры и несколько раз пытался заключить с Ваче мир. В своем ответном письме албанский царь, упрекая Пероза за гонения против христианской знати, писал: "Я лучше буду нести их мучения, нежели отлучусь от общества христианского" (68, гл. X; 341, с. 64). Персидский царь просил царя Албании: "Пришли ко мне (твою мать родную), сестру мою и племянника моего (сына ее второго брака), которые прежде исповедывали ученье наше, но которых ты сделал христианами" (68, гл. X; см.: 341, с. 64). Ваче II отослал к Перозу "свою мать и жену (свою)... сам взял Евангелие, оставил всю страну на произвол и ушел" (68, гл. X; см.: 341, с. 64).

Пероз стал предлагать Ваче II все, что тот пожелает, лишь бы он остался в своем царстве.

Таким образом, вышеуказанные материалы показывают, что в тот период Сасанидское государство было заинтересовано в том, чтобы Албания была самостоятельным и сильным государством, могущим противостоять набегам через Дербентский проход кочевников, постоянно угрожавших северу владений Сасанидов.

Но албанский царь в 461 г. отрекся от престола, выговорил у Пероза тысячу домов, которые, как уже отмечалось выше, дал ему отец в детстве, покинул столицу, вернулся на землю своих предков в Чора, где и поселился. Как повествует благочестивый летописец, остаток своей жизни Ваче посвятил служению христианству. Егише пишет: "Поселился в нем с несколькими отшельниками и предался с такою ревностью служению богу, что даже, никогда не вспоминал, что он когда-нибудь раньше был царем" (68, гл. X; 451, с. 215; 403, т. II, с. 308; 341, с. 64). Эти сведения Егише повторяет М. Каганкатвацци (79, кн. I, гл. 10; см.: 451, с. 215; 341, с. 64). Он приводит два апологетических письма армянского епископа Гюта к этому албанскому царю (79, кн. I, гл. 11; см.: 451, с. 216-217; 374, с. 88-90). У Каганкатвацци о Ваче сказано и в "Книге имен властителей, показывающей ряд их от Иафета до третьего Вачагана" (79, кн. I, гл. 15; см.: 451, с. 217). М. Каганкатвацци сообщает о том, что Ваче происходил из фамилии Аршакидов (79, кн. I, гл. 10; см. 451, с. 217). По сообщениям М. Каганкатвацци и Айриванеци, этот албанский царь построил город Партав (Барда) (79, кн. I, гл. 10; 78, с. 47; см.: 451, с. 217).

После того, как Ваче II отрекся от престола, в 461 г. власть царя в Албании на короткое время была упразднена (79, кн. I гл 16* см.: 171, с. 21; 451, с. 215; 403, т. II, с. 314; 341, с. 65). Носителями верховной власти в государстве выступали тогда католикос и крупные феодалы.

Однако и после этого в Албании не прекращались антисасанидские восстания. Под их влиянием Сасаниды вынуждены были отказаться от политики, направленной на уничтожение государственной самостоятельности Албании.

Когда брат Пероза Валарш в 485 г. занял сасанидский престол, государство Сасанидов переживало экономический упадок. Для обеспечения восстановления хозяйства страны Валарш решил заключить мирный договор с восставшими иберами,

албанами и армянами. Представителям персидского царя, которым было трудно заключить договор, восставшие предъявили свои условия: управление должно быть предоставлено местной знати; властителем страны может-т5ыгг только лишь царь; предоставление всем свободы вероисповедания. Эти условия персидская сторона приняла, и в 485 году в деревне Нуарсах был заключен мирный договор (Нуарсахский договор) (74, кн. III, гл. 89).

Так в Албании была восстановлена царская власть. Царем был провозглашён Вачаган III (487-510 гг.)- последний албанский царь из рода Аршакидов. Сведения об этом находим у М. Каганкатваци: "Затем страна Албания отказалась (отреклась) от местной царской династии и признала (царем) Вачагана из царского рода Персии. Он был человеком великой доблести, мудрым, рассудительным, высоким, статным, был он сыном Йездигерда и братом царя Албании Ваче. Они приняли его и сделали царем..." (79, кн. I, гл. 17; 451, с. 225; 341, с. 65). При этом албанский царь Вачаган III "вследствие сильной злобы царя (Пероза), принужден был принять магизм, но тайно проводил в молитвах и постах и исповедание Христа..." (79, кн. I, гл. 17; 451, с. 225). После смерти Пероза Вачаган III "... свернул с греховного пути и совершил многие и разнообразные добродетельные поступки, обратив царство от злого дьявольского идолопоклонства на путь истинного служения господу, и искренним раскаянием он дополнил свою добродетель" (79 кн. I, гл. 17; 451, с. 225).

Вачаган III проводил политику укрепления царской власти в Албании. Исходя из этого, он подчинил себе и стал укреплять в Албании христианскую церковную организацию (См. об этом более подробно в главе "Религия IV-VII вв.").

Другим средством упрочения государственной власти, усиления христианства в Албании Вачаган III считал подготовку кадров грамотных чиновников и духовенства. С этой целью им были открыты училище, школа (79, кн. I, гл. 18).

Чтобы расширить масштабы влияния церкви на массы населения и укрепить царскую власть в стране, Вачаган III созвал в 488 году в Агуэне церковный собор. На нем присутствовали наиболее крупные феодалы и высшее духовенство. Собор вынес ряд важных решений, укреплявших положение христианской церкви и усиливавших ее влияние на народ (79, кн. I, гл. 26), которое осуществлялось через энтичные (епископальные) организации (79, кн. I, гл. 26).

Вачаган III уделял большое внимание христианской догматике, а также науке своего времени, переписывался с видными богословами (См. об этом в главе "Письменность и школа").

Укреплению религии служило и насаждение культа мощей. Так, мощи Григориса якобы были найдены в Амирасе именно при этом албанском царе (79, кн. I, гл. 23). Вачаган III построил в Амирасе церковь, на могиле Григориса была воздвигнута часовня (79, кн. I, гл. 23). Всего же по инициативе Вачагана III в Албании было построено 365 церквей (78, с. 48).

После восстания 572 г. Сасаниды должны были пойти на дальнейшие уступки албанской знати. Функции марзпана были ограничены фиском и вооруженными силами, а внутреннее управление Албанией вновь было предоставлено местной знати.

С конца VI века возвышается албанская царская династия Михранидов (171, с. 25). Основоположник ее Михран принимал участие в восстании, которое произошло в конце VI в. в Иране. Опасаясь преследований со стороны царя Хосрова II (590-628), Михран бежал из страны. М. Каганкатваци сообщает: "Затем Михран, родственник Хосрова, бежал: объединив под своей, властью верные ему области страны, перешел в Албанию, взяв с собой Около 30000 семейств, он вступил в провинцию Ути, близ великого города Партава..." (79, кн. II, гл. 17; 451, с. 234; 185, с. 58; 341, с. 84). *. Хосров II, опасаясь, что Михран может объединиться с его врагами, направил ему письмо, в котором разрешал остаться в Албании. М. Каганкатваци отмечает, что Хосров II так писал об этом Михрану: "Брат мой, мой верный брат. Не удаляйся от меня во вражде. Если ты не благоволишь жить со мной, возьми себе в стране (Албании) аая жительство столько земли, сколько успели пройти твои ноги к тому времени, когда ты получишь это письмо" (79, кн. II, гл. 17, 451, с. 234; 185, с. 58; 341, с. 84). Письмо это "дошло до Михрана в холмистой области Гардман. Он взял, прочел его, очень обрадовался. Наблюдая за умеренной природой края, он с удовольствием остался там жить и построил там город и по своему имени назвал его Михраваном" (79, кн. II, гл. 17; 451, с. 234; 185, с. 58; 341, с. 84). Михран начал борьбу против местных правителей, о чем свидетельствует албанский историк: "Когда весна почти наступила, он отправился в верхние районы области Гардман, хитростью пригласил к себе двенадцать ее вождей (владельцев), предал их мечу и овладел страной (79, кн. II, гл. 17; 451, с. 235; 185, с. 58-59; 341, с. 85). Преемники Михрана "... подчинили себе также дикие народы Кавказа..." (79, кн. II, гл. 17; 451; с. 235, 185, с. 58-59; 341, с. 85).

Далее историк сообщает о потомках Михрана: "... У него (Михрана.- Т. М.) был сын Армаэл, который родил ему Варда; Вард родил Вардана Храброго... Он (Вардан) родил сына Варда, Вард родил Варазмана, принцессу Шушик и Вараз-Григора... Вараз-Григор имел четырех сыновей, которых звали Вараз-Перож, Джаваншир, Езуд-Хосров, Варазман" (79, кн. II, гл. 17; 451, с. 235; 185; с. 58-59; 341, с. 85).

Албанское население продолжало упорно бороться за сохранение своей самобытности. Примечательно в данной связи, что Вараз-Григор (628-636 гг.) хотя и был сасанидского происхождения, но, как правитель Албании, он должен был принять христианскую (монофизитскую) религию и был крещен албанским католикосом Виро (79, кн. II, гл. 17).

В начале VII в. имела место война между Персией и Византией, во время которой Албания стала ареной военных действий и понесла значительный ущерб. Сведения об этих событиях мы находим у Себеоса, М. Каганкатваци и в грузинском источнике "Хроника Сумбата" (81, отд. III, гл. 26; 79, кн. II, гл. 10-12, 14; 56, с. 42, 44, 127-128).

Во время совместного выступления византийского императора Ираклия и хазар против Албании царь Вараз-Григор, чтобы не допустить разорения страны, пошел на восстановление дружеских отношений с императором, объявив себя его союзником (56, с. 126-127; см.: 272, с. 27-28; 403; т. II, с. 319-320, 322), и принимает религию халкедонизма и тем самым переходит от монофизитства в диофизитство. Вараз-Григор поддерживал дружеские отношения и с сасанидскими правителями (79, кн. II, гл. 18).

После Вараз-Григора в Албании правил его сын Джаваншир (636-679). Во время его правления страна развивалась и крепла. Джаваншир "... от границ Иберии до ворот гуннских и до реки Араке правил как абсолютный монарх" (79, кн. I, гл. 21; см.: 451, с. 246; 185, с. 75; 341, с. 93). Он был искусным воином-полководцем (79, кн. II, гл. 18), тонким дипломатом, поддерживая дружеские связи с Арменией (81, отд. III, гл. 35), Грузией (79, кн. II, гл. 19) и другими государствами. При нем упрочились отношения с византийским императором Константином II (79, кн. II, гл. 20-22). Определенное время поддерживались также дружеские отношения с хазарским хаганом (79, кн. II, гл. 26) и арабскими халифами (79, кн. II, гл. 27, 28).

Джаваншир являлся одним из наиболее авторитетных государственных деятелей и политиков Кавказа. "В продолжение этих трех-десяти и трех лет Господь сделал благочестивого князя албанского победоносным. Он был уважаемым и почитаемым четырьмя завоевательными государствами и был не ниже этих властителей. Так как он был во всем велик и высок, то никто ребяческим поведением и легкомыслием не пренебрегал его могуществом" (79, кн. II, гл. 28).

Во времена правления Джаваншира в Албании развивалась наука и вся духовная культура. Возводились храмы и дворцы (79, кн. II, гл. 27; 330, с. 105). При дворе Джаваншира жил поэт Давтак. Это был человек, "обладавший искусством артиста, знаток, сильный в красноречии, преуспевший в насыщении поэзии, человек, который превосходно говорил, с богатой и красноречивой риторикой, чей язык был подобен перу скорописца" (79, кн. II, гл. 34; 330, с. 105). После смерти Джаваншира Давтак написал о нем хвалебную элегию (79, кн. II, гл. 34; 330, с. 105).

Умер Джаваншир в 679 году от тяжелых ран, нанесенных ему "... злобным Ениба, изменником Вараза" (79, кн. II, гл. 34; 451, с. 249).

После смерти Джаваншира, когда прошли дни траура, к албанскому католикусу Егиазару собрались на совещание начальники "родов", владельцы областей, правители племен и вся знать страны и "единодушно согласилась избрать одного из главных вельмож, который был отмечен императорским титулом экс-консула и достиг ранга патриция. Его звали Вараз-Трдат, сын Вараз-Пероза, брат Джаваншира" (79, кн. II, гл. 36, 185, с. 102; 332, с. 92; 341, с. 95).

После избрания царем Вараз-Трлата (680-699) халиф Иазид I признал его "наместником восточных областей и правителем царства Албанского и провинции Ути" (79, кн. II, гл. 27; 185, с. 165).

Вараз-Трдат, как и его предшественник, вел осторожную политику с целью защиты страны от грабежей со стороны захватчиков и сохранения ее самостоятельности. Когда в 681 году, т. е. в первый год правления Вараз-Трлата, многочисленные войска хазар во главе с Алп-Илитвером напали на Албанию (79, кн. II), албанский правитель направил к хазарам посольство (79, кн. II, гл. 36). Албанскому католикусу Егиазару удалось склонить хакана к "... миру и неразрывной дружбе" (79, кн. II, гл. 36). Но в последние годы правления Вараз-Трдата Албания утратила свою самостоятельность и стала зависимой от трех государств. "Он платил дань трем народам - хазарам, таджикам (арабам.- Т. М.) и грекам (Византии)" (79, кн. II, гл. 12; 372, с. 36; 189, с. 165; 185, с. 106).

Улучшив отношения с хазарами, Вараз-Трдат решил прекратить выплату дани византийцам и для этого вместе с сыновьями Гагиком и Варланом отправился в 699 году в Константинополь для переговоров (79, кн. III, гл. 12; 171, с. 96; 403, т. II, с. 533; 451, с. 250). Однако император Тиберий III, располагая данными о том, что Вараз-Трдат к тому времени сблизился с халифатом, заключил царя с сыновьями в крепость и продержал их там до 704 г. (79, кн. III, гл. 12; 171, с. 26; 403, т. II, с. 533; 451, с. 250).

В 705 г. войска халифа под командованием Мухамед ибн Марвана напали на Албанию и завладели ею. Албанский царь Шерой, последний из династии Михранидов, был схвачен и увезен в Сирию (79, кн. III, гл. 16; 451, с. 250; 185, с. 106). После этого Албанией стали управлять наместники халифа. Албания, как государство, потеряла свою самостоятельность.

О войске, на которое опиралось албанское государство, известно из ряда письменных источников. Об этом, в частности, писали Фавст Бузандаци, Егише, М. Хоренаци, Себеос и Асогик (87, кн. I, гл. 4, 5, 43; 68, гл. I, II, III; 76, кн. I, гл. 29; кн. II, гл. 8, 22, 37, 45; 81, отд. III, гл. 38, 35; 84, кн. I, гл. 5; 332, с. 94; 341, с. 34), а также М. Каганкатваци (79, кн. I, гл. 8, 12, 21; кн. II, гл. 18; 332, с. 94; 341, с. 34).

По Егише и Каганкатваци, албанские воины имели тяжелые позолоченные щиты (68, гл. III; 79, кн. II, гл. 36; 451, с. 287; 332, с. 94; 341, с. 34). Фавст Бузандаци сообщает, что воины были вооружены копьями и мечами (87, кн. V, гл. 43; 451, с. 287; 332, с. 94; 341, с. 34). По Егише, военачальники были вооружены мечами и кинжалами, носили шлемы (68, гл. III, 451, с. 287; 332, с. 94; 341, с. 34). Эти данные армянских историков подтверждает М. Каганкатваци (79, кн. I, гл. 12; 451, с. 287; 332, с. 94; 341, с. 34).

Он сообщает, что албанские полководцы имели при себе копья и защищали свое тело броней (79, кн. I, гл. 12; 332, с. 94; 341, с. 34). Парадное вооружение полководца состояло из меча в драгоценных ножнах, двух золотых дротиков и двух щитов с золотыми рельефами, которые носили всегда перед ним: около полководца несли знамя, шли трубачи. "... Согласно звания полководца дал ему знамя и звонкие трубы, два золотых дротика и два золоченых щита, которые носили всегда перед ним" (79, кн. II, гл. 18; 451, с. 288; 332, с. 94; 341, с. 34). Егише отмечает, что в составе албанских войск, кроме пехоты, была и конница (68, гл. II; 332, с. 94; 341, с. 34). Повествуя о восстании закавказских народов против Сасанидов в 451 г., он описывает войско и военную организацию восставших. Из этих сообщений Егише видно, что в составе албанской пехоты были лучники и щитоносцы (68, с. 96; см.: 451, с. 288, 289), войско делилось на полки и отряды (68, с. 96; см.: 451, с. 288, 289). Каждый отряд имел свои знамена (68, с. 96; см.: 451, с. 288, 289). В полках были трубачи. Боевое построение албанских войск во время наступления было фронтальным (68, с. 96; см.: 451, с. 289). Когда войско оборонялось, устраивали укрепленный лагерь, располагались станом (68, с. 96; 451, с. 289).

Егише пишет, что в составе албанского войска были люди из свободных и именитых юношей - древней царской крови (68, гл. I; 332, с. 94; 341, с. 34). По Себеосу, Албания "имела многочисленное войско и гарнизоны" (81, отд. III, гл. 37; 332, с. 94; 341, с. 34). По Егише, Хоренаци, Асогику (68, гл. III; 76, кн. II, гл. 8, 9; 84, кн. I, гл. 5; 332, с. 94; 341, с. 34), албанское войско состояло более чем из десяти тысяч воинов, что подтверждает М. Каганкатваци (79, кн. I, гл. 12, 29; 332, с. 94; 341, с.

34). Между тем М. Каганкатвацци в другой части своей истории отмечает, что албанская армия была "... в количестве 30 тысяч человек..." (79, кн. I, гл. 12; 451, с. 191; 341; с. 77).

Егише сообщает еще, что албанцы, "отправляясь на военную службу, ...брали с собой на войну священные книги и своих священников" (68, гл. I; 332, с. 94; 341, с. 34).

Об исторически сложившемся административно-территориальном делении Албании сохранились сведения ряда авторов (341, с. 35-37). Из свидетельства Агафангела, А. Ширакаци, Гевонда, М. Хоренаци и Вардана (65, с. 115; И, с. ар. 17, рус. 41; ар. 19, рус. 48; ар. 19, рус. 50; ар. 20, рус. 51; 76, кн. II, гл. 74; кн. III, гл. 54; 82, гл. XXI; 73, с. 40; 341, с. 35) видно, что Албания делилась на области, что отмечает и М. Каганкатвацци (79, кн. I, гл. 21; кн. II, гл. 10,11,14,17, 22, 36, 37). У Ширакаци (11, с. ар. 17, рус. 41; ар. 19, рус. 50; ар. 20, рус. 51; 341, с. 36) сохранились сведения о том, что Албания была еще разделена на провинции или, как пишут Корюн и Фавст Бузандаци (69, с. 19; 87, кн. III, гл. 3; кн. IV, гл. 50,13; 341, с. 36), на области. Фавст Бузандаци отличает область от "страны" (87, кн. III, гл. 6; 341, с. 36). Вардан сообщает, что территория Албании была разделена на округа (73, с. 40; 341, с. 36). Фавст Бузандаци пишет, что Албания была разделена на княжества. Эти сведения подтверждают Агафангел и М. Хоренаци (67, кн. IV, гл. 50; 65, с. 115; 76, кн. II, гл. 8; 341, с. 36). Исторически сложившееся административно-территориальное деление более латентно и подробно изложено в первой главе работы.

Представляют интерес данные о церковно-административном делении Албании. Об этом некоторые свидетельства сохранил албанский историк. Он отмечает, что Албания была разделена на епископства во главе с епископами (341, с. 38; 185, с. 66; см. также главу "Религия IV-VII вв.").

Анализ степени развития производительных сил и характера производственных отношений в Албании исследуемого периода дает возможность зафиксировать процесс зарождения феодальной земельной собственности (царское и церковное землевладение, земли, принадлежавшие азам и вельможам) и определить номенклатуру феодальных правящих групп (князья, вельможи, азамы, военная знать, церковная знать - духовенство) и трудящихся (крестьяне, ремесленники, рыбаки, торговцы и др.).

Первоисточники свидетельствуют, что албанское государство IV-VII вв., продолжая традиции древней Албании, было суверенным и имело своих царей, проводивших самостоятельную политику.

Таким образом, раннесредневековые источники документируют основные черты государственно-политической структуры Азербайджана, характеризуя Кавказскую Албанию IV-VII вв. как суверенное государство, опиравшееся на феодальную и феодально-церковную знать, возглавляемое царскими династиями, имевшими свои резиденции, вооруженные силы, царский суд (332, с. 91-95; 341, с. 41).

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

ПИСЬМЕННОСТЬ И ШКОЛА

На базе развития феодальных производительных сил и производственных отношений в раннесредневековой Албании складывались условия для развития культуры.

Во время правления албанского царя Арсвагена в начале V в. был изобретен албанский алфавит и вошла в употребление письменность.

Письменность Кавказской Албании еще не получила исчерпывающего научного анализа. Этому вопросу уделяли внимание И. Абуладзе, А. Г. Шанидзе, Р. Ачарян, А. Курдян, Л. М. Меликсет-Бек, А. Абрамян, К. В. Тревер, А. Анасян, В. Л. Гукасян, Г. А. Климов, А. Ш. Мнацаканян, Т. М. Мамедов и др. (Об этом более подробно см. выше в "Введении").

Были исследователи, которые сомневались в самом существовании албанской письменности (511, с. 318; см.: 374, с. 14). Н. Акинян в своей работе придерживается ошибочного мнения. Он утверждает, что Месроп Маштоц никогда не создавал алфавита для христианского албанского народа, и что сведения источников о создании Маштоцем письменности для албан относятся не к кавказским албанам, а к европейским готам (511, с. 318).

Но письменные источники сохранили бесспорные доказательства и о письменности, и о языке кавказских албан. Об албанской письменности сообщает армянский историк Корюн: "И он (Маштоц), разузнав и обследовав чужеземный говор албанского языка, создал затем письмена по своему дарованному свыше мощному вдохновению" (69, с. 18; см.: 330, с. 107; 341, с. 42). Сведения об албанской письменности сохранил и М. Хоренаци, который пишет: "Месроп при помощи их (албанцев) составил письмена говора гаргарского, говора, богатого гортанными звуками" (76, кн. III, гл. 54; см.: 330, с. 101; 341, с. 43). В "Книге писем" в послании армянского католикоса Бабкена говорится: "О нашем вероучении мы писали вам раньше вместе с грузинами и агванами, каждый на своем языке" (67, с. 40-51; см.: 467, с. 3; 513, с. 4; 451, с. 309; ПО, с. 5; 330, с. 101).

Армянский историк Гевонд приводит документ, из которого ясно, что когда христианство распространилось в Албании, здесь был сделан перевод Евангелия на албанский язык (82, гл. XIV; см.: 330, с. 101). Сведения о существовании письменности в Албании мы находим и у Асогика (84, кн. II, гл. I) и у Вардана (73, с. 51; см.: 330, с. 101).

Историк М. Каганкатваци сообщает: "которые владеют письмом, считаются евреи, латиняне, которые управляли также римлянами, испанцами, греками, марами (мидяне), армянами, албанцами" (79, кн. I, гл. 3; см.: 330, с. 101; 341, с. 44).

Переводы с албанского языка и албанская письменность упоминаются в пяти рукописях Матенадарана имени Месропа Маштоца. Одна из них озаглавлена: "Об истории святого и божественного помазания, которую написали отцы Востока албанским письмом и перевели на армянский язык" (39, № 2080, л. 118 а, 120 а, №2136, л. 26-36, " 2618, л. 95-96 а-96 л, № 3070, л. 43-49, № 2121, л. 340-342; см.: 110, с. 6; 330, с. 101-102). В другой рукописи Матенадарана сказано: "Приступим к пятой главе и укажем число племен, кто они такие, которые имеют письменность и соблюдают календарь. Племен - 72, а языков, распространенных по всей земле из племени Яфета - 15, Хама - 32, Сима - 25. А те племена, которые

имеют письменность и знают литературу, их - 12. Первые евреи, фракийцы, римляне, греки, армяне, грузины, албаны, но не самостоятельные, а получившие от армян, точно так же, как сирийцы и исмаилтяне, т. е. халдейцы, получившие от евреев" (37, .№ 1089/1267, л. 358; 341, с. 44).

Долгое время, кроме приведенных сведений об албанской письменности в науке не было других данных. В 1838 году французский востоковед Борэ в своей докладной записке французской Академии наук сообщал, что ему удалось обнаружить в Матенадаране алфавит кавказских албан (537, т. II, с. 18; см.: 110, с. 5-6). Выяснилось, что он был армянской тайнописью. Спустя более 50 лет, в 1886 году армяновед Н. Я. Карамянц опубликовал сообщение о том, что ему удалось в одной из рукописей 1535 г. обнаружить текст (письменность албанцев) (547, с. 317- 319), но и это оказалось армянской криптограммой (см.: 110, с. 6).

В 1937 году доктор филологических наук, профессор И. В. Абуладзе, изучая рукопись XV в. в Матенадаране, обнаружил в рукописи № 1717 албанский алфавит (117, с. 69-71). Затем два других списка (3124 и 2013) этой рукописи были обследованы в Матенадаране Т. И. Тер-Григорьяном (447, с. 1). Они представляют собой одну из рукописей XV в., которая была составлена по заказу священника Мкртыча монахом Фомой Мецопским в качестве учебника для учащихся монастыря. В этой рукописи, наряду с арабским, сирийским, армянским и грузинским алфавитами, был и албанский алфавит, состоящий из 52 букв. После тщательного изучения албанского алфавита, обнаруженного в этой рукописи академиком А. Г. Шанидзе в 1938 году, была опубликована работа об этом алфавите (467). В 1957 году была опубликована другая работа А. Г. Шанидзе относительно албанского алфавита (468, с. 33-34). Эта находка заинтересовала академика Р. Ачаряна, который выступил со статьей о достоверности албанского алфавита (513, с. II). В защиту этой достоверности выступили другие ученые (541, с. 125-132; 545, с. 427-432).

Найденный албанский алфавит обрел бы еще более бесспорную ценность, если бы была обнаружена надпись на албанском языке. По этому поводу А. Г. Шанидзе в 1938 году в своем исследовании писал: "Открытие албанского алфавита, бросающего некоторый свет на звуковой состав языка, является поворотным пунктом в албановедческих работах; это только начало для целого ряда разысканий, которые - должны дать удовлетворительные ответы на недоуменные вопросы. Я убежден, что не все письменные источники албанского языка погибли. Очень возможно, что на местах где-нибудь всплывут фрагменты албанских рукописей. Во всяком случае специальные обследования развалин культовых сооружений древнего Азербайджана и их раскопки должны обнаружить эпиграфические тексты, ключ для чтения которых уже найден. Данные нашего алфавита должны быть строго проверены на текстах. Только тогда он приобретает настоящую ценность и займет подобающее место среди других алфавитов. Будем надеяться, что усилия найти албанские тексты, высеченные на камнях или нанесенные на глиняные сосуды, пергаментные листы и др. не окажутся тщетными и что в ближайшем будущем хоть сколько-нибудь удастся восполнить досадный пробел в культурной истории кавказских народов" (467, с. 62).

Через 10 лет после этого предсказания А. Г. Шанидзе албанская надпись нашлась. В 1948 г. археологической экспедицией Музея истории Азербайджана АН Азербайджанской ССР в Мингечауре, руководимой С. М. Казиевым (299, с. 396-403),

на левом берегу р. Куры, на территории городища Судагылан археолог Р. М. Ваидов (201, с. 137-147; 203, с. 133, рис. 61) обнаружил камень с албанской надписью.

В Мингечауре были найдены и другие албанские надписи на керамических подсвечниках № 1 (195, с. 81-85), № 2 (197, с. 113-114), № 3 (197, с. 113), № 4 (231, с. 234-236).

Обнаружение албанской надписи археологами стало, как предсказывал академик А. Г. Шанидзе, "подлинным праздником для специалистов по культурной истории закавказских народов" (467, с. 62).

Вскоре после обнаружения албанских надписей в Мингечауре, в 1956 году, А. Курдян (США) выступил с сообщением о находке нового списка албанского алфавита. Этот список, находящийся в одной рукописной коллекции этого армяноведа, является копией списка рукописи № 7117 Матенадарана (549, с. 81-83). Алфавиты рукописей Матенадарана и коллекции А. Курдяна отличаются большим количеством знаков, их 52, богаты свистящими и шипящими звуками (471, с. 204-205).

Вероятно, текст, сделанный албанским алфавитом, был найден в сентябре 1970 г. в окрестностях села Верхний Лабко Левашинского района Дагестанской АССР (240, с. 130). Эта находка – каменная плитка с нанесенным на нее албанским алфавитом, имела 45 знаков, была опубликована Х. Арсланбековым, В. Л. Гукасяном (240, с. 132-133). Сопоставляя ранее найденные списки албанского алфавита с этим алфавитом, В. Л. Гукасян полагает, что в нем отсутствуют 10 знаков, имеющих в ранее найденных списках, в которых нет трех знаков, имеющих на плитке (240, с. 132-133).

Таким образом, вопреки сомнению исследователей относительно существования албанской письменности, вышеуказанные сведения письменных источников, а также обнаруженные рукописи албанского алфавита и найденные археологические находки утверждают существование албанской письменности. Албанцы, наряду с другими народами мира, имели свою самостоятельную письменность.

Возникновение албанского алфавита традиционно связывается с именем Месропа Маштоца (112, с. 59-61; 11-, с. 3-4; 352; 511; 403, т. II, с. 326-329; 532; 374; с. 67-73; 171, с. 15).

Ряд таких авторов, как М. Абемян (106, с. 311, 312), Г. Ачарян (513, с. 3-11; 514, с. 46), Г. Севак (432), А. Мелик-Агаджанян (40, см.: предисловие), в своих работах, касаясь происхождения албанской письменности, ошибочно приписывают происхождение ее создателю армянской письменности в V в. Месропу Маштоцу. В письменных источниках сведения о создании письменности для Албании Месропом Маштоцем сомнительны. Это отмечено А. Г. Периханян (418, с. 126-127). Армянский историк Корюн сообщает, что еще до того, как Маштоц собрался отправиться в Албанию, к нему "случайно пришел некий священник, родом из Албании, по имени Вениамин. И он (Маштоц), разузнав и обследовав чужеземный говор албанского языка, составил затем письмена по своему дарованному свыше мощному обыкновению" (69, с. 18; см.: 330, с. 103; 374, с. 68). Из этого сообщения следует, что Месроп Маштоц не знал албанского языка. До прибытия в Албанию он ознакомился с помощью Вениамина с албанским языком. Месроп Маштоц, не зная

албанского языка,"... отправился в Албанию и пришел в этот край. Прибыв в царскую резиденцию, он увиделся со святым епископом Албании, которого звали Иеремией, и с их царем, имя которого было Арсваг, и со всеми азатами... (Маштоц), опрошенный ими, сообщил, ради чего он прибыл, и они вдвоем, епископ и царь, согласились подчиниться введению письменности" (69, с. 18-19; 341, с. 43; 330, с. 103; 374, с. 68-69; с. 22). После того, как Маштоц изложил цель своего прихода, албанский царь и епископ "... издали приказ привезти из разных областей и местностей владычества своих детей для обучения письменности, собрать их, распределить по группам в удобных и пристойных местах и назначить содержание на (их пропитание)" (69, с. 19; 330, с. 103; 374, с. 69, 341, с. 43; 352, с. 22; 451, с. 308-309).

Сведения о создании письменности кавказских албанцев Месропом Маштоцем дает также М. Хоренаци. Эти сведения в некоторой степени отличаются от сообщений Корюна. М. Хоренаци по этому поводу пишет:"... Месроп направляет свой путь в Албанию к Арсвагену, царю (этой страны), и к главе епископов Иеремии. Они охотно принимают его ученье и дают ему избранных мальчиков. И призвав к себе даровитого переводчика Вениамина, которого немедленно отпустил к нему юный Васак, владетель сюникский, через посредство епископа своего Анания, Месроп при помощи их составил письма говора гаргарского, говора, богатого гортанными звуками, грубого, варварского, в высшей степени нескладного. Поручив надзор ученику своему Ионафану и назначив священников при царском дворе, сам Месроп возвращается в Армению" (76, кн. III, гл. 54; 451, с. 308; 330, с. 103; 341, с. 43).

Сравнивая сообщения Корюна и М. Хоренаци, мы видим, что в отличие от Корюна, по М. Хоренаци письменность была создана при помощи албанцев - Вениамина и Иеремии. Корюн называет Вениамина "священником", М. Хоренаци - "переводчиком". Из этих сообщений ясно, что Месроп Маштоц не знал албанского языка и объяснялся с албанцами через переводчика Вениамина. Далее Корюн сообщает, что Месроп Маштоц еще до прибытия в Албанию изучил албанский язык и создал для албан письменность. М. Хоренаци дает сведения, что Месроп Маштоц по прибытии в Албанию на основе одного из албанских языков - гаргарского говора создал письменность для албан. В отличие от Корюна, который сообщает, что "для обучения письменности" были собраны "дети из разных областей и местностей", которым было назначено "содержание на (их) пропитание", М. Хоренаци пишет, что для обучения письменности к Месропу Маштоцу были собраны "избранные мальчики".

Аналогичные М. Хоренаци сведения о создании письменности в Албании сохранил и М. Каганкатваци: "Блаженный Месроп прибыл в Албанию... к нашему патриарху Иеремии и к царю Асуагену. Они охотно приняли его учение по дарованной ему Божьей благодати, потому что святой дух через него дал письма армянам и иберцам. Они согласились дать ему избранных отроков на учение и призвали из Сюни переводчика Вениамина, которого отпустил Васак Манук по просьбе епископа Анании. Когда они прибыли к Месропу, он вместе с ними создал письма, богатые гортанными звуками, грубого, варварского и необработанного гаргарского языка" (79, .кн. II, гл. 3; 330, с. 103-104; 341, с. 43-44).

Согласно М. Каганкатваци, Месроп Маштоц вместе с албанцами создал письма на основе гаргарского языка.

О создании письменности Албании Месропом Маштоцем дают еще сведения Асогик и Вардан. Асогик пишет, что "божие провидение через посредство блаженного Вардапета Месропа даровало письма не только армянам, но и иберийцам и албанам" (84, кн. II: гл. I; см.: 330, с. 104; 341, с. 44). Вардан сообщает, что "... Месроп отправился в Иберию и создал для ее жителей письма при содействии некоего Джახела, бывшего своего ученика. Оттуда он пошел в Албанию, создал и для них письма, сообразуясь с их языком, при помощи Вениамина" (73, с. 51; 330, с. 104; 341, с. 44). Из этих сообщений Вардана ясно, что в создании албанской письменности большую роль играли албанцы.

Таким образом, из противоречивых сообщений Корюна, М. Хоренаци и других армянских историков, а также историка М. Каганкатваци о создании албанской письменности, ясно, однако, что в этом деле сами албанцы играли значительную роль. Албанская письменность была создана в V в. при содействии Вениамина и Иеремии. Албанская письменность была приспособлена к одному из албанских языков - гаргарскому говору - богатому гортанными звуками, характерному для кавказских языков. Месроп Маштоц не знал албанского языка, общался с албанцами с помощью переводчика Вениамина и поэтому в создании письменности албанцев он не мог играть значительной роли.

После составления алфавита книги с других языков были переведены на албанский язык. Албанский алфавит был внедрен в жизнь, о чем свидетельствуют письменные источники. Однако, А. Ш. Мнацаканян пытается отрицать наличие албанской литературы (532; 374). Мы не будем останавливаться в целом на книге А. Ш. Мнацаканяна, его точка зрения раскритикована В. Гукасяном, который сказал, насколько книга А. Ш. Мнацаканяна "О литераторе Кавказской Албании" далека от науки (235, с. 85-100). Из сообщений армянского историка Корюна ясно, что на албанском языке существовала литература. Корюн пишет, что "... блаженный епископ Иеремиа немедленно принялся за перевод божественных книг, с помощью которых дикомыслящие, празднобродящие и суровые люди страны Албании быстро узнали пророков, апостолов, унаследовали Евангелие" (69, с. 19; см.: 330, с. 104; 341, с. 46). О переводе Евангелия на албанский язык дает сведения и армянский историк Егише. Он свидетельствует, что албанцы и лпины, отправляясь на военную службу, "брали с собой на войну священные книги свои и священников" (68, гл. I).

Из Гевонда также ясно, что Евангелие было переведено на албанский язык. Он пишет: "Но та же самая книга - Евангелие, на всех языках хранится целою и неповрежденною. Умолчу о многих языках, на которых преподавание было наше чудесное и спасительное богоучение, упомяну о некоторых, во-первых - как греческий, во-вторых - римский, в-третьих - бадалийский..., в-пятых - сирийский, в-шестых - эфиопский, в-седьмых - индийский, в-восьмых - сарацинский, в-девятых - персидский, в-десятых - армянский, в-одиннадцатых - иберийский, в-двенадцатых - албанский" (82, гл. XIV; 330, с. 104; 341, с. 45; 235, с. 89).

О существовании албанского перевода Евангелия еще в V веке мы узнаем из историка М. Каганкатваци. Он повествует о царе Ваче II: "Оставил он свою страну (Албанию.- *Т. М.*) и, взяв Евангелие, хотел удалиться..." (79, кн. I, гл. 10,11).

Использование также во время правления Вачагана III Евангелия мы находим у албанского историка: "После этого взял царь (Вачаган.- *Т. М.*) с собой все множество участников собора и повелел всем епископам с иереями, диаконами,

пустынниками и всем клиром церковным и служителями, каждому с Евангелием и Крестом..." (79, кн. I, гл. 3; см.: 467, с. 3; 291, т. I, с. 117; 171, с. 14; 330, с. 104; 341, с. 45).

Историк М. Каганкатвацци также указывает, что была литература на албанском языке. Он пишет: "После этих событий албанская страна была захвачена хазарами, а церкви и Евангелия были уничтожены огнем" (79, кн. I, гл. 21). Обращаясь к этим сведениям, академик А. Г. Шанидзе полагает, что "Завет" (Ветхий и Новый) был на албанском языке (467, с. 3). Таким образом, из вышеуказанной детали албанского историка становится ясно, что на албанском языке существовали религиозные книги.

Одним из ярких доказательств существования на албанском языке литературы является рукопись, обнаруженная А. Л. Анасяном в Матенадаране в г. Ереване. В пяти рукописных списках находится албанский текст в армянском переводе. Один из них озаглавлен: "Об истории святого и божественного языка, которую написали отцы Востока агванским письмом и перевели на армянский язык" (39, № 2080, л. 118 а, 120 а, № 2136, л. 2 б, 3 б; № 2618, л. 95 а, 96а; № 3070, л. 43-49; № 2121, л. 340 б, 342 а, 403, т. II, с. 329; 110, с. 5; 330, с. 101-102).

О существовании на албанском языке литературы есть сведения в "Книге Писем". В послании Бабкена (490-516), написанном после Двинского собора (в 506 голу), говорится: "О нашем вероучении мы писали вам раньше, вместе с грузинами и агванами, каждый на своем языке" (67, с. 51; 467, с. 3; 513, с. 4; 451, с. 309; 110, с. 5; 330, с. 101).

Расцвет албанской письменности и литературы А. Г. Шанидзе (467, с. 3), С. Т. Еремян (403, т. II, с. 329) и К. В. Тревер (451, с. 309) относят к V-VII вв. Еще в 1938 году А. Г. Шанидзе писал, что "эпохой расцвета албанской письменности надо считать V-VII вв., когда албанцы во всех областях политической и культурной жизни Кавказа принимали деятельное участие наравне с грузинами и армянами.

Письменность эта продолжала еще долго существовать и после покорения страны арабами в VII веке, в период постепенного перехода албанцев в мусульманство и их денационализации, усилившейся с X века и принявшей угрожающие размеры в монгольскую эпоху, но за неимением точных данных трудно сейчас сказать, до каких именно пор была она в живом употреблении народа" (467, с. 3).

Существование на албанском языке литературы V-VII вв. подтверждают переписка албанских царей и переписка албанских религиозных деятелей с религиозными деятелями Армении по спорным вопросам вероисповедания. Из М. Каганкатвацци становится ясно, что албанский царь Ваче II переписывался с армянским католикосом Гютом. Армянский католикос Гют послал албанскому царю Ваче II два письма (79, кн. I, гл. II, см.: 38, № 2966, с. 119 б и № 3062; 374, с. 87-90). В одном из них он писал: "ибо, благодаря подвигу такому..., вера предков в стране твоей сохранилась, церкви в целостности стоят, часовни в мире, пастыри в сане своем, обедня на алтаре, житие пророков в чтении, апостолы в утешении, псалмопении и благословении, девы в девстве, иноки в святости, и каждый на месте своем..." (79, кн. I, гл. II; см.: 374, с. 88)., Письмо католикоса армянского Гюта было переведено на албанский язык (235, с. 93-94).

Дружеская переписка велась между албанским царем Вачаганом и епископом Абрамом. Об этом сохранил сведения историк М. Каганкатваци. У этого историка приводится "письмо Блаженного Абраама, епископа Мамиконяна к Вачагану, царю агванскому, об усопших" (79, кн. I, гл. 15; см.: 374, с. 91). М. Каганкатваци сохранил также переписку между албанским царем Вачаганом и иереем Матфеем. Он приводит письмо под заголовком "Запрос Вачагана -царя агванского, ученому иерею Матфею" (79, кн. I, гл. 14; 374, с. 91).

Послание Абрама и запрос царя Вачагана впоследствии вошли в "Книгу канонов армянских", составленную Иоаном Одзнети, но там не указано, что автором запросов является албанский царь Вачаган (70, с. 501).

Религиозные вопросы интересовали агванского царя Вачагана. Поэтому в своей переписке он затрагивал эти вопросы в письмах, адресованных церковным деятелям. Из сочинений Степаноса Орбеляна ясно, что между албанским царем Вачаганом и Петросом Сюни были дружеские беседы. Степанос Орбелян пишет: "Он был опрошен Вачаганом, царем агванским, о вещах многих, трудных и глубоких, на которые давал ответы меткие и правильные" (85, с. 89-90). Рукописи текста вопросов царя Вачагана и ответы Петроса Сюнеци сохранились в Матенадаране (36, № 2679; см.: также № 3074, с. 110 б (1307 г.), № 4381, с. 17 а (XIV в.), № 6228, с. 141 а (XIX в.); 533, с. 284-285; 374, с. 96-98). Эта рукопись озаглавлена так: "Вопросы Вачагана, ишхана Агванка, Петросу Сюницкому, епископу и философу, о воплощениях Господа" (36, № 3074, с. 110 б; см.: 374, с. 97).

Ярким доказательством существования литературы на албанском языке является литературный памятник V века Албании "Каноны Вачагана III". В царствование Вачагана III между "мирянами" и епископами происходили разногласия. Чтобы устранить их, царь вынужден был в 488 г. созвать церковный собор в Агуэне (79, кн. I, гл. 26; см.: 90, с. 468-481; 551, с. 33; 519, с. 80; 516, с. 38; 120, с. 562; 494, с. 16; 451, с. 295-296; 341, с. 66-67; 344, с. 30; 343, с. 28; 291, т. I, с. 102). Собор вынес ряд важных решений, укреплявших положение христианской церкви и расширявших ее влияние на население (79, кн. I, гл. 26; 494; 403, т. II, с. 308-310; 451, с. 185, 295-296; 185, с. 59-70; 341, с. 17-18; 331, с. 102-105; 341, с. 66-67; 442, с. 116-117; 343, с. 29-37). Каноны Вачагана III были переведены на армянский язык (334, с. 29) и сохранились в армянских рукописных источниках (71; 344, с. 29), а также в труде историка Каганкатваци (79, с. 65-69; 33; 99). Впоследствии каноны Вачагана III вошли в "Книгу канонов армянских" (70).

В VII в. между албанской и армянской церквами шли споры по вероисповедным вопросам и тогда шла переписка между ними. Из этой переписки вытекает, что в Албании существовала литература на албанской письменности. Одно из писем озаглавлено так: "Ответ армян, составленный Вртанесом Кертогом на послание агванцев" (67, с. 196-211; см.: 374, с. 104). Это письмо было адресовано и отправлено "владыке Мхитару, епископу Амараса и епископу Мецкогманца Симону, а также другим епископам... и азатам" (67, с. 196) Албании. Из этого документа становится ясно, что между албанскими церковными деятелями и армянскими церковными руководителями шла переписка и что на албанском языке существовала литература. К сожалению, копия албанского письма до нас не дошла.

Посланное армянским церковным деятелям письмо сохранилось и у историка М. Каганкатваци. Оно озаглавлено у него так: "Ответ на письмо Мхитара, епископа Амараса, от армян" (79, кн. II, гл. 49).

Следы литературы на албанском языке сохранил уникальный памятник раннесредневековой и средневековой историографии Азербайджана "История албан" Моисея Каганкатваци (79).

Несмотря на то, что "История албан" дошла до нас в рукописи на древнеармянском языке (грабар), в ней самой есть следы того, что она была написана на албанском языке, а потом переведена на грабар (См.: 500, с. 149-159; 337, с. 47-52; 235, с. 94; 185, с. 97-98; 445, с. 4). В тексте М. Каганкатваци есть показатели того, что она была переведена на грабар человеком, плохо знавшим албанский язык или плохо знавшим грабар (337, с. 48; 235, с. 94).

У М. Каганкатваци много заимствований из древнеармянских источников. В частности, из "Истории" Фавста Бузандаци. Однако, изучение этих заимствований и сходства показывает самобытность албанского подхода к историческим фактам при заимствовании авторов "Истории албан" из армянских источников или из одинаковых с ними исходных первоисточников (337, с. 47-52; 341, с. 15).

М. Каганкатваци излагает события с албанской точки зрения, опуская детали, не имеющие прямого отношения к истории Албании, и приводит факты, которых нет у Фавста Бузандаци. Эти факты могли быть почерпнуты из местных (устных и письменных) албанских памятников или из источников, которые не использовал или иначе использовал Фавст Бузандаци (337, с. 47-52; 341, с. 15).

После смерти католикоса Албании Егиазара бывший епископ Гардмана Нерсес-Бакур старался склонить жителей Албании к принятию халкедонского толка христианства (79, кн. III, гл. 3; 84, кн. 2, гл. 2; 341, с. 68). Собор духовенства Албании послал письмо армянскому католикосу Егия с сообщением о случившемся и просил прибыть в Албанию (79, кн. III, гл. 4; 80, с. 99; 341, с. 68-69); С точки зрения существования на албанском языке литературы это послание имеет большое значение. Оно еще раз доказывает, что в VII в. существовала литература на албанском языке. Послание дошло до нас в труде "История албан" на грабаре (79, кн. III, гл. 4). К сожалению, оно не дошло до нас на албанском языке. В "Истории албан" оно озаглавлено "Послание собора Агванского владыке Егия, католикосу армянскому" (79, кн. III, гл. 4; 374, с. 121. В письме, направленном к армянскому католикосу Егия, сообщается: "Владыке Егия, католикосу армянскому, приветствие от всеобщего собора албанского. Отцы наши с вашими отцами исповедывали единую веру для спасения душ своих. Хотя попущением господним усилилась ересь халкедонская, заполнив вселенную, страны наши по сей день непричастны остались к ересям. Однако Нерсес, коего мы пастырем добрым лепили, оказался волком, терзающим словом нечестивым паству Христову. Поэтому мы желали довести до сведения вашей святости, чтобы вы посетили нас, как членов паствы Вашей, для исцеления ран наших: будьте здоровы в Господе" (79, кн. III, гл. 4; 374, с. 121).

М. Каганкатваци дает сведения об уничтожении книг в Албании. После изгнания и смерти католикоса Нерсеса-Бакура католикос Семеон "писания презренного

Нерсеса... поместил в ящики и приказал он (Симеон.- *Т. М.*) выбросить в реку Трту (Тертер.- *Т.М.*)" (79, кн. III, гл. 7; 185, с. 96; 337, с. 104; 341, с. 45; 374, с. 122). Это свидетельство албанского историка еще раз показывает, что в VII веке на албанском языке существовала литература.

Таким образом, из вышеуказанных письменных источников становится ясно, что на албанском языке существовала литература. Албанский алфавит был внедрен в жизнь, о чем свидетельствуют письменные источники. Евангелие было переведено на албанский язык. Одним из доказательств существования на албанском языке литературы V-VII вв. является переписка албанских царей, албанских религиозных деятелей с религиозными деятелями Армении. Ярким доказательством существования литературы на албанском языке является литературный памятник V века Албании "Каноны Вачагана III" и уникальный памятник раннесредневековой и средневековой историографии Азербайджана "История албан" Моисея Каганкатваци.

Почему же существующая в V-VII вв. албанская литература не дошла до нас? На это дают нам ответ письменные источники. Часть ее была уничтожена иноземными захватчиками во время нашествий на страну. Очень ценные сведения об уничтожении литературы Албании иноземными захватчиками оставил М. Каганкатваци. У него сказано, что "... после этих событий албанская страна была захвачена хазарами, а церкви и Евангелие были уничтожены огнем" (79, кн. II, гл. 4; см.: 337, с. 104; 341, с. 45; 467, с. 3). М. Каганкатваци также дает сведения об уничтожении книг во время вторжения войск халифов в Албанию. После смерти Нерсеса католикос Симеон "писания презренного Нерсеса... поместил в ящики и приказал он (Симеон.- *Т. М.*) выбросить в реку Трту" (Тертер- *Т. М.*)" (79, кн. III, гл. 7; см.: 185, с. 95; 337, с. 104; 374, с. 122).

Часть литературы на албанском языке была переведена на иные языки (См.: 403, т. II, с. 329; 445, с. 4; 500, с. 150, 337, с. 47-48; 235, с. 85-100). В последующие века албанцы вошли в состав азербайджанцев и других народов Кавказа, приняли их язык и письменность (470, с. 2).

Вот почему исчезла албанская письменность и литература. Во французском издании труда армянского историка V в. Корюна есть очень ценная деталь. Из Корюна ясно, что Месроп Маштоц, придя "в страну албанов, возобновил их алфавит, содействовал возрождению знаний и, оставив у них также (как в Армении) наставников (вардапетов), вернулся в Армению" (100, т. 2, с. 10). Из этого ценного свидетельства следует, что еще до прибытия Месропа Маштоца в Албанию у албан существовал свой алфавит, албанцы имели свою письменность (337, с. 102-103).

К. В. Тревер, обращая внимание на эту деталь, отметил, что албанцы в начале V в. имели свой старый алфавит (451, с. 307). В связи с этим К. В. Тревер приводит два сообщения античных авторов, о письмах албанских правителей римляне в I в. до н. э. и III в. н. э. (451, с. 307-308).

Армянский историк в другой части своей работы пишет, что "во всех частях Армении, Грузии и в стране албанов Месроп мужественно и неустанно обучал новым письменам в течение всей своей жизни, весной и зимою, днем и ночью" (100, т. 2, с. 12). Следовательно, Месроп Маштоц в странах Армении, Грузии и Албании внедрил вместо старых "новые письмена". Таким образом, из этих данных Корюна ясно, что в начале V века албанцы кроме гаргарского алфавита имели еще другую

письменность. Может быть, это был арамейский, греческий или другой алфавит. Есть исследователи, которые полагают, что в названиях букв албанского алфавита сохранился ряд названий арамейских и греческих букв (238, с. 62). Некоторые албанские буквы по форме близки к арамейским (311, с. 73-74; 432, с. 33-45; 418, с. 128-132; 110, с. 39). Известно, что письмо в Закавказье употреблялось до появления в V в. нового алфавита (310, с. 92). Это еще раз показывает возможность того, что до алфавита V века у албанцев была другая письменность.

Такие исследователи, как А. Г. Шанидзе (467, с. 56), З. М. Буниятов (185, с. 55-56), А. Ш. Мнацаканян (374, с. 71), считали, что в Албании существовало несколько видов письменности. А. Г. Шанидзе по этому поводу пишет: "Не исключена возможность, что в Аране не один народ имел свою национальную письменность, а несколько" (467, с. 56).

Существует несколько мнений о количестве букв албанского алфавита. Американский исследователь Н. Карамянц считает, что албанский алфавит имел 21 (547, с. 315), а Эллис Мииис полагает, 21 (547, с. 315), а Эллис Минис полагает, что их было 32 (540, с. 327; 185, с. 55), А. Г. Шанидзе и другие исследователи считают, что количество букв албанского алфавита было 52 (467, с. 27-40; 468, с. 37; 471, с. 201; 469, с. 9; 116, с. 69-71; 361, с. 45-68; 513, с. 3; 372, с. 28; 451, с. 310-311 и др.; 291, с. 116).

Во время археологических работ на левом берегу Куры на городище Судагылан найдено несколько фрагментов албанских надписей. Первая из них на каменном основании креста была найдена во время раскопок христианского храма. В этой надписи 62 знака (201, с. 137-138). В Мингечауре также найдена надпись на обломке глиняной черепицы из 21 знака (231, с. 234-236), на керамическом четырехгранном подсвечнике с 49 знаками (195, с. 4; 201, с. 138-139-196, с. 92).

Кроме мингечаурских, обнаружены надписи и в других местах, которые исследователи предположительно относят к числу албанских надписей (356, с. 8; 467, с. 53, 54, 60; 361, с. 65 и прим. 2; 438, с. 248; 517, с. 119).

Письменные источники оставили сведения о многоязычности Албании. Историк М. Каганкатвацци, говоря о правлении Вачагана III, указывает, что верующие пели псалмы "на разных языках". Он по этому поводу пишет так: "Земля сильно звучала от множества служебного гласа на разных языках" (79, кн. I, гл. 21; см.: 235, с. 90).

Таким образом, из вышеуказанных сведений М. Каганкатвацци становится ясно, что еще в V веке в Албании существовало многоязычное население, и псалмы пелись каждый на своем языке.

Арабские географы IX-X веков на территории Албании отмечают многоязычность населения. По сведениям арабских географов, самой многоязычной была зона Большого Кавказского Хребта (499, с. 66). По данным арабских географов Ибн аль-Факиха и Масуди (22, с. 33; 47, с. 40) здесь было 72 языка, Истахри отмечает здесь более 70 языков (30, с. 13). Ибн Хаукал указывает, что здесь было 360 языков (21, с. 97).

Автор VI в. Захария Ритор в "Сирийской хронике" пишет: "Аран (со своим) языком" (421, с. 109-114; 423, с. 165; 291, т. I, с. 102). Из вышеуказанных сведений

становится ясно, что Аран (Албания) имел свой язык и в VI в. в Аране говорили на аранском языке. Арабские географы IX-X веков Истахри, Ибн Хаукал и Мукаддаси (30, с. 29; 21, с. 100; 48, с. 12) сообщают, что самым распространенным языком в Аране был аранский.

Таким образом, из приведенных выше письменных источников становится ясно, что до возникновения в начале V в. алфавита албанцев, у них существовал другой алфавит, они, вероятно, имели другую письменность. После составления нового алфавита (гаргарского) в Албании, по всей видимости, продолжала употребляться и другая письменность, поскольку население Албании было многоязычным. Вероятно, потому так трудна дешифровка албанской письменности.

Армянский исследователь проф. А. Г. Абрамян в своих работах (112; 505) и в своей монографии (ПО) лишь пытался дешифровать албанскую надпись на основе удинского языка. Эта попытка не увенчалась успехом (см.: 236, с. 392-400; 238, с. 52-74).

Письменные источники дают скудные сведения о школах в Албании, в которых дети обучались албанской грамоте. Данные армянского историка Корюна показывают, что в начале V в. при царе Арсвагене существовала школа. Корюн пишет: "... (Маштоц), опрошенный ими, сообщил, ради чего он прибыл, и они совместно вдвоем, епископ и царь (Арсваген.- *Т.М.*), согласились подчиниться введению письменности. Они же издали приказ привести из разных областей и, местностей княжества своих детей для обучения письменности, собрать, распределить по группам, послать их в школы в подходящие и удобные места и назначить им "рочик" (довольствие) на пропитание" (69, с. 19; см.: 352, с. 29; 451, с. 308-309; 341, с. 43).

Письменные источники дают сведения о школах Албании в конце V в.. Об этом мы находим сведения у историка М. Каганкатваци, сообщающего, что албанским царем Вачаганом III (487-510 гг.) была открыта школа. М. Каганкатваци пишет: "Богом венчаный Вачаган приказал собрать сыновей Волхов, чародеев, языческих жрецов, персторезов и знахарей, поместить их в школу, для обучения религиозным наставлениям и христианскому образу жизни, для утверждения их в ней. Он приказал всем мальчикам собраться вместе в его собственном селе, называемом Рустак, учредил стипендии и назначил им главу школы и приказал им изучать христианство. Когда он приходил в село совершать службу для поминовения святых, он сживал в школе, вокруг себя собирал сыновей чародеев, языческих жрецов. Часть из них держали книги, а другие - грифельные доски. Он (Вачаган III. - *Т. М.*) приказывал всем читать громко (вслух.- *Т. М.*), сам же радовался более, чем если бы находил большое сокровище" (79, кн. I, гл. 18; см.: 451, с. 313; 185, с. 56-57; 341, с. 46; 330, с. 104). Отсюда следует, что до открытия Вачаганом III особой школы в Албании были обычные школы (451, с. 313; 341, с. 46). Таким образом, становится ясно, что по приказу царя Вачагана III было открыто особое училище-школа, где обучались лети язычников. В школах Албании детей учили иноки, за что получали "жалование" (79, кн. I, гл. 22; см.: 451, с. 3; 185, с. 57).

Историк М. Каганкатваци сообщает, что в правление Джаваншира развивалась наука и духовная культура. Возводились храмы и дворцы. При дворе Джаваншира был придворный поэт Давтак (79, кн. П. гл. 34; см.: 451, с. 13-14; 185, с. 57; 330, с. 105; 341, с. 46). Он был "человек, обладавший искусством артиста, знаток, сильный красноречием, преуспевающий в насыщенной поэзии, человек, который

превосходно говорил с богатой и красноречивой риторикой, чей язык был подобен перу скорописца" (79, кн. II, гл. 34; 330, с. 105; 341, с. 46). После смерти Джаваншира Давтак написал элегию, в которой восхвалял его (Джаваншира) (79, кн. II, гл. 34; 451, с. 314; 107, с. 311; 187; 185, с. 57; 341, с. 46). Говоря об этой элегии, М. Абсгян пишет: "единственная древняя стихотворная поэма этого рода, сохранившаяся до наших дней" (107, с. 311).

"Плач" Давтака дошел до нас в рукописях на древнеармянском языке. Это произведение было напечатано полностью (79, с. 354-359; 79-83) и в неполном виде (79, с. 180-182; 33, 182-184). Недостающую часть стихотворения Давтака в 1938 году Т. И. Тер-Григорьян обнаружил в Матенадаране (187, с. 8-9; 451, с. 13; 235, с. 95).

"Плач" на смерть Джаваншира написан придворным поэтом Давтаком на албанском языке, а затем переведен на древнеармянский язык (185, с. 57, 98; 235, с. 94-96). Есть исследователи, которые считают, что это произведение написано на армянском языке (См.: 403, т. II, с. 236-237; 451, с. 314; 374, с. 131-134). Обращая на это внимание, В. Гукасян справедливо считает высказывания этих исследователей необоснованными (235, с. 94-96).

Ряд исследователей, таких, как М. Абемян (107, т. I, с. 311-314), С. Т. Еремян (См.: 403, т. II, с. 237), А. Ш. Мнацаканян (374, с. 132-134), считают, что Давтак был не албанцем, а приезжим из Армении армянским поэтом. Остановливаясь более подробно на ошибочности этого мнения, В. Гукасян убедительно доказывает его необоснованность (235, с. 96).

То, что Давтак был уроженцем Албании и был албанцем, видно из самого "Плача", сочиненного Давтаком. Давтак в своей элегии о Джаваншире пишет:

"Ты, созидательный дух божественного слова, сочини песню-плач о нашем владетеле, чтобы скорбным голосом беспрестанно оплакивать нашу тяжелую утрату. Великое сокрушение, постигшее нашу восточную страну...

Превратилось в горечь наше спокойствие, а полчища набегов хлынули на нас... Царь греческий и страны юга жаждали видеть нашего владетеля. Ушел наш венец, исчез наш трон, и слава нашего величия покорена с тобою" (79, кн. II, гл. 35; 235, с. 96; 374, с. 133-134).

Из вышеуказанного становится ясно, что албанский царь Джаваншир был для Давтака не только простым знакомым, а земляком, соотечественником. Давтак смерть Джаваншира глубоко чтит и считал великой утратой для своей страны и своего народа. Если бы он был приезжим армянским поэтом, то умершего царя чужого народа, чужой страны не назвал бы своим (235, с. 95).

Таким образом, вопреки сомнению исследователей в существовании албанской письменности, вышеуказанные ценные сведения письменных источников, а также обнаруженные рукописи албанского алфавита Матенадарана и найденные в археологических раскопках Мингечаура фрагменты албанских надписей показывают, что существовала албанская письменность. Албанцы наряду с другими народами мира имели свою самостоятельную письменность.

Таким образом, из противоречивых, сообщений Корюна, Хоренаци и других армянских историков, а также историка М. Каганкатваци о создании албанской письменности ясно, однако, что в этом деле сами албанцы играли значительную роль. Албанская письменность была создана в V в. при содействии Вениамина и Иеремии. Албанская письменность была создана на основе одного из албанских языков - гаргарского говора, богатого гортанными звуками, характерными для кавказских языков.

Месроп Маштоц не знал албанского языка, он общался с албанцами с помощью переводчика Вениамина и поэтому в создании письменности албанцев не играл значительной роли.

Таким образом, из вышеуказанных письменных источников становится ясно, что на албанском языке существовала литература. После составления алфавита книги на других языках были переведены на албанский язык. Новый алфавит был внедрен в жизнь, о чем свидетельствуют письменные источники. После составления алфавита религиозные книги были также переведены на албанский язык. Исследование письменных источников показывает, в частности, что на албанский язык было переведено Евангелие и что албаны знали "Завет" (Ветхий и Новый).

Одним из доказательств существования на албанском языке литературы V-VI вв. является переписка албанских царей, албанских религиозных деятелей с религиозными деятелями Армении. Ярким доказательством существования литературы на албанском языке является литературный памятник V века Албании "Каноны" Вачагана III и уникальный памятник раннесредневековой и средневековой историографии Азербайджана "История албан" Моисея Каганкатваци.

Еще одним из доказательств существования на албанском языке литературы являются книги, написанные католиком Нерсесом Бакуром.

Однако албанская литература не дошла до нас. Изучение письменных источников показывает, что часть этой литературы была уничтожена иноземными захватчиками во время их нашествий на страну, а другая переведена на иные языки.

Изучение ценных сведений письменных источников показывает, что до возникновения в начале V в. упомянутого выше алфавита у албан существовал другой алфавит и албаны, вероятно, имели другую письменность. После же составления нового алфавита (гаргарского) более вероятно, что в это время у албан имелось несколько алфавитов, так как в это время в албанской стране существовало многоязычное население, при такой обстановке одна письменность была бы недостаточной.

Таким образом, из вышеуказанных сведений письменных источников, становится ясно, что в начале V века в Албании существовали школы, в которых обучались дети. В этих школах они были распределены по группам и на их содержание назначено было довольствие на пропитание.

В конце V века до открытия Вачаганом III особой школы в ведомстве государства в Албании были обычные школы. По приказу царя Вачагана III было открыто особое училище-школа, где обучались дети язычников, они изучали здесь письменность и

религию христианства. Учащимся платили определенные субсидии и школа находилась под надзором самого царя Вачагана III.

Таким образом, в правление Джаваншира развивалась наука и вся духовная культура. Возводились храмы и дворцы. При дворе Джаваншира был придворный поэт Давтак. После смерти Джаваншира Давтак написал элегию, в которой восхвалял его.

ГЛАВА ПЯТАЯ

РЕЛИГИЯ IV-VII вв.

Религия Албании, как и всякой другой страны, развивалась в основном как составная часть политического строя. Поэтому материалы письменных источников о политическом строе примыкают к материалам о религии.

Вопрос о христианстве в Албании IV-VII вв. представляет большой интерес в деле изучении истории Кавказской Албании.

Религия Кавказской Албании IV-VII вв. не получила еще исчерпывающего научного анализа. Упоминание о религии Кавказской Албании и общая характеристика ее даны в сводных книгах "История Азербайджана", в книгах К. В. Тревер, З. И. Ямпольского, работах А. А. Алекперова, И. М. Джафарзаде, Р. М. Ваидова, И. И. Мещанинова, И. П. Петрушевского, Т. М. Мамедова, Р. Геюшева и др. (об этом более подробно см. выше в "Введении").

Религия в классовом обществе, как и все построения идеологического порядка, является продуктом творчества тех или иных социальных классов в определенных условиях исторического развития. Религия была "опиумом для народа" в целях идеологического воздействия на массы, и укрепления власти феодальной верхушки.

Как и в других странах мира, в Кавказской Албании также исторически существовал ряд религиозных систем и культов. До христианства албанцы верили в божество Солнца, бога Неба и богини Луны (45, с. 221; 451, с. 151).

До введения христианства и зороастризма в Албании было широко распространено верование, связанное с поклонением силам природы - солнцу и огню, воде и земле (419, с. 16-24; 495, с. 40-41; 498, с.17-19; 451, с. 151)."

Кроме культа главных божеств в Албании в первых веках нашей эры существовал и культ малых богов. Албанцы обожествляли силы природы и животного мира, поклонялись различным животным, птицам, растениям, рощам (419, с. 18-27; 495, с. 40-41; 402, т. I, с. 242). Пережитки этих воззрений сохранились не только при христианстве и полном господстве ислама, по отчасти и в настоящее время (419; 132; 256; 495).

Агафангел, Корюн и Егише сообщают (65, с. 117; 69, с. 19; 68, гл. III; см.: 341, с. 47), что албанцы до принятия христианства были идолопоклонниками и в Албании были идолопоклоннические храмы, в которых "служили" жрецы-идолопоклонники (65, с. 117; 69, с. 19; 68, гл. III; см.: 341, с. 47). Эти данные армянских историков

подтверждает историк М. Каганкатвацци, отмечая идолопоклонство в Албании (79, кн. I, гл. 27; 341, с. 47).

Вышеуказанные сообщения письменных источников существования до христианства язычества, огнепоклонства и др. подтверждаются ценными материалами об обрядах захоронения. Археологами изучены в Албании следующие типы погребальных памятников, относящихся к дохристианскому периоду - кувшинные, ванночные, грунтовые, катакомбные, срубные, сырцовые, глиняные саркофаги, ямные и каменные ящики (219; 227, с. 80-84; 229, с. 20).

М. Каганкатвацци сохранил сведения о том, что в Албании были колдуны, чародеи и жрецы, которые исполняли обряды жертвоприношения (79, кн. I, гл. 17). В тех местах, где совершались жертвоприношения, устраивались алтари, пиреи, копища, храмы. Они были воздвигнуты в дремучих лесах Арцаха, на вершинах высоких гор и в вечнозеленых степях страны (79, кн. I, гл. 17).

Жертвоприношения совершались по известному обряду: животных жарили на костре, заранее сняв кожу с голов, которые, наполнив соломой, оставляли на высоких ветвистых деревьях. Человеческие жертвы производились двояко: с жертвы снималась кожа, после отрубали ей голову или умерщвляли, отравляя (54, 11, 4, 7; 451, с. 151; 495, с. 195 и далее). Совершение жертвоприношения албанцами также подтверждает археологический материал. Во время раскопок в Мингечауре обнаружен Р. М. Ваидовым (202; 196, с. 247) костяк человека, закованного железными кандалами (146, с. 245 и далее).

Христианство, равно как и другие религии классового общества, распространяется в то время там, где имелись соответствующие социально-экономические условия. Выделившаяся феодализирующаяся знать, а также военная феодальная иерархия стремятся закрепить и "освятить" свое господствующее положение в обществе с помощью религии. Зарождение феодальных отношений в Албании благоприятствовало распространению христианства в стране.

Первые сведения о проникновении христианства в Албанию относятся ко II в. нашей эры (79, кн. I, гл. 6). Миссионеры христианства II в. нашей эры предпринимали попытки распространить христианскую религию среди жителей Албании (341, с. 48). Ревностным проповедником христианства в Албании по традиционным данным был ученик апостола Фаддея Егише, который "был рукоположен первым патриархом Иерусалима, братом господним Иаковом, и, получив себе в удел восточные страны, из Иерусалима отправился через Персию, избегая Армении, зашел в страну мазгутов. Он начал свои проповеди в Чога и привлек много учеников во многих различных местах, заставил их познать спасение. Оттуда отправился верхом в Срхарн в провинции Ути, с тремя учениками" (79, кн. I, гл. 6; 341, с. 48).

Во время распространения христианства убит один из учеников Егише, но тем не менее "святой (Егише.- Т. М.) первосвятитель прибыл в Гис, устроил церковь, и принес бескровную жертву. (На этом месте возникли первые церкви наши, метрополия и просвещение)"²⁵ (79, кн. I, гл. 6; 341, с. 48). Далее из сообщений албанского историка становится ясно, что Егише в долине Зергун убили идолопоклонники (79, кн. I, гл. 6). А во время правления благочестивого Вачагана обрели мощи святого Егише и на его месте царь построил Столп (79, кн. I, гл. 7).

Егише во II в. просветил только северную часть нашего "востока" (79, кн. I, гл. 9). Тут албанским историком имеется в виду северная часть албанской территории.

В IV-VII вв. Закавказье стало ареной ожесточенной борьбы двух крупнейших государств - Византии и Персии. В борьбу эту были втянуты народы Закавказья, в том числе и Албания.

В Византии в это время господствующей религией было христианство. Заметную роль в распространении христианства в Албании играла Византия. Для укрепления своих политических позиций в Закавказье, византийские цари посылали туда христианских миссионеров.

Таким образом, мы видим, что для распространения христианства в Албании существовал очаг христианства в Византии.

Христианство, распространявшееся из Византии, начало проникать и в Албанию. В 10-х годах IV века христианство было официально принято албанской знатью во главе с албанским царем Урнайром. Потом оно стало насильственно распространяться среди всего албанского населения.

Христианство распространялось в Албании усилиями феодальной и городской аристократии. Интересы этих групп и землевладельцев побуждали их деятельно насаждать христианство в Албании. Христианство в Албании вело борьбу, с одной стороны, с зороастризмом, манихейством, и с другой стороны, местными верованиями социальных низов.

Древнеармянские историки сообщают, что впервые христианство, как признанная государственная религия, было принято в начале IV в. в городе Вагаршапате албанским царем Урнайром и албанскими князьями, которые были крещены "святым" Григорием. Затем албанский народ принял христианство через своего царя Урнайра. Обширные сведения об этом дает Агафангел, сообщая, что армянский царь Трдат послал письмо царям абхазскому, грузинскому и албанскому, в которых приглашал их принять участие в торжестве принятия христианства армянами. "И как только прибыли письма, пришли к нему (Трдату) три царя: царь абхазский, царь грузинский и царь албанский и вместе с ними князья" (65, с. 114; 341, с. 49). Среди прибывших в город Вагаршапат к армянскому царю Трдату был и "князь утийцев" (65, с. 115; 341, с. 49).

По Агафангелу цари лазов, грузин, албанов "сделались все единомышленниками, чтобы стать совершенными в вере в Господа нашего Христа и отвернуться от поклонения идолам" (65, с. 117; 341, с. 49). После этого святой Григорий "начал поучать их нраву, вере, святым духам, велел им поститься тридцать дней, учил их вере и согласился дать им крещение, когда исполнятся эти дни" (65, с. 133; 341, с. 50).

Затем, после тридцати дней, Григорий, собрав весь народ, царей армянского, абхазского, грузинского, албанского и всех князей, отправился к реке Ефрату и, "... стоя на берегу реки, велел им снять с себя одежды, прежде всего царю Трдату и с ним трем царям и его князьям и освятил их миром и крестом. Он взял миро и елей, вылил в ту реку и осенил крестом. В это время сделалось чудо, ибо река перестала течь и затихла, волны остановились: он возложил руку на их головы, погрузил их в

воду священной десницей троекратным погружением и крестил их во имя Отца и Сына и Святого Духа" (65, с. 135).

Об обращении Григорием царя Урнаира и албанского народа в христианство сообщает и Айриванеци: "Все албаны и царь их Урнаир обращены к Богопознанию святым Григорием" (78, с. 45; 341, с. 50). Об этом же мы находим сведения и у М. Каганкатваци, сообщавшего, что албанский царь Урнаир "принял вторичное рождение от св. Григория, просвятителя Армении, прибыл в страну свою озаренный св. духом, еще больше просветил Албанию. Сделался он сыном вечного света и кончил свою человеческую жизнь" (79, кн. I, гл. 9; 341, с. 50). Из другого сообщения М. Каганкатваци мы узнаем, что после принятия христианства "царь Урнаир возвратился назад в страну албанцев, обучил их по канонам апостольским. Все приняли небесную печать (крещение),¹ были вписаны в Книгу жизни. Демоны были изгнаны из страны, а жертвоприношения и сжигаемые иные подношения были отменены, прогрешения были прокляты, а истина возвышена, устыдилось заблуждение, воцарился невиданный свет, а мрак был рассеян. Первые плоды были посвящены церкви, ей же десятая часть продукции обмолота гумна и жатвы полей и житниц, а также всех домашних животных" (79, кн. I, гл. 11; 341, с. 50). М. Каганкатваци сообщает, что когда Григорий совершил над албанцами обряд крещения, "царь (Урнаир) сошел в святейшую воду, с ним вместе также все войско" (79, кн. I, гл. 11; 341, с. 50).

После того, как абхазцы, грузины и албанцы приняли христианство, Григорий начал "освящать церкви и ставить в них священников из тех, которые знали священное писание. Иного он отправил в Грузию, иного в страну абхазов, иного к албанам" (65, с. 135; 341, с. 51). Католикосом Армении Григорием были подготовлены епископы и посланы в эти страны. В Албанию он послал епископом "... Фому, избранного мужа.. Он был из маленького города Саталы. И эти (епископы) были из тех, которые пришли к ним (из Севастии), и были они сведущи в священных книгах" (65, с. 137; 341, с. 51).

О назначении Григорием епископа в Албании дает сведения и Киракос Гандзакеци, который сообщает, что "по просьбе Урнаира, Григорием был рукоположен один из его сподвижников и послан епископом в Албанию. Он прибыл вместе с Григорием из Греции" (83, с. 182; 341, с. 51).

Идолопоклоннические храмы, наличествующие на территории Албании, были разрушены, а служители их вступили в христианскую веру (65, с. 117; 341, с. 51).

Армянские историки сообщают нам, что первым патриархом Албании был Григорис, внук святого Григория. О прибытии Григориев в Албанию, как епископа, дает сведения Хоренаци, который пишет, что правители Албании, придя к армянскому царю Трдату, сказали: "Если желаешь вести эти страны в вере, пошли туда епископа из рода святого Григория... Блаженный Трдат, согласившись, посылает туда епископом юного Григориса, старшего сына Вартанеса... с неким Санатруком Аршакидом" (76, кн. III, гл. 3"; 341, с. 51). О том, что старший сын Вартанеса Григорис был албанским епископом, сообщает и Асогик: "... Григориса, старшего сына Вартанеса, бывшего епископа Албанской страны" (84, кн. II, гл. I; 341, с. 51). По данным М. Каганкатваци, после смерти албанского царя Урнаира албаны пришли к армянскому царю Трдату и просили у него себе в католикосы отрока Григориса: "После смерти его (Урнаира) агваны просили себе в католикосы отрока Григориса,

ибо Урнаир, царь наш, просил у св. Григория рукоположить его в епископы своей страны" (79, кн. I, гл. 9; 341, с. 51). Царь Трдат согласился и послал епископом в Албанию внука Григория - Григориса, который "принял достоинство и престол первосвященника и самый высокий венец мученичества" (79, кн. I, гл. 14; 341, с. 51). После этого "... страны Армении и Албании пребыли до сего дня в единодушном братстве и нераздельном согласии" (79, кн. I, гл. 9; 341, с. 51).

Фавст Бузандаци сообщает, что Григорис, прибыв в Албанию, продолжал дело своего деда Григория, "следуя примеру" его (87, кн. III, гл. 5; 341, с. 52). Аналогичные сведения дает М. Хоренаци, но в дополнение к этому он сообщает, что Григорис "даже превосходил их (дедов) целомудрием, и в строгой жизни был равен царю" (76, кн. III, гл. 3; 341, с. 52).

Данные армянских историков подтверждаются историком М. Каганкатваци, который, кроме этого, сообщает, что Григорис "в течение короткого времени... удостоился двойного почитания получением превосходного сана деда своего великого Григория" (79, кн. I, гл. 17; 341, с. 52). Григорис описывается Фавстом Бузандаци как "обладающий прекрасной наружностью, исполненный духовник добродетельных достоинств" (87, кн. III, гл. 5; 341, с. 52). М. Каганкатваци отмечает, что Григорис "добродетелью подобен и равен его (святого Григория) жизни" (79, кн. I, гл. 14; 341, с. 52). Из сообщений Фавста Бузандаци мы узнаем, что Григорис был близок к армянскому царю, ибо и он, и его брат "воспитывались на глазах армянского царя" (87, кн. III, гл. 5; 341, с. 52), и изучал "писание" в Армении (87, кн. III, гл. 5; 341, с. 52). Из этого следует, что прибыв в Албанию, Григорис, вероятно, не знал албанского языка и проповедовал христианство на другом языке (сирийском?).

Есть сведения, что Григорис, сын Вартанеса, брат Иусика, был католикосом и епископом Иберии и Албании (87, кн. III, гл. 5; 341, с. 52). Но был ли Григорис епископом до того, как принял сан католикоса Албании - неясно. У Фавста Бузандаци об этом сказано неопределенно: "епископом Григориса..., который был католикосом" (87, кн. III, гл. 5; 341, с. 52). В отличие от Фавста Бузандаци М. Каганкатваци сообщает, что Григорис был не католикосом, а епископом "страны Албании и Иберии" (79, кн. I, гл. 14; 341, с. 52). Григорис "не женился и уже в пятнадцатилетнем возрасте достиг сана епископа иберской и албанской стран..." (87, кн. III, гл. 5, 6; 341, с. 52). Эти сведения в точности повторяются у М. Каганкатваци, который еще сообщает, что Григорис "... рукополагал иереев, убеждал их служить святым и рано совершал память святых и ревностно возгорался к апостольской истине" (79, кн. I, гл. 14; 341, с. 52), а в большом городе албанского владычества Цри "построил небольшую церковь и положил в ней с большой осторожностью частицу крови Захария и мощей св. Пантелеона..." (79, кн. I, гл. 14; 341, с. 52).

Упоминание о попытках Григориса распространить христианство в районе Дербента имеется у Фавста Бузандаци. По его сведениям "в стан аршакидского царя маскутов, имя которого было Сенесан" (87, кн. III, гл. 6), был отправлен молодой епископ Григорис. "И он пошел и представился маскутскому царю, повелителю многочисленных войск гуннов, встал перед ними и стал проповедовать Христово евангелие... Сперва они послушались, приняли и подчинились" (87, кн. III, гл. 6). А потом Сенесан и его войско отказались от христианства.

"Северные народы", после нашествия на Албанию в союзе с царем Санатруком и феодалами, разрушили церкви и умертвили Григориса. "Описывая это событие, Фавст Бузандаци сообщает, что "И царь (Сенесан) изменил свою мысль и внял своему войску. Тогда они поймали дикого коня, привязали юного Григориса к хвосту его и пустили по полю вдоль берега великого северного моря, за пределами своего лагеря, до поля Ватнеан и таким образом погубили добродетельного проповедника христового, юного Григориса" (87, кн. III, гл. 6; 341, с. 53). Это же повторяется и у М. Хоренаци, который в отличие от Фавста Бузандаци пишет, что "вечно-лживых людей агванов, варвары убили блаженного (Григориса) мужа под конскими копытами..." (76, кн. III, гл. 3; 341, с. 53).

Сведения об умерщвлении Григориса Санатруком (Сенесаном), данные Фавстом Бузандаци и М. Хоренаци, повторяются у других армянских историков - Асогика: "... Григориса..., бывшего епископа албанской страны, варвары, по внушению Санатрука - родом Аршакуни, князя той страны, убили под конскими копытами на Ватинианской равнине близ Каспийского моря" (84, кн. II, гл. I, 341, с. 53), и Вардана: "... по его внушению варварский народ умерщвил на Ватинианском поле юного Григориса" (73, с. 43). Аналогичное описание этого события мы находим у М. Каганкатваца: "Они затем склонили своего царя прислушаться к их хитрости. Они привязали молодого Григориса к хвосту необъезженного коня и пустили его на Ватинианской равнине. Так был замучен святой" (79, кн. I, гл. 14; 341, с. 53).

Таким образом, вышеуказанные материалы показывают, что христианство не везде увенчалось успехом. Враждебно настроенные к новой религии "северные народы" отказались от христианства и казнили епископа Григориса близ Дербента.

Упомянутое Ватинианское поле историк М. Каганкатваца локализует недалеко от Дербента (79, кн. I, гл. 14; кн. II, гл. 39). Армянский историк М. Хоренаци также локализует место гибели Григориса "недалеко от моря, называемого Каспийским". Народное предание также связывает местность недалеко от Дербента с именем святого Григориса (314, с. 439; 477, т. III, с. 57).

После того, как Григорис был убит, те, которые вместе с ним пришли из района Хабанд, привезли тело Григориса в Амарас и погребли там около церкви, построенной его дедом Григорием. "Затем люди, прибывшие с ним из гавара Хабанд, взяли его тело и перевезли в свой гавар Хабанд, находившийся в стране албанской, на границе Армении, в деревне под названием Амарас. Его похоронили около той церкви, которую построил первый старший Григорий..." (87, кн. III, гл. 6; 341, с. 53). В отличие от Фавста Бузандаци, который неопределенно называет прибывших с Григорисом, М. Хоренаци и Асогик (76, кн. III, гл. 3; 84, кн. II, гл. I; 341, с. 53) сообщают, что тело Григориса было привезено и погребено в Амарасе дьяконами. А историк Вардан вообще не дает нам сведений, кем было привезено и погребено тело Григориса в Амарасе: "... тело которого перенесли в Амарас, где и похоронили" (73, с. 43).

Но в отличие от вышеназванных армянских историков М. Каганкатваца сообщает: "Его (Григориса) ученики нашли его тело и привезли в город Амарас в провинции Хабанд. Там он был упокоен в часовне близ северной стороны церкви" (79, кн. I, гл. 14; 341, с. 54). Царь Сенесан не ограничился убийством Григориса. "Он собрал племена и пошел походом на армянского царя Хосрова" (87, кн. III, гл. 7; 341, с. 54). Армяне, узнав о смерти Григориса, решили отомстить албанам. Войска армян,

напав на Албанию, стали разрушать и грабить страну. "И так отомстили царю Сенесану и его войскам за смерть Григориса" (87, кн. III, гл. 7; 341, с. 54). Людьми, которые похоронили Григориса, "не было отмечено место идя потому, что они боялись, что другие могут забрать мощи святого, или из страха перед мародерами, или потому, что местонахождение мощей святых было забыто по причине прошествия многих лет" (79, кн. 1, гл. 20; 341, с. 54).

Мощи Григориса, якобы, были найдены в Амарасе при албанском царе Вачагане III (79, кн.1, гл. 23; 341, с. 54). После этого в Амарасе была построена церковь, а на его могиле - часовня. "Он (Вачаган) приказал соорудить над могилой часовню, быстро закончить ее строительство и назвать ее часовней св. Григориса" (79, кн. I, гл.23; 341, с. 54).

По сообщению Фавста Бузандаци народы Албании каждый год собирались в этом месте и торжественно праздновали день, посвященный памяти "подвига" Григориса: "И каждый год народы этих стран и гаваров собираются на этом месте и торжественно празднуют день, посвященный памяти его подвига" (87, кн. III, гл. 6). Подтверждая эти сведения, М. Каганкатваци сообщает, что могила Григориса в Амарасе считалась священной: "... бездетные, как говорят они, приходили сюда на паломничество, брали немного земли, после чего обретали детей. Все, кто страдал от лихорадки, брали землю и сразу же исцелялись" (79, кн. I, гл. 22; 341, с. 54). У М. Каганкатваци есть данные о том, что "после мученической смерти Григориса, католикоса Албании, варварские народы вновь принялись за почитание языческого идолопоклонства и, построив много пиреев огнепоклонства, начали гонения на христиан" (79, кн. I, гл. 21, 27; 341, с. 54),

При насаждении христианства в Албании, албанские цари и католикосы строили церкви, часовни, монастыри и храмы. Албанские правители и католикосы воздвигали обычно новые храмы, церкви и монастыри на фундаментах старых святилищ (495, с. 41, 498, с. 19; 451, с. 297).

О существовании христианских храмов и церквей в Албании дают нам сведения раннесредневековые письменные источники.

Фавст Бузандаци, Егише, Корюн, Гевонд и Айриванеци (87, кн. III, гл. 5, 6; 68, гл. II, III; 69, с. 19; 82, гл. X; 78, с. 49; 341, с. 69) отмечают в Албании церкви, что подтверждает историк М. Каганкатваци (79, кн. I, гл. 6, 14, 16, 20, 23, 26, 27; кн. II, гл. 4, 48; 341, с. 69). Церкви в Албании существовали и до полумифического Григориса, ибо он, прибыв в Албанию, "восстановил церкви" (87, кн. III, гл. 5; 341, с. 69). После принятия сана епископа Григорис стал строить церкви в Албании (87, кн. III, гл. 6; 341, с. 69), историк сообщает, что Григорис "... строил церкви по городам и селам..." (79, кн. I, гл.14; 341, с. 69).

Первая церковь в Албании, по преданию, была построена дедом Григориса "святым" Григорием в Арцахе в селении Амарас (87, кн. III, гл. 6; 341, с. 69). Аналогичное сведение сохранилось и у М. Каганкатваци (79, кн. I, гл. 20; 341, с. 69). Григорис в городе "Цри ... построил маленькую церковь и положил в ней с большой осторожностью частичку крови Захария и мощей святого Пантелеона"(79, кн. I, гл. 14). Но еще до этого Григориса другой "святой" Егише, прибыв в Албанию, построил церковь в сел. Гис, которая была "первой матерью всех церквей на Востоке" (79,

кн. II гл. 48; 341, с. 70). Впоследствии эта церковь была разрушена. Албанский царь Вараз-Перож "возобновил старую церковь" в Гисе (79, кн. I, гл. 27; 341, с. 70).

После того, как были найдены мощи Григориса, якобы, царь Вачаган III построил в Албании 365 церквей (78, с. 48; 341, с. 70). М. Каганкатвази сообщает, что после обретения мощей святого Григориса, царь Вачаган III построил в Амарасе церковь, а на могиле святого Григориса была построена часовня (79, кн. I, гл. 23; 341, с. 70). По сведениям М. Каганкатвази, каждое село Албании имело церковь (79, кн. I, гл. 26; 341, с. 70).

Существование христианства на территории Албании подтверждают выявленные археологами остатки памятников материальной культуры, относящихся к IV-VII вв.

Во время раскопок в Мингечауре в 1948 г. в местечке Судагылан в развалинах храмов, относящихся к V-VIII вв., и поблизости от них были обнаружены христианские могильники (201, с. 128-137). Эти христианские могильники были двух типов: могильники из сырцового и обожженного кирпича, которые датируются V-VII вв. (201, с. 128, 135), и грунтовые могильники, которые датируются VIII-X вв. (201, с. 128, 136). Христианские могильники обнаружены также в Кабале (305, с. 7-66), Амарасе (227, с. 80-84; 229, с. 108), Гявуркале (205, с. 167-183; 224, с. 26-27; 229, с. 109) и в Елисейском комплексе (222, с. 394-395; 229, с. 110).

Археолог Р. Б. Геюшев могильные сооружения с христианским обрядом захоронения разделяет на 4 вида (229, с. 108-109).

Во время археологических раскопок были обнаружены церковные принадлежности.

В Мингечауре в храмах было обнаружено большое количество бронзовых и железных крестов разных размеров и форм (299, с. 397; 196, с. 85, 94, рис. 5, 15, 17; 201, с. 105-108; р. 28-29). Р. М. Ваидов разделяет их на 5 видов (201, с. 105-106; 196, с. 94) и датирует V-IX вв. (201, с. 107). Среди обнаруженных церковных принадлежностей в Мингечауре были фрагменты бронзового кадила и принадлежащая ему бронзовая цепочка (299, с. 397; 196, с. 94; 201, с. 108).

Выявлено в Кабале медное кадило, которое относится к VII в. (295, с. 153), а также ручка от другого бронзового кадила (229, с. 118). Кадила, изготовленные из глины, обнаружены при раскопках на храмовых участках Барды (220, с. 226-227; 229, с. 119) и Оренкала (491, с. 285, таб. XXXVIII, рис. 1). Кроме этого, из раскопок Мингечаурских храмов были обнаружены подсвечники, по мнению Р. М. Ваидова, они, в основном, были предметами церковного обихода (201, с. 45-47, рис. 11, таб. VIII). Кресты вырезаны были также в камнях (201, с. 106, рис. 30; 196, с. 94; 285, с. 228), глиняных подсвечниках и хозяйственных кувшинах (201, с. 108, рис. 31). В Мингечауре в храме была также обнаружена каменная база для креста (299, с. 397; 203, с. 133; 468, с. 38; 361, с. 66; 201, с. ПО, рис. 32).

Во время археологических работ, предметы церковного обихода были обнаружены и в других местах Азербайджана. Таковыми являются разнотипные кадила, подсвечники, кресты разных форм, мощехранительницы, печати и предметы с изображением "святых" (229, с. 119-121).

Кроме церквей в Албании были и монастыри. О существовании монастырей в Албании дает сведения Егише, который сообщает, что во всех монастырях жили

монахи и монашки (68, гл. II). Эти сведения Егише подтверждает и М. Каганкатваци (79, кн. I, гл. 26). Егише не указывает местонахождения монастырей, а М. Каганкатваци дает сведения, что и в городе Амарасе был монастырь (79, кн. I, гл. 10).

Из М. Каганкатваци становится ясно, что албанцы также построили монастыри в Иерусалиме (79, кн. II, гл. 52; см.: 374, с. 75). Сообщая об этом, М. Каганкатваци указывает, что в Иерусалиме было около 100 албанских и армянских монастырей. Он пишет так; "И побужденные завистью иерусалимские патриархи всячески препятствовали помощи армянским и албанским монастырям, а их числится свыше ста в Иерусалиме" (79, кн. II, гл. 52; 374, с. 76-77). Название 10 албанских монастырей, находящихся в Иерусалиме, мы находим у албанского историка: "Монастырь Панда, который находится к востоку от горы Масличной. Его построил пустынный - Панок, прибывший из Албании... Монастырь Мруво... Монастырь Партава... Монастырь Каганкатука... Монастырь Арцаха... Монастырь Амара... Еще три монастыря албанских, имена коих неизвестны... И другой монастырь албанский рядом с монастырем Аравенским, что посреди рынка..." (79, кн. II, гл. 52; см.: 374, с. 76-77).

Вышеуказанные данные письменных источников о существовании монастырей на территории Албании подтверждаются остатками памятников материальной культуры, относящихся к IV-VII вв. (229, с. 88, 89, 127-132). Некоторые монастырские комплексы были выявлены и изучены Р. Б. Геюшевым (229, с. 88, 89, 127-132). Кроме церквей и монастырей в Албании были менее определенные святилища, которые украшались. Сведения об этом мы находим у Егише (68, гл. II).

Историк М. Каганкатваци дает сведения нам о храме, построенном Джаванширом в VII в. в крепости Гардман. По этому поводу он пишет: "Прежде всего он прибыл в дом Господен, который он устроил себе прибежищем в крепости Гардман... с тем же великолепием прибыл в область Гардман. Он тотчас вступил под кров своего прибежища. После этого он начал употреблять на украшения все благородные материалы. Употребив в дело живописцев, он раскрасил все, начиная от купола и все покрыл шелковыми материями: обделал в серебро дверь покоя, хранящего свет вселенной, и приказал сделать на ней вырезные изображения" (79, кн. II; гл. 27).

Существование христианских храмов, часовен и церквей на территории Кавказской Албании подтверждают выявленные археологами памятники материальной культуры.

О развалинах большого храма в центре горного селения Кум упоминает А. С. Хаханов (463, с. 33, 35), видевший его во время своей поездки по Кахетии. Этот храм был вновь выявлен для науки в 1937-1938 гг. Л. И. Шарифовым (479, с. 43). Храм в Куме был обследован П. Л. Барановским. Этот храм датирован П.Д. Барановским VI в. (167, с. 29).

Храм в Ляките в 8 км от села Кум был обнаружен в 1892-1893 годах А. С. Хахановым (463, с. 35). П. Л. Барановский произвел на месте храма частичные раскопки (167, с. 31-33). Отмечая сложность датировки этого храма, П. Л. Барановский высказывает предположение, что храм в Ляките можно отнести к VII в. (167, с. 33).

В результате раскопок на левом берегу реки Куры в местечке Судагылан у Мингечаура в 1948-1952 гг. археологом Р. М. Ваидо-вым были выявлены четыре храма, относящиеся к различным периодам (203, с. 132; рис. 60; с. 94-104, рис. 23, 25-27). Совпадает в известной мере и датировка - VI-VII вв. (201, с. 113; 196, с. 99-100). Стены храмов в Мингечауре были построены из сырцового кирпича и покрыты штукатуркой и росписью (196, рис. 2; 201, с. 121, рис. 37, 38, 39), найдены были обломки капителей баз из белого камня (196, рис. 8 а, б, в, 9 и 10), некоторые каменные архитектурные детали и рельефные архитектурные украшения из мягкой меловой породы (196, рис. 8 а, б, в, 9, 10, И; 201, с. 121, рис. 37-39), на некоторых из них нацарапаны письма (201, с. 140-141, рис. 48, 49, 50, 51, 52).

Из памятников христианского периода на территории Кавказской Албании большой интерес представляет Джума-мечеть Дербента. Об этом памятнике материальной культуры И. Н. Березин писал, что местное христианское предание приписывает это здание нашей религии" (183, с. 143-145).

Джума-мечеть обследована и план ее издан М. И. Артамоновым (135, с. 141, рис. 27). М. И. Артамонов считает эту мечеть христианским храмом и датирует ее VI веком. М. И. Артамонов пишет, что "без сомнения, для мечети приспособлено здание, выстроенное одновременно с древнейшей частью каменных укреплений. Стены мечети возведены в той же технике, что и постройка Ануширвана. Судя по плану, это было здание типа базилика, что согласуется с преданием, по которому Дербентская Джума-мечеть была христианским храмом" (135, с. 143).

Исследователь Р. М. Магомедов предполагает, что на месте Джума-мечети находился какой-либо языческий храм, так! как албанские цари обычно передавали прежние языческие храмы в собственность христианской церкви (235, с. 43).

Христианские храмы раннесредневековой Албании также были обнаружены и сравнительно исследованы археологами в Хотаване (226; 229, с. 86, 131), Храм св. Елисея (223, с. 43; 229, с. 89-90), Килисадагский храм (198, с. 487; 229, с. 95-96) и Амарасская (227, с. 46-86; 229, с. 89).

Вышеуказанные данные письменных источников о существовании большого числа часовен на территории Кавказской Албании подтверждаются остатками памятников материальной культуры. В результате разведок и раскопок на территории Азербайджана археологами было зафиксировано и изучено большое число разнотипных часовен, датированных V-VII вв. (229, с. 97-98).

Главой албанской церкви был человек, облеченный в сан католикоса (87, кн. III, гл. 5; 341, с. 70). В отличие от армянских католикосов албанские католикосы "рукополагались" албанскими епископами. Они избирались на соборах, в которых участвовали: правители страны - цари, религиозные представители каждой епархии, князя и вельможи. В католикосы избирался народом человек из царской фамилии или же из числа знатных вельмож, обычно, избирались видные епископы.

Албанская церковь до 705 г. пользовалась самостоятельностью в избрании своих католикосов, т. е. до времени католикоса Нерсеса Бакура. При нем, как отмечено ниже, в албанской церкви возникли смуты из-за халкедонитов, проникших в Албанию. Будучи заинтересован в подчинении себе албанской церкви, армянский католикос с помощью мусульманского халифа, подвергнув жестокому наказанию,

сместил Нерсеса и рукоположил вновь избранного Симеона. Албанский собор, созданный по этому поводу, заключил с армянским католикосом трактат, по которому без санкции армянского католикоса албанская церковь не могла избрать и самостоятельно "рукополагать" своего католикоса (83, с. 186; 341, с. 70).

Албанские католикосы созывали церковные соборы с участием царя и правителей - князей и вельмож. На основании церковных законоположений на соборах вырабатывались меры для уточнения прав и обязанностей духовенства и мирян. Один из таких соборов был созван, как было отмечено, при царе Вачагане III в городе Агуэне (79, кн. I, гл. 26; 341, с. 66, 70).

Р. Б. Геюшев, пересмотрев даты созыва Агуэнского собора, полагает, что он был созван не в 487/88 гг., как склонны утверждать многие исследователи (Я. А. Манандян, М. Броссе, К. Патканов, Р. Ачарян, С. Т. Еремян, К. В. Тревер, З. И. Ямпольский, Т. М. Мамедов, Ф. Дж. Мамедова и др.), а после 493 года (299, с. 38-39). Но конкретный год созыва собора он не может указать. Таким образом, мы видим, что определяя "точные даты" созыва Агуэнского собора, Р. Б. Геюшев сам впадает в неопределенность, так как он не может дать точной даты созыва Агуэнского собора. Поэтому мы считаем, что эту дату нельзя считать верной и окончательной. Из Айриванского ясно, что резиденцией католикосов первоначально был город Чога, близ Дербента. Но вследствие частых набегов хонов, масгутов, хазар и др. католикос Абас в 552 г. принужден был перенести свой престол в более отдаленный от Чога район, в город Партав (78, с. 48-49; 341, с. 70-81). Эти сведения мы находим и у М. Каганкатваца (79, кн. II, гл. 4).

Относительно имен католикосов мы имеем фрагментарные данные. Однако, привлекая все письменные источники и литературу, список католикосов Албании IV-VII вв. нами составлен и опубликован (341, с. 71-72). Поэтому здесь не будем подробно останавливаться на этом вопросе. В этот список включены все католикосы IV-VII вв., начиная с первого католикоса до католикоса Нерсеса. До него албанский католикосат и все албанские католикосы были самостоятельными.

Древнеармянские письменные источники дают отрывочные данные об иерархии духовенства в Албании. Как отмечено выше, из Агафангела, Себеоса, Фавста Бузандаци и Айриванеца (65, с. 187; 81, отд. III, гл. 33; 87, кн. III, гл. 5, 6; 78, с. 19, 48-49; 331, с. 104; 341, с. 27, 70-72) следует, что во главе церковной иерархии Албании стояли столетиями самостоятельные католикосы. Эти сообщения подтверждает и историк М. Каганкатваца (79, кн. I, гл. 9, 14; кн. II, гл. 3, 7, 8, 14, 31, 36, 39, 46; 331, с. 104; 341, с. 27, с. 27, 70-72).

Агафангел, Фавст Бузандаци, Егише, Корюн, М. Хоренаци, Асогик сообщают о епископах Албании. Эти данные подтверждает и М. Каганкатваца (65, с. 137; 87, кн. III, гл. 5; 68, гл. III; 69, с. 19; 76, кн. III, гл. 3, 54; 84, кн. II, гл. I; 79, кн. I, гл. 14, 17, 19, 26; кн. II, гл. 7, 8, 32, 39, 41, 43; 331, с. 104; 341, с. 27, 72-73). Егише отмечает в Албании архиепископов (68, гл. III; 331, с. 104; 341, с. 27, 72-73), что также подтверждает М. Каганкатваца (79, кн. II, гл. 36; 331, с. 104; 341, с. 72-73). Из Агафангела, Корюна, Егише и М. Хоренаци (65, с. 135; 69, с. 19-20; 68, гл. I, II; 76, кн. III, гл. 54; 331, с. 104; 341, с. 72-73) ясно, что в Албании были священники. Подтверждая эти сведения армянских историков, М. Каганкатваца сообщает, что в городах, селах и при царском дворе Албании были священники (79, кн. I, гл. 26; кн. III, гл. 3, 14; 331, с. 104). Из сообщений М. Каганкатваца мы узнаем еще, что

каждое поселение, город, село и деревня, в зависимости от числа жителей, имели одного или несколько священников, рукоположенных епископами (79, кн. I, гл. 26; 331, с. 104; 341, с. 28).

Из Егише ясно, что в Албании были магистры, монашки и монахи (68, гл. I, II; 331, с. 104; 341, с. 28). Наличие монахов в Албании подтверждает и М. Каганкатвацци (79, кн. I, гл. 26; 331, с. 104; 341, с. 28). М. Хоренацци и Асогик (76, кн. III, гл. 3; 84, кн. II, гл. I, 331, с. 104; 341, с. 28) сообщают, что в Албании были диаконы, что и подтверждается М. Каганкатвацци (79, кн. I, гл. 17,19, 26, кн. II, гл. 14; 341, с. 28; 331, с. 104). М. Хоренацци (76, кн. II, гл. 36; 331, с. 104; 341, с. 28) дает сведения о наличии апостолов в Албании, что подтверждает М. Каганкатвацци (79, кн. II, гл. 48; 331, с. 104; 341, с. 28).

Из М. Каганкатвацци мы узнаем, что в Албании были иереи, причетники, чтецы, псалмопевцы, наблюдатели и иноки (79, кн. I, гл. 17,19, 26; кн. II, гл. 14; кн. II, гл. 19, 26, 27; 341, с. 28; 331, с. 104).

Древнеармянские и другие раннесредневековые письменные албанские источники не сохранили сведений об обложении населения Албании налогом со стороны церкви. Но значительные сведения об этом сообщает М. Каганкатвацци (79, кн. I, гл. 17,19, 26; кн. II, гл. 14; кн. II, гл. 19, 26, 27; 341, с. 28; 331, с. 104; см. об этом более подробно выше).

Таким образом, собирая с местного населения Албании налоги в пользу церкви, духовенство имело постоянный и нескучный доход.

О церковно-административном делении мы находим некоторые сведения и у М. Каганкатвацци, отмечая, что Албания была разделена на отдельные епископства (79, кн. I, гл. 26; 341, с. 38) Во главе с епископами (79, кн. I, гл. 26; кн. II, гл. 7). По сведениям Фавста Бузандаци, епископы назначались (87, кн. III, гл. 5; 341, с. 38). А Корюн и М. Хоренацци (69, с. 19; 76, кн. III, гл. 3; 341, с. 38) сообщают, что епископы Албании были равны царю, вероятно, в правах. Епископство было разделено на хороепископства, а хороепископства делились на более мелкие церковные округа (79, кн. I, гл. 26; 229, с. 20).

Из М. Каганкатвацци мы узнаем, что в царствование албанского царя Вачагана III Албания делилась на следующие епископства: епископство Барда (Партав), епископство Кабала, епископство Хошуа, епископство Ути и епископство Цри. Во главе епископства Барда при этом царе стоял архиепископ Шупхагиша, епископом Кабалы был Манес, епископом Хошуа был Хунан, епископами Ути были Анания и Сахак и епископом Цри был Мате (79, кн. I, гл. 26; 341, с. 38). М. Каганкатвацци сообщает еще, что во время католикоса Тер-Абаса Албания была разделена на следующие епископства: епископство Бахалата, епископство Кабалака, епископство Амараса, епископство Багасагана, епископство Шеки, епископство Гардмана, епископство Большого Когмана (79, кн. II, гл. 7; 341, с. 38). Во главе епископства Бахагота тогда стоял Мовсес, епископом Кабалы был Григорий, епископом Амараса - Хромик, епископом Багасагана - Тимофей, епископом Шеки - Амбакум, епископом Гардмана - Иованнес, епископом Большого Когмана - Гевонд (79, кн. II, гл. 7; 341, с. 38).

Из письменных источников нам становится ясно, что для проведения религии христианства в Албании существовали религиозные книги. Армянский историк Корюн (сообщает, что после составления алфавита религиозные книги были переведены на албанский язык, в том числе и Евангелие. По этому поводу армянский историк Корюн пишет так: "... блаженный епископ Иеремия немедленно принялся за перевод божественных книг, с помощью которых дикомыслящие, празднобродящие и суровые люди страны Албании быстро узнали Евангелие" (69, с. 19; 330, с. 104). О существовании Евангелия на албанском языке и пользовании им албанцев дает сведения армянский историк V века Егише. Он свидетельствует, что албанцы и лпины, отправляясь на военную службу, "брали с собою на войну священные книги свои и священников" (68, гл. I). Армянский историк Гевонд также дает нам сведения о том, что существовало Евангелие на албанском языке и албанцы им пользовались для проповедования религии христианства (82, гл. 14; 330, с. 104; 235, с. 89).

О существовании "Евангелия" еще в V веке на албанском языке и использовании его, как религиозной книги, мы узнаем от М. Каганкатваци. Он рассказывает нам о царе Ваче II: "Оставил он (Ваче.- *Т. М.*) свою страну (Албанию.- *Т. М.*) и, взяв Евангелие, хотел удалиться..." (79, кн. I, гл. 10, 11). Использование также для проповедования во время правления Вачагана III Евангелия мы находим также у М. Каганкатваци: "После этого взял царь (Вачаган III.- *Т. М.*) с собой все множество участников собора и повелел всем епископам с иереями, диаконами, пустынноиками и всем клиром церковным и слушателями, каждому с Евангелием и крестом..." (79, кн. I, гл. 21). Из другого сообщения албанского историка становится ясно, что "Завет" также известен был албанцам. Он пишет: "После этого албанская страна была завоевана хазарами, были сожжены церкви и "Заветы" (79, кн. I, гл. 3; см.: 467, с. 3; 291, т. I, с. 117; 171, с. 14; 330, с.104). Обращаясь к этим сведениям, А. Г. Шанидзе полагает, что "Завет" (Ветхий и Новый) был на албанском языке" (467, с. 3).

Таким образом, из вышеуказанных армянских источников и также албанского историка становится ясно, что для проповедования религии христианства в Албании существовали религиозные книги. Албанцам известны были "Евангелие", "Завет" (Ветхий и Новый) и они использовали их для проповедования христианства в стране.

Из письменных источников становится ясно, что в Албании красочно, богато и пышно проводили религиозные церемонии (79, кн. I, гл. 21). В них участвовал хор, исполняющий религиозные песни (псалмы) (79, кн. I, гл. 21).

Однако надо определенно отметить, что христианизация в Албании не везде увенчалась успехом. Христианство в Албании все время в течение раннесредневекового периода вело борьбу, с одной стороны, с зороастризмом, манихейством и, с другой стороны, местными верованиями социальных низов.

Царь Вачаган III подвергал тяжелым наказаниям колдунов, чародеев и жрецов. "Он (Вачаган) повелел укрепленному району Арцах, входящему в его владения, отказаться и отречься от различного вила жертвенной службы почитания нечистым идолам" (79, кн. I, гл. 17; 341, с. 47). По приказанию царя Вачагана III часть колдунов, чародеев и жрецов "... была удушена, часть угнана, а другие были обращены в рабство" (79, кн. I, гл. 17; 341, с.47).

Церковное учение, насильственно насаждаемое в крестьянских массах господствующими классами, не останавливалось ни перед какими средствами для того, чтобы сокрушить верования социальных низов.

М. Каганкатвацци достаточно подробно распространяется о борьбе с язычеством в Албании, о суровом преследовании сект "бесопочитателей" и "персторезов".

В Албании были секты двух родов: бесопочитателей и персторезов (79, кн. I, гл. 18; 451, с. 294; 341, с. 48). Кроме этого была секта культовая - умерщвление близких (стариков) (79, кн. I, гл. 18; 451, с. 294; 341, с. 48). Персторезы были широко распространены в Албании, о них знали албанские цари: "Уже давно, с тех пор, как (Ваче) узнал об их (персторезов) безнравственности, другие цари были не в состоянии поймать их или оставались равнодушными. Ненавистные и злые персидские марзбаны часто захватывали их (персторезов), однако они отпускали их за взятку" (79, кн. I, гл. 18; 451, с. 294; 341, с. 48). Против сект персторезов и бесопочитателей боролся албанский царь Вачаган III. Об этом М. Каганкатвацци пишет: "Царь Вачаган III принялся разыскивать, преследовать и разузнавать злую секту персторезов, ибо у них (у чародеев, гадателей и жрецов) существовали секты человекоубийства" (79, кн. I, гл. 18; 451, с. 294; 341, с. 48). М. Каганкатвацци сообщает, что албанскому царю Вачагану удалось уничтожить секты персторезов и бесопочитателей и "много других лжеучений уничтожил он в Албании" (79, кн. I, гл. 18).

Вышеуказанное сообщение письменного источника о том, что в Албании христианство развивалось в борьбе с язычеством и разными религиозными течениями, подтверждается ценными материалами об обрядах захоронения в Албании, относящихся к периоду христианства. В раскопках Мингечаура (201, с. 156), Амараса (227, с. 80-84; 229, с. 20-21), Кабалы (304, с. 251, IV таб.), Гявуркале (224, с. 26-27; 221, с. 77-79), раннесредневековых поселениях, наряду с христианскими могилами вскрыты большие группы катакомбных, срубных, кувшинных, глиняных и каменных ящиков-могил.

Борьба с верованиями социальных низов также отражена в Агуэнских канонах. Собор запретил справлять тризны, поминки и придерживаться других пережитков языческой старины. Канон 12 гласит: "Если кто-то оплакивает умершего, то связать главу семьи и гусанов, доставить в царский суд и наказать и чтобы их семьи не смели оплакивать их впоследствии" (79, кн. I, гл. 26; 341, с. 66), а канон 11 запрещал обращение к волхвам-колдунам, "мужчина или женщина, если будут вызывать мертвых или волхвов, да будут преданы смерти; камнями должны побить их" (79, кн. I, гл. 26).

С дохристианскими верованиями социальных низов - язычеством вел борьбу в Закавказье, и в том числе в Албании, Месроп Маштоц. Он, придя в Баласакан, "многих направляет на путь истины, кроме немногих упорных, которых прогоняют во владение гуннов. Возложив проповедование в тех странах на епископа, названного Мушег..." (76, кн. 3, гл. 60; 341, с. 48) Месропу Маштоцу "оказал большую помощь в деле священной проповеди в краях Баласакана святой епископ по имени Мушег" (69, с. 19; 341, с. 48). В течение всей своей жизни Месроп Маштоц, путешествуя по Албании, Иберии и Армении, проповедовал религию христианства. По этому поводу Корюн пишет: "И таким образом по всем областям Армении, Иберии и Агвании в течение всей своей жизни, летом и зимой, днем и ночью, бесстрашно, без

промедления возобновил (Месроп) проповеди и учил. Сам он, лично путешествуя, полной евангельской речью о религии и жизни во славу божию, учил (открыто) перед царями и перед ишханами, и перед рамиками" (69, с.22; 341, с. 48),

Но у историка М. Каганкатваци мы находим другие сведения о распространении христианства в Албании Месропом Маштоцем, которые отличаются от сведений Корюна. Так, М. Каганкатваци сообщает, что Месроп Маштоц начал свою проповедь из пределов Армении и дошел до местечка Гис, в области Ути, где была построена первая церковь в Албании. "Он (Маштоц) распространил свою проповедь евангелия в стране Ути, в Албании, в Лпине и в Каспии, в области у ворот Чоры и среди других племен, которые были уведены в плен Александром Македонским и поселены вокруг великих гор Кавказских, среди гаргаров, камичик-ептагов, обратив их в веру (христианскую) и научив обрядам богопочитания, которые ими были давно приняты, но были забыты..." (79, кн. I, гл. 27; 341, с. 49). В распространении проповеди евангелия в Албании Месропу Маштоцу помогали его ученики (79, кн. I, гл. 27; 341, с. 49).

И в Гардмане Месроп Маштоц через "посредство его (правителя Гардмана) обращает их в правоверие" (79, кн. II, гл. 3; 341, с. 49). Из М. Хоренаци мы узнаем, что Месроп вторично возвращается в Гардманскую область и снова "возвращает жителей той области к познанию истины", и с ними вместе и Гардманского владельца Хурса. Об этом М. Хоренаци пишет: Месроп "действительно открывает их, приводит к познанию истины и с ними, уж вторично, Гардманского владельца по имени Хурс" (76, кн. III, гл. 60; 341, с.49).

Известно, что в числе средств, использовавшихся утвердившими свою власть в ряде мест Закавказья Сасанидами, как орудие политики, была религия. Для распространения своей официальной зороастрийской религии в Албании (Азербайджане) сасанидские цари отправляли в Албанию магов. В истории Албании IV- VII веков борьба зороастризма с христианством была отражением борьбы сасанидского Ирана и Византии за влияние и господство в Албании (Азербайджане). Население Албании неоднократно поднимало знамя восстания, совместно с армянами и грузинами, против сасанидского господства и зороастрийской религии.

Одно из таких крупных восстаний против сасанидского господства и зороастризма произошло при персидском царе Йездигерде II (438-457) в 450-451 годах, оно завершилось Аварийской битвой. С помощью привлечения всех письменных источников этого периода и литературы, это антисасанидское восстание закавказских (Албания, Иберия, Армения) народов нами более подробно изложено и исследовано в опубликованной монографии (См.: 341, с. 56-63). Поэтому нет необходимости здесь останавливаться на этом вопросе.

После сражения на Аварийском поле Йездигерд II послал в Закавказье несколько карательных отрядов, которые учинили беспощадную расправу. Об этом историк Егише сообщает, что персидский царь Йездигерд II "... снарядил Мушкана Нисалавурта со всеми оставшимися войсками в страну албанов, лпинов и чилбов, и (в страну) хачматаков, и (в страну) таваспаров, и (в страну) хибнованов, и все крепости, которые были разорены войсками ханов по уговору с армянами" (68, гл. VII; 451, с. 212; 341, с. 63).

Йездигерд II не сделал из событий 451 г. выводов в смысле удовлетворения самых важных требований повстанцев. Освободительное движение он решил подавить силой и таким образом уничтожить его. Однако жизнь показала, что борющийся народ имеет огромную силу сопротивления. Тогда персидский царь вынужден был изменить свою политику: сменил Васака Сюни и назначил марзпаном Атрормизда Аршакана (74, кн. II, гл. 40; 68, гл. VII, с. 168; "269, с. 60). А он от имени персидского царя обратился к населению с призывом "вернитесь и живите без страха, и ничего не бойтесь" (74, кн. II, гл. 40; 269, с. 60). По указам персидского царя Йездигерда II: 1) восставшим предоставлялась свобода вероисповедания; 2) не брали тех налогов, которые были назначены на время восстания; 3) уменьшен был набор конницы; 4) восставшим беглецам возвращено было имущество (68, гл. VII, с. 170; 269, с. 60). В 457 г. умер Йездигерд и после его смерти "два сына его, враждовавшие между собой, подняли междоусобную войну из-за трона. Пока они вели междоусобную войну, восстал также царь агванский Ваче" (68, гл. X; 341, с. 63).

В Албании правил сын Асрвагена, женатый на дочери Йездигерда II, Ваче, который со своей матерью и женою был обращен в огнепоклонство по требованию Йездигерда II. Армянский историк об этом пишет, что албанский царь Ваче II... по своим отцовским традициям раньше был христианином, но Йездигерд II - царь царей - насильно сделал его магом" (68, гл. 10; 341, с. 64). После смерти персидского царя Йездигерда, "пользуясь (Ваче II) удобным моментом, подвергнув себя опасности, предпочел смерть в войне, чем быть царем и жить в отступничестве" (68, гл. 10; 341, с. 64). Албанский царь Ваче II в 461 году восстал против Сасанидов и их религии магов и вернулся к исповеданию христианства (68, гл. X; 79, кн. I, гл. 10; 451, с. 214; 341, с. 64). Об этом восстании более подробно изложено выше (341, с. 63-65).

После того, как албанский царь Ваче II покинул свое царство, персидский царь Пероз усилил гонения на христиан. Себеос пишет об этом: "В годы царствования персидского царя Пероза исчезли всякие власти и порядки, и христианские законы..." (81, отд. III, гл. 1; 341, с. 65).

Более подробно об этом сообщает М. Каганкатвацци "... Безнравственный и безбожный царь Персии, подобно неистовому и взбешенному больному псу, прилагал усилия подчинить себе все другие монархии и в то же самое время разрушить церкви, христианскую религию и веру, восстановить своей властью безумное идолопоклонство. Кровь святых мучеников во Христе была пролита неправедными руками и добродетельный народ был без числа умерщвлен безнравственными мечами, в то время как плачущие женщины и дети были взяты в плен и увезены прочь, в жестокое рабство в иную страну. Они убили много армянских, грузинских и албанских дворян, пытались совратить их в идолопоклонство магов, принуждая некоторых силой, а других подкупом, распределяя между ними крупные княжества и сооружая храмы огня во многих местах, и огнепоклонничество грязным идолам весьма возросло" (79, кн. I, гл. 16; 341, с. 65).

Несмотря на "неистовые беззакония царя (Пероза I), Вачаган также принял с ним (народом) религию магов, однако в тайне он постоянно вставал на молитву, постился и признавал Христа..." (79, кн. I, гл. 16; 341, с. 65).

После смерти царя Пероза (459-484) воссевший на персидский престол Валарш (484-488), видя экономически тяжелое положение страны, заключил мир с восставшими народами Закавказья, в основу которого были положены уступки этим народам, в том числе - предоставление народам Закавказья свободы "вероисповедания" (74, кн. II, гл. 89; 79, кн. I, гл. 17; 341, с. 65). Царская власть в Албании была восстановлена. Албанским царем стал Вачаган III (487-510).

После этого албанский царь Вачаган III "... сначала сам свернул с греховного пути и совершил многие и разнообразные добродетельные поступки, обратив все царство от злого и дьявольского идолопоклонства на путь святого и истинного служения Господу и искренним раскаянием он дополнил свою добродетель" (79, кн. I, гл. 17; 341, с. 65-66). Вачаган стал вести борьбу против идолопоклонников и приказал в своей стране "... удалиться от разнообразных дьявольских поклонений скверным идолам с жертвоприношениями" (79, кн. I, гл. 17; 341, с. 65-66). Он наложил наказание и штраф на тех, кто не выполнял точно и твердо христианских обрядов и осмеливался устраивать "... алтарь или образ идола, или культ нечистого бога, или не будет содержать в целости..." (79, кн. I, гл. 17; 341, с. 65-66). Царь Вачаган III направлял на путь истинный также и колдунов, чародеев и жрецов. "Если кто-либо из них совершит упомянутое зло, то они будут приведены ко двору, подвергнуты наказанию в ужасных оковах и будут выселены. И впоследствии были наказаны многие колдуны, чародеи и языческие жрецы. Часть их была удушена, часть угнана, а другие были обращены в рабство" (79, кн. I, гл. 17; 341, с. 66). Для укрепления христианских порядков царем Вачаганом III по областям Албании были назначены епископы, иереи, дьяконы и наблюдатели: "... Во многие места он назначил епископов, священников и наблюдателей. Он издал такие же распоряжения в Камбаче и Агвании, утверждая епископов, иереев и дьяконов" (79, кн. I, гл. 17; 341, с. 66).

Другим средством распространения христианства в Албании царь Вачаган III считал создание грамотного духовенства. Поэтому он "... приказал собрать детей колдунов, чародеев, языческих жрецов, персторезов и отравителей... в школу для обучения религиозным наставлениям и христианскому образу жизни" (79, кн. I, гл. 18; 341, с. 66).

В царствование Вачагана III между "мирянами" и епископами происходили разногласия. Чтобы устранить их, царь вынужден был в 488 году созвать церковный собор в Агуэне, который вынес ряд важных решений, укреплявших положение христианской церкви и расширявших ее влияние на население. Церковные феодалы пользовались широкими правами в судопроизводстве, в ведении бытовых дел. Решениями этого собора: 1) даже азаты обязаны были вносить в пользу церкви одну десятую часть урожая: "Вольные люди, которые платят церковную десятину в главную (соборную), а другую половину в собственную - церковь" (79, кн. I, гл. 26; 451, с. 293-294; 341, с. 66; 189, с. 156-157; 185, с. 64-65); 2) гражданские и уголовные дела подлежали юрисдикции духовенства: "любого христианина, который ссорится или прольет кровь, должно привести к епископу и наказать соответствующим законом" (79, кн. I, гл. 26; 341, с. 66-67); 3) собор запретил справлять тризны, поминки и придерживаться других пережитков языческой старины: "Если кто-то оплакивает умершего, то связать главу семьи и гусанов, доставить в царский суд и наказать, чтобы их семья не смела оплакивать их впоследствии" (79, кн. I, гл. 26; 341, с. 66-67); 4) собор обязал население

регулярно посещать церкви: "... По воскресеньям, как хозяин, так и слуга вместе ходят в церковь. Всем молиться и совершать в ней панихиды" (79, кн. I, гл. 26; 341, с. 67); 5) запрещено было вступать в браки с родственниками до третьего колена родства: "Человек не может жениться на женщине, которая приходится ему родственницей до третьей степени и никто - на жене своего брата" (79, кн. I, гл. 26; 341, с. 67).

Вачаган III всемерно расширял идеологическое влияние церкви на массы населения. Церковной организации были предоставлены права юрисдикции и наблюдения над частной жизнью населения, благодаря чему церковники могли вмешиваться во все стороны быта. Церковная организация за счет народа в виде десятины получила прочную материальную базу для содержания лиц духовного сословия и осуществления своих классовых функций.

Распространение христианства среди гуннов в VI веке мы находим в письменных источниках. Христианские миссионеры предпринимали попытки распространить христианство среди жителей северо-восточной части-Дагестана. Из сирийского источника становится ясно, что в первой половине VI века сюда посланы были два христианских посольства (421; с. 113; 423, с. 96; см.: 137, с. 93). Первое посольство прибыло из Албании в 537 г.- эта дата определена Н. В. Пигулевой (423, с. 96; 421, с. 113). Во главе этого посольства стоял епископ Кардост (421, с. 113,115; 423, с. 166). Состав посольства, прибывшего из Албании, представляли семь священников (421, с. 113; 115; 423, с. 166). Это посольство пробыло среди гуннов 14 лет и в "земле гуннов" распространяло христианство крестило гуннов и назначало среди них священников для проповедования христианства (421, с. 113, 115; 423, с. 166). После этого через 7 лет сюда же прибыло посольство во главе с Пробосом от императора Византии, "чтобы купить воинов для войны с (языческими) народами" (421, с. 113, 115; 423, с. 166). Византийский посол Пробое оказывал содействие албанскому епископу Кардосту (421, с. 113, 115; 423, с. 166). Узнав о деятельности албанского епископа, византийский император отправил материальную помощь, о чем сирийский источник свидетельствует так: "Когда наш император узнал от него (Пробоса.- Т. М.) относительно события, совершенного так господом, как выше описано, из городов под ромейской державой, расположенных поблизости, было погружено тридцать мулов, и он послал их с пшеницей, вином, маслом, льном, другими плодами и священной утварью. Мулов он дал им в подарок, так как Пробое был муж верующий, мягкий и был усерден в таких добрых делах, как это" (421, с. 113,115; 423, с. 166).

Албанское посольство ввело письменность среди гуннов. По данным сирийского источника 544 г. Кардост и его Священник на седьмой год своего пребывания на гуннской земле "... выпустили там писание на гуннском языке" (421, с. 113,115; 423, с. 166).

После ухода албанского посольства сюда прибыло другое посольство, на сей раз из Армении (421, с. 113,115; 423, с. 116). Это посольство возглавил армянский епископ Макарий, который "построил церковь из кирпичей, насадил растения, посеял различные семена, совершил знаменье и многих крестил" (421, с. 115; 423, с. 167).

Преемник Дживаншира Вараз-Трдат, видя, что Албания приходит к разорению из-за тяжелых налогов, наложенных арабами на население, и от набегов гуннов, созывает в 684 году совет своих князей, католикоса Егиазара, на котором принимает решение

послать в страну гуннов епископа Исраила из Мецкогманк для склонения их к миру (79, кн. II, гл. 39; 171, с. 26; 341, с. 67). В Варачан, столицу гуннов, было отправлено посольство во главе с епископом Исраилем (79, кн. II, гл. 39; 341, с. 67). Послы вышли из Партава в декабре 681 г. и прибыли в Варачан в феврале 682 года (275, с. 129; 538, с. 59; 185, с. 103; 186, с. 27).

Языческая религия господствовала в стране гуннов безраздельно. Они почитали бога Куара, который "производил искры громоносных Молний и эфирные огни". Жители Вачарана поклонялись также священным деревьям, огню, воде, "богам путей, также луне" (79, кн. II, гл. 40). О пути, проходившем через внутренний Дагестан, сообщает М. Каганватваци. По его данным, христианское посольство епископа Исраила к гуннам, перейдя Куру, прошло границы Албании и прибыло на двенадцатый день в город лпинийцев. Дальше послы перешли страну Джигбов, преодолели "вершины гигантских гор". "Изнуренные и утомленные, они против воли взяли другую дорогу и после долгодневного пути прибыли в древнюю резиденцию царей, в то место, где сподобился св. Григорий. Через несколько дней они достигли ворот Чога, недалеко от Дербента и, наконец... прибыли в великолепный Вачаран накануне сорокадневного поста" (79, кн. II, гл. 39).

Исраил, прибыв в страну гуннов, начал внедрять там христианство. Гуннский князь Алп Илитвер и его лагерь "предались игу служения Христу". Затем, по словам М. Каганкатваци, христианство приняли все гунны. По приказу епископа были срублены все священные деревья, из которых в Вачаране был построен огромный крест. Были также уничтожены все капища "и погибли скверные копии жертвенных чучел" (79, кн. II, гл. 41).

Исраил, прибыв в страну гуннов, начал внедрять там христианство. Получив разрешение ишхана гуннов, епископ Исраил разрушил их пиреи, и они "... возвратившись в великой радости, стали облачатся в свет через крещение. Князь и сановники превратили тот день в праздник и в торжество торжеств" (79, кн. II, гл. 41; 341, с. 67). В тот же самый Вачаране (у арабов Семендера), по мнению арабских авторов, в X в. были христианские храмы (23, с. 114), а по сообщению Мукаддаси к этому времени большая часть жителей Семендера была христианами (48, с. 5; 464, с. 62-63). После этого хоны просили Исраела стать их епископом. Но Исраил ответил им, что он зависит от своего албанского католикаса Егиазара и должен получить от него разрешение. Тогда князь хонов Алп Илитвер послал письмо албанскому католикусу Егиазару к ишхану Вараз-Трдату, а также католикусу Армении Саааку и полководцу Григорию. Он сообщил о том, как они из рук Исраела приняли христианство, одновременно просили назначить Исраела епископом в стране хонов.

После Халкедонского собора, созванного в 451 году и принявшего учение Нестора (396, с. 35), началась борьба между халкедонизмом и монофизитами. Закавказские католикусы также выступали против халкедонизма (диофизит). В 506 г. армяне, албаны и иберы совместно созывали собор в Двине и "отвергли постановления Халкедонского собора" (160, с. 4).

Сасаниды, чтобы укрепить свое положение в закавказских странах, использовали в этой борьбе между халкедонизмом (диофизит) и монофизитами религии. Сасанидское государство также поддерживало монофизитов. С этой целью, чтобы усилить монофизитские церкви и их объединить, в 527 г. в городе Двине был созван объединенный собор албанской, армянской, иберской церквей. На этом соборе

отклонены были халкедонизм и монофизитский толк, объявлено было единственное вероисповедание (257, с. 445; 185, с. 93).

После этого собора религиозным центром закавказских стран стал город Двин, о чем свидетельствует сирийский историк Закария Ритор. Он об этом пишет так: "В этой северной стороне есть верующие пять народов с их 24 епископами. Их католикос находится в Двине, большом городе Персидской Армении. Гурзан также земля в Армении, с языком, подобным греческому, у них есть царь христианский, подвластный царю Персии. Аран также земля, в той же земле Армении, со (своим) языком, с народом, верующим и крещенным, у них есть царь, подчиненный персидскому царю" (423, с. 165, 403, т. II, с. 325; 185, с. 93).

Основываясь на вышеуказанном, ряд исследователей считает, что с этого времени албанская церковь попадает под власть армянской церкви (См.: 403, т. II, с. 328; 374, с. 16; 286, с. 129). Это ошибочное мнение опровергается З. М. Бунятовым, который в своем исследовании пишет: "Принимая во внимание, что Грузан (Иберия, Грузия) и Аран имели в VI в. языки и своих царей, можно констатировать, что ни Грузан, ни Аран этнически или политически частью Армении не являлись. Единство это - чисто церковное и оно было провозглашено на соборе албанской, иберийской и армянской церквей, созванном в г. Двине в 527 г...." (185, с. 93; 239).

Это церковное объединение не означало, что албанский католикосат потерял свою самостоятельность. С этим нельзя согласиться. Многовековая борьба армянской церкви против албанской доказывает обратное. Тут уместно было бы указать, что это мнение исследователей опровергают письменные источники.

В связи с проникновением халкедонизма в Закавказье, в том числе в Албанию, между Арменией и Албанией шли споры и разногласия по вероисповедным вопросам (120; 185, с. 93; 235, с. 92). Используя этот момент, армянская церковь во всю силу старалась подчинить себе албанскую и иберскую церковь. Но это старание не имело успеха, о чем красноречиво свидетельствует М. Каганкатвацци, по этому поводу он пишет так: "... чтобы архиепископ агванский был им подчинен. Агванцы не соглашались" (79, кн. II, гл. 48). Далее историк пишет, что "албанцы приводили довод, что они приняли христианство раньше армян и иберов..." и "... Св. Елисей проповедовал там и построил там церковь раньше чем в Армении, именно в селе Гис. Церковь эта была матерью церковью восточных, т. е. метрополией. Поэтому агванцы обратились от армян к себе, чтобы не быть ни под чьей властью" (79, кн. II, гл. 48).

Самостоятельность албанского католикоса второй половины VI века красноречиво доказывает в приведенных фактах М. Каганкатвацци. При католикосе Абасе в 552 г. Патриарший престол был перенесен в более отдаленный от Чога район, в город Партав (Барду) (79, кн. II, гл. 4). "При нем вошло в обыкновение писать на адреса бумаг - католикосу Агвани, Лпинии и Чора" (79, кн. III, гл. 23). В другом месте, когда речь идет о письме армянского католикоса Иоана II (557-574 гг.), он обращается к албанскому католикосу Абасу таким образом: "Добрый, справедливый, боголюбивый -любезному и сопрестольнику нашему, владыке Абасу, католикосу агванскому..."(кн. II, гл. 7). Эти факты еще раз доказывают, что албанский католикосат и церковь в VI веке были самостоятельными.

Самостоятельность албанской церкви доказывается также другими фактами, которые имеются у историка М. Каганкатвацци.

Например, во время разделения церквей закавказских стран в 607 г. в соборе Двина сунийцы "... отделились от армян, обращаются к егванцам и получают от них рукоположение и елей" (79, кн. II, гл. 48).

Самостоятельность албанской церкви видна также из письма армянского католикоса Саака III (667-703 гг.) хазарскому князю Алп Илитверу, которому армянский католикос Саак ответил, что "... он (Израел) назначен не нашим престолом, а Алванского Дома. Наше желание и склонность к тому, чтобы он пребывал всегда с вами по предписанию относительно осуществления этого - есть прерогатива нашего патриаршего коллеги Егиазара. Агванскому католикосу это его дело..." (79, кн. II, гл. 45; 341, с. 67-68). Из этого следует, что албанская церковь была самостоятельной, ибо несмотря на христианское единство религии албанцев и армян, католикос Армении не имел права вмешиваться в церковные дела Албании. Автокефальность албанской церкви и самостоятельность албанского католикосата подтверждается еще одним ярким документальным фактом о постройке более 10 албанских монастырей в Иерусалиме, приводимом в "Истории Албании" М. Каганкатваци (79, кн. II, гл. 52). А ведь, как известно, только независимые церкви и католикосат имели право строить монастыри в этом городе. Все приведенные материалы показывают, что албанская церковь была самостоятельной.

Албанский католикос Егиазар после настоятельных просьб посланников ишхана согласился отпустить Израела в страну гуннов: "И Блаженный епископ, искренний по своей великодушной натуре, приносил процветание обеим сторонам, предпринимая выезды к гуннам и заботясь о новообращенной пастве Христовой, твердо соблюдая соглашение и условия союза" (79, кн. II, гл. 45; 341, с. 67-68).

Несмотря на то, что закавказские католикосаты объединились против халкедонизма и вели против него борьбу, все же он нелегальным образом проникал в эти страны и в том числе в Албанию, о чем свидетельствует М. Каганкатваци. Из свидетельства историка становится ясно, что халкедонизм проникал в Албанию во второй половине VI века. М. Каганкатваци об этом пишет так: "В то время, неся смуту великую, распространилась во все концы земли весть о соборе Халкедонском, и, соизволением господним, усилилась проповедь его и замутила души многих. И дошло учение это и до страны Агванской во время владыки Абаса, католикоса Агванского" (79, кн. II, гл. 8; см.: 451, с. 221; 374, с. 81).

Но албанский католикос Абас вел с ними борьбу и их изгнал из страны. Об этом М. Каганкатваци пишет так: "Проведя расследование строжайшее вместе с епископами своими, сведущими в святом писании, постановил он изгнать из лома агванского проповедников учения того - Товмаса, и Егия, и Биота, и Ибоса и других им подобных, и сослать всех вместе в отдаленье" (79, кн. II, гл. 8; см.: 451; с. 221). После изгнания из страны сторонников халкедонского толка в Албании началось восстание, о чем свидетельствует историк так: "Но гражданская война была в самом разгаре" (79, кн. II, гл. 18).

Борьба между халкедонизмом и монофизитством в конце VI в. усилилась и перешла в восстание. Во главе восстания в Албании стоял католикос Виро, за что был арестован персидским царем, и восстание было подавлено. После смерти персидского царя Хосрова II в 628 г., после 25-летнего заключения католикос Виро вернулся в Албанию (79, кн. II, гл. 14; см.: 188, с. 15-20).

В начале VII века, в 607 году, в городе Двине на соборе, созванном по содействию грузинского патриарха Кюриона, армянская, албанская и иберийская церковь были разделены (257, с. 445; 185, с. 93; 239, с. 130).

В последней четверти VII века Албания снова была заражена халкедонизмом.

При католикосах Албании Ухтанесе и Егиазаре в область Арцах проникли некоторые священнослужители халкедонского вероисповедания, которые стали "мутить" народ и духовенство. После смерти албанского католикоса Егиазара бывший епископ Гардмана Нерсес-Бакур старался склонить жителей Албании к принятию халкедонского толка христианства: "... Нерсеса-Бакура, албанского католикоса... старавшегося склонить жителей Албании, к принятию халкедонского собора" (84, кн. II, гл. 2; 185, с. 94-96; 341, с. 68).

Сведения армянского историка Асогика подтверждает и М. Каганкатвацци, который сообщает: "После смерти Егиазара - католикоса агванского, некий Бакур, именуемый Нерсесом, который принадлежал к диофизитской секте Халкедонского учения, исповедующий две природы и бывший епископом она раньше, устроил заговор со Спрамой, царицей Албании, супругой Вараз-Трдата, которая следовала той же ереси, и заключил с ней договор, ради своей будущей цели. Он говорил: "Если ты объявишь меня католикосом Албании, то я обращу Албанию в халкедонизм" (79, кн. III, гл. 3; 185, с. 94-96; 341, с. 68). Однако албанское духовенство "восстало против него и созвали большой собор, предали анафеме Нерсеса вместе со всеми еретиками" (79, кн. III, гл. 3; 341, с. 68).

Собор духовенства Албании послал письмо армянскому католикосу Егия Арчишеци с сообщением о случившемся и с просьбой "посетить нас (Албанию), как ты посещаешь своих собственных членов, исцелил бы наши раны" (79, кн. III, гл. 4; 341, с. 68-69). Армянский католикос Егия, получив это сообщение, вместо того, чтобы отправиться в Албанию для предотвращения раскола между христианами Албании, написал письмо мусульманскому халифу Абдул-Мелику, в котором сообщил ему о намерении Нерсеса склонить албанских христиан к халкедонскому провизантийскому христианству и просил халифа "предать их жестоким наказаниям по достойным их делам за то, что хотели согрешить перед богом" (79, кн. III, гл. 5; 341, с. 69). По сведениям Асогика, Егия, по приказанию Абдул-Мелика, созвал собор в Партаве: "Он по приказанию Абдул-Мелика созвал собор в Партаве..." (84, кн. II, гл. 2; 341, с. 69). По приказу армянского католикоса Егия албанского католикоса Нерсеса-Бакура отправили к халифу Абдул-Мелику: "... приказал отвести к халифу католикоса албанского Нерсеса-Бакура" (84, кн. II, гл. 2; 341, с. 69).

Вышеуказанные данные также подтверждают другие армянские историки, такие, как Иоаннес Лрасханакертци (80 с. 78) и Вардан Великий (73, с. 92). М. Каганкатвацци сообщает, что "затем (Нерсес) был помещен в центре переполненного суда лицом к лицу с Ильей. Так как он не был в состоянии отвечать (обвинениям противоположного), они нанесли ему тяжелые раны в соответствии с царским повелением... Однако из-за этих мучений он не ел в течение восьми дней и умер" (79, кн. III, гл. 7; 341, с. 69).

После смерти Нерсеса-Бакура на этом же соборе албанским духовенством было выдано обязательство армянскому католикосу Егия и халифу Абдул-Мелику, по которому албанская церковь лишилась своей самостоятельности и стала зависеть от армянской церкви (79, кн. III, гл. 8, 9). Такое положение продолжалось до 1836 г.,

т. е. до тех пор, пока властью русского царя не был упразднен сан албанского католикоса (403, т. П, с. 235).

Материалы показывают, что утверждение новых общественных отношений феодализма вызвало к жизни проблему ликвидации дофеодальной астральной религии. Уничтожение ее проходило как форма отражения революционных изменений общественного строя.

Исследование письменных источников показывает, что до введения христианства в Албании было широко распространено верование астральной религии. Со II в. нашей эры христианство стало распространяться в Албании. А в IV в. оно стало государственной религией.

Однако изучение материалов раннесредневековых письменных источников и археологических материалов показывает, что христианизация в Албании не везде увенчалась успехом. Христианство в Албании все время в течение раннесредневекового периода вело борьбу, с одной стороны, с зороастризмом, манихейством и, с другой стороны, с местными верованиями социальных низов. Материалы показывают, что в этой борьбе в Албании против язычества страны как сила выступала во главе с царем феодальная иерархия.

Принятие христианства в Албании было положительным шагом вперед в борьбе против язычества, тормозящего развитие производительных сил и более прогрессивных производственных отношений. Христианство помогло Албании укрепить культурные и политические связи с передовыми христианскими странами Востока. Принятие христианства в Албании еще больше сблизило ее (Албанию) в культурном и политическом отношении с соседними странами: Арменией и Грузией. Появившаяся в связи с принятием христианства церковная феодальная иерархия впоследствии заняла видное место в албанском обществе как сильное идеологическое орудие угнетения народных масс.

Материалы показывают, что для проповедования религии христианства в Албании существовали религиозные книги на албанском языке. Албанцам были известны "Евангелие", "Завет" (Ветхий и Новый) и они использовали их для проповедования христианства в стране.

Письменные источники исключительно ярко показывают, что Албания IV-VII вв. имела независимую от всех других христианских церквей свою самостоятельную церковь, в дела которой католикосы Армении не имели права вмешиваться.

Исследование письменных источников показывает, что главой албанской церкви был человек, облеченный в сан католикоса. Албанские католикосы рукополагались албанскими епископами. Они избирались на соборах, в которых участвовали правители страны - цари, религиозные представители каждой епархии, князья и вельможи Албании. Албанская церковь пользовалась самостоятельностью в избрании своих католикосов до 705 г., т. е. до времени католикоса Нерсеса Бакура.

Материалы показывают, что албанские католикосы созывали церковные соборы с участием царя и князей. На основании церковных законоположений на соборе вырабатывались меры уточнения прав и обязанностей духовенства и мирян. Албанские цари всемерно расширяли идеологическое влияние церкви на массы

населения. Церковным феодалам были представлены широкие права в судопроизводстве, в ведении бытовых дел. Письменные источники сохранили сведения об обложении населения Албании налогом со стороны церкви. Церковная организация за счет народа в виде десятины и налога получила прочную материальную базу для содержания лиц духовного сословия и осуществления своих классовых функций. Собирая с местного населения Албании налоги в пользу церкви, духовенство имело постоянный и нескучный доход.

Исключительно ярко рисуют первоисточники политическое боевое единство албанцев и армян в борьбе против врагов народов Закавказья. Это единство проявилось в религиозной оболочке, но оболочка не может ни скрыть от науки, ни ослабить великого исторического воспитательного значения армяно-албанского единства, несмотря на самостоятельность языков, письменности, государств и католикосат. Это единство было продиктовано самой исторической обстановкой.

ГЛАВА ШЕСТАЯ

ВНЕШНЯЯ ПОЛИТИКА И ВОЙНЫ

По географическому положению Албания находилась на стратегически важном месте. Поэтому вряд ли была другая страна, подвергавшаяся стольким политическим изменениям, столько раз менявшая границы своей территории, служившая почти непрерывным театром войн. Историко-географическое положение Албании создавало здесь очень сложную ситуацию. На юг от нее лежало Сасанидское государство, а на севере жили различные полукочевые народы. Они всегда были большой угрозой для богатых плодородных стран Закавказья, куда они вторгались с хищническими целями. Плодородные области, скотоводческие районы и богатые города Албании из века в век притягивали к себе их захватнические устремления. О нападениях с севера на Албанию Н. Пигулевская пишет: "Родоплеменные союзы и племена, кочевавшие к северу от Аму-Дарьи вокруг Аральского моря и по прикаспийскому побережью, постоянно стремились на юг, в плодородные области Передней Азии, где их манили тучные пастбища, хлебные поля и виноградники, неисчислимы богатства городов, центров ремесла и торговли" (423, с. 68).

Различные племена к северу от Албании неоднократно и не без инспирации со стороны Византии и Сасанидов совершали через Дербентский проход опустошительные набеги на Албанию. Эти племена грабили и разрушали города и населенные пункты, уничтожали или уволели в плен их население. Эти набеги были большими бедствиями для оседлого населения Албании, они приносили огромный ущерб хозяйству и подрывали самые основы оседлого земледельческого хозяйства.

О нашествиях северокавказских племен на Албанию сохранили сведения древнеармянские, византийские, грузинские и арабские письменные источники.

О нашествиях на Албанию через Дербентский проход в III в. во время, царствования Вагаршака (197-215) дает нам сведения армянский историк М. Хоренаци: "Во дни его (Вагаршака) массы горцев,- я разумею хазар и басилов,- соединившись, прошли через врата Чора (т. е. Дербентский проход) под предводительством царя своего Внасп-Сурхана, и, пройдя через реку Куру, разбрелись (по сторонам). Им навстречу

вышел Вагаршак со своим полчищем и храбрыми мужами и рассеял полчища врага по своему полю, которое усеял их трупами: затем, преследуя их, прошел через Чорский (Дербентский) проход. Тогда враг снова собрался и создал фронт, против которого выступили армянские удалцы и обратили (вражеские силы) в бегство. Однако Вагаршак пал от руки мощных стрелков" (76, кн. II, гл. 65; см.: 456, с. 102; 365, с. 114).

О нашествиях северокавказских народов на Албанию в III в. мы находим сведения и у Асогика (84, кн. I, гл. 45) и Вардана (73, с. 36), которые повторяют М. Хоренаци.

Из сообщения М. Хоренаци мы узнаем еще, что во время царствования армянского царя Трдата III (287-330 гг.) северокавказские народы - басилы совершили нашествие на Албанию в зону Гаргарской равнины. Чтобы оказать им сопротивление, царь Трдат III "... отправляется... через землю Албанов на северян..." (76, кн. II, гл. 84; 341, с. 75). "... спустившись на равнину Гаргарскую, встречает северян войной..." (76, кн. II, гл. 85; 341, с. 75). Описание этих событий повторяется Асогиком: "Царь Трдат, спустившись со всем армянским войском на Гаргарскую равнину, встречает северные народы войной..." (84, кн. II, гл. I; 341, с. 75).

Народы Северного Кавказа были разбиты Трдатом (76, кн. II, гл. 85; 341, с. 75). Вардан пишет, что Трдат разбил северные народы в области Гаргар" (73, с. 43; 341, с. 75).

Армения и Албания в 30-х годах IV века вновь подвергались нашествию с севера (403, т. II, с. 311; 451, с. 188; 409, с. 16; 360, с. 712-713). Об этом сообщают Фавст Бузанлаци, М. Хоренаци и М. Каганкатваци. При сопоставлении текстов этих историков выясняется, что они отличаются друг от друга. М. Хоренаци сообщает еще, что Санатрук был по происхождению из Аршакидов (76, кн. III, гл. 3; 451, с. 188). В Албанию он пришел вместе с Григорисом, который был отправлен туда армянским царем Трдатом для распространения христианства (76, кн. III, гл. 3; 451, с. 188). По М. Хоренаци после смерти Трдата III "по козням самого Санатрука и некоторых других вечно лживых людей албанов варвары убили блаженного мужа Григориса под конскими копытами на Ватнеанской равнине недалеко от моря, называемого Каспийским" (76, кн. III, гл. 3; 341, с. 75). После этого Санатрук "возложил на себя корону, завладел городом Пайтакараном; при помощи чужих народов он думал завладеть всей Арменией" (76, кн. III, гл. 3; см.: 451, с. 189; 341, с. 75).

О короновании Санатрука, о захвате им города Пайтакарана и его стремлении господствовать над Арменией пишет и Асогик: "Санатрук возложил на себя корону, завладел городом Пайтакараном и думал господствовать над всей Арменией" (84: кн. II, гл. I; 341, с. 75). Об этом же сообщает Варлан: "... Санатрук Аршакуни, утвердившись в Пайтакаране, возложив на себя корону, задумал завладеть всей Арменией" (73, с. 43; 341, с. 75). Эти события иначе описывает М. Каганкатваци: "После смерти армянского царя Трдата, над албанами в городе Пайтакаране воцарился некто Санатрук и сделался противником армян" (79, кн. 1, гл. 12; 451, с. 189; 341, с. 76). В этом тексте албанский историк в отличие от М. Хоренаци рассматривает Пайтакаран как албанский город и не называет Санатрука Аршакидом - родственником армянских царей.

М. Хоренаци сообщает, что после нападения Санатрука на Армению армяне обратились за помощью к римско-византийскому императору Констанцию, который ответил им следующим письмом: " Я послал вам в помощь войско, велел возвести на престол Хосрова, сына вашего царя Трдата, и водворить (у нас) добрый порядок, чтобы вы служили нам верно" (76, кн. III, гл. 5; 451, с. 189; 341, с. 76).

После возведения на армянский престол Хосрова II римский полководец Антиох совместно с правителем Иберии Михраном и аспетом Армении Багратуни "... с их войсками со всем греческим (воинством) пошел на Санатрука..." (76, кн. III, гл. 6; 451, с. 189; 341, с. 76). Перед этой угрозой "Санатрук наполнил Пайтакаран персидскими войсками, а сам с албанскими нахарарами пошел искать убежище у Шапуха" (76, кн. III, гл. 6; 451, с. 189; 341, с. 76). Тогда Антиох "... приказал грабежом ослабить силу непокорных. Сам же, собрав дань, отправился к императору в Рим" (76, кн. III, гл. 6; 451, с. 189; 341, с. 76). Это сообщение М. Хоренаци повторяется у Асогика (84, кн. II, гл. I; 451, с. 189; 341, с. 76). Описание этих событий мы находим и у М. Каганкатваци, который излагает их следующим образом. "Хосров, сын Трдата, призвал Антиоха и его греческие войска, Баграта с западным войском, Михрана, правителя (бдэшх) Грузии и, присоединившись к этим трем, он направился на Албанию. Оставив большие силы в Пайтакаране, Санатрук поспешно направился с албанской армией к Шапуху, царю персидскому. Когда Антиох, собрав большую добычу, царскую подать, возвратился к императору..." (79, кн. I, гл. 12; 451, с. 189-190; 341, с. 76).

В отличие от М. Хоренаци М. Каганкатваци указывает, что инициатором похода против албан был армянский царь Хосров, а не Антиох, а Санатрук идет к Шапуру с албанским войском, оставляя при этом в Пайтакаране сильное войско. Он называет Пайтакаран албанским городом.

Далее, у М. Хоренаци мы находим описание второго этапа нашествия Санатрука на Армению: "Во дни Хосрова жители северной части Кавказа, зная бездейственность, слабодушие Хосрова, подстрекаемое в особенности просьбами Санатрука по тайному приказанию Шапура, царя персидского, соединяются и массою около двадцати тысяч человек нападают на центр нашего отечества" (76, кн. III, гл. 9; 451, с. 190; 341, с. 77). Перечислив полководцев, участвовавших в войне Санатрука, М. Хоренаци описывает битву между северокавказскими народами и армянами: "... Неприятели нанесли поражение нашим северным полкам, обратили их в бегство, очутились под стенами Валаршапата и осадили его" (76, кн. III, гл. 9; 451, с. 190; 341, с. 77). Но в это время восточные и западные армянские войска внезапно напали на них, "... вытеснили их оттуда к скале Ошаканской не дав им времени развернуться, и по их обыкновению пустить в дело стрелы" (76, кн. III, гл. 9; 451, с. 190; 341, с. 77).

М. Каганкатваци также описывает эти события: "Улучив удобное время, Санатрук по команде царя Шапура собирал албанскую армию в количестве 30 тысяч и напал на центр Армении" (79: кн. I, гл. 12; 451, с. 191; 341, с. 77).

О втором этапе нашествия Санатрука на Армению сохранил сведения Фавст Бузандаци, который сообщает, что Санесан (он же Санатрук) сначала принял христианство, но потом предал Григориса мучительной казни. Санесан назван у Фавста Бузандаци "... аршакидским царем маскутов... ибо и их цари и армянские цари были одного и того же происхождения и рода" (87, кн. III, гл. 6; 451, с. 191;

341, с. 77). Далее Фавст Бузандаци сообщает, что "... Маскутский царь Санесан, сильно разгневавшись, проникся враждой к своему сородичу, армянскому царю Хосрову и собрал он все войска - хонов, поков, таваспаров, хечматаков, ижмахов, гатов и глюаров, гугаров, шичбов и чилбов, баласичев, егерсванов и несметное множество других разношерстных кочевых племен,- все множество войск, которым он повелевал" (87, кн. III, гл. 7; 451, с. 194; 341, с. 77). Затем "Он (Санесан) перешел свою границу, большую реку Куру и наводнил армянскую страну. Не было числа множеству его конных полков и счета нашему войску, вооруженному палицами, так что и сами они не могли сосчитать свое войско" (87, кн. III, гл. 7; 451, с. 194; 341, с. 77). Далее Фавст Бузандаци пишет: "Они нахлынули, наводнили и затопили всю армянскую страну: разрушили, заполнили, вконец разорили ее и простерлись по всей стране до маленького города Сатал, до Гандзака, находящегося в пределах Атропатакана" (87, кн. III, гл. 7; 451, с. 195; 341, с. 78).

Далее Фавст Бузандаци сообщает, что Санесан "... почти год, насильственно захватив всю страну, держал ее" (87, кн. III, гл. 7; 451, с. 196; 341, с. 78). Он также захватил и столицу Армении Валаршапат, где и находился "... с основным полком, с несметным множеством войск..." (87, кн. III, гл. 7; 451, с. 196; 341, с. 78). Здесь его настиг полководец Армении "... Ваче, сын Артавазда из рода Мамиконян..." (87, кн. III, гл. 7; 451, с. 196; 341, с. 78). Собрав "храбрых из нахаров" и многолюдное войско, он напал сначала на лагерь врага, разбил неприятеля, отбил пленных, захватил добычу, а затем напал на Валаршапат и захватил город. Дальше Фавст Бузандаци сообщает, что неприятели "взбежали" из города и "бросились на каменистое плато в сторону крепости Ошакан..., где и произошло ожесточенное сражение", армяне "... набросились, били, громили войска аланов, маскутов, хонов и других племен...", а остатки их гнали по стране баласичев (87, кн. III, гл. 7; 451, с. 196; 341, с. 78).

М. Хоренаци и М. Каганкатваци о судьбе Санатрука ничего не сообщают, а Фавст Бузандаци дает сведения о смерти Санатрука. Об этом он пишет: "И голову великого царя Санесана принесли армянскому царю. А он, когда увидел, расплакался и сказал: "Братом он был моим, родом Аршакуни" (87, кн. III, гл. 7; 451, с. 7; 451, с. 196; 341, с. 78).

Вскоре после этих событий в 338 г. Албания снова превращается в арену военных столкновений. По словам М. Хоренаци "... северные народы, соединившись, прошли через ущелье Чор и поселились в пределах албанских в продолжение четырех лет..." и отсюда нападали на Армению (76, кн. III, гл. 12; 451, с. 197; 341, с. 78). Тогда армянскому царю Тирану была оказана помощь царем персидским Шапуром, который "избавил его от нападения северных народов" (76, кн. III, гл. 12; 451, с. 197; 341, с. 78).

Об этом нашествии сохранил сведения М. Каганкатваци, который сообщает: "Хазары в большом числе прошли через ворота Чора в нашу страну. Шапур собрал бесчисленную армию в Ассирии, Хорасане, Хорезме и много других храбрых персов из провинции Атропатакан и албанов и 12 племен из диких народов Кавказских гор, с этими неисчислимыми силами он поднялся и двинулся им навстречу" (76, кн. II, гл. 1; 365, с. 112; 136, с. 116; 185, с. 40). Но у М. Каганкатваци роли перемещены и Тирану приписывается оказание помощи Сасанидам, на земли которых, им подвластные, напали северные народы: "Когда Тиран стал царем Армении, он

заклучил мир с персами, и оказывая помощь Шаиуху, он защитил его от нападений северных народов" (79, кн. I, гл. 13; 451, с. 197; 341, с. 78).

О существовании союзнических отношений между Сасанидами и албанами лаёт сведения Аммиан Марцеллин. Описывая выезд сасанидского царя Шапура II перед битвой с римлянами под Амидой в 359 г., он сообщает, что сасанидского царя сопровождали: слева - царь хионитов Грумбат, справа - царь албанов, равный с первым по месту и почету, позади - различные военачальники, выделявшиеся авторитетом и властью" (См. об этом: 451, с.198).

После этих событий традиционные союзнические отношения между Арменией и Албанией были нарушены.

В 369-374 гг. сасанидский царь Шапур II склонил албанского царя Урнаира на свою сторону против Армении. Этому способствовало, что Албания была в номинальной зависимости от Сасанидов и сам Урнаир был зятем Шапура.

В период 369-374 гг. албанский царь Урнаир совместно с сасанидским царем Шапуром II выступал против армянского царя Папа. Выступление Сасанидов совместно с албанами против Армении Фавст Бузандаци описывает следующим образом: "Когда же персидский царь Шапух распределял свои войска (чтобы послать их против армянской страны и против греческих войск), то там у персидского царя находился албанский царь Урнаир. И вот Урнаир выступил перед персидским царем Шапухом и просил: "Храбрый из мужей, окажи милость и прикажи мне в виде награды самому со своим отрядом выступить против армянского войска царя Папа; ибо арийским войском подобает выступать против греческих Войск, а я со своим отрядом пойду против армянских князей". "Царь Шапух одобрил это..." (87, кн. V, гл.4; 341, с. 79).

Когда албанский царь Урнаир собирался со своим отрядом выступить против греческих войск, он сказал: "Ныне же я вас предупреждаю, чтобы вы помнили, что когда мы заберем в плен греческие войска, то многих из них надо оставить в живых, мы их свяжем и отведем в Албанию и заставим их работать как гончаров, каменотесов и кладчиков для наших городов, дворцов и других нужд" (87, кн. V, гл. 4; 341, с. 79).

Сражение между сасанидо-албанскими и армяно-римскими войсками произошло на Дзиравском поле в 371 г. Описание этого сражения мы находим у Фавста Бузандаци: "Армянский спарапет Мушег бил жестоким боем персидские войска и, дождавшись встречи с албанским отрядом, разгромил и эти войска. Он настиг также албанского царя Урнаира, когда тот пустился в бегство. Подъехав близко, он концом своего копья долго бил его по шлему, приговаривая: "Будь благодарен, что ты царь и носишь венец на голове, я царя не убью, если даже меня ждет наказание за это". И он позволил ему бежать вместе со своими всадниками в Албанскую страну" (87, кн, V, гл. 4; 341, с. 79).

Далее Фавст Бузандаци сообщает, что когда через некоторое время царь Шапур готовился к вторичному походу против царя Армении, то "албанский царь Урнаир тайно послал весть Мушегу, послал к нему человека и осведомил его, говоря: "Очень благодарен тебе за то, что ты не убил меня, бог предал меня тебе в руки, а ты пошалил меня, пока я жив, твоей услуги не забуду. Но я сообщаю тебе, что

персидский царь Шапух готовится со всеми войсками неожиданно напасть на тебя" (87, кн. V, гл. 5; 341, с. 79-80).

Описание Дзиравского сражения имеется и у М. Хоренаци. В отличие от Фавста Бузандаци он сообщает, что на стороне персов наряду с албанами участвовал отряд леков, "... при котором находился храбрый Шергир, царь леков..." (76, кн. III, гл. 36; 341, с. 80). М. Хоренаци не сообщает, что албанский царь Урнайр был отпущен Мушегом, а говорит, что отряд Шергира был обращен в бегство и "с ними вместе и Урнайра, царя албанов, израненного Мушегом, сыном Васака Мамиконяна, принудили покинуть поле сражения" (76, кн. III, гл. 36; 341, с. 80).

М. Каганкатваци дает незначительные сведения о Дзиравском сражении. Он только сообщает, что "Аршак умирает, царем становится Пап, восстал Меружан Арцуруни, подобно Ахитовелю... Затем храбрый Шергир, царь леков, погиб от руки Сиандарата Камсаракана. Затем великий царь Албании Урнайр был ранен Мушегом Мамиконяном..." (79, кн. I, гл. 13; 341, с. 80).

Из Фавста Бузандаци известно, что в 371 г. против царя Армении выступили население Атрапатакана, Арцах, страны маров (87, кн. V, гл. 8, 11, 12; 341, с. 80), страны каспов (87, кн. V, гл. 12; 15; 341, с. 80), Иберии, а также Албании (87, кн. V, гл. 8; 341, с. 80), которые во время персидского нашествия примкнули к Шапуру II. После окончания войны с персами "армянский спарпет Мушег стал громить тех, кто восстал против царства Аршакуни" (87, кн. V, гл. 11, 13, 14, 15; 341, с. 80). Среди разгромленных Мушегом стран перечислены Иберия, Арцах, страна маров, страна каспов и Албания: "Пошел (Мушег) войною также на страну албанов и жестоко разгромил их. Отнял у них много областей, которые ими были захвачены, - Ути, Шакашен и Гардманадзор, Колт и сопредельные им области. Реку Куру сделал границей между своей страной и Албанией, как было раньше. Многих главарей убил, остальных обложил данью и взял у них заложников" (74, кн. II, гл. 35).

Важные сведения о вторжении гуннских племен в Албанию в 452 г. сохранили письменные источники. Во время восстания закавказских стран в 451 г. гуннские племена были в союзе с восставшими. Албанский царевич Вахан был отправлен "послом (в страну) хонов и в другие крепости тех мест, чтобы он их склонил присоединиться к ним с войском. Они добровольно и охотно, приняв на себя оказание помощи, подтвердили это клятвой" (74, кн. II, гл. 35). О союзе между восставшими и гуннами дает сведения и М. Каганкатваци, который к словам армянского историка добавляет: "Услышав об успехах армян, хоны вскоре прибыли на место сражения, сами своими глазами убедились в удаче их, клятвенно по небесному закону заключили союз, приняли клятву христианскую - хранить с ними твердое согласие и мир" (79, кн. II, гл. 2; 451, с. 209; 423, с. 68).

Васак хотел расторгнуть союз между восставшими и гуннами. Перед гуннами, которые хотели помочь Армении согласно заключенному между ними договору, Васак "закрыв и запер ворота их прохода и вовсе не давал покоя царю персидскому" (68, гл. 4; 451, с. 210).

После сражения на Аварийском поле, спустя год гунны собрали многочисленное войско, опустошили земли албанов, разрушили крепости и Бармакские стены. Об этом сообщает армянский историк Егише: восставшие "отнюдь не вели себя мирно, втихомолку и часто посылали (гонцов) в страну хонов, шевелили и понуждали

войско их и напоминали им о договоре, который был ими заключен с Арменией и скреплен нерушимой клятвой... (Хоны) собрали многочисленное войско и сразу, напав, достигли границ персидского государства и, поразив много областей и еще большое число (людей) взяв в плен, отвели в свою страну и открыто показали царю свое единодушие с войсками Армении. Когда царь услышал обо всем разорении страны и проверил обстоятельства великого сражения, он сломился, сдал в великой своей кичливости и умолк, прекратил каждодневные обманные замыслы... Мушкана Нисалавурта со всеми оставшимися войсками снарядил в страну албанов, лпинов и чилбов и (в страну) хечматаков, и (в страну таваспаров) и (в страну хибиованов), и во все крепости, которые были разорены войсками хонов по уговору с армянами" (68, гл. VII; 451, с. 212).

Персидский царь Йездигерд II особенно огорчен был разрушением гуннами "той пограничной крепости, которую, начав издавна, только-только смогли построить и которая в это время будучи взята с легкостью, была разрушена, причем не было даже надежды на ее построение (вновь)" (68, гл. VII; 451, с. 213).

О разрушении стены также дает сведения М. Каганкатвази "... на крепость, построенную Йездигердом при вратах хонов, которую насильственно владели персы. Они взяли и разрушили крепость" (79, кн. II, гл. 2; 451, с. 271).

Во время восстания албанского царя Ваче II Албания подверглась опустошительным набегам северокавказских народов (68, гл. X; 79, кн. I, гл. 10, 11; 451, с. 214; 403, т. II, с. 313; 101, с. 96, 98, 118; 171, с. 21-22; 423, с. 51). Когда албанский царь Ваче II в 457 г. восстал против Сасанидов (68, гл. X; 79, кн. I, I гл. 10-11; 451, с. 214; 403, т. II, с. 313; 101, с. 96, 98, 118; 171, с. 21-22; 423, с. 51), не имея достаточных сил, чтобы противостоять персам, албанский царь выступил к проходу Чора. "Приступом взял он ущелье и перевел в эту страну войска мазкутов и заключил союз с одиннадцатью царями горных племен" (68, гл. X; 79, кн. I, гл. 10; 451, с. 214-215; 430, с. 34; 401, т. I, с. 36). Персидский царь Пероз, видя Ваче II, не прекращает борьбу за независимость, несколько раз пытался заключить с ним мир, но все эти попытки оказались тщетными (68, гл. X; 79, кн. I, гл. 10; 451, с. 214) и тогда персидский царь Пероз призвал на помощь хайландуров. Пероз с помощью "больших сокровищ" привлек на свою сторону гуннов и с их помощью начал длительную борьбу против албанов, которая привела к опустошению Албании маскутами, горными племенами и гуннами (68, гл. X; 79, кн. I, гл. 10-11; 403, т. II, с. 313; 451, с. 22; 423, с. 51).

В конце V в. набеги гуннских племен на закавказские страны и Иран усиливаются. В этой борьбе персидский царь Пероз потерпел поражение (46, с. 97; 423, с. 150; 171, с. 22-23; 451, с. 219; 233, с. 32, 68).

В начале VI века гунны-сабири совершили набеги на Албанию и другие области Закавказья. Сведения об этих нашествиях кочевников дают византийские источники. Гунны-сабири грабили и разрушали города и населенные пункты, уничтожали и уводили в плен их население (46, с. 126; 423, с. 160-165).

В начале VI века северокавказские народы вновь совершили набеги на Албанию. Сведения об этом дает М. Каганкатвази: "В то время царь росмосоков (Мешех) совместно со своей армией и массаами войск тубалов, собрав все войска хонов,

переправился на этот берег реки Куры, распространился по провинции Ути и стал лагерем близ города Халхал" (79, кн. I, гл. 29; 451, с. 226; 341, с. 83).

Отсюда царь северокавказских народов, "отобрав трех сильных людей... назначил представителями огромных полчищ и вверил им все одиннадцать армий, он приказал им разбиться на три группы и атаковать страны Агованию, Армению и Иберию" (79, кн. I гл. 29; 451, с. 226; 341, с. 83).

Отряд под предводительством Тубала "достиг провинции Арцах, в начале Пасхи напал на Большой Куэнк" (79, кн. I, гл. 29; 341, с. 226; 341, с. 83). Затем Тубал со своим отрядом "прибыл в область Ути и остановился на берегу реки Куры, близ гавани у моста Зомактак" (79, кн. I, гл. 30; 451 с. 229, 230; 341, с. 83). Далее, у М. Каганкатвази мы находим сведения о том, что царь росмосоков, "возвращаясь со своей армией после своих рейдов с толпами пленных и огромными трофеями перешел через Куру, разбил лагерь напротив Феофилуса" (79, кн. I, гл. 30; 451, с. 229; 341, с. 83).

Царь росмосоков, узнав о том, что Тубал принял христианство и отказывается принести жертву кумирам, "приказал предать мучительной казни святого полководца Феофилуса, его товарищей и двух священников, исповедовав веру на поприще мученичества, они доблестно сражались в их героической битве и приняли от Христа венец победителей. Так святые исповедники, тридцать воинов переселились в небесную обитель" (79, кн. I, гл. 30; 451, с. 229; 341, с. 83). -

В первой половине VI в. гуннские племена северо-восточного Кавказа были втянуты в орбиту византийской политики, направленной против Сасанидов²⁶ (46, с. 130, 136-137). Гунны в составе византийской армии совершали нападения на территорию Закавказья, в том числе - на Албанию (46, с. 138-160, 191-192; 421, с. 112; 423, с. 67-68).

В войне римлян против персов лазы тоже были союзниками византийцев (46, с. 131). В составе армии византийцев лазы нападали на территорию Албании (46, с. 136).

В VI веке усиливается вторжение хазар в Закавказье - через Дербентский проход. Во время правления сасанидского царя Кубада Албания подверглась опустошительным нападениям хазар. По этому поводу арабский географ Балазури пишет следующее: "Хазары (часто) выступали из своей страны (и нападали) на соседние области, доходя иной раз до Дайнавера". Это побудило Кубада, сына царя Фируза, отправить (против них) одного из своих великих полководцев с двенадцатью тысячами (воинов); он выступил в область Арран и занял область между ар-Рассом (Араксом) и Ширваном" (13, с. 5; 319, с. 296; 136, с. 60-64; 186, с. 22; 185, с. 40-41).

Албания подвергалась нашествию при Хосрове Ануширване. Сведения об этом нашествии хазар сохранили арабские географы (64, с. 59; 13, с. 7; 136, с. 60; 186, с. 22; 185, с. 41-42).

В середине первой половины VI в. нашествия хазар усилились. В 552 г. Албания подверглась опустошительному нашествию хазар. Хазары предавали огню Албанию и разрушали города и села. Об этом нашествии хазар на Албанию М. Каганкатвази

пишет: "Страна Албания была захвачена хазарами, а церкви и евангелия были уничтожены огнем" (79, кн. II, гл. 4, 78, с. 369; 99, с. 477; 451, с. 230; 186, с. 22; 185, с. 42-43; 341, с. 83).

Вследствие частых набегов хазар в 552 году патриарший престол Албании был переведен из города Чога в город Барду, о чем М. Каганкатваци сообщает, что "на втором году (правления) царя царей Хосрова, когда было основано армянское летоисчисление" (79, кн. II, гл. 4; см.: 407, с. 52; 136, с. 125) престол Албанского патриархата был переведен из города Чога в столицу Партав, из-за мародерства вторгнувшихся врагов креста Христова" (т. е. хазар.- Т. М.) (79, кн. II, гл. 4; 78, с. 369; 49, с. 9; см.: 451, с. 230; 186, с. 22; 185, с. 42-43; 171, с. 24; 341, с. 84).

В начале VII в. произошла война между Персией и Византией, во время которой Албания была превращена в арену походов и сражений и понесла большие потери. Сведения об этих событиях мы находим у Себеоса и М. Каганкатваци. В 623 г. византийский император Ираклий "... направив путь по северной стороне, вышел прямо против города Карина и, достигнув Двина араратского, разрушил его и Нахичеван. Устремившись на Гандзак, он разрушил капище великого Грата, называемого Вшнасп" (81, отд. III, гл. 26; 341, с. 85).

Более подробное описание этого события мы находим у М. Каганкатваци: "Оставив дворец в руках своего сына, которого увенчав, посадил царем на место свое, он (Ираклий) не выступил против персидских войск, которые спокойно владели странами и городами его. Он не приблизился к ним и не возбуждал их к битве, а оставив их в земле своей, сам по морю направил путь свой в Егерию, прибыл в Армению, переправился через р. Ерасх, и хотел застигнуть великого царя Хосроя врасплох... Великий император Ираклий, видя, что царь персидский обратился в бегство, перестал преследовать его и совершил нападение на страну Атропатакан и достиг местности, называемой Гайшаван, укрепленного пункта на мидийской границе, избранного царями Персии как летняя резиденция в жаркие сезоны из-за его прохладного климата" (79, кн. II, гл. 10; 46, с. 229-230; 58, с. 78; См. также: 407, с. 67; 324, с. 49; 262, с. 318-319; 354, с. 132-146; 543, с. 345; 451, с. 238; 185, с. 44; 341, с. 85).

Об этом походе Ираклия дает сведения также грузинский источник, но описывает его иначе: "В царствование Степаноза (600-619) император Иракл, покорив Армению, Азербайджан и Ширван, вступил в Грузию, он победил грузин и убил их царя -Степаноза" (18, с. 23; 89, с. 225-229; 185, с. 44).

Ираклий хотел провести зиму в странах Албании, Иберии и Армении для подготовки к походу на Ктесифон, поэтому "... он стал писать к князьям и владельцам этих стран, требуя, чтобы они добровольно вышли и встретили его. Могли принять его и служили ему со всем своим войском в течение зимы. Если же они откажутся, то он поступит с ними, как с язычниками, захватит их крепости, поработит их царства..." (79, кн. II, гл. 10; 354, с. 139; 451, с. 238; 341, с. 85). Узнав о намерении Иракла, Хосров II приказал князьям и владельцам покинуть город Партав, о чем сообщает М. Каганкатваци: "... Услышав это, князья и владельцы Агванские, по приказу Хосрова, покинули великий город Партав, укрепились в различных местах. Многие христианские и языческие ремесленники города, которые по причине слабости и немощи не могли обрести безопасность, остались в городе" (79, кн. II, гл. 10; 354, с. 139; 451, с. 238; 341, с. 85). Император Ираклий отвел свои войска на зимовку в

Албанию. "... Когда прибыла несметная числом римская армия, она расположилась лагерем в области Ути, у быстрого потока, в пределах границ села Каланкайтук. Оно вытоптало и опустошило прекрасные виноградники и поля, через которые прошли, и уйдя оттуда, разбила лагерь у реки Тертер близ села Дютакан" (79, кн. II, гл. 10; 56, с. 42; 46, с. 230-231; 354, с. 139; 451, с. 239; 185, с. 44; 341, с. 86). Здесь на них напали персидские войска и "... погнали армию Ираклия, преследуя их по земле Сюника и отняли занятые им города" (79, кн. II, гл. 10; 354, с. 141; 451, с. 239; 341, с. 86). После этого он (Ираклий) снова вернулся в Пайтакаран, где и был окружен персидскими войсками. Описание этого события лаает Себеос: "... Он собрал войска свои и пленных, воротился в укрепленную страну маров и достиг Пайтакарана. Дошло до слуха Хосрова, что Иракл воротился и желает через Агванию перейти в Иберию. Дал повеление полководцу своему Шахр-Варазу пересечь ему дорогу. Он поспешил к Арарату, прошел на Гардман - навстречу ему и расположился лагерем в Тигранакерте, напротив его. Шаген с 30000 войском подоспел и разбил лагерь в тылу Иракла, в местечке Тигранакерт. Таким образом войска его были расположены по эту, а армия Шахр-Вараза - по ту сторону. Лагерь Иракла - между ими обеими" (81, отд. III, гл. 26; 341, с. 86). Но византийский царь Ираклий вышел из окружения и ушел (81, отд. III, гл. 26; 354, с. 140; 451, с. 239).

До того как начать второй свой поход, Иракл искал союзников против персов и нашел их в лице хазар. В 625 г. византийский император Ираклий "снарядил и проинструктировал одного из вельмож своих Андре, мужа умного и изобретательного, отправил его (к хазарам) с обещаниями величайших и несметных сокровищ. "Если они помогут мне своим рвением в моем мщении (персам), то я утолю (их) жажду" (79, кн. II, гл. 12; 136, с. 52-53; 186, с. 22; 185, с. 45). Предводитель хазар Джебухакан ответил ему следующими словами: "Я выйду на мщение против врагов его (Иракла) и приду сам к нему вместе с моей храброй армией. Я исполню угодное ему делами войсками с мечом моим и луком в согласии с его желаниями" (79, кн. II, гл. 12; 186, с. 45).

В 627 году между Византией и хазарским хаганатом было достигнуто соглашение о совместной борьбе против сасанидского Ирана (354, с. 149; 18, с. 23; 171, с. 26; 401, т. I, с. 49; 325, с. 51; 186, с. 22). О достигнутом соглашении между хазарами и византийским императором оставил сведения византийский историк (46, с. 235; 79, кн. II, гл. 12; 548, с. 133; 186, с. 23).

В 627 году Ираклий встретил Зиэбея, племянника хакана, у стен осажденного Тифлиса (89, с. 225; 94, с. 252; 544; 186, с. 22; 185, с. 45; 372, с. 37). Хазары после этого участвовали свои набеги в Закавказье, в том числе и на Албанию.

В 627 году "великими ордами появились хазары и по повелению Ираклия напали на нашу страну..." (79, кн. II, гл. И; см.: 548, с. 133; 185, с. 50; 341, с. 86). Они пришли в Албанию, "чтобы она помогла ему пробить великие Кавказские горы..., раскрыть врата Чора, чтобы выпустить через них многие варварские племена, посредством их (помощи) победить царя Персии, надменного Хосрова" (79, кн. II, гл. 12; 451, с. 239; 341, с. 86). Когда хазары напали на Албанию, то они "внезапно бросились на проход Чор, не обратили внимание на гарнизон, стражу городскую и войска персидского царя, расположенные у великих ворот, и устремились вниз подобно орлам к великой реке Куре" (79, кн. II, гл. 12; 451, с. 239-240; 186, с. 23; 341, с. 86-87). Это нашествие хазар отражено и у византийского историка Феофана, где сказано: "Хазары перешли Каспийские ворота, вторглись в страну Азербайджан

пол предводительством Зиевила, достоинством второго по кагану, где они ни проходили, везде брали в плен персов, а города и села огню предавали" (46, с. 236; 354, с. 147; 186, с. 22; 188, с. 17; 185, с. 50). Персидский царь Хосров II, узнав об этом, послал хазарам угрожающую грамоту. "От этих враждебных и грозных слов хазары прекратили в том году свои операции, возвратились через те же самые врата" (79, кн. II, гл. II; 341, с. 87).

Возвращаясь, хазары забрали с собой массу награбленного в Албании: "Однако, когда их князь-владыка увидел всю добычу, которую они захватили в этих набегах: людей, животных, золотые сосуды, драгоценные одежды, он решил совершить набег в те же места" (79, кн. II, гл.-11; 341, с. 87).

В 628 году хазары два раза нападали на Албанию. В первом нашествии хазар Джебухаган с сыном своим во главе многочисленного войска прошел через Дербентские ворота в Албанию. Первой жертвой их стал город Чора. "... Дивные крепостные стены, на построение которых цари персидские изнурили нашу страну (Албанию), мобилизуя архитекторов, изыскивая различные строительные материалы..." - все эти изумительные сооружения были "... разрушены до основания" (79, кн. II, гл. 11, 493, с. 74; 326, с. 17; 188, с. 17; 186, с. 23; 185, с. 50; 341, с. 87). Когда страшная весть о разорении Чора дошла до города Партава, "было решено укрепить нашу страну. Это было сделано по распоряжению, человека по имени Гайшак, который был направлен Хосровом на должность наместника и князя этой страны. Он оставил внутри города большое число жителей прилежащих округов и решил сопротивляться хазарам" (79, кн. II, гл. 11; 451, с. 240; 341, с. 87). Но персидский правитель, узнав о приближении хазар к городу Барда, проявил малодушие. Видя это, знать столицы "устремилась к четырем воротам города, поспешила укрыться в горах провинции Арцах" (79, кн. II, гл. II; 341, с. 87). Сасанидские власти бежали в Иран. "Таким же путем спасался со всем своим семейством князь Гайшах и укрылся на персидской территории, и он никогда больше не мог восстановиться на должности в этом княжестве" (79, кн. II, гл. 11; 451, с. 240; 341, с. 87).

Войска хагана взяли город Партава (Барда) и, "сведая о происшедшем, преследовали бегущих и догнали часть их" (79, кн. II, гл. 11; 493, с. 75; 407, с. 69-70; 186, с. 23; 188, с. 18).

После взятия Партава (Барда) хазары устремились на Иберию и осадили город Тифлис, где встретились с армиями императора Ираклия (56, с. 44, 125-132; 79, кн. II, гл. 11; 136, с. 56; 451, с. 240; 538, с. 29; 188, с. 17; 185, с. 50). С наступлением зимы хазары, "не стерпя трудов, которые (они) должны были разделить с царем (Ираклием), начали мало-помалу утекать и наконец, оставя его, возвратились" (46, с. 236; 186, с. 23; 188, с. 17; 185, с. 50).

В том же 628 году началось еще одно нашествие хазар на Албанию. Джебухаган во главе многочисленного войска сначала направился в Тбилиси, взял его и разграбил, а потом направил сына своего Шата с его воспитателями в Албанию с поручением: "Если вельможи и предводители их страны явятся в присутствии моего сына и согласятся, чтобы их страна стала вассалом, уступят города, крепости и торговлю моей армии, тогда разрешите им жить и служить мне: но, если не исполнят этого, тогда пусть ваши глаза не жалеют ни одного мужчину в стране, а мальчиков 15 лет и

женщин вы должны сохранить для меня и для вас самих в качестве рабов и служанок..." (79, кн. II, гл. 14; 451, с. 241; 186, с. 24; 185, с. 50; 341, с. 88).

Шат отправил в Партав посланцев к персидскому марзпану Самавшнаспу и к католику Виро с требованием подчинения, но "... царь не принял их и ответил: "Кто вы такие,- спрашивал он,- и что такое Агвания, чтобы я подчинился ради нее тому приказу". Взяв с собой все свое имущество и похитив многое из страны, он спасся и скрылся в персидской стране" (79, кн. II, гл. 14; 451, с. 242; 185, с. 51; 341, с. 88).

Католикос Виро, раз уже поплатившийся за участие в неподчинении персидской власти, послал нарочного к персидскому царю запросить его волю.²⁸ (См.: 188, с. 15-20; 341, с. 88). Виро подкупил посланцев Шата и задержал их, "для спасения страны от разорения и гибели вступил с ними в переговоры" (79, кн. II, гл. 14; 451, с. 242; 186, с. 24; 185, с. 51). В ожидании ответа от персов, Виро задерживал ответ хазарам. Хазары поняли тактику католику Виро и прекратили переговоры "заранее, по жребию, разделили между собой различные (албанские) области и села, и все, в одно назначенное время, начали свои разрушительные набеги. Наша страна сотрясалась из конца в конец" (79, кн. II, гл. 14; 451, с. 242; 186, с. 24; 185, с. 51).

Увидя, что ответа из Персии нет и создается безвыходное положение, Виро, улучив удобный момент, бежал в сторону Арцаха в Джраберд, где собрались албанские феодалы (79, кн. II, гл. 14; 451, с. 242; 341, с. 88). В это время правитель хазар хаган вторично направил своих послов к Виро со следующим заявлением: "Сделай так, как я приказал, и спаситесь ты и твой дом и все оставшиеся на земле твоей. Если же ты откажешься, то я приказал взять тебя и привезти ко мне насильно" (79, кн. II, гл. 14; 451, с. 242; 185, с. 51). Обсудив с феодалами тяжелый вопрос об отдаче страны хазарам, католикос Виро "... созвал к себе всех княжеских сынов царского рода и знатных людей этого царства, правителей провинции, старост деревень, священников, дьяконов и чиновников, и все они в назначенное время встретились в крепости Джраберд" (79, кн. II, гл. 14; 451, с. 242; 185, с. 51). Посоветовавшись с ними, Виро собрал много подарков, золотых и серебряных вещей для Шата и знати хазар и вместе с несколькими феодалами Албании в сопровождении посланцев Шата направился к нему. Лагерь Шата находился "близ великого города Партава" (79, кн. II, гл. 14; 451, с. 242; 185, с. 51). Приняв дары, Шат оказал католику Виро хороший прием, назвал его отцом и после просьб прибывших приказал остановить набеги: "А теперь, когда ты прибыл от моего имени, будет издан Приказ всем воинам моей армии о возвращении их в их лагеря, и я вновь не поднимусь на опустошения территории твоей страны. Вся армия повинуется словам из моих уст" (79, кн. II, гл. 14; 341, с. 89).

Католикос Виро принял все требования Шата, от имени вельмож Албании обратился к нему: "Мы рабы отца твоего и твои - я и все жители этой страны. Пощади нас, как своих слуг обрати от нас меч, свои, чтобы мы служили отцу твоему и тебе так же, как служили Сасанидам" (79, кн. II, гл. 14; 186, с. 25; 185, с. 52). Виро также просил Шата "отпустить всех, кто был пленен войсками твоими и находился в твоих палатах - мужчин и женщин, девиц и отроков, чтобы отцы не были разлучены со своими сыновьями, а матери с дочерьми" (79, кн. II, гл. 14; 185, с. 52).

Просьба албанского католикоса была исполнена и пленные были освобождены (79, кн. II, гл. 14; 185, с. 52).

Последствием этих нашествий и разорений было то, что население Албании, оставив свои жилища, укрывалось в предгорьях Большого Кавказа и в горном Арцахе (79, кн. II, гл. II; 341, с. 89). Жители равнины частью были убиты, частью уведены в плен. Поля и сады не обрабатывались, появившиеся мыши уничтожали все растения. Начался страшный голод. Голод, меч и смерть беспощадно истребляли народ: "Во время бедствия, в дни сорокадневного поста, люди без разбора толпами поедали трупы, корни растений, кору деревьев и концы ветвей, жевали их, но от такой пищи не было силы; несчастные даже мололи и сухие сучья виноградника. Толпы голодных... грабили и даже наказывали за своих, и так погибли они вместе с неимущими" (79, кн. II, гл. 15; 451, с. 243; 185, с. 53; 341, с. 89). Католикос Виро возглавил спасение от эпидемий и помощь народу и сам, заразившись в 630 г., умер от эпидемии (79, кн. II, гл. 15; 188, с. 20; 185, с. 53).

В это время хазары считали себя властителями Албании, требовали от албанцев уплаты налогов и податей. Хаган "отправил своих смотрителей за разного рода ремесленниками, имеющими познание в добыче золота, серебра, железной руды и меди. Он определил сумму налога с торговцев, рыбаков великих рек Куры и Аракса и дидрахмы (дидрахмаек) в соответствии с кадастром царства персидского" (79, кн. II, гл. 16; 451, с. 243; 185, с. 53; с. 89).

Хаган Джебу стремился подчинить себе остальное Закавказье. В 629/30 гг. он под командованием Чорпан-Тархана направил войско в Армению, а затем двинулся туда и сам. Войско хагана на берегу озера Севан встретилось с персидским войском, хазары разбили 10-тысячное войско персов и "ограбили трупы, собрали украшения с коней, их копья и обложенные золотом мечи, щиты и одежду, искусно сделанную греками, и все это разделили между собой" (79, кн. II, гл. 16; 451, с. 244; 185, с. 53).

Во время правления в Албании князя Вараз-Григора (628-636 гг.) войско халифата напало на Иран. Для защиты своей страны персидский царь собрал войско: "... полководцы и принцы, феодалы и местные князья различных районов, находящиеся пол властью персидского царя, стали вербовать армию, чтобы идти походом против чужеземного врага" (79, кн. II, гл. 18; 341, с. 89-90). В сборах этого войска принимает участие и сын Григора - Джаваншир. "... Поэтому (Вараз-Григор) счел приличным вместо себя отправить из своих сыновей его (Джаваншира), чтобы он представлял его при царском дворе" (79, кн. II, гл. 18; 341, с. 89-90).

26 ноября 634 года произошла битва между халифатом и Сасанидами. В ней участвовал отряд Джаваншира. Историк М. Каганкатвацци апологетически описывает: "Переправившись через реку Дглат (Тигр), он прибыл в округ Вех Кават и, горло доверившись своей огромной и бесчисленной армии, он высокомерно надеялся растоптать налогами всех южан. Он разбил лагерь перед ними на другом берегу Мертвых вод. Когда войско двигалось вперед, спарапет Албании встречал их и одерживал прекрасную победу. Сразив нескольких в самом начале, он стал еще храбрее..." (79, кн. II, гл. 18; 341, с. 89-90).

После этого сражения произошла еще битва. Историк М. Каганкатвани описывает участие албанского полководца в этой битве: "Через несколько дней, в месяце

Мехекен, в день Рождества Христова, против них (арабов) устремились 30000 кавалерии и 20000 пехоты. Сыны Агари прибыли из Катшана (Кадисия) с многочисленной кавалерией и 20000 пехотой, бросились вперед, покрытые щитами, и начали сражение против персидской армии. Спарпет Албании (Джаваншир) ворвался в массу (арабов) со своими храбрыми мужами, поверг на землю двух своих противников и сам получил три тяжелые раны. Неприятель преследовал его с бешеной враждебностью до рек, где он, продолжая отбиваться, переплыл реку" (79, кн. II, гл. 18; см.: -185, с. 72-73; 341, с. 90).

За мужество, проявленное Джаванширом, сасанидский царь Йездигерд III "дал ему знамя и громкие трубы, два золотых дротика и два золоченых щита, которые носили всегда перед ним. Он (Йездигерд) почтил его выше всех. Опясал его золотым поясом, унизанным жемчугом и мечом с золотой рукояткой, лал ему браслеты на руки и надел ему на голову прекрасный венец. Он лал ему также полвязки, осыпанные жемчугом и много ниток жемчуга повесил на его шею" (79, кн. II, гл. 18; см.: 185, с. 72-73; 341, с. 90). По М. Каганкатвацци, "в продолжение семи лет храбрый Джаваншир сражался в этих тягостных войнах. Получив 11 тяжелых ран, он пришел в область Атрапатакан" (79, кн. II, гл. 18).

В 636 голу Джаваншир, прибыв из Персии, как спарпет всей Албании, объявил свою страну независимой. Он стал вести борьбу с остатками персидских отрядов в Албании. Об этом М. Каганкагвацци свидетельствует: "Когда передовые войска неприятеля поспешно выступили в крайние пределы его (Джаваншира) провинции, он поспешно вооружился и лично поразил известного Гегмазги (Гелани), предводителя армии. Сам он и войско его с мечами в руках производили в них (персах) страшную свалку. Взяв у них много пленных, лошадей, мулов и много добычи, они возвратились. В горах они столкнулись еще раз и в этот день победа удалась ему" (79, кн. II, гл. 19; 185, с. 73).

Пока Джаваншир был занят борьбой с персидскими отрядами, другой отряд персидский, воспользовавшись его отсутствием, напал на Перозапат, где находилась семья Джаваншира, и взял в плен его отца и братьев. Разгневанный Джаваншир с войском "... быстро возвратился через земли его отцовской вотчины (родового имения) на другой берег реки Куры, в провинции Капичан (Комбеджан-Комбисена) и там он вступил в сражение, но не опрометчиво, а осторожно. Сражаясь бесстрашно, он получил рану в голову, но с помощью могущественной десницы Христа, он проявил себя таким неистовым и сильным, что ни один не остался не поврежденным. После этого он отправился во славе и великолепии на отдых на границу с Грузией. Там к нему прибыл многоуважаемый Атрнерсех - князь той страны, который имел три титула Римской империи и лично перевязал рану тому, кто одержал победу, выигранную его великой доблестью, что явилось причиной для радости" (79, кн. II, гл. 19; 341, с. 91).

Джаваншир заключил с Атрнерсехом союз дружбы, получил от него в помощь грузинское войско и поспешил в область Ути и освободил Партав.

Разгромив иранские войска, армия халифа напала на Закавказье. В 642 году арабы, заняв Нахичеванскую область, опустошили ее, "... многих из мужчин умертвили, а других забрали в плен с женами и детьми, перевезли за Араке через Джульфинский брод" (82, гл. II, 341, с. 91).

По Себеосу, в 642 году, после нападения на Армению, войска халифа прошли через Ордубал (81, отд. III, гл. 30), в 645 г., прибыв в Артпатакан, они разделились на три части, одна из которых под предводительством Османа и Огбая направилась в Албанию (81, отд. III, гл. 32; 341, с. 91), завладела городом Нахичеваном (82, гл. II; 341, с. 91). Но им не удалось покорить албанский народ (81, отд. III, гл. 35; 341, с. 91). Увидя непокорность албанцев, полководец и войска халифа "... ограбили их владения и, разграбив все, что нашли, возвратились к своему царю" (81, отд. III, гл. 35; 341, с. 91).

Армяне, иберы и албаны для борьбы против нашествия войск халифата объединились в союз. Себеос сообщает: "в союзе с ним была Иберия, Албания, Сюник.:" (81, отд. III, гл. 35; 341, с. 91). Халиф, узнав об этом союзе, "... отправил часть своего войска в Иберию, в Агванию, в Сюнию - с целью расторгнуть их союз" (81, отд. III, гл. 35; 341, с. 91). Узнав о вступлении войск халифа на территорию Закавказья, глава закавказского союза Теодорос Рштуни "дал приказание войскам тех стран (Албании, Иберии, Сюнии) укрепиться каждой в своей области" (81, отд. III, гл. 35; 341, с. 91). После этого они укрепились (81, отд. III, гл. 36; 341, с. 91).

В 652 году ввиду своего крайне тяжелого экономического положения, закавказские союзники решили начать переговоры с халифатом. С этой целью Теодорос отправился к халифу Муавия и заключил с ним соглашение. По Себеосу, Муавия "... дал ему... золотые и златотканые одежды и такие же парчи; дал ему власть над Арменией, Иберией, Албанией и Сюнией до Каикхоха и крепости Джора, и отпустил его с почестями" (81, отд. III, гл. 35; 341, с. 91).

Но вскоре мир был нарушен. Войска халифата в 654 г. по приказу халифа Османа под командованием полководца Салман ибн-Ра-биа ал-Бахли двинулись в Азербайджан и захватили Нахичеван (13, с. И; см.: 185, с. 82). Они направились в Арран и "заняли Байлакан по мирному договору, по которому он гарантировал его жителям их жизнь, имущество и стены их города, обязав их платить харадж и джизью. Потом Салман прибыл в Барду и расположился лагерем на берегу реки Туртур (Тертер), находящейся от города менее чем в одном фарсахе. Жители города закрыли перед ним ворота и ему пришлось осаждать город несколько дней. В эти дни он совершал набеги на окружающие села, в которых жатва была уже снята. Это (заставило) их заключить с ним такой же мир, какой был заключен с жителями Байлакана. Они открыли перед ним городские ворота и он вступил в город и провел там (некоторое время). Отсюда он двинул конницу и она заняла села округов Шакшин (Шакашен), Мескеан (Мецкуэнк), Уд (Ути), Месиран (Мецаранц), Хархилан (Харджиланк), Табар (Три) и другие местности в Арране (Албании)" (13, с. 13; 403, т. II, с. 370; 64, с. 5; 185, с. 83).

Арабский автор Балазури, описывая поход войск халифата в Албанию, пишет, что Салман "отправился к месту слияния Аракса и Куры за Бардиджем, переправился через Куру, занял Кабалу и заключил с владельцами Шаккана и Камиберана мир на условии выплаты полати. Такой же мир заключили с ним (Салманом) и жители Хейзана царь Ширвана и остальные цари Маската, Шабрана и города Баба (Дербенда)" (13, с. 13; 64, с. 5; 403, т. II, с. 370; 185, с. 83). Но когда войско захватчиков выступило за город, "жители заперли его за ним, а (хазарский) хакан встретил его со своей конницей за рекой Баланджаром. Здесь был (Салман) убит с четырьмя тысячами мусульман..." (13, с. 13; 64, с. 5; 403, т. II, с. 370; 185, с. 83).

О новом нашествии халифата на Албанию в 654 г. дает сведения также Себеос: "... они выступили из трех стран и устремились на север против народов, живших у Каспийских ворот. Там они достигли ущелья Джора. Пройдя по ущелью, они опустошили всю страну у подошвы гор и разбили многочисленное войско, вышедшее против них из врат гуннских и составлявшее гарнизон той страны. Из тетальских стран выступило против них войско. Грянули друг на друга со страшной силой, и войско исмаильтян

понесло поражение от войск тетальских, которые разбили их и умертвили лезвием меча. Спасшиеся бегством на могли прорваться через ущелье потому, что другое войско шло на них с тыла. Поэтому они устремились в ущелье Кавказских гор и едва выползли по их склонам, и многие, спасшиеся от смерти, нагие и босые, пешие и раненые, пришли в тисбонские страны, на свою родину" (81, отд. III, гл. 37; 341, с. 92).

В 654 голу вновь напав на Закавказье, арабы "... разграбили всю армянскую страну, Агванию, Сюник и обнажили все церкви. Взяли в заложники главных князей этих стран и сверх того жен, сыновей и дочерей многих из них" (81, отд. III, гл. 38; 341, с. 93). Халиф требовал новых заложников от Армении, Иберии, Албании и Сюника. Но князья этих стран, "... почитая смерть лучше жизни, отступились от их ига и поспешно подчинились царю греков" (81, отд. III, гл. 38).

Джаваншир также счел необходимым иметь сильного союзника, чтобы сохранить самостоятельность своей страны. Он упрочил дружеские отношения с Арменией и Грузией и обратился к византийскому императору Константину, как спарапет и князь албанский, с просьбой принять под свое покровительство Албанию. Получив письмо Джаваншира, византийский император Константин ответил: "Тебе, господину Лжаванширу, владельцу Гардмана и албанскому князю, эксконсулу и протонпатрицию и правителю востока от нашей августейшей особы мирный и с великой любовью привет! Получили твое приветственное письмо, которое показало нам твою любовь к почитанию бога и мы рады, что ты и твоя восточная страна подчинились нам, согласились быть нашими вассалами за то, что будем мы и наши дети относиться с привязанностью, искренностью и нерушимой любовью к тебе" (79, кн. II, гл. 21; 185, с. 75; 341, с. 93). Вместе с этим письмом Константин II послал Джаванширу "... весьма значительные дары - престол из серебра с вырезанной позолоченной спинкой, одежду золотую капителью, меч с усеянными жемчугом ножнами, который он носил сам. Он сделал его первым патрицием и приказал отправить им права на титулы патрициев, консулов, экепрефектов, стрателатов и элистов, в достаточном для 12 тысяч человек, чтобы он даровал их кому пожелает" (79, кн. II, гл. 20; 185, с. 75; 341, с. 93). Джаваншир "... осторожно приводил в порядок дикие народы Кавказских гор от границ Иберии до ворот гуннских и до реки Араке и правил как абсолютный монарх" (79, кн. II, гл. 21; 341, с. 93).

В 662 году хазары предпринимают нашествие на Албанию "на добычу и грабеж" (79, кн. II, гл. 23; 186, с. 26; 185, с. 76). Джаваншир выступил против них, не дав им углубиться в страну, "взяв свою армию, перешел на ту сторону великой реки Куры и вступил с ними в битву" (79, кн. II, гл. 23; 186, с. 26; 185, с. 76). Он нанес хазарам сильное поражение и говорил тому варварскому племени: "... уходи, ступай назад через ворота Чога и не возвращайся; ибо Господь предотвратил твое возвышение" (79, кн. II, гл. 23; 451, с. 246-247; 186, с. 29; 185, с. 76-77; 341, с. 95).

Но в 664/5 гг. хазары вновь совершили нашествие на Албанию. Об этом сообщает М. Каганкатвази: "... когда храбрый Джаваншир спокойно восседал в мире на своем престоле, наступило другое зимнее солнцестояние и царь гуннов вторгся многими тысячами всадников. Хотя Джаваншир заранее предписал стране своей остерегаться и укрепиться, однако гуннские набожники, перейдя на эту сторону реки Куры и дойдя до берега Аракса, собрали и увели в плен в свой лагерь не только местных жителей из области Араратской, из страны Сюник, пригнавших на зимние пастбища стада овец и скота..." (79, кн. II, гл. 26; 186, с. 26; 185, с. 77; 341, с. 94).

Этот набег хазар на Албанию закончился миром, заключенным между Джаванширом и хаганом. Джаваншир женился на дочери хагана, который вернул ему все награбленное: "... 120000 голов овец, 8000 лошадей и быков из числа захваченных гуннами и (освободил) не менее 1200 пленных мужей" (79, кн. II, гл. 26; 401, т. I, с. 50; 451, с. 247; 186, с. 26; 476, с. 69; 341, с. 94).

Видя слабость Византии и все усиливающуюся силу халифата, чтобы спасти свою родину от разорений, "хотя он (Джаваншир) был в состоянии призвать бесчисленные силы туркестанцев (хазар), однако к себе на помощь, все же он обязал себя подчиниться ярму вассалитета царя Юга" (79, кн. II, гл. 27; 401, т. I, с. 50; 451, с. 247; 186, с. 26; 476, с. 69; 341, с. 94).

Халиф, получив согласие Джаваншира на подчинение и учитывая важность Албании как в политическом, так и в стратегическом и в торговом отношениях, "... отправил надежных курьеров с великими клятвами и обещаниями бесчисленных наград только за одно его (Джаваншира) прибытие к нему" (79, кн. II, гл. 27, 401, т. I, с. 50; 451, с. 247; 186, с. 26; 476, с. 69; 341, с. 94).

Джаваншир отправился к халифату, где ему был оказан торжественный прием во дворе халифа и там был заключен союз (79, кн. II, гл. 27; 341, с. 94). При втором посещении халифа Джаванширом халиф одарил его диковинными индийским слоном, попугаем, а также драгоценным оружием и др. Во время этого посещения Джаванширу удалось добиться снижения тяжелых податей: "... Царь Юга с удовольствием удовлетворил эту просьбу, приказав уменьшить ярмо полатей на одну треть" (79, кн. II, гл. 28; 341, с. 95).

В 679 году Джаваншир умер от тяжелых ран, нанесенных ему убийцей "... злобным Ениба, изменником Вараза" (79, кн. II, гл. 34; 341, с. 95).

В 681 году в первый год правления Вараз-Трдата, хазары, считая, что правитель Албании причастен к убийству Джаваншира, бросили многочисленное войско во главе с Алп-Илитвером на Албанию. Об этом М. Каганкатвази сообщает: "В то время полководец и князь гуннов Алп-Илитвер, собрав великое множество своих воинов, и тех, кто прибыл к нему из разных мест - сильные народы земли Чога - все вооруженные и оснащены, со своими полководцами, знаменами, полками, имеющими алебарды, стрелков из лука и катапульты, в кольчугах и покрытые шлемами, совершил набег на Агванию, у подножья великой горы Кавказа и в поселениях области Капалака как бы мстя за смерть Джаваншира. Устремившись на равнины и со своими многочисленными войсками он прошел вдоль реки Куры, устремился по долинам в провинцию Ути. Там он пленил большое число мужчин и захватил скот этого района, совершил грабежи и, унеся все прочь, возвратился оттуда, и разбил

лагерь в районе Лпинии" (79, кн. II, гл. 36; см.: 403, т. II, с. 532; 120, с. 309-322; 186, с. 102; 475, с. 69; 341, с. 95-96). '

Вараз-Трдат, озабоченный таким положением, собрал совет своих владетельных сородичей и албанского католикоса Егиазара. В 681 г. Вараз-Трдат "... направил посланцем от себя к князю гуннов (хазаров) патриарха великого Егиазара, чтобы изъявить через него непритворную свою верность и любовь, которую к князю, Как к брату любимому, питает, и заверить: "... не были мы причастны к убийству Джаваншира..." (79, кн. II, гл. 36; 185, с. 103). Албанскому католикосу Егиазару удалось через епископа Исраила склонить хакана к "миру и неразрывной дружбе" (79, кн. II, гл. 36; см.: 275, с. 131; 185, с. 103; 341, с. 96) и Вараз-Трдат "... наместником восточных стран, правил всем агванским царством и областью утиев. Подчинив себе все, он царствовал победоносно и мощно в своих владениях" (79, кн. II, гл. 37).

Мир между Албанией и хазарами скоро был нарушен. В 684 году хазары совершили на Закавказье опустошительный набег, захватили Армению, Иберию, убили многих вельмож и князей. Об этом нашествии хазар армянский историк пишет: "В первый год (царствования) его Юстиниана II (684-695 гг.), Арменией, Иберией и Албанией завладел северный народ, называемый хазарами. Они убили в битве князя Григория и многих грузинских и албанских вельмож и князей в десятый день месяца сахли, в 133 г. армянской эры (13 июня 684 г.)" (82, гл. IV; см.: 275, с. 131-137; 186, с. 28; 185, с. 104; 477, с. 56).

Эти сведения Гевонда в точности повторяются Асогиком, Варданом и Киракосом Гандзакеци (84, кн. II, гл. 2; 84, с. 90; 83, с. I).

Во время последовавших - затем смут в халифате, народы Закавказья: армяне, грузины и албаны после тридцатилетнего повиновения с 684 года отпали от халифата. "Во время арабских междоусобных войн армяне, грузины и албаны после 30-летнего повиновения перестали платить подати. Возмущение их продолжалось 3 года..." (82, гл. III; 341, с. 96).

В 688 г. халиф Абд ал-Малик и византийский император Юстиниан II заключили между собой договор, по которому закавказские страны были разделены между ними (554, с. 85; 185, с. 105; 233, с. 42, 72).

В 690 году византийский император Юстиниан II (685-695 гг.) нарушил договор, лично во главе многочисленного войска "... пошел на Армению и у горы, называемой Арартаком, разделив свою армию на три отряда, отправил их в Армению, Иберию и Агванию. Он вызвал к себе всех князей этих стран, которые оказались вынужденными против воли явиться к нему: одних князей он взял с собой, у других потребовал их сыновей к себе в заложники" (84, кн. II, гл. 2; 341, с. 96).

В последние годы правления Вараз-Трдата Албания утратила свою самостоятельность и стала зависимой от трех государств и Вараз-Трдат "платил дань трем народам - хазарам, таджикам (арабам.- Т. М.) и грекам (Византия)" (79, кн. III, гл. 12; 372, с. 36; 189, с.165; 185, с. 106).

Албанский князь Вараз-Трдат, улучшив отношения с хазарами, решил прекратить выплату дани византийцам и для этого вместе с сыновьями Гагигом и Варданом

отправился в 699 г. в Константинополь для переговоров (79, кн. III, гл. 12; 171, с. 26; 403, т. II, с. 533; 451, с. 250). Узнав о том, что царь Вараз-Трдат сблизился с халифатом, император Тиберий III заключил их в крепость до 704 года (79, кн. III, гл. 12; 171, с. 26; 403, т. II, с. 533; 451, с. 250). Из нее Вараз-Трдат вернулся в Албанию в 704 г., после чего Албания стала зависимой от халифата и платила дань "только таджикам (арабам)" (79, кн. III, гл. 12; 185, с. 106).

В 705 г. арабы под командованием Мухаммед ибн Марвана напали на Албанию, завладели страной, схватили албанского царя Шеро, последнего из династии Михранидов, и увели его в Сирию (79, кн. III, гл. 16; см.: 451, с. 250; 185, с. 106). Албанией стали управлять арабские наместники. Албания как государство потеряла свою самостоятельность и стала полностью зависимой от халифата.

Материалы раннесредневековых источников о внешнеполитической и военной истории Кавказской Албании позволяют со всей определенностью отметить, что албанское государство в основном вело внешнеполитическую борьбу против агрессивных устремлений сасанидских царей и византийских императоров. При этом цари Албании, проводя самостоятельную внешнюю политику, вступали в союз и блоки с правящими слоями Армении и Грузии (Иберии). Это отражало исторически сложившуюся обстановку в Закавказье и диктовалось необходимостью совместной борьбы против врагов с юга и с севера. В этой борьбе Азербайджан был основной ареной для всего Закавказья, ибо Кавказская Албания, преобладающая часть которой совпадала с Азербайджаном, включала в свой состав стратегически важный путь через горы Большого Кавказа в зоне Чола.

Материалы, приведенные в настоящей работе, ярко отражают успехи и ведущую роль во внешней политике Закавказья правителей Албании Ваче II, Вачагана III и Джаваншира.

Таким образом, вышеуказанные материалы показывают, что различные варварские племена, занимавшие предгорные и приморские, области севернее Дагестана, неоднократно и не без участия и подстрекательства Византии и Сасанидов совершали через Каспийский проход опустошительные набеги на Албанию.

Материалы письменных источников показывают, что хазары и басилы совершали набеги на Албанию в III-IV вв. Территория Албании IV века подвергалась опустошению северокавказскими народами: таваспарами, хечматаками, ижмахами, глуарами шичоами, маскутами, аланами и многими другими.

Сведения о вторжении гуннских племен в V в. в Албанию сохранили письменные источники. В конце V в., а также в VI в. грабительские набеги гуннов на Албанию и закавказские страны усиливаются. В VI веке также усиливается вторжение хазар в Закавказье через Дербентский проход. Вследствие частых набегов хазар в 552 г. патриарший престол Албании был переведен из города Чога в город Барду. Хазары совершали нападения на Албанию по повелению Иракла в 627 году. В 628 г. хазары дважды нанали на Алоанию и захватили Закавказье, и в том числе Албанию. Нашествия хазар в Закавказье и в Албанию совершались и в 629-630, 664, 665, 681, 684 гг.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

ОБ ОБОРОНИТЕЛЬНЫХ СООРУЖЕНИЯХ IV-VII вв.

В предыдущей главе довольно подробно обосновано, что географическое положение Азербайджана требовало укрепления его северной части. К этой части Азербайджана прилегает Дербентский проход, севернее которого расположены равнины Северного Кавказа, откуда с древних времен происходили вторжения в Закавказье, часто весьма разрушительные.

Защитные валы на севере Азербайджана, вероятно, были в древности. Сасаниды приняли ряд мер для того, чтобы укрепить свое положение и поэтому обратили внимание на то, чтобы обезопасить с севера свою границу. Автор X века Масуди пишет: "Ануширван сделал эту стену выступающей на одну милю от берега в море, а с другой стороны протянул ее до вершин гор Кабк и сделал ее спускающейся в ущелья гор, продолжая ее до тех пор, пока не довел до укреплений по имени Табасаран. На каждые трех милях этой стены он сделал железные ворота и поселил там... народ, обязанный охранять эти ворота и соседнюю часть стены. Все это служило для защиты от нападения народов, примыкающих к горам Кабк..." (47, с. 40, 41). Сасанидские цари стали воздвигать укрепления в наиболее удобных для обороны местах.

Оборонительные линии были построены и в зоне Беш-Бармака к северу от Апшеронского полуострова, Гильгильчайская (Шабранская) в 23 км к северу от Беш-Бармакской; Дербентская оборонительная стена, остатки которой существуют до сегодняшнего дня - к северу от Дербента. Оборонительные стены были неподалеку от городища Торпах-Кала и севернее города Тарку, в трех верстах от него.

В сооружении этого укрепления вся тяжесть работы падала на население Албании. К строительству этих грандиозных сооружений была привлечена масса местного населения. Затраты на строительство оборонительных линий были огромные. По этому поводу очень характерны слова албанского историка Мовсеса Каганкатваца, который сообщает: "... на построение которых цари персидские изнурили нашу страну (Албанию), мобилизуя архитекторов и изыскивая много различных материалов" (79, кн. II, гл. 11; 341, с. 98).

Остатки названных выше оборонительных сооружений привлекли к себе внимание исследователей и путешественников. В своих исследованиях В. В. Бартольд (171, 172), Э. Эйхвалд (524 а), А. В. Комаров (314 а), П. И. Спасский (439), Е. А. Пахомов (408 а; 416, 416 а; 408), М. И. Артамонов (135), С. Т. Еремян (271), И. П. Щеблыкин (479), К. В. Тревер (451, с. 267, 287), А. А. Кудрявцев (316) и др. уделяли им внимание. Остатки заградительных стен отметили в XVII в. путешественники А. Олеарий (554 а, с. 522, 542-543; 647 а) и Э. Кемпфер (547 а), в XVIII в. - И. Лерхе (549, с. 30-48, 46, 304-305).

Сооружения оборонительных укреплений на территории Албании письменные источники приписывают сасанидским правителям - Иездегерду II, Каваду и Хосрову Ануширвану.

О первом пограничном вале - Беш-Бармаке, который, может быть, находился у отрогов Главного Кавказского хребта, дает сведения Анания Ширакаци, который называет этот вал "Хоср-вем", что буквально означает "Хурсанская скала" (406, с. 30-31; 341, с. 98).

На древнейший пограничный вал Беш-Бармак обратили внимание К. В. Тревер (451, с. 268-270) и С. Т. Еремян (271, с. 34-35; 403, с. 316). С. Т. Еремян полагает, что этот вал отделял страну Хурсан от Ширвана (271, 35, 451, 269). Название Беш-Бармак до настоящего дня сохранилось за горой, находящейся на отрогах Главного Кавказского хребта, где они ближе всего находятся к Каспийскому морю. Арабские географы Балазури (13,19; 271, с. 35), Якуби (63, 9; 271, 35) этот Бармак отождествляли с библейской "скалой Моисея" (271, с. 35).

Армянский историк V в. Егише, говоря о восстании закавказских стран против Сасанидов в 451 г., пишет, что повстанцы "... пошли против пахака (т. е. обороны.- Т. М.) гуннов, которым завладели силою персы, и взяли, и разрушали паха к... а ту дверь дали под власть Вахану, который был из рода царей Албании" (68, гл. III, 451, с. 208-209). Другой армянский историк Лазарь Парпеци более подробно описывает эти события. "... переправились через большую реку, именуемую Кур-река, и достигли пахака (т. е. оборонительной) стены, которая находится между владениями албанов и гуннов, а найдя там охранителей пахака и многих других персидских воинов, применив меч, истребили и поручили пахак одному царевичу-албану, имя иуугорого было Вахан" (74, кн. I, гл. 25; 451, с. 209).

Говоря о заградительной стене вазоне севера Азербайджана, армянский историк Егише пишет: "Царь (Иездегерд II) был крайне удручен не только разорением страны и из-за потерь в войсках, но еще больше тем, что была разорена та пограничная крепость, которую, начав издавна, только-только что могли достроить и которая теперь, будучи с легкостью взята, была разрушена, причем не было даже надежды на ее восстановление" (68, гл. VII; 451, с. 271, 341, с. 99). Армянский автор V века Егише относит начатый строиться задолго до царствования Иездегерда II и достроенный при нем (Иездегерде II) заградительный вал к Дербентским стенам. Однако Дербентские стены, видимо, начали строиться лишь при сасанидском царе Каваде (488-531 гг.). Поэтому вышеизложенное сообщение Егише, может быть, относится к Бешбармакскому заградительному валу, постройка которого была закончена в 452 г. О разрушении оборонительной стены, которая была построена Иездегердом II, дает сведения также М. Каганкатвацци "... на крепость, построенную Иездегирдом при вратах гуннов, которую насильственно владели персы. Они взяли и разрушили крепость" (79, кн. I, гл. 2, 451, с. 271).

О защитной стене в этой зоне есть сведения и у Гевонда, который относит их к Дербентским стенам. Гевонд пишет, что халиф Сулейман (715-717 гг) "... на втором году своей власти собрал много войска, отдал его под начальство полководца Муслима и послал к воротам Каспийским. Придя, он дал сражение войскам гуннов, которые (были) в городе Дербенте, разбили их и прогнали; и, разорив и разрушив стену крепости, нашли в ее основании большой камень, на котором имелась надпись такого содержания: "Маркиан, самодержец, кесарь построил город, эту башню большим количеством талантов из своих сокровищ. Впоследствии сыны Исмаила разрушат их и возобновят на свои сокровища". Прочитав эту надпись на камне, они перестали разрушать стены и, набрав каменщиков, снова выстроили разрушенную стену" (82, гл. XII; 341, с. 98-99). Из этого сообщения Гевонда следует, что Дербентская стена была построена византийским императором Маркианом (451-457 гг.). Однако мы знаем, что Сасаниды прочно укрепились в районе Дербента только лишь при Хосрове I Ануширване (531-579). Поэтому эти сведения Гевонда, может быть, следует отнести не к Дербентским стенам, а к Бешбармакскому валу.

На приведенные данные армянского историка Гевонда обращали внимание исследователи С. Т. Еремян, К. В. Тревер, которые также относят их не к Дербентской оборонительной стене, а к Бармакской (271, с 37; 403, с. 315; 451, с. 273-274).

К. В. Тревер полагает, что сообщение Гевонда о постройке оборонительной стены византийским императором Маркианом отражает лишь помощь Сасанидам, которую оказывали им в строительстве византийцы (451, с. 273-274).

Говоря о пограничной стене в той зоне, арабский географ X в. Масуди упоминает "каменную стену, называемую Бармаки" (47, с. 59; 271, с. 35; 451, с. 269). Обращая внимание на это, К. Тревер полагает, что высказывание Масуди относится не к Бармакской, а к Шабранской стене (451, с. 269).

Заградительный вал в зоне севера Азербайджана назван Егише и Парпеци "пахак гуннов", т. е. "оборона от гуннов" (68, гл. III; 74, кн. I, гл. 35; 341, с. 99).

Кроме того, Егише и Себеос называют этот вал и "воротами гуннов". Так же называет его и М. Каганкатвацци (68, гл. III, с. 81, отд. III, гл. 37; 79, кн. II, гл. 2, 21; 341, с. 99). Парпеци отмечает, что "пахак стена была воздвигнута между владениями албанов и гуннов" (74, кн. II, гл. 35). По сообщению Егише и Парпеци (68, гл. Ш, 74, кн. II, гл. 35; 341, с. 99), эта стена охранялась сасанидским гарнизоном.

Таким образом, ценные сведения о первом пограничном вале Беш-Бармаке оставили армянские авторы V века Егише, Лазарь Парпеци, автор VII в. Ширакаци и автор VIII века Гевонд, а также арабские географы Бадазури, Якуби, Масуди. При этом из письменных источников становится ясно, что пограничный вал Беш-Бармак был построен в первой половине V века сасанидскими правителями, эта оборонительная стена была воздвигнута между владениями албанов и гуннов, охранялась она сасанидскими гарнизонами. Письменные источники свидетельствуют также о разрушении Беш-Бармакской оборонительной стены гуннами при сасанидском царе Иездигерде II (438-457) в 452 г.

На остатки Беш-Бармакского оборонительного сооружения обратили внимание путешественники. Путешественники XVIII в. А. Олеарий (554 а, с. 552, 542-543; 451, с. 69) и XVIII в. И. Лерхе (549 а, с. 40, 308; 451, с. 269), осмотревшие остатки укрепления Беш-Бармака, считали их древними сооружениями. Оборонительное укрепление Беш-Бармак с археологической точки зрения было изучено археологом-нумизматом Е. А. Пахомовым. Е. А. Пахомов, посетивший в 1925 г. остатки стены Беш-Бармак, отмечает, что к северу от Апшерона, оставляя береговую полосу в 1,75 км, эта гора близко подходит к морю. На этом месте от склонов горы к морю тянутся два параллельных вала, находящихся друг от друга в 220 м (408 а, с. 10-12; 408, с. 37-47; 451, с. 269). Е. А. Пахомов обнаружил здесь остатки многих кирпичей III-VII веков (408, с. 10-12; 408, с. 37-47, 451, с. 269).

Преемник Пероза Кават приступил к восстановлению оборонительных сооружений взамен разрушенного гуннами Бешбармакского заградительного вала.

Линия обороны была отодвинута к северу, в страну Ширван, вдоль реки Гильгильчай была построена новая линия оборонительных стен. Сведения об этой стене дает географ Ширакаци, который называет ее Апзут-Кават: "длинной стене Апзут-Кават до болот Альминон и до моря" (11, с. 16; 271, с. 35; 341, с. 100). Касаясь Шабранских (Гильгильчайских) оборонительных сооружений С. Т. Еремян полагает, что они были сооружены сасанидским царем Кавадом (271, с. 35).

Шабранское оборонительное укрепление с археологической точки зрения было изучено Е. А. Пахомовым в 1931-1932 гг. Протяженность Шабранской стены составляла 30 км, начало ее находится в 5 км к северу от устья реки Гильгильчай (408, с. 40-43, р. на с. 41, 40; 451, с. 270). Линия вала идет от моря до села Келаны на протяжении 1 км, его высота здесь достигает 5-6 м. После этого села направление вала несколько меняется, заканчивается возле угла большого четырехугольного сооружения. Стена построена на глинобитном основании из сырцового кирпича, размером 42X42X12 см, толщина стены достигает здесь 8 м. На остатках вала от моря до гор обнаружены обломки обожженного кирпича и посуды красного обжига, датируемые Е. А. Пахомовым III-VII веками (408, с. 40-43. р. на с. 40, 41; 451. с. 270).

Е. А. Пахомов обследовал также нагорную часть этого оборонительного сооружения, доходящего до крепости Чирак-Кала. Часть нагорной стены сложена из сырцовых кирпичей (до Кала-Бойну, другая часть, которая доходит до башни на скале у Чирах-Кала, сложена из камня (408, с. 43, р. на с. 43; 451, 270).

Шабранское (Гильгильчай) оборонительное сооружение в 1747 посетил путешественник И. Лерх. Он, осмотрев оборонительную стену, вкратце описал ее (549 а, с. 307-308; 451, с. 270).

Таким образом, из вышеизложенного становится ясно, что взамен разрушенного гуннами Беш-Бармакского заградительного вала, сасанидским царем Кавадом (488-531) была сооружена новая оборонительная линия вдоль реки Гильгильчай (Шабранская), сведения о которой дает географ Анания Ширакаци. Остатки Шабранского оборонительного укрепления существуют до настоящего времени.

К северу от реки Самур, там, где горы близко подходят к морю, проходит другая линия оборонительных сооружений. Остатки этой оборонительной линии до сих пор археологами не обследованы, некоторые исследователи лишь упоминают о ней (408, с. 43; 479, с. 8; 451, с. 271). Остатки этих сооружений в XVIII в. посетил путешественник И. Лерх. На карте "Каспийское побережье от Бунака до Куры 1747", составленной И. Лерхом после его путешествия, указана протяженность остатков этих оборонительных стен: около 80 верст (549 а, с. 304; 451, с. 271). Об этой стене И. Лерх пишет: "Перейдя речку Рубатер, на которой расположено селение Араблар, в котором с древних времен живут якобы арабы, (мы проехали) 15 верст и еще 5 верст до леса около древней высокой стены, которая начинается в 6 верстах ниже у моря, около Муллакента, и поднимается высоко вверх в горы. Местами высота ее достигает 20 саженьей. Говорят, что ее построил Александр Великий на границе между персами и татарами, но впоследствии он повелел вывести высокую стену к Дербенту, которая через горы доходит до Черного моря" (549 а, с. 304; 451, с. 272).

И. Лерх, конечно, здесь изложил преувеличенное представление о протяженности этой стены. Обращая внимание на эту линию оборонительных стен, К. А. Тревер предполагает, что они и были построены во время Кавада (488-531 г.) (451, с. 272). Другой оборонительной стеной, построенной Сасанидами в целях укрепления своих северных границ, была Дербентская стена в Дагестане.

В середине V в. Кавказ приобрел большое значение для Сасанидов, в особенности после образования обширной державы каганата (173 а, с. 3; 171, с. 22-23). Поэтому для защиты с севера Сасаниды особое значение придавали важному в стратегическом отношении Дербентскому проходу. Наиболее удобным пунктом для создания линий обороны был Дербент. Здесь отроги Большого Кавказа близко подходят к морю, прибрежная полоса здесь узкая, и если закрыть этот проход искусственными сооружениями, то можно было бы накрепко закрыть путь из степей восточного Предкавказья в Закавказье. Поэтому началось строительство укреплений в Дербентском проходе.

Строя их, Сасаниды ставили целью оградить себя не только от хазар, но и от нападений кавказских горцев. Это отражено в сообщениях Балазури и ал-Масуди. Балазури пишет: "Хазары (часто) выступали (из своей страны) и нападали (на соседние области), доходя иной раз до Дайнавера. Это побудило Кобада, сына царя Фируза, отправить (против них) одного из своих великих полководцев с двенадцатью тысячами воинов; он вступил в область Ар-ран и занял область между ар-Рассом (Араксом) и Ширваном" (13, с. 5; 271, с. 36). Другой арабский географ Масуди отметил: "Все это служило для защиты от нападения народов, примыкающих к горам Кабк, каковы хазары, аланы, турки, сериры и иные племена кяфиров..." (47, с. 40-41).

О Дербентской оборонительной стене дают сведения и другие письменные источники. Еще в глубокой древности Дербентский проход был известен греко-римским писателям. Они называют его Каспийскими и Албанскими воротами (451, с. 122, 124, 274).

Грекоязычные и латинские авторы I и II вв., говоря о Дербентском проходе, применяют такие термины, которые можно перевести не только как "двери", "ворота", но и как "запор", "преграда", "вал", "пограничная крепость" (451, с. 276). К. В. Тревер предполагает, что во второй половине I в. здесь существовали какие-то стены и укрепления. Это предположение теперь подтверждается археологическими исследованиями. Во время археологических работ археологом А. А. Кудрявцевым выявлена мощная стена толщиной до 4,5-5 м, построенная из крупного бутового камня,

и датирована им VII-III вв. до н. э. (316, с. 11, 21). Сирийские источники проход у Дербента называют Каспийскими воротами (421, с. 109-114).

О, Дербентской оборонительной стене дают сведения армянские историки: Егише, Хоренаци, Себеос, Ширакаци, Гевонд, Асогик, Вардан (68, гл. I, 4, 10; 76, кн. II, гл. 86; 11,16; 82, гл. 9; 84, кн. I, гл. 5; 81, отд. III, гл. 2; 73, с. 36; 341, с. 100).

Раннесредневековые армянские авторы дают этому району разные наименования. Дербентский проход назван Хоренаци, Себеосом и Гевондом "Каспийскими воротами" (76, кн. II, гл. 86; 81, отд. III, гл. 37; 341, с. 100). Себеос Дербентский проход называет "проход Чора" (81, отд. III, гл. 9, 341, с. 100). Егише называет Дербентский проход "Укрепление Чора" (пахак Чора) (68, гл. IV; 341, с. 100). То же самое мы находим у албанского историка Мовсеса Каганкатваци (79, кн. I, гл. 10; 341, с. 100). В греческой версии Агафангела упоминается "проход,... называемый укреплением Зуар" (451, с. 276). У Хоренаци, Асогика и Вардана Дербентские укрепления еще названы "воротами Чора" ("Чора, дурн"). Аналогичное название этих укреплений мы находим и у М. Каганкатваци (76, кн. II, гл. 65; 84, кн. I, гл. 5; 73, с. 36, 79, кн. II, гл. 1,11,12, 23, 39; 341, с. 101). У византийского историка VI в. Прокопия Кесарийского Дербентский проход назван Цур (451, с. 276). Нынешнее наименование "Дербент" в языковом отношении индоевропейского происхождения. "Дер"- это дверь, "бент" - преграда, застава. Это название впервые встречается в письменном источнике VII в. "Армянской географии". Сообщая о местонахождении Дербентской стены, ее автор Ширакаци пишет: "... воздвигнута Дербентская стена, громадная твердыня в море (11, с. 16; 341, с. 100). Это название встречается также у албанского историка М. Каганкатваци (79, кн. II, гл. 39), армянских историков Гевонда и М Айриванеци (82, гл. XIX, 78, с. 48-49).

Впоследствии арабы называли Дербент "Баб-ал-абвав" (ворота ворот). А у арабов в средние века Дербент выступает еще под названием Ал-Баб (Ворота), Бабал-абвав (ворота ворот), Баб ул-хадида (железные ворота). Баб-Алван или Сед-Алван (золотой трон) (64, с. 61; 23, с. 43, 51; 24, с. 15; 13, с. 5, 30, с. 11, 17; 22, с. 11, 15; 47, с. 40, 41, 58; 21, с. 88, 89, 92; с. 3, 9; 272, с. 32).

Старинные дербентские сооружения так грандиозны и их стратегическое значение так велико, что в народе сложились легенды о них, вошедшие в литературу. Одна из этих легенд повествует, что Дербентские ворота якобы достроены Александром Македонским (426; 234, с. 189; 171, с. 23).

Постройка Дербентской стены приписывается сасанидскому царю Иездигерду II, Каваду (488-531) и его сыну Хосрову I Ануширвану (531-579). Сооружение сырцовых стен Дербента арабские авторы приписывают шаху Каваду, добавляя, что эти укрепления были разрушены после построения каменной стены в Дербенте (22, с. 15; 13, с. 7; 62, с. 14; 135, с. 136; 185, с. 40-41). Сооружения стен Дербента армянские историки приписывают шаху Иездигерду II (68, гл. VII, 82, гл. XII).

Засвидетельствованные письменными источниками данные о сырцовых стенах Дербента перекликаются с наблюдением Б. Н. Засыпкина, произведенным им в 1932 году (408, с. 44, 135, с. 135, 451; с. 278), а позже также археологическими исследованиями А.А. Кудрявцева (316, с. 16, 22). К. В. Тревер полагает, что сырцовые стены Дербента были построены при сасанидском шахе Каваде (451, с. 277-278; 319, с. 295-296). Основываясь на данных письменных источников и археологических материалах, А. А. Кудрявцев полагает, что сырцовые стены Дербента были построены при сасанидском царе Иездигерде II (316, с. 16).

Построенные каменные стены в Дербентском проходе приписываются письменными источниками Хосрову Ануширвану. Армянский историк Себеос пишет об этом. "Хосров во время своего царствования укрепил проходы Чора и албанский" (81, отд. III, гл. 2; 271, с. 36; 341, с. 100). Постройку каменной Дербентской стены арабские авторы Балазури, ибн Хордадбех, Масуди, Якут Хамави, Ибн-аль-Факих, Кудама (13, с. 5; 24, с.

15; 47, с. 40-41; 62, с. 14; 18; 22, с. 15; 43, с. 29) приписывают сасанидскому царю VI в. Хосрову I Ануширвану. Эти данные письменных источников о постройке Дербентской каменной стены в VI в. подтверждаются пехлевийскими надписями, найденными на ней (416 а; 416, с. 3-22; 395, с. 26-32, 35; 135,137; 136; 172, с. 965; 171, с. 23,185, с. 41). Из пехлевийских надписей, высеченных на северных дербентских стенах, мы узнаем, что постройка была завершена в 567 году. Строительством дербентских стен руководил сасанидский сборщик податей в Азербайджане Барзиш (416, с. 3-22; 416 а, с. 15; 395, с. 26-32; 135, с. 137).

Сообщая о местонахождении Дербентской стены, армянский географ VII века Ширакаци пишет, что "... у самого Каспийского моря, на отроге Кавказа воздвигнута Дербентская стена, громадная твердыня в море" (11, с. 16; 406, 341, с. 100). По этому же поводу Мовсес Каганкатвацци сообщает, что Дербентская стена была построена "... между горой Кавказом и великим восточным морем" (79, кн. II, гл. 11; 341, с. 100). Арабские географы отмечают, что она тянулась от берегов моря до снеговых гор Табасарана (47, с. 40-41; 22, с. 13,17). Это отражено в сообщении арабского географа X века Масуди: "Ануширван сделал эту стену выступающей на одну милю от берегов в море, а с другой стороны протянул её до вершин гор Кабк и сделал ее спускающейся в ущелья гор, продолжая ее до тех пор, пока не довел до укреплений по имени Табасаран. На каждых трех милях этой стены он сделал железные ворота..." (47, с. 40-41, 430).

Арабские географы оставили описание строительной техники Дербентских укреплений, Ибн-аль-Факих, Балазури и Мукаддаси (22, с. 23, 25; 13, с. 7; 48, с. 9), сообщают, что Дербентская стена была возведена из камня, скрепленного свинцом. Камни просверливались, через них пропускались толстые железные прутья, затем просверленные отверстия заливали свинцом (172, с. 965; 171, с. 22-24). Параллелепидные эти тесаные камни так тяжелы, что пятьдесят человек не в силах были поднять один камень (22, с. 23; 271, с. 39).

Часть Дербентских укреплений сохранилась. Каменная кладка стен Дербента выполнена из больших отесанных плит размером более 1 м в длину, 70 см в ширину, 25-30 см в толщину (439, с. 273-276; 135, с. 129-130; 451, с. 279, табл. 10). Высота стены доходила до 18-20 метров, толщина ее 2-4 метра (439, с. 273-276; 135, с. 122; 451, с. 279). Стены Дербента имеют ворота (22, с. 23; 48, с. 9; 13, с. 7; 135, с. 122-123; р. 9-11; 451, с. 279). Самыми древними воротами считаются ворота в южной стене Орта-Капы (439, с. 55; 135, с. 123, р. 12-14; 451, с. 279,164, р. 20-24). Хорошо сохранилась верхняя стена, которая укреплена тридцатью башнями, прямоугольными и полукруглыми в плане, расположенными друг от друга в 50-70 м. Высота башен достигает 8 м., ширина 15 м (135, с. 129, р. 22, 23; 451, с. 280, таб. 9, 11, 13). Некогда Дербентские укрепления делились на три части: верхнюю, среднюю и приморскую. Верхняя часть оборонительной Дербентской линии, носящая название Даг-бары, была предназначена для защиты от проникновения врагов с севера через горные ущелья и перевалы. Она тянулась до гор Табасарана. Это, как сказано выше, сообщают арабские географы (47, с. 40-41; 22, с. 23). Верхнюю часть Дербентской линии укреплений арабский географ Ибн-аль-Факих описывает так: "Конец стены выведен до такого места, где ничего не поделаешь против нее, и тянется она на 7 фарсахов до лесистой и обрывистой горы, через которую не пройдешь" (22, с. 23). Сообщая об этой верхней части, Масуди отмечает, что протяженность ее составляла 40 фарсахов (47, с. 40-41; 172, с. 9(?)). Арабские географы Масуди и Ибн-аль-Факих, описывая Дербент, сообщают, что на протяжении всей стены в нескольких местах были встроены ворота (13, с. 7; 24, с. 11; 22, с. 23; 47, с. 40-41; 48, с. 9; 451, с. 284).

Эту часть Дербентской оборонительной линии ("Даг-Бары") обследовал в 1770 г. С. Г. Гмелин (543 а, с. 12). В XIX в. верхнюю часть стены увидел ученый-путешественник И. Н. Березин (183, с. 134). В 1928 г. эту стену обследовал Е. А. Пахомов. Он отмечает, что протяженность оборонительной стены составляла более 40 км (408, с. 45; 135, с. 129; 451, с. 284). Обследовав форты и башни ее, Е. А. Пахомов заметил, что стена имела зубцы (408, с. 45). М. И. Артамонов, обследовавший Даг-Бары, отмечает, что

кладка ее состоит из двух рядов массивных тесаных блоков, имеющих каждый более метра в длину, около 70 см в ширину и 25-30 см в толщину, забутована и скреплена известью (135, с. 129; 132, р. 18, с. 133, р. 20-21, 451, с. 284). М. И. Артамонов пишет, что в лощине между Джалганским хребтом и селом Митаги существует стена протяженностью свыше 15 км с башнями и замкнутыми укреплениями (135, с. 129-131; 451, с. 284).

Дербентские стены в самом этом городе одним концом ухилили в море. Укрепления состояли из двух параллельно идущих стен, запиравших Дербентский проход. Об этой части стены, входящей в море, оставили сведения арабские географы Балазури, Масуди, Истахри, ибн-Хаукал, Ибн-ал-Факих и др. (13, с. 7; 47, с. 40; 30, с. 7; 21 а, с. 88; 22, с. 23).

Выше приведено сообщение Масуди: "Ануширван сделал эту стену выступающей в море на одну милю от берегов..." (47, с. 40; 451, с. 281). Сообщая об этой стене, Балазури рассказывает о технике возведения этой стены: "И приказал он (Хосров I) возить на кораблях камни и бросать их в море, а когда они оказывались пол водой, он построил на них стену, продолжив ее в море на три мили" (13, с. 7, 33). Арабские географы по-разному определяют длину части дербентского укрепления: от одной мили до трех миль (47, с. 40, 13, с. 7). Обращая на это внимание, В. В. Бартольд указывает, что наиболее вероятным следует считать протяжение в 600 локтей (172, с. 967, 457, с. 281). О нахождении части Дербентской стены под водой писали путешественники А. Олеарий (554 а, с. 542-543), И. Н. Березин (183, с. 127) и Н. Ханьков (62 а, с. 499).

Между стенами в море был рейд для судов. Войти в порт или выйти из него суда без разрешения не могли, так как у входа в порт была натянута цепь. Об этом сообщают Истахри, Ибн-Хау-каль и Якут Хамави (30, с. 11; 21, с. 88; 62, с. 18-19). Истахри пишет: "Между рейдом и морем выстроены параллельные две стены: проход для судов тесен, а вход сделан извилистым, а в устье порта перетянута цепь, так что не может судно ни выйти, ни войти иначе, как с разрешения" (30, с. 11; 451, с. 282).

Оборонительные сооружения Дербента охранялись сасанидскими гарнизонами (68, гл. III, 74, кн. II, гл. 35). Албанский историк сообщает, что "внезапно устремились на проход Чора, не обратили внимание на гарнизон, стражу городскую и войска персидского царя, назначенные для защиты ворот" (79, кн. II, гл. 11). Об охране дербентской стены сасанидскими войсками дают сведения также арабские географы Балазури, Масуди, Ибн-аль-Факих (13, с. 7; 47, с. 40; 22, с. 23-25). Балазури сообщает: "Окончив постройку стены, Ануширван повесил у входа ее железные ворота, поручив их охрану ста всадникам, тогда как раньше для охраны этого места требовалось пятьдесят тысяч воинов" (13, с. 7; 451, с. 283). Ибн-аль-Факих, сообщая о стражниках дербентской стены, среди воинов сасанидской армии называет сиясикинов: "На протяжении этих 7 фарсахов устроено семь проходов, у каждого из этих проходов город и живут в них (городах) персидские воины, называемые сиясикинами" (22, с. 23-25). С. Т. Еремян считает, что эти воины были армянами-жителями Сюника (271, с. 38-39, 451, с. 284-285). В. Ф. Минорский считает сомнительным толкование С. Т. Еремяна, который хочет видеть в пограничных стражах уроженцев Сисакана (372, с. 30-31).

Дербент снабжался водой из горных родников по подземным керамическим трубам. Проведение воды в Дербент приписывается Хосрову Ануширвану (22, с. 25; 48, с. 9; 451, с. 280).

Сооружение пограничных укреплений в Дербентском проходе продолжалось целое столетие. Работа эта стоила больших усилий и средств. На строительство сгонялись десятки тысяч людей. Основная тяжесть легла на население стран Закавказья и, в первую очередь, Кавказской Албании. М. Каганкатвацци пишет, что сасанидские цари при строительстве дербентских стен "изнурили страну (Албанию) нашу, мобилизуя архитекторов и изыскивая много различных материалов для строительства удивительного Сооружения" (79, кн. II; гл. И; 341, с. 98).

Постройка Дербентской стены письменными источниками приписывается сасанидскому царю Иездигерду II, Каваду и его сыну Хосрову I Ануширвану. Сырцовые стены Дербента были построены Иездигердом II, а каменная стена, следы которой сохранились и поныне, была построена Кавадом и Хосровом I, Ануширваном в VI в. Письменные источники оставили нам описание строительной техники дербентских укреплений и сведения об их местонахождении. Из сообщений письменных источников становится ясно, что оборонительные сооружения „выстроены Сасанидами, охранялись сасанидскими гарнизонами. Сооружение пограничных укреплений у Дербентского прохода продолжалось целое столетие. Работа эта стоила больших усилий и средств. Основная тяжесть легла на население стран Закавказья, и в первую очередь на население Кавказской Албании. Вслед за окончанием главного укрепления при Сасанидах создана была еще одна заградительная стена. Остатки необследованного вала находятся к северу от Дербента в 6-7 км от нынешней станции "Дагестанские огни" (408, с. 46; 451, с. 286, 403, с. 318). Обращая внимание на эти стены, Е. А. Пахомов в 1928 году высказал предположение о том, что она была возведена Сасанидами (408, с. 46; 451, с. 286; 403, с. 318). К. В. Тревер тоже предполагает, что эта стена была возведена Хосровом Ануширваном, еще будучи наследником (451, с. 286-287).

Сасаниды не ограничились строительством оборонительных линий. Обеспечив себя с севера могучими оборонительными сооружениями, они создавали в северной части Албании военные поселения для охраны кавказских проходов, привлекая местную феодальную знать. Об этой политике Сасанидов арабский географ Якут Хамави пишет: "Хосрои (персидские цари) прилагали большую заботу к этой пограничной местности и не ослабляли наблюдения за ее положением вследствие великой опасности с этой стороны и сильной боязни ее. В этом месте были поселены стражи из переселенцев разных областей и надежных, по мнению их (царей), для охраны, и вся населенная местность, которую они завладели, была предоставлена в их исключительное пользование без всяких расходов для правительства (на их содержание), без хлопот об этом крае и без вмешательства в его дела; все это было сделано из сильного желания заселить этот край надежными людьми и тем защитить его от различных враждебных племен" (372, с. 30-31, 13 с. 7, 166, с. 35, 271, с. 37-39).

Армянские историки Егише и Парпеци также сообщают о том, что оборонительные стены охранялись сасанидским гарнизоном (68, гл. III; 74, кн. II, гл. 35; 341, с. 99).

В укреплении Дербента была также заинтересована Византия, так как нашествия с севера в Закавказье были опасны и для нее. Укрепление оборонительных сооружений требовало огромных расходов (46, с. 188, 422, с. 82, 131). По договору между Византией и Сасанидами 422 г. оборонительные сооружения содержались за их общий счет (46, с. 188), за охрану оборонительных линий сасанидскими гарнизонами Византия платила сасанидскому государству золотом (46, с. 188, 422 а, с. 53-54, 67, 423, с. 159, 269, с. 44, 422, с. 82, 137, 234, 32).

Таким образом, из вышеуказанных фактов видно, что сасанидское правительство всемерно принимало деятельные меры к охране северных частей подвластных ему владений. Эти системы крепостей и заградительных стен стали неодолимыми для врага с севера и препятствием, пресекающим вторжения в Албанию.

Таким образом, письменные источники не могли обойти весьма важный для истории всего Закавказья вопрос об оборонительных сооружениях, располагавшихся на севере Азербайджана и на юге Дагестана.

Таким образом, сведения о первом пограничном вале Беш-Бармаке оставили армянские авторы V века Егише, Лазарь Парпеци, автор VII в. Ширакаци и автор VIII века Гевонд, а также арабские географы: Балазури, Якуби, Масуди. При этом из письменных источников становится ясно, что пограничный вал Беш-Бармак был построен в первой половине V века сасанидскими правителями и эта оборонительная стена была воздвигнута между владениями албанов и гуннов. Эта стена охранялась сасанидским

гарнизонам. Письменные источники свидетельствуют также о разрушении Беш-Бармакской оборонительной стены гуннами при сасанидском царе Иездигерде II (438-457) в 452 году.

Таким образом, из вышеизложенного также становится ясно, что взамен разрушенного гуннами Беш-Бармакского заградительного вала сасанидским царем Кавадом была сооружена новая оборонительная линия вдоль реки Гильгильчай (Шабранское), сведения о которой дает географ Анания Ширакаци. Остатки Шабранского оборонительного укрепления существуют до настоящего времени.

Таким образом, из вышеуказанных фактов видно, что другой оборонительной стеной, построенной Сасанидами в целях укрепления своих северных границ, была Дербентская стена. Строя дербентские укрепления, Сасаниды ставили целью оградить себя не только от хазар, гуннов, аланов, но и от не прекращавшихся нападений горских народов.

Постройка Дербентской стены письменными источниками приписывается сасанидскому царю Иездигерлу II, Каваду и его сыну Хосрову I Ануширвану. Сырцовые стены Дербента были построены Иездигердом II, а каменная стена, следы которой сохранились и поныне, была построена Кавадом и Хосровом I Ануширваном в VI веке. Письменные источники оставили нам описание строительной техники дербентских укреплений и сведения о ее местонахождении. Из сообщений письменных источников становится ясно, что оборонительные сооружения, выстроенные Сасанидами, охранялись сасанидскими гарнизонами. Сооружение пограничных укреплений у Дербентского прохода продолжалось целое столетие. Работа эта стоила больших усилий и средств. Основная тяжесть легла на население Закавказья и в первую очередь на население Кавказской Албании.

Сасаниды не ограничились одним только укреплением оборонительных линий. Они, обеспечив свои северные границы могучими оборонительными сооружениями, создавали в северной части Албании целую сеть военных поселений, кавказских проходов. С этой целью Сасаниды привлекали местную знать. Оборонительные сооружения также охранялись сасанидскими гарнизонами.

В укреплении оборонительных сооружений была также заинтересована Византия. Оборонительные сооружения содержались за общий счет. Поэтому для охраны оборонительных линий сасанидскими гарнизонами Византия платила Сасанидскому государству золотом.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Проведенные нами исследования дают основание полагать, что территория Кавказской Албании IV-VII вв. была обширна, она распространялась от северной части Большого Кавказа до нижнего течения и слияния Аракса и Куры, включая сюда Мугань и Мильскую степь. В состав албанского государства IV-VII вв. входили провинции Ути, Арцах, Пайтакаран, области Чора, Лпиния, Гардман, Шакашен и др.

Албания на севере граничила с северным предгорьем Большого Кавказа и даже была смежна с Сарматией. На юго-западе она простиралась до верховьев Аракса, включая сюда и левобережье, а на юге - до нижнего течения и слияния Аракса и Куры. На востоке Албания граничила с Каспийским морем, с запада - с Иберией. Граница Албании проходила от впадения р. Акстафачай в р. Куру, включая и нынешний Закатальский район, она охватывала также побережье среднего и нижнего течений р. Алазань.

По данным древнеармянских, греко-византийских, сирийских, грузинских и арабских источников местным древнейшим населением Албании были албаны, утийцы, лпины, каспии, чилбы, гаргарцы, леги, гардманцы, цавдейцы. Часть этого местного населения Кавказской Албании принадлежала по языку к кавказской группе. Письменные источники отмечали на территории Кавказа еще этнические общности кочевых племен.

Они же фиксируют на ее территории маскутов, саков, гелов.

Таким образом, исследование показывает, что одним из главных компонентов этнического состава населения Кавказской Албании в IV-VII вв. являлись тюркоязычные племена. При этом в центре Албании, на Гаргарской равнине и др. местах жили и хазары, и басилы, среди которых, как известно, были носители языков тюркского типа. Другими носителями языков тюркского типа, населяющими территорию древнего Азербайджана и Закавказья, были албаны, гаргары, утийцы, кангары, ижмахи, гунны и др.

Исследование материалов источников свидетельствует о несостоятельности мнения некоторых исследователей о том, что якобы местное население Албании IV-VII вв. было ассимилировано ее соседями. В рассматриваемом нами периоде в Албании шел процесс не насильственной ассимиляции, а естественный ассимиляционный процесс. Этот процесс проходил в нескольких направлениях: 1) среди местных племен (кавказоязычных и тюркской группы языка); 2) между пришлыми племенами, 3) между пришлыми (ираноязычными и тюркоязычными) и местными племенами (кавказоязычными и тюркской группы языка). В результате вышеуказанных процессов рассматриваемого нами периода в стране мы видим два важных основных направления: консолидацию пришлых тюркоязычных племен вокруг местного тюркской группы языка племен и естественную ассимиляцию со стороны тюркоязычных племен - кавказоязычных и ираноязычных племен и в этом процессе в конце рассматриваемого нами периода победа тюркской группы языка в Албании. Исследование показывает, что в этническом составе населения страны были этнические элементы, которые являлись носителями тюркских языков.

Проведенное нами исследование показывает, что в результате роста производительных сил в раннесредневековой Албании большое развитие получила хозяйственная жизнь. Основным занятием албанов было земледелие. Оно было пашенным. Поля Албании орошались реками и ирригационными каналами. На ее территории выращивались пшеница, ячмень и просо. Албаны хранили зерно в хозяйственных ямах и хозяйственных кувшинах.

В раннесредневековой Албании было развито также садоводство и огородничество. Албаны выращивали виноград, персики, вишню, сливу, гранаты, кизил, крупный грецкий орех, каштан, инжир, арбузы, тыкву, бахчевые и другие культуры (маслину, шафран, марену и т. д.). Занимались они и хлопководством. Очень высокая урожайность винограда в Албании позволяла жителям заниматься и виноделием.

Экономическое развитие Албании в раннем средневековье характеризуется, кроме того, сдвигами в области развития скотоводства, ремесел и рыболовства. Увеличивается поголовье крупного и мелкого рогатого скота. Развитие крупного и мелкого скота обеспечивало население Албании IV-VII вв. мясом, шкурами, шерстью и молочными продуктами, сырьем для ремесленного производства. В Албании

развивались такие виды ремесленного производства, как гончарное, ювелирное, ткацкое, в том числе шелкоткацкое, стеклоделательное ремесло, обработка металлов (железа, меди, серебра, золота), изготовление орудий труда, оружия, камнерезное, резьба по дереву и кости. Материалы письменных источников, а также выявленные археологическими раскопками предметы показывают, что в раннесредневековье ремесленное производство Албании не отставало от ремесленного производства соседних стран. Уровень развития производительных сил в Албании не отставал от уровня производительных сил соседних стран Закавказья и соответствовал уровню государств Ближнего и Среднего Востока. В раннесредневековье албаны занимались также рыболовством.

В IV-VII вв. на основе подъема хозяйственной жизни развивались и расширялись существующие и возникали новые города Албании, как центры ремесла и торговли - местной и транзитной, а также общественно-политические центры.

В Албании были города, крепости и другие населенные пункты. Города Албании были окружены стенами и имели башни и городские ворота. В городах Албании были дворцы, города имели своих правителей ("главари", "властители"), в них обитали ремесленники, торговцы и духовенство. Города Албании через торговые пути были связаны с разными городами соседних стран. В числе городов Албании IV-VII вв. можно назвать такие, как Кабала, Барда (Партав), Чора (Чога), Дербент, Халхал, Хонакерт (Хунакерт), Пайтакаран, Байлакан, Амарас, Цри и др.

С ростом производительных сил города Албании становятся центрами торговли, растет спрос на продукцию, и это создает исключительно благоприятные условия для развития торговли. Исследование показывает, что в раннесредневековье в Албании торговля получила широкое развитие. Через территорию древнего Закавказья (Иберию, Албанию, Армению) проходили всемирно известные торговые пути, которые играли большую роль в экономике и торговле этих стран. Через Албанию проходили такие мировые торговые пути, как по Каспийскому морю и реке Куре "Артахата-Гобди-Раресака" и круговой торговый путь "Артахата-Санора-Армастика". Все эти пути носили транзитный международный характер. Города Албании были связаны с разными городами стран Кавказа и Ближнего Востока. Наличие торговых путей, проходящих через Албанию, подтверждается также археологическими данными. Из Албании в другие страны вывозили скот, рыбу разных сортов, шелковые ткани, полотно и полотняную верхнюю одежду, шафран и марену. В свою очередь, из стран Ближнего Востока и других стран в Албанию привозили разные товары. Привозные шелковые ткани, геммы, разные стеклянные изделия, декорированные серебряные сосуды, а также женские украшения, обнаруженные на территории Азербайджана, являются вещественными доказательствами торгового обмена и определенно указывают на торговые связи, существовавшие в раннесредневековый период между Кавказской Албанией и странами Ближнего и Среднего Востока. Об этом же свидетельствует большое количество монет сасанидских царей, а также византийских и других монет, относящихся к раннесредневековью и обнаруженных на территории Азербайджана.

Анализ степени развития производительных сил и характера производительных отношений в Албании исследуемого периода дает возможность зафиксировать процесс зарождения феодальной земельной собственности (царское и церковное землевладение, земли, принадлежащие азатам и вельможам) и определить номенклатуру феодальных правящих групп (князя, вельможи, азаты, военная

знать, церковная знать - духовенство) и трудящихся (крестьяне, ремесленники, рыбаки, торговцы и др.).

Первоисточники свидетельствуют, что албанское государство IV-VII веков, продолжая традиции древней Албании, было суверенным, имело своих царей, проводивших самостоятельную политику. Раннесредневековые первоисточники документируют основные черты государственно-политической структуры Албании, характеризуя ее как государство, опиравшееся на феодальную знать, возглавляемое царскими династиями, имевшее вооруженные силы, царский суд.

Вопреки сомнению исследователей в существовании албанской письменности, ценные сведения письменных источников, а также обнаруженные рукописи албанского алфавита в Матенадаране и археологические находки в Мингечауре свидетельствуют о существовании самостоятельной албанской письменности.

Из противоречивых сообщений армянских историков о создании албанской письменности в V в. ясно, что в этом деле сами албаны играли значительную роль. Албанская письменность была создана при содействии Вениамина и Иеремии на основе одного из албанских языков - гаргарского говора, богатого гортанными звуками, характерными для кавказских языков.

Из письменных источников видно, что на албанском языке существовала обширная литература.

После составления албанского алфавита книги на других языках, прежде всего религиозные, были переведены на албанский язык. Одним из доказательств существования на албанском языке богатой литературы является переписка албанских царей, албанских религиозных деятелей с религиозными деятелями Армении. Ярким свидетельством существования литературы на албанском языке является литературный памятник V века "Каноны" Вачагана III и уникальный памятник раннесредневековой и средневековой историографии Азербайджана - "История албан" М. Каганкатвази.

Из ценных сведений письменных источников становится ясно, что после составления в начале V в. алфавита для албанов в Албании имелось несколько алфавитов, так как здесь жило многоязычное население и в таких условиях одна письменность была бы недостаточной.

В начале V в. в Албании существовала школа, в которой обучались дети. В конце V в., до открытия Вачаганом III особой школы, в ведении государства в Албании были обычные школы. По приказу царя Вачагана III было открыто особое училище-школа, где обучались дети язычников, они обучались здесь письму и догматам христианства. Учащимся платили определенные субсидии, и школа находилась под покровительством самого царя.

Идеология и принадлежность к духовенству большинства древнеармянских письменных источников определили их внимание к вопросам религии и религиозных организаций. Эти источники сохранили и для Албании много данных.

Материалы показывают, что до введения христианства в Албании было широко распространено верование астральной религии. Утверждение же новых общественных отношений - феодализма - вызвало к жизни проблему ликвидации

дофеодальной астральной религии. Со II в. нашей эры христианство стало распространяться в Албании. А в IV в. оно стало государственной религией.

Однако изучение материалов раннесредневековых письменных источников и археологических материалов показывает, что христианизация в Албании не везде увенчалась успехом. Христианство в Албании все время в течение раннесредневекового периода вело борьбу, с одной стороны, с зороастризмом, манихейством и, с другой стороны, с местными верованиями социальных низов. Материалы показывают, что в этой борьбе в Албании против язычества выступала как сила, во главе с царем, феодальная иерархия. Принятие христианства в Албании было шагом вперед в борьбе против язычества, тормозившего развитие производительных сил и более прогрессивных производственных отношений.

Христианство помогало Албании укреплять культурные и политические связи с передовыми христианскими государствами Востока. Принятие христианства в Албании еще больше сблизило ее в культурном и политическом отношении с соседними странами - Арменией и Грузией.

В связи с принятием христианства появившаяся церковная феодальная иерархия впоследствии занимает видное место в албанском обществе как сильное идеологическое орудие в угнетении народных масс.

Материалы показывают, что для проповедования религии христианства в Албании существовали религиозные книги на албанском языке. Албанам были известны "Евангелие", "Завет" (Ветхий и Новый) и они использовали их для проповедования христианства в стране.

Албания имела независимую от других христианских церквей самостоятельную церковь, в дела которой католики Армении не имели права вмешиваться.

Главой албанской церкви был человек, облеченный в сан католикоса. Албанские католики рукополагались албанскими епископами. Они избирались на соборах, в которых участвовали правители страны - цари, религиозные представители каждой епархии, князья, вельможи Албании. Албанская церковь до 705 г. пользовалась самостоятельностью в избрании своих католикосов.

Албанские католики созывали церковные соборы с участием царя и князей. На основании церковных законоположений на соборах вырабатывались меры уточнения прав и обязанностей духовенства и мирян.

Письменные источники, кроме беглого перечня католикосов Албании и их дел, дают и отрывочные данные об иерархии албанского духовенства, а также о церковно-административном делении Албании.

Албанские цари всемерно расширяли масштабы идеологического влияния церкви на массы населения. Церковной организации были предоставлены права юрисдикции и наблюдения над частной жизнью населения.

Церковь получала в виде десятины прочную материальную базу для содержания лиц духовного сословия и осуществления своих классовых функций. Собирая с местного населения Албании налоги в пользу церкви, духовенство имело постоянный доход.

Материалы по истории религии и религиозных организаций Азербайджана, сохранившиеся у раннесредневековых историков, показывают общность религии Албании и Армении, но эти же источники показывают по существу феодальную борьбу армянского и албанского католиков и победу в этой борьбе в начале VIII века армянского католика с помощью военных сил халифата.

Исключительно ярко рисуют первоисточники политическое боевое единство албанцев, грузин (иберцев) и армян в борьбе против врагов народов Закавказья. Это единство проявилось в религиозной оболочке, но оболочка не может ни скрыть от науки, ни ослабить исторического воспитательного значения иберо-армяно-албанского единства, несмотря на самостоятельность языков, письменности, государств и католиков. Это единство было продиктовано самой исторической обстановкой.

Материалы письменных источников о внешнеполитической и военной истории Кавказской Албании позволяют со всей определенностью отметить, что албанское государство в основном вело внешнеполитическую борьбу против агрессивных устремлений сасанидских царей и византийских императоров. При этом цари Албании в своей самостоятельной внешней политике вступали в союзы и блоки с правителями Армении и Грузии (Иберии). Это отражало исторически сложившуюся обстановку в Закавказье, необходимость единения сил для борьбы против врагов с юга и с севера. В этой борьбе Азербайджан был центральной ареной для всего Закавказья, ибо Кавказская Албания включала в свой состав самый удобный проход через горы Большого Кавказа в зоне Чола. Материалы показывают, что различные варварские племена, занимавшие предгорные и приморские области Дагестана в IV-VII вв., неоднократно и не без ведома и подстрекательства Византии и Сасанидов совершали через Каспийский проход опустошительные набеги на Албанию. Нашествия кочевников приносили Албании неисчислимые бедствия. Эти племена грабили и разрушали города и населенные пункты, уничтожали или уводили в плен их жителей. Эти набеги были сущим бедствием для оседлого населения Албании, так как они приносили огромный ущерб хозяйству страны.

Факты, приведенные в настоящей работе, ярко отражают успехи и ведущую роль во внешней политике Закавказья правителей Албании Ваче II, Вачагана III и Джаваншира Гардманского.

Первоначальный вариант нашего труда был завершен более 20 лет тому назад, но по объективным и в основном субъективным причинам, не зависящим от автора, не был опубликован до сих пор.

ПРИМЕЧАНИЯ

1. См.: Библиографию по данному изданию.

2. Из Фавста Бузандаци известно, что северная граница Албании проходила около области масгутов (87, кн. IV, гл. 24). Во время царствования сасанидского царя Шапура Джора была границей между Албанией и Арменией. "... построили стену с этой стороны Армении, которая называется Дзора, поставили ворота и отделили свою страну от Армении" (87, кн. IV, гл. 50). Из Егише становится ясно, что границы Албании доходили до ворот гуннов (68, гл. III). Албания граничила с гуннами:

"Собрав всю кавалерию персов, Васак поставил большую часть ее у ворот ущелья Джора" (68, гл. IV). М. Хоренаци пишет: "... владел Агванской равниной и гористой местностью той же границы между Албанией и хазарами, базилами" (70, кн. II, гл. 51). Из Хоренаци становится также ясно, что "ущелье Чора находится на границе между северными народами и албанами" (76, кн. III, гл. 12). А. Ширакаци пишет: "Албания, то есть Агвани, находится на Востоке Иберии, смежна с Сарматией у Кавказа..." (11, с. 17). М. Каганкатваци сообщает: "Здесь начинается княжество Агванское. О незапамятном поселении людей, живущих вокруг великих гор Кавказских..." (79, кн. I, гл. 5). "Благотворна и прекрасна страна агванцев своими всякого рода полезными произведениями и также высокими холмами Кавказа" (79, кн. I, гл. 5).

3. Фавст Бузандаци сообщает: "... взяли его (Григориса.- Т. М.) тело и перевезли в свой гавар Хабанд, находящийся в стране албанской на границе Армении, в городок под названием Амарас" (87, кн. III, гл. 6). М. Хоренаци сообщает: "... владел Агванской равниной и гористой местностью той же равнины, от реки Аракса до укрепления..." (76, кн. II, гл. 8). М. Каганкатваци сообщает: "... наследовал поля Агвани от реки Аракса до крепости..." (79, кн. I, гл. 4). "Таким образом, он (Джаваншир.-Г. М.) самодержавно и великолепно господствовал от пределов Иверии до гуннских ворот и до реки Аракса" (79, кн. II, гл. 21). А. Ширакаци сообщает: и Арцах, рядом с Сюник. В нем заключается двенадцать провинций, которые присоединены к Албании..." (11, с. 19).

4. Из Фавста Бузандаци становится ясно, что в 372 году против царя Армении выступили Арцах, страна каспов, а также и Албания, которые во время персидского царя примкнули к Шапуру II. После окончания войны спарапет Мушег стал громить тех, кто "восстал против" армян. Это Арцах, страна каспов, а также упоминается и Албания: "Пошел (Мушег) войною также на страну албанов и жестоко разгромил их. Отнял у них много областей, которые ими были захвачены. Ути, Шакашен и Гардманзор, Колт и сопредельные им области" (87, кн. V, гл. 12, 13, 14). Из Л. Парпеци становится ясно, что во время восстания закавказских народов в 451 году Пайтакаран не входил в состав Армении, он входил в состав Албании (74, гл. 33, с. 144). Во время раздела Армении между Сасанидами и Византией по договору 387 года Албании были возвращены Арцах, Ути, Шакашен, Гардман и другие провинции (См.: 101, с. 118; 118, с. 230; 527, с. 240; 241; 451, с. 201; 403, с. 312). А. Ширакаци пишет: "Албания, то есть Агванк... А провинции следующие: Ехни, Бех, Камбечан, Шака, Востани-Марцпан, Дашти-Балакасан и другие провинции, кои были отторгнуты от Армении: Шикашен, Гардман Колт, Заве и еще двадцать (гаваров) провинций до впадения Аракса в реку Куру" (11, с. 17); "Арцах, рядом с Сюник. В нем заключается двенадцать провинций, которые присоединены к Албании" (II, с. 19); "Ути находится к западу от Аракса, между Арцахом и р. Курой: имеет семь провинций, присоединенных к Албании..." (II, с. 20).

5. А. Ширакаци сообщает: "Албания, то есть Агванк, находится на Востоке Иберии, смежна с Сарматией у Кавказа и простирается до Каспийского моря..." (11, с. 17).

6. Егише пишет: "... встретился с ними около границы Иберии, в городе Халхал, в котором албанские цари имели свою зимнюю резиденцию" (68, гл. III). М. Хоренаци пишет: "... начиная от реки Аракса до крепости, называемой Хнаракертом..." (16, кн. II, гл. 8). М. Каганкатваци сообщает: "... и встретился с ним на границах Иберии, напротив Халхала, зимней резиденции царства Албанского" (79, кн. II, гл. 2); и...

наследовал поля Агвани от реки Ерасха да крепости Хунакерт..."; Джаваншир "самодержавно и великолепно господствовал от пределов Иверии до гуннских ворот..." (79, кн. II, гл. 21).

7. О них пишет Страбон. Он сообщает: "В стране албанов имеется и (страна) Каспиана, названная, как и море, по имени народа каспиев, ныне исчезнувших" (54, кн. XI, гл. 4, 5). После Страбона Фавст Бузандаци в этой же зоне упоминает каспов.

8. В «Географии» Страбона отмечено что «... некоторые паррасии, как говорят живут вместе с анариакими, которых теперь называют парренеями...» (54, кн. XI, гл. 7)

9. А. Ширакаци сообщает: "У самого Каспийского моря, куда доходят отроги Кавказа и где воздвигнута Дербентская стена, громадная твердыня в море, севернее живут гунны, у которых город Варчан и другие города", по новому списку; "В этом месте хребет подходит к морю, где находится стена Дербента (что означает связь и ворота), города Морского прохода, великой твердыни, построенной среди моря. К северу (от Дербента), близ моря находится царство гуннов, на западе у Кавказа город гуннов Варджан, а также города Чунгаро и Мендр (Семандар) (II, с. 16; см.: 406, с. 31).

10. А. Ширакаци сообщает: "В Сарматии находятся горы Гипийская и Керацинская и другие; много рек, в числе их Этил с 70 рукавами (или протоками), на котором защищается (укрепляется) народ Басилы. Следующие народы живут в Сарматии: 1) хазары, 2) Буши, 3) Баслики (Барслы. Басилы), 4) Лишен, 5) Апхазы..." (II, с. 35, 37; 406. с. 28-29).

11. Слово ар-Рихаб обозначало "лесистый виноградоносный", это название дали стране арабы. Ар-Рихаб включила в себя не только Арран - Албанию, но и Армению.

12. Андераб - междуречье к югу от Барды.

13. Шахибаллут - каштан.

14. Зукал - кизил.

15. Губейра - плод дерева габра.

16. Умму-р-Ран в буквальном переводе значит: "Мать Арран". Этим понятием арабы означали главную часть, главное место страны.

17. Шафран - пряность, употребляемая в разных восточных блюдах, а также в кондитерском производстве.

18. Арабские географы Дербент называли - Баб-аль-Абвабом.

19. Шурмахи - шамая.

20. Река Араке.

21. Аз-зарака и шиубэт - вероятно, осетрина и окунь.

22. Арран и Азербайджан.

23. Название города Дербент происходит, вероятно, от слов языка иранского типа (дар - дверь, бенд - преграда, застава). Арабы точно передали это ими как Баб-аль-Абваб, Баб-ул-Аовао (ворота ворот), Баб-ул-Хадид (железные ио рта), Ал-Баб (ворота), Баб-Алван или Сед-Алван (золотой трон) (64, с. 61; 21, с. 43-51; 24, с. 15; 13, с. 5; 30, с. И, 17; 22, с. 11, 15; 47, с. 40, 41, 58; 21, с. 88, 92; .|К. с. 3, 9).

Дербент - город Дагестанской автономной республики на западном берегу Каспийского моря. Расположен на отроге Табасаранских гор и замыкает особую узкую береговую полосу, известную под названием Дербентского прохода. Она - единственный удобный путь для прохода из Предкавказья в Закавказье. В древние времена здесь происходили значительные этнические передвижения.

24. Не упоминается о четвертом языке и вместо двенадцати насчитано только 11 языков.

25. М. Каганкатваци во второй книге 48 главы пишет об этом более подробно так: "Но святитель Авраам говорил, что албанцы раньше приняли христианство, чем иверцы..., св. Егише проповедовал там и построил там церковь ранее, чем в Армении, именно в селе Гис. Церковь эта была матерью церковей восточных, т. е. метрополией)" (79, кн. II, гл. 48).

26. "В сем году по случаю войны, снова возникшей между Римлянами и Персами, Юстин отправил послов с дарами к Зипиду, царю гуннов, который склонился на его предложение и обещал клятвенно, по обычаю отцов, воевать с ними против Персов" (46, с. 130); "В том же году присоединилась к Римлянам некоторая жена из гуннов, называемых Сивирами, варварка по имени Воарикс, вдова, под властью которой находилось сто тысяч гуннов; Она управляла ими в странах гуннских по смерти мужа своего Валаха... Таким образом сделалась она союзницей и другом царю Юстиниану" (46, с. 136-137).

27. В одном рукописном календаре сказано: "Армянское летоисчисление началось с 22 года царствования Хосрова Великого". Седовательно, в тексте М Каганкатваци надо читать не во второй год Хосрова, а "в двадцать второй", что с учетом начала его царствования в 531, тот же 552 г., соответствующий началу армянского летоисчисления (См.: 407, с. 52; 136, с. 125).

28. Во время Ирано-Византийской войны 603/4 гг. в Албании поднялось восстание. Во главе восстания стоял католикос Виро, за что и был арестован персидским царем. После смерти персидского царя Хосрова II в 628 г., после 25-летнего заключения, католикос Виро вернулся в Албанию. Более подробно о католикосе Виро см.: 188, с. 15-20; 341, с. 88.

Источники и литература

1-7. В данной книге по объективным причинам произошли изменения в нумерации библиографии.

Источники

8. Агафангел. Крещение армян, грузин, абхазов и аланов св. Григорием. Арабская версия. Перевод Марра Н.- Записки Восточн. отд. Императорск. Русск. археологич. об-ва, 1905, т. XVI, вып. II-III. с. 63-211.

9. Агафий о царствовании Юстиниана. Перевод Левченко М. В.- М.- Л., 1953.

10. "Армянская история", сочиненная Моисеем Хоренским. С кратким географическим описанием древней Армении. Перевел с древнеармянского на русский архидиакон Иосиф Иоаннисянц, в двух частях.- СПб, 1809; I ч.-355 с, II Ч.-242 с.

- 11.Армянская география VII в. (приписываемая Моисею Хоренскому). Текст и перевод с древнеарм. с присовокуплением карт и объяснительных примечаний издал Патканов К. П.- СПб, 1877, 26+84 с.
- 12.Армянские источники о монголах. Извлечения из рукописей XII-XIX вв. Перевод с древнеарм., предисловие и примеч. Галустяна А. Г.-М. с.
- 13.Балазури. Книга завоевания стран. Текст и перевод с араб. Жузе П. К.-Материалы по истории Азерб. об-ва по изуч. и обслед. Азерб.- Баку, 1927.-42 с.
- 14.Всеобщая история Вардана Великого. Перевод с древнеарм. Эмина Н.- М.,1861.-184 с.
- 15.Всеобщая история Степаноса Таронского, Асогика по прозванию, писателя XI столетия. Переведена с древнеарм. и объяснена Эмином Н. О.- М., 1864.-335 с.
- 16.Византийские историки. Перевод с греч. С. Дестуниса. Менандр Византиец. История за период 558-583 г. н. э.-СПб, 1860.-495 с.
- 17.Вахушти. География Грузии. Введение, перевод и примечания Джанашвили М. Г.- Зап. Кав. отд. импер. рус. геогр об-ва, кн. XXIV, вып. 5-й. - Тифлис, 1904, XLIX (49)-241 с.
- 18.Джанашвили М. Г. Известия груз, летописей и историков о Сев. Кавказе и России. Описание Осетии, Дзурдзукии, Дидоэтии, Тушетии, Алапии и Джикетии. О царях Хазаретии, Алгузиани.-СМОМПК вып. XXII.- Тифлис, 1897, отд. I, с. 1-196.
19. Джанашвили М. Г. Саингило.- Тифлис, 1911-1913 гг. (на груз. яз.).
20. Егише о Вардане и войне армянской. Перевод с древнеарм. акад. Орбели И.А. Подготовил к изданию предисловие и примеч. Юзбашян К. М.- Ереван:АН Арм. ССР, 1971.-192 с.
- 21.Ибн Хаукал. "Книга путей и государств". См.: Караулов Н. А Сведения арабских писателей о Кавказе.- СМОМПК, вып. XXXVIII.-Тифлис, 1908, отд. I, с.79-130.
- 22.Ибн аль-Факих. "Книга стран". См.: Караулов Н. А Сведения арабских писателей о Кавказе.- СМОМПК, вып. XXXI.- Тифлис, 1902, отд. I, с. 1-57.
- 23.Ибн Руста. "Книга драгоценных камней". См.: Караулов Н. А Сведения арабских писателей о Кавказе.- СМОМПК, вып. XXXII.- Тифлис, 1903, отд. I, с. 35-54.
- 24.Ибн Хордадбех. "Книга путей и государств" См.: Караулов Н. А Сведения арабских писателей о Кавказе.- СМОМПК, вып. XXXII. Тифлис, 1903, отд. I, с. 1-21.
25. "История Армении" Моисея Хоренского. Перевод с древнеарм. Эмина II о М.. 1858.-383 с.
26. "История Армении" Моисея Хоренского. Новый перевод с древнеарм. Эмина Н. О.- М., 1893.-323 с.
27. "История Армении" Моисея Хоренского, второй раз перевел на новоармянский язык с введением и примечаниями Малхасян С. С- Ереван: Арм. ФАН СССР, 1940.-156 с.
28. "История Армении" Фавстоса Бузанда. Перевод с древнеарм. и комментарии Геворкяна М. А.- Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1953.-237 с.
29. История императора Иракла. Сочинение Епископа Себеоса писателя VII века. Перевод с древнеарм. Патканова К. П.- СПб, 1862.-216 с.
30. Истахри. "Книга путей и государств". См.: Караулов Н. А Сведения арабских писателей о Кавказе.- СМОМПК, вып. XXIX.- Тифлис, 1901, отд. I, с. 1-73.
31. История Епископа Себеоса, перевод с четвертого исправленного армянского издания Малхасянц С. С- Ереван: Арм. ФАН.-1939.-184 с.
32. "История Армении" католикоса Ионнеса Драсханакертци.- Тифлис, 1912.-427 с. (на арм. яз.). См.: Рукопись перевода Тер-Григоряна Т. И. Научный архив Ин-та истории АН Аз. ССР, дело № 1564.-246 с.
33. "История агван" Моисея Каганкатваци. Перевод с древнеарм. Патканова К.П.- СПб, 1861.-376 с.
34. "История Егише Вардапета. Борьба христианства с учением Зороастровым в пятом столетии в Армении". Перевод с древнеарм. Шаншиева П.- Тифлис, 1853.-344 с.
35. История Халифа Вардапета Гевонда писателя VIII века. Перевод с древнеарм. Патканова К. П.- СПб, 1862,-165 с.
36. Институт рукописей им. Маштоца (Матенадаран), рукопись №2679, № 3074, 4381, 6228.
37. Институт рукописей им. М. Маштоца (Матенадаран), рукопись № 1089/1267.
38. Институт древних рукописей им. М. Маштоца (Матенадаран), рукопись № 2966, № 3062.

39. Институт древних рукописей им. М. Маштоца (Матенадаран), рукопись № 2136, 2618, 3070, 2121, 2080.
40. Корюн. "Житие Маштоца", перевод Смбатяна Ш. В. и Мелик-Оганджяна К. А. Предисловие Мелик-Оганджяна К. А., комментарии Смбатяна Ш. В.- Ереван: Айпетрат, 1962.-163 с.
41. Киракос Гандзакечи. История. Перевод с древнеармянского Тер-Григоряна Т.И.- Баку: АН Аз. ССР, 1946.-302 с.
42. Киракос Гандзакечи. История Армении. Перевод с древнеарм., предисловие и комментарий Ханларяна Л. А.- М.: Наука, 1976.-357 с.
43. Кудама. Книга о харадже и об обязанностях. См.: Караулов Н. А Сведения арабских писателей о Кавказе.- СМОМГПС вып XXXII.- Тифлис, 1903, отд. I, с. 23-34.
44. Лазарь Парпский. "Письмо к правителю Армении (Марзпану) Вагану Мамиконяну" с предисловием и обширными пояснениями, перевел на новоармянский язык Налбандян М.- СПб, 1868, с. V- XXШ-1-84 (на арм. яз.).
45. Латышев В. В. Известия древних писателей о Скифии и Кавказе.- ВДИ, 1948,№ 3, с. 220-321; 1949, .№ 3, с. 220-291; 1949, № 4, с. 230-244.
46. Летопись византийца Феофана от Диоклетиана до царей Михаила и его сына Феофилакта. Перевод Оболенского В. И. и Терновского Ф. А.-М., 1858.-370 с.
47. Масуди. Книга сообщений и знаний. См.: Караулов Н. А Сведения арабских писателей о Кавказе.- СМОМПК, вып. XXXVIII.- Тифлис, 1908, отд. I, с. 29-78.
48. Мукаддаси. Лучшее разделение для познания климатов. См.: Караулов Я. А Сведения арабских писателей о Кавказе.- СМОМПК, вып. XXXVIII.- Тифлис. 1908, отд. I. с. 1-28.
49. Мхитар Гош. Албанская хроника. Предисловие, перевод и комментарии Бунятова З. М.- Баку: АН Аз. ССР, 1969.-33 с.
50. Мровели Леонти. Жизнь картлийских царей. Извлечение сведений об абхазах, народах Северного Кавказа и Дагестана. Перевод с древнегрузинского, предисловие и комментарии Цулая Г" В.- М.: Наука, 1979.-102 с.
51. Памятники древнегрузинской агиографической литературы. Перевод с грузинского академика АН Груз. ССР Кекелидзе К. С.- Тбилиси, АН Груз. ССР, 1954.-1956.-105 с.188
52. Прокопий Кесарипский. Война с готами. Перевод с греч. Кондратьева С. П.-М., 1850.
53. Сабинин М. Полное жизнеописание святых грузинской церкви, ч. I, II.-СПб, 1871-1872; ч. I.-178 с, ч.II.-212 с.
54. Страбон. География. Перев., статья и коммент. Стратановского Г. А.- М.: Наука, 1964.-943 с.
55. Сказания Ириска Панийского. Перевод Дестуниса Г. С- Уч. зап. II отд. Имп. акад. наук, кн. VII, вып. I.- СПб, 1861.
56. Такайшвили Е. С. Источники грузинских летописей. Три хроники.- СМОМПК, вып. XXVIII.-Тифлис, 1900, отд. I, с. 1-216.
57. Ухтанес. История Армении.- Вагаршапат, 1871.-141 с. (на древнеарм. яз)
58. Феофилакт Симокатта. История. Перевод Кондратьева С. П.- М.: АН СССР, 1957.-222 с.
59. Хронологическая история, составленная отцом Мхитаром Вардапетом Айриванским. Перев. с древнеарм. Патканова К.-ТВОРАО, ч. XIV- СПб, 1869, с. 309-418.
60. Худад-ал-Алем. Рукопись Туманского с введением и указателем Бартольда В. В.-Л., 1930. См.: Азербайджанский перевод Алескерзаде А. А. Научный архив Ин-та истории АН Аз. ССР, дел. № 257.-5 с.
61. Якут Хамави. Муааджам ал-Булдан, т. I. Перевод П. К. Жузе.- Баку, 1927.
62. Якут Хамави. См.: Арабские авторы IX-X вв. об Азербайджане. Материалы подобраны Альтман М. Л. Научный архив Ин-та истории АН Аз. ССР, дел. № 691-427 с.
63. Якуби. История. Текст, перевод и выдержки Жузе П. К.- Баку, 1927.-28 с.
64. Якуби. История. См.: Караулов Н. А Сведения арабских писателей о Кавказе.- СМОМПК, вып. XXXII.- Тифлис, 1903, отд. 1,с. 55-64.
65. История Армении,- Тифлис, 1882.-524 с: 1909-583 с. (на древнеарм. языке).
66. Армянская география Мовсеса Хоренаци.- Венеция, 1881-556 с. (на древнеарм. языке).
67. Книга посланий.- Тифлис, 1901-584 с. (на древнеарм. яз.)
68. Егише. История Ваодана и армянской войны.- М., 1892-391 с,- Тифлис, 1904-296 с.

(на древнеарм. яз.).

69. Корюн. Житие Маштоца.- Венеция, 1933-640 с. (на древнеарм. яз.).
70. Армянская книга канонов. Предисловие, научно-критический текст и примечания В. Акопяна, I.- Ереван, 1964.-742 с. (на древнеарм. яз.).
71. Каноны Партавского Национального собора - Вагаршапат, 1905 (на древнеарм. яз.)
72. Армянская книга канонов, II. Предисловие, научно-критический текст и примечания В. Акопяна.- Ереван, 1954.-473 с. (на древнеарм. яз.)
73. Всеобщая история Вардана Великого.- Венеция, 1862.-184 с. СПб., 1887 (на древнеарм. яз.)
74. История Лазаря Парпеци.- Тифлис, 1907.-456 с. (на древнеарм. яз.)
75. История Армении Мовсеса Хоренаци- Венеция, 1843.-650 с. (на древнеарм. яз.)
76. История Армении Мовсеса Хоренаци.- Тифлис, 1881,-656 с. (на древнеарм. яз.)
77. История Армении Мовсеса Хоренаци.- Венеция, 1843.-650 с. (на древнеарм. яз.)
78. История Армении Мхитара Айриванеци.- М., 1860.-93 с. (на древнеарм. яз.)
79. История Албанской страны Мовсеса Каганкагваци.-М., 1860.-286 с. (на древнеарм. яз.)
80. История Армении католика Иоаннеса Драсханакертского.- Тифлис. 1912.-427 с. (на древнеарм. яз.)
81. История императора Ираклия. Сочинение епископа Себеоса.-СПб, 1879; Ереван, 1939.-218 с. (на древнеарм. яз.)
82. История Халифов Вардапета Гевонда - СПб, 1887.-202 с. (на древнеарм. яз.)
83. Киракос Гандзакеи. История.- Тифлис, 1909.-420 с- Ереван, 1961.-425 с. (на древнеарм. яз.)
84. Всеобщая история Степаноса Таропского (Асогика). - СПб, 1885.-438 с. (на древнеарм. яз.)
85. Степанос Орбелян. История области Сисакан.- Тифлис, 1910.-619 с. (на древнеарм. яз.)
86. Ухтанос. История.- Вагаршапат, 1871.-141 с. (на древнеарм. яз.)
87. История Армении Фавстоса Бузандаци- Венеция, 1832-237 с. (древнеарм. яз.)
88. Agathange. Histoire du regne de Tiridate. V. Langlois. Fragmenta historicorum t. 6,- Paris, 1870.
89. Brosset M. Histoire de la Georgie.- St. Peters., 1849-694 p.:
90. Brosset M. Additions et éclaircissements l'histoire de la Georgie.- St. Peters. 1851,-494 p.
91. Histoire de la Siounie par Stephannos Orbelian, p. 186, I,-St. Peters, 1864,-300 p., II,- St. Peters., 1860, trad, de l'Armenien par M. Brosset.
92. Bore E. Histoire des Aghovans par Moises Galkantouni. Extraite et traduite du manuscrit armenien.- Paris, 1848.
93. Chronique de Matthieu d'Edesse, trad., par Dulaurier,- Paris, 1858.
94. Chavannes E. Documents sur les Tou-Kiue (Turks) occidentaux.- St. Peters., 1903, p. 252.
95. Dowsett C. J. F. A neglected passage in the history of the Caucasian Albanians. BSOAS, XIX/3, 1957, p. 456-468.
96. Dowsett C. J. F. The Albanian chronicle of Mkhitar Gosh. BSOAS, XXI/3, 1958.
97. Geographie de Moise de Chorene d'apres Ptolemee, texte Armenien trad. Francias parle p. Arsene Soukry.- Venise, 1881.
98. Memoire sur l'epoque de la composition de la Geographie attribuee a Moise de Knoren. (see Saint Martin. Memoires sur l'Armenie) II,- Paris, 1819.
99. The History of the Caucasian Albanians by Movses Dasxuranci. Trans, by C. J. Dowsett,- London, 1961.
100. Langlois V. Collection des historiens anciens et modernes de l'Armenie. T. I,- Paris, 1867, II, 1869-421 p.
101. Marguart J. Eransahr nach der Geographie der Ps. Moses Xorenaci.- Berlin, 1901,-358 s.
102. Minorsky V. A. History of Sharvan and Darband.- London, 1958.
103. Miller K. Itineraria Romana. Romische Reisewege an der Hand der Tabula Peutingeriana.- Stuttgart, 1916,- LXXVI 992 s.

Исследования

104. Абгарян Г. В. История Себеоса и проблема Анонима: Автореф. дисс... канд. филол. наук.- Ереван, 1964.-26 с. 104а. Абаев В. И. Скифо-европейские изоглоссы.- М., 1965.
105. Абемян М. История древнеармянской литературы, т. I.- Ереван: Армгиз, 1944-511 с. (на арм. яз.).
106. Абемян М. История древнеармянской литературы.- Ереван: Изд. АН Арм.ССР, 1975.-606 с.
107. Абезян М. История древнеармянской литературы, т. I.-Ереван: Изд. АН Арм. ССР, 1948.-524 с.
108. Абрамян А Г. Мовсес Хоренаци.- Ереван: Армгиз, 1962,-82 с.
109. Абрамян А Г. Сочинения Анания ширакаци.- Ереван: Армгиз, 1944.-419 с.(на арм. яз.).
- ПО. Абрамян А Г. Дешифровка надписей Кавказских агван.- Ереван: МИТК, 1964.-94 с.
111. Абрамян А Г., Петросян Г. Б. Анания Ширакаци.- Ереван: 1970.-175 с.
112. Абрамян А Г. История армянского письма.- Ереван: Армгиз, 1959.-415 с.(на арм. яз.)
- ИЗ. Абрамян А Г. Научные труды армянского ученого VII века Анания Ширакаци.- Ереван: Армгиз, 1944.-418 с. (на арм. яз.)
114. Абуладзе И. Еще к вопросу об албанской письменности,- сообщение Груз. ФАН ССР, 1940, т. I, № 7, с. 565-566.
115. Абуладзе И. Новые сведения о существовании письменности у кавказских албанцев.-Сообщение Груз. ФАН СССР, 1940, т. I, № 4, с. 317-320.
116. Абуладзе И. К открытию алфавита кавказских албанцев.-Изв. ИЯИМК Груз. ФАН СССР, 1938, т. IV, с. 69-71.
117. Адони Н. Армянская литература. Новый энциклопедический словарь Брокгауза Ф. А. и Ефрона И. А., т. III.- СПб, 1915.-е. 642-656, 956 с.
118. Адони Н. Армения в эпоху Юстиниана.- СПб, 1908,-526 с.
119. Адони Н. Фауст Византийский как историк.- Христианский Восток., 1922, т.VI, вып. III, с. 235-272.
- 119 а. Акопян А А Албания-Алуанк в греко-латинских и древнеармянских источниках.- Ереван: Изд-во АН Арм. ССР, 1987.-303 с.
- 119 б. Айтмуратов Даулен. Тюркские этнонимы.- Нукус: Каракалпакстан, 1986.-236 с.190
- 119 в. Акопян А. А., Мурадян П. М. К изучению истории Кавказской Албании.-Историко-филологический журнал, 1987, № 3, с. 166-189.
- 119 г. Алиев И. Резиденция.- Изв. АН Аз. ССР (сер. ист. филос. и права). 1986, № 4, с. 111-114.
120. Акинян Н. Мовсес Дасхуранци (по прозванию Каганкатваци) и его "История Агван". "Хандес Амсореа".- Вена, 1953-1958 (1953, с. 1-31, 161-175, 321-349, 552-556; 1955, с. 309-329; 1957, с. 38-40; 525-536; 1958, с. 149-151 (на арм. яз.).
121. Акинян Н. Виро, католикос Албании. "Хандес Амсореа".- Вена, 1954, с.315-330 (на арм. яз.).
122. Ализаде Г. К изучению народной архитектуры Азербайджана.- Изв. АН АзССР, сер. общ. наук, № 9, 1950, с. 45-52.
- 123 Аушев К. Г. Об этническом составе населения древнего Азербайджана.-Матер, семинара по проб, происхож. и формир. азербайджанского народа.- тезисы докл.- Баку, 1965, с. 3-6.
124. Алиев К. Новое о границах древней Кавказской Албании. V Всесоюзная сессия по древнему Востоку.- Тезисы докл.-Тбилиси, 1971, с. 130-133.
125. Алиев К. Племена древней Кавказской Албании (I в. до н. э.- I в. н. э.):Автореф. дисс... канд. ист. наук.- Л., 1962.-12 с.
126. А/шев К. Г. К вопросу о древнем населении Албании.- Докл. АН АзССР,1959, т. XV, № 2, с. 175-178 (на азерб. яз.).
127. Алиев К. Г. К вопросу о племенах Кавказской Албании. Сб.: в честь академика Орбели И. А.- М.- Л.; АН СССР, 1960, с. 15-19.
128. Ашев К. Г. Историческая топонимика.- Изв. АН Аз. ССР, сер. ист., филос.и права, 1969, № 4, с. 119-123.

129. А/шев К. Этюды населения древнего Азербайджана. Сб.: К проблеме этногенеза азербайджанского народа.- Баку: Элм, 1984, с. 40-68. .
130. Алиев В. Катакомба в Бабадервише.- Изв. АН Аз. ССР, сер. ист. филос. и права, 1969, № 4. с. 54-62 (на азерб. яз)
131. Аушев Я. Г. История Мидии.- Баку: Изд АН Аз. ССР, 1960.-360 с.
132. Алекперов А К. Культы Азербайджана и антирелигиозная работа. 1937. Сб.: Исследования по археологии и этнографии Азербайджана.-Баку: Изд. АН Аз. СССР, 1960, с. 187-248.
133. Алекперов А К. Раскопки Орен-Калы.- Сб. ИАЭА.- Баку: Изд. АН Аз.ССР,1960, с. 64-71.
134. Аннийский А Древние армянские историки как исторические источники.- Одесса, 1899.-133 с.
135. Артамонов М. И. Древний Дербент.- С. А., 1946, т. VIII, с. 121-144.
136. Артамонов М. И. Очерки древнейшей истории хазар.- Л.: Гос. соц. экон., 1936.-136 с
137. Артамонов М. И. История хазар.- Л.: Эрмитаж, 1962.-522 с.
138. Аракелян Б. Н. Города Армении в IА-VIII ВВ; Автореф. дис... докт. ист.наук.- Ереван, 1954.-30 с.
139. Армяно-русский словарь.- М., 1838.
140. Арутинов А. А. Удины. Русский антропологический журнал. 1903.. № № 1-2, с.73-96.
- 140 а. Аристов И. А Этнические отношения на Памире... по древним, преимущественно китайским известиям.- Русский антропологический журнал, 1900, № 13.
- 140 б. Аристов Н. А Заметки об этническом составе тюркских племен и народностей и сведения об их численности. Вып. III-IV.- СПб, 1896.
141. Атаев Д. М. Нагорный Дагестан в раннем средневековье (по материалам археологических раскопок Аварии).- Махачкала: Даг. ФАН ССР, 1963.-254 с.
142. Атакшииева М. И. Об утвари из окрестных сел Мингечаура.- Сб.: МКА, т.II, Баку: Изд. АН Аз.ССР, 1951, с. 167-184.
143. Асланов Г. М. Археологические раскопки в Торпахкале.- Изв. АН Аз.ССР,сер. общ. наук, 1961, № 8, с. 31-42 (на азерб. яз.).
144. Асланов Г. М., Голубкина Г. И., Садых-заде Ш. Г. Каталог золотых и серебряных предметов из археологических раскопок Азербайджана.- Баку: АН Аз. ССР, 1966. с. 20-43.
145. Асланов Г. М., Бабаев И. Общая характеристика памятников глиптики, найденных при раскопках в Мингечауре.- Изв. АН Аз.ССР, "сер.общ. наук, № 2, с. 94-102.
146. Асланов Г. М. Мингечаурское погребение с костяком, закованным в кандалы.- Докл. АН Аз. ССР, 1953, т. IX, 3, с. 245-249.
147. Асланов Г. М. Из истории материальной культуры Кавказском Албании I-IV вв. В кн.: Вопросы истории Кавказской Албании.- Баку: АН Аз. ССР, 1962, с. 114-148.
148. Асланов Г. М. Материальная культура Мингечаура I-VIII вв.: Автореф.дис... канд. ист. наук.- Баку, 1963.-26 с.
149. Асланов Г. М. К изучению раннесредневековых памятников Мингечаура.- КСИИМК, вып. 60.- М.: Изд АН СССР, 1955, с. 63-72.
150. Ахвердыев А Ш. История хозяйства Кавказской Албании (IV в. до н. э.-VII в. н. э.): Автореф. дис... канд. ист. наук.- Баку, 1979.-24 с.
151. Ахмедов Г. М. Неполивная бытовая керамика Азербайджана> Баку: АН Аз.ССР, 1959.-142 с. (на азерб. яз.).
152. Ахмедов Г. Л/. Оренкала (историко-археологический очерк). Баку: АН Аз.ССР 1962,-110 с. (на азерб. яз.).
153. Ахмедов Г. М. Ибрагимов Ф. А. Раскопки на городских воротах Байлакана.- АО.- М.: Наука, 1970, с. 380-381.
154. Ахмедов Г. М. Средневековый город Байлакан (историко-археологическое исследование): Автореф. дис... д-ра ист. наук.- Баку, 1972.-154 с.
155. Ахмедов Г. М. О некоторых раннесредневековых памятниках Муганской степи.- Изв. АН Аз. ССР, сер. ист., филос. и права, 1S/76, № 2, с. 52-65.
156. Ашурбейли С. Б. Ремесло и торговля раннесредневековых городов Азербайджана. Материалы по истории Азербайджана.- ТМИА, г. II.- Баку: АН Аз. ССР, 1957, с. 149-165.
157. Ашурбейли С. Б. Скульптура Азербайджана древнего периода и периода и периода

- средневековья. - ТМИА, т. I.-Баку: АН Аз. ССР, 1956, с. 61-109,
158. Ашурбейли С. Б. Очерк истории средневекового Баку.- Баку: АН Аз. ССР, 1964.- 335с.
159. Ашурбейли С. Б. Государство Ширваншахов (VI-XVI вв.).- Баку: Элм,1984.-342 с.
160. Ачарян Р. Словарь армянских собственных имен- Ереван: Изд. Ер. Универ.,1946.- 740 с. (на арм. яз.).
161. Ачарян Р. Мовсес Катанкатвацци. Исследование времени написания,- Базмавэн, 1897, с. 370-374 (на арм. яз.).
162. Бабаев И. А Памятники глиптики Азербайджана античной эпохи и раннего средневековья: Автореф. дис... канд. ист. наук.- Баку, 1965.- 1§с.
163. Бабаев И., Асланов Г. А/. Общая характеристика памятников глиптики, найденных при раскопках в Мингечауре.- Изв. АН АЗ.ССР, сер. общ. наук, 1965, № 2, с. 94-102.
164. Бакланов Н. Б. Архитектурные памятники Дагестана. Вып. I, Л.: Всерос. Ак. Худ., 1935.-48 с
165. Бакиханов А А Гюлистан-Ирам.- Баку: Азернешр, 1951.-251 с. (на азерб. яз.).
166. Бакиханов А А Гюлистан-Ирам.- Труды об-ва облс. Азербайджана. Вып. 4-й.- Баку, 1926.-196 с.
167. Барановский П. Д. Памятники в селениях Кум и Лякит. Сб.: Архитектура Азербайджана эпохи Низами.- м.: Баку: Гос. Архитек. 194/, с. 29-Й.
168. Бартольд Я В. Историко-географический обзор Ирана.- СПб, 1903.-176 с.
- 169 Баратов С История Грузии, тетр. I. Древняя история Грузии.- СПб, 1865.-91 с; II-III театр. История средних веков.- СПб, 1871.-82 с.
170. Бартольд Я Я К истории Дербента.- ЗВО, т. XIX.- СПб, 1909, с. V-VI.
171. Бартольд Я Я Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира.- Баку, 1924.-150 с.
172. Бартольд Я Я Новое известие о стенах Дербента.- ЗВО, т. XXI.- СПб,1911-1912, с. IV-V.
173. Бартольд Я Я Сведения об Аральском море и низовьях Амур-Дарьи с древнейших времен до XVII века.- Изв. ТОИРГО, т. IV. Науч-ные результаты Аральской экспедиции, в. II.- Ташкент, 1902.-120 с. 173а. Бартольд Я Я Сочинения, Т.V.- М., 1968.
174. Бархударян М. Страна агванов и их соседи.- Тифлис, 1893.-302 с. (на арм. яз.).
175. Бархударян М. История албанцев, т. I.- Тифлис, 1901.-213 с. (на арм. яз.).
176. Бархударян М. История Албании, т. I.- Вагаршапад, 1902.-224, с; т. II- Тифлис, 1907.-176 с. (на арм. яз.).
177. Бархударян М. Арцах. Историко-географическая характеристика.- Баку,1895.-461 с. (на арм. яз.).
178. Баскаков И. А Введение в изучение тюркских языков.- М.: "Высшая школа",1969.- 383 с.
179. Башкиров А С. Изучение памятников старины Дагестана. Сб.: Дагестан, т.III. М.- Кала, 1927, с. 233-240.
180. Безменов Я Материалы для древней географии Закавказья.- Изв. КОИРГО,I, 2-е изд.- Тифлис, 1894, с. 145-151.
181. Беляев Я И. Арабские источники по истории туркмен и Туркмении IX-XIII вв.- МИТТ, т. I.- М.-Л.: АН СССР, 1939, с. 12-40.
182. Березин И. Н. Путешествие по Дагестану и Закавказью.- Казань.- СПб, 1849.-339 с.
183. Березин И. Н. Путешествие по Дагестану и Закавказью.- Казань: Изв. Каз.Универ., 1950, ч. I.-130 с, ч. II-134 с; ч. III-149 с. 183 а. Бернигам А М. Очерк истории гуннов.- Л. 1956.
184. Булгаков П. Г. "Книга путей и государств" ибн Хордадбега.- ЛС, 66/3, 1958, с. 127-136.
185. Буниятов З. М. Азербайджан в VII-IX вв.- Баку: АН Азерб. ССР, 1965.-384 с.
186. Буниятов З. М. О длительности пребывания хазар в Албании в VII-VIII вв.- Изв. АН Аз. ССР, сер. общ. наук, 1961, № 1, с. 21-27.
187. Буниятов З. М. Еще раз о неизданных страницах "Истории агван" Моисея Каганкагвацци.- Изв. АН Аз. ССР, сер. общ. наук, 1961, № 4, с. 3-6.
188. Буниятов З. М. О деятельности католикоса Албании Виро (596-630 гг.). Сб.:Ближний и Средний Восток,- М.: Наука, 1962, с. 15-20.
189. Буниятов З. М. Из истории Кавказской Албании VII-VIII вв.- В кн.: Вопросы

- истории Кавказской Албании.- Баку: АН Аз. ССР, 1962, с. 149-166.
190. Буниятов Т. А К истории развития земледелия в Азербайджане.- Баку: АН Аз. ССР, 1964.-152 с. (на азерб. яз.).
191. Буниятов Т. А История земледелия и скотоводства в Азербайджане (с древнейших времен до XIII в. н. э.): Автореф. дис... д-ра ист. наук.-Баку, 1968.-68 с.
192. Буниятов Т. А Из истории развития скотоводства в Азербайджане.- Баку: Элм. 1969.-185 с. (на азерб. яз.).
193. Буниятов Т. А Земледелие и скотоводство в Азербайджане в эпоху бронзы.- Баку: АН Аз. ССР, 1957.-138 с. (на азерб. яз.).
194. Бичурин Н. Я. Собрание сведений о народах, обитавших в Средней Азии в древние времена, I.- М.-Л.: АН СССР, 1950.-380 с.
195. Ваидов Р. М. Фрагменты глиняного подсвечника с албанской подписью.- Докл. АН Аз. ССР, т. VII, № 2, 1951, с. 81-86.
196. Ваидов Р. М., Фоменко В. П. Средневековый храм в Мингечауре.- Сб.: МКА, т. II.- АН Аз. ССР, 1951, с. 80-102.
197. Ваидов Р. М. Археологическая характеристика эпитафических памятников Мингечаура.- Изв. АН Аз. ССР, сер. общ. наук, 1948, № 4, с. 108-117.
198. Ваидов Р. М., Мамедзаде К. М., Гулиев Н. М. Новый памятник, архитектуры Кавказской Албании. АО в СССР 1971 г.- М.: Наука, 1972. с. 487-488.
199. Ваидов Р. М., Гулиев Н. М. О тождестве городища Торпагкала и города Хунана.- В кн.: Археологические памятники феодальной Грузии, т. II.- Тбилиси: Мецниереба, 1974, с. 278-279.
200. Ваидов Р. М. Первые итоги археологических работ в Торпагкале.- Сб.:МКА, т. IV.- Баку: АН Аз. ССР, 1965, с. 201-211 (на азерб. яз.).
201. Ваидов Р. М. Мингечаур в III-VIII вв. (По материалам археологических раскопок).- Баку: АН Аз. ССР, 1961.-160 с. (на азерб. яз.).
202. Ваидов Р. М. Археологические работы Мингечаура в 1950 году.- КСИИМК, вып. XVI.- М. изд. АН СССР, 1952, с. 91-100.
203. Ваидов Р. М. Раннесредневековое городище Судагылан (Мингечаур). - КСИИМК, вып. 54- М.: АН СССР, 1954, с. 130-137.
204. Ваидов Р. М. Средневековые поселения Мингечаура.- ТИИАН Аз. ССР, т. XI.- Баку, 1957, с. 5-26.
205. Ваидов Р. М. Раскопки в Гявуркале.- Сб.: МКА, т. VI.- Баку: АН Аз.ССР,1965, с. 167-183.
206. Велиханлы Н. М. Арабские географы-путешественники X-XI вв. об Азербайджане.- Баку: Элм. 1974.-223 с. (на азерб. яз.)
207. Волкова Н. Г Этнонимы и племенные названия Северного Кавказа.- М.,1973.
208. Гаджиев Н. З. Тюркоязычные ареалы Кавказа.- М.: Наука, 1979.-262 с.
209. Гаджиев Т. И., Велиев К. Н. История азербайджанского языка (очерки и материалы).- Баку: Маариф, 1983.-187 с. (на азерб. яз.).
210. Гадло А Я Этническая история Северного Кавказа IV-X вв.- Л.: ЛГУ,1979.-216 с.
211. Гадыров Ф. Я Северные оборонительные сооружения Азербайджана (на основе памятников бывшего Кабалинского магала VI-XIX вв.): Автооф. дис... канд. ист. наук.- Баку, 1969.-23 с.
212. Гейбуллаев Г. А. О происхождении названия города Чол в Кавказской Албании.- Докл. АН Аз. ССР, т. XX1П, 1976, № 8, с. 61-64.
213. Гейбуллаев Г. А О некоторых древнетюркских словах в топонимии Азербайджана.- Уч. зап. АГУ им. Кирова, сер. яз. и лит., 1977, № 1, с. 6-11.
214. Гейбуллаев Г. А Хазарские этнонимы в Азербайджане.- Докл. АН Аз.ССР, 1980, т. XXXVI, № 1, с. 94-98.
215. Гейбуллаев Г.АК происхождению некоторых гидронимов Азербайджана.- Изв. АН Аз. ССР, сер. ист. филос. и права, 1983, № 2, с. 77-83.
216. Гейбуллаев Г.АК выяснению некоторых топонимов в "Истории агван" Моисея Каганкатваци.- Докл. АН Аз. ССР, 1983, т. XXXIX, № 10, с. 87-91.
217. Гейбуллаев Г.А. К этногенезу азербайджанцев (по данным топонимии).- Сб.: К проблеме этногенеза азербайджанского народа.- Баку: Элм, 1984.-158 с. 217 а.
- Гейбуллаев Г А Топонимия Азербайджана.- Баку: Элм, 1986-192 с.
218. Герсеванов М., Зейдлиц Н. Записка о Мильской (Карабахской) степи и годности ее для орошения. Приложение к ЗКОТО, т. XIV.- Тифлис, 1882, с. 257-265.

219. Геюшев Р. Я О типологии и закономерностях развития погребальных обрядов Кавказской Албании (IV-VII вв.). МСПИПА 1972-1973 гг. в СССР.- Баку, 1973, с. 19-20.
220. Геюшев Р. Б. Раскопки на храмовом участке средневековой Барды.- Тезисы докл., поев, итогам полевых археолог, исслед. в 1970 г. в СССР.-Тбилиси, 1971, с. 226-227.
221. Геюшев Р. Б. Каменные идолы нового типа.- Докл. АН Аз. ССР, 1966, т. XXII, № 6, с. 77-79.
222. Геюшев Р. Б. Исследование комплекса монастыря Егишс-Аракел. АО.- М.: Наука, 1971, с. 394-395.
223. Геюшев Р. Б. Храм св. Елисея в Азербайджане. МИПАИ в СССР в 1970 г.- Баку: Наука, 1971.-43 с.
224. Геюшев Р. Б. Раскопки городища Гяиуркала (Археологические открытия в Азербайджане за 1971 г.).- Баку: АН Аз. ССР, 1972, с. 26-27.
225. Геюшев Р. Б. Отдельные этапы развития гончарных изделий в Кабале в I-X вв.- Докл. АН Аз. ССР, 1963, т. XIX, № 12, с. 63-67 (на азерб. яз.).
226. Геюшев Р. Б. О Хотванском храме и его надписи.- Изв. АН Аз. ССР, сер. ист., филос. и права, 1972, № 3, с. 65-72 (на азерб. яз.).
227. Геюшев Р. Б. Амарас-Агоглан.- Баку: Элм, 1975.-98 с. (на азерб. яз.).
228. Геюшев Р. Б. Керамика города Кабалы (1-X вв.): Автореф. дис... канд. ист. наук.- Баку, 1962.-23 с.
229. Геюшев Р. Б. Христианство в Кавказской Албании (По данным археологии и письменных источников).- Баку: Элм. 1984,- 191 с.
230. Гибб Х. А Р. Арабская литература. Классический период. Перевод с арабск. Халидова Б. А.-М.: Вост. литер., 1960.-185 с.
- 230 а. Гинзбург Я Я Древние населения восточного и центральных районов Ка-захской ССР по антропологическим данным.- Труды Ин-та этнографии АН СССР, новая серия, 1956, т. XXXVIII.
231. Голубкина Т. И. Еще одна албанская надпись из Мингечаура.- Докл. АН Аз. ССР, 1949, т. V, № 5, с. 234-236.
232. Гозалишвили Г К. О древнем торговом пути в Закавказье.- Труды ИИ им. Джавахишвили И. А. АН Грузинской ССР, т. II.- Тбилиси: АН Груз. ССР, 1956, с. 153-160.
- 232 а. Григорьев Я Я О скифском народе" саках.- СПб, 1871.
- 232 б. Грумм-Гржимайло Г. Е. Западная Монголия и Урянхайский край, т. I.-Л., 1926.
- 232 в. Грантовский Э. А Ранняя история иранских племен Средней Азии- М.,1970.
233. Гусейнов Р. А Сирийские источники XII-XIII вв. об Азербайджане.- Баку: АН Аз. ССР, 1960.-180 с.
234. Гусейнов Р. А О тюрках IV-VII вв. в зоне Кавказской Албании. В кн.: Воп-росы истории Кавказской Албании.- Баку: Изд. АН Аз. СССР, 1962, с. 183-190.
235. Гукасян В. Л. О некоторых вопросах истории албанской письменности и литературы (в связи с работой А. Ш. Мнацаканяна). О литературе Кавказской Албании.- Изв. АН Аз. ССР, сер. лит., яз. и искусства, 1968, № 2: с. 85-100.
236. Гукасян Я Л. К дешифровке албанских надписей Азербайджана. См.: Этимология 1968.- М., 1968, с. 392-400.
237. Гукасян В. Л. Из истории изучения албанской письменности Азербайджана Сб.: Великий Октябрь и азербайджанское языкознание.- Баку:АН Аз. СССР, 1968, с. 189-202.
238. Гукасян Я Л. Опыт дешифровки албанских надписей Азербайджана.- Изв. АН Аз. СССР, сер. лит., яз. и искусства, 1969, № 2, с. 52-74.
239. Гукасян Я Л. К освещению некоторых вопросов истории Азербайджана в монографии "Азербайджан в VII-IX вви.- Изв. АН Аз. ССР, сер. ист., филос. и права, 1968, № 4, с. 115-135.
240. Гукасян В. Л. О вновь найденном списке албанского алфавита.- Советская тюркология, 1971, № 2, с. 130-135.
241. Гукасян В. Л. Взаимоотношения азербайджанского и удинского языков.: Автореф. дис... д-ра, филол. наук.- Баку, 1973.-64 с.
242. Гукасян В. Л. Тюркизмы в албанских источниках.- Советская тюркология, 1977, № 2, с. 30-41. .
243. Гукасян В. Л. Значение закавказских источников в изучении истории азербайджанского языка дописьменного периода.- Советская тюркология, 1978, № 2, с.

19-33.

244. Гукасян В. Л., Будагова З. И. Об азербайджанско-армянских языковых контактах.- Советская тюркология, 1979, № 4. с. 10-21.

245. Гукасян В. Л. Об азербайджанско-грузинских языковых контактах.- Советская тюркология, 1980, № 4, с. 22-33.

246. Гулиев Н. М. Торговые связи Кавказской Албании в ранневековье (по археологическим данным): Автореф. дис... канд. ист. наук.-Баку, 1972.-26 с.

247. Гулиев Н. М., Нуриев А. Б. Стеклоянная чаша, обнаруженная в Торпахкале.-Изв. АН Аз. ССР, сер. ист., филос. и права, 1969, № 6, с. 72-82.

248. Гумилев Л. Н. Древние тюрки.- М.: Наука, 1967.-501 с.

249. Гуммель Я. Н. Археологические раскопки в районах Аз. ССР.- Изв. Аз. ФАН СССР, 1939, № 3, с. 61-67.

250. Гюзальян Л. Т. Надписи на местной керамике из Орен-Кала. ТАЭ, т. I, МИА СССР, № 67.- М.- Л.: АН СССР, 1959, с. 324-349.

251. Давлианидзе Л. С. "История Албании" и "Албанская хроника" как источник по истории народов Закавказья.: Автореф. дис... канд. ист. наук.- Тбилиси, 1970,-30 с.

252. Демирчизаде А. М. История азербайджанского литературного языка, ч. I.-Баку: Маариф, 1979-268 с. (на азерб. яз.).

253. Джавахишвили И. А. Древнегрузинская историческая литература.- Тбилиси, 1945, с. 171-184.

254. Джамишдов Ш. М. О значении слова Байлакят- Докл. АН Аз. ССР, 1964, № 2, с. 51-54 (на азерб. яз).

255. Джафарзаде И. М. Религиозные верования и поверья.- В кн.: Азербайджан-цы. Научн. архив Ин-та истории АН Аз. ССР, дел. № 2725,-249 с.

256. Джафарзаде И. М. Археологические раскопки городища Орен-Кала в 1951 г, ТИИ АН Аз. ССР, т. IV.- Баку: Изд. АН Аз. ССР, 1954, с. 109-138.

257. Джавахов И. А. История церковного разрыва между Грузией и Арменией в начале VII в. ИИАН.- СПб, 1908, № 6, с. 511-536.

258. Джафаров И. А. Государственный строй древней Грузии и древней Армении т. I-СJI6, 1905.-147 с.

259. Джафаров Ю. М. Гунны и Азербайджан: Автореф. дис... канд. ист. наук.-Баку, 1981.-21 с.

259а. Дебец Г. Ф. О физических типах людей скифского времени.- В кн.: Проблемы скифской археологии.- М., 1971.

260. Дорн Б. Каспии. О походе древних русских в Табаристан. Изд. в приложении к Зап. Академии Наук, т. 26.- СПб, 1875.-718 с.

261. Дирр А. Грамматика удинского языка. Сборник материалов для описания местности и племен Кавказа, вып. XXXIII.- Тифлис, 1909, отд. IV, с. 1-101.

262. Дьяконов М. М. Очерки истории древнего Ирана.- М.: Вост. лит., 1961.-441 с.

263. Дьяконов И. М. Языки древней Передней Азии.- М: Наука, 1967.-492 с.

263 а. Ельникий Л. А. Скифия евразийских степей.-Новосибирск, 1977.

264. Еремян С. Т. Торговые пути Закавказья в эпоху Сасанидов. По Табуле Пейтингера.- ВДИ, 1939, № 1, с. 79-90.

265. Еремян С. Т. Атлас к книге "История армянского народа", ч. 1.- Ереван:Айпетрат, 1952, 7 карт.

266. Еремян С. Т. Развитие городов и городской жизни в древней Армении.- ВДИ, 1953, № 3, с. 11-31.

267. Еремян С. Т. Экономика и социальный строй Албании в IV-VIII вв. Идеология и культура народов Албании III-VII вв. См.: Очерки истории СССР, т. II.- М.: Изд. АН СССР, 1958, с. 303-330, 530-532.

268. Еремян С. Т. Раздел об Албании. См.: История СССР с древнейших времен об образовании древнерусского государства, чч. I-II.- М.- Л.: Изд. АН СССР, 1939, с. 207-209.

269. Еремян С. Т. Народно-освободительная война армян против персов в 450-467 гг. (К 1500-летней годовщине).-ВДИ, 1951, № 4, с. 41-60.

270. Еремян С. Т. Армения по Ашхарапуйцу (Армянская география VII в). (Опыт реконструкции Армянской карты VII века на современной картографической основе).- Ереван: АН Арм.ССР, 1963;-155 с.-карты на арм. яз.).

271. Еремян С. Т. Сюния и оборона Сасанидами Кавказских проходов.- Изв.Арм. ФАН

- СССР, 1941, № 7 (12), с. 33-40.
272. Еремян С. Т. Заметки к тексту "Хроники Сумбата".- Изв. Арм. ФАН СССР, 1941, № 9 (14), с. 27-30.
273. Еремян С. Т. Страна "Махелони" в надписи Кааба-Зардушт.- ВДИ, 1967, № 4, с. 47-59.
274. Еремян С. Т. Феодалные образования Картли в период Марзбанства (532-627 гг.). Тезисы дисс- Л., 1935, с. 3-5.
275. Еремян С. Т. Моисей Каланкайтукский о посольстве албанского князя Вараз-Трдата к хазарскому хакану Алп-Илитверу.- ЗИВАН СССР, т. VII, 1939, с. 129-155.
276. Ефриян Г. С. Словарь. Описание родины.- Венедик, 1903-1905, с. 135-136 (на арм. яз.).
277. Загурский Л. П. Этнологическая классификация кавказских народов. Приложение к Кавказскому календарю, извлечение рукописного тру-да, 1888, с. 129-155.
278. Зарбаналян Х. История древнеармянской словесности (IV-XIII вв.).- Венеция, 1889.-795 с. (на арм. яз.).
279. Иессен А И Городище Орен-Кала. ТААЭ, т. I, МИА СССР, № 67.- М.-Л.:Изд. АН СССР, 195, 9, с. 35-50.
280. Иессен А А Новые данные для истории Азербайджана по работам Оренкалинской экспедиции 1953-1955. ТМИА, т. И.- Баку: Изд. АН Аз. ССР, 1957, с. 19-32.
281. Иессен А А Работа Азербайджанской экспедиции в 1957 г.- КСИИМК, вып.78- М.: Изд. АН СССР, 1960, с. 99-106.
282. Иессен А А Работа Азербайджанской экспедиции в 1953 году. КСИИМК, вып. 69- М.: Изд. АН СССР, 1957, с. 115-128.
283. Иессен А А Культура Ялойлу-Тапа в Закавказье (предварительная характеристика).- Сб.: Бюро по делам аспирантов ГАИМК, I, 1929, с. 27-39.
284. Иессен А А Из исторического прошлого Мильско-Карабахской степи. ТААЭ, т. II, МИА СССР, № 125- М.-Л.: Наука, 1965, с. 10-35.
- 284 а. Иловайский Д. И. Разыскания с начала Руси.- М. 1862.
- 284 б. Иностранцев К. А Хунны и гунны. Разбор теории о происхождении народа хунну китайских летописей, о происхождении европейских гуннов и о взаимных отношениях этих народов.- Л., 1926.
285. Ионнисян А Очерки истории армянской освободительной мысли, т, I.-Ереван: Изд. АН СССР, 1957. 524 с. (на арм. яз.).
286. Ишханов А К изучению храма в селении Лекит.- СА, 1970, № 4, с. 227-233.
287. Ионе Г. И. О гончарных обжигательных печах Мингечаургэсстроа.- СБ.:МКА, т. И.- Баку: Изд. АН Аз. ССР, 1951, с. 31-79.
288. Ионе Г. И. Археологические раскопки в Мингечауре.- Докл. АН Аз.СССР,1948, т. IV, № 10, с. 451-457.
289. Исаков м. Исчезнувший город в Дагестане.- Исторический журнал, 1941, №6: с. 156-157.
290. Исмизаде О. Ш. Кабала - столица древней Кавказской Албании.- Вып.:Вопросы истории Кавказской Албании.- Баку: Изд. АН Аз. СССР, 1962, с. 54-74.
291. История Азербайджана (под редакцией А. А. Гусейнова, А. С. Сумбатзаде, А. Н. Гулиева и др.), т. I.- Баку: Изд. АН Аз. ССР, 1958.-448 с.
292. История Азербайджана. Краткий очерк истории Азербайджана с древнейших времен до наших дней (Под ред. Дж. Б. Гулиева).- Баку: Элм. X979.-304 с.
293. История Дагестана (Под ред. Г. А. Аликберова, А. В. Гаджиева, Г. Д. Данилова и др.) М.: Вост. литер., 1967, т. 1.-431 с.
- 293 а. История Казахской ССР, т. I.- Алма-Ата, 1957.
294. Ихтилов М. И. К вопросу о происхождении народностей лезгинской группы.-Уч. зап. Дагестанского ФАН СССР, сер. общ. наук, 1969, кн. II. т. 19, с. 68-106.
295. Казиев С. М. Первые итоги археологических разведок и раскопок в городище Кабалы.- В сб.: МКА, т. V.-Баку: АН Аз.ССР, 1964, с. 145-158 (на азерб. яз.).
296. Казиев С. М. Итоги археологических раскопок 1944 г. в районе Кабалы ИФАН Аз. ССР, 1945, № 1, с. 71-73 (на азерб. яз.).
297. Казиев С. М. Из истории Кабалинского махала. В кн.: Вопросы истории Кавказской Албании.- Баку: Изд. АН АзССР, 1962, с. 75-105 (на азерб. яз.).
298. Казиев С. М. Археологические памятники Мингечаура как исторический источник для изучения истории Азербайджана.- Изв. АН Аз. ССР, серия общ. наук. 1950, № 7, с.

- 167-178 (на азерб. яз).
299. Казиев С. М. Новые археологические находки в Мингечауре в 1949 г.- Докл. АН Аз. ССР, 1949, т. IV, № 9, с. 397-403 (на азерб. яз)
300. Казиев С. М. Археологические раскопки в Мингечауре. Со.: МКА, т. I,- Баку: АН Аз. ССР, 1949, с. 9-49 (на азерб. яз.).
301. Казиев С. М. Об археологических раскопках в Мингечауре.- Докл. АН Аз.ССР, 1946, т. II, № 10, с. 446-449 (на азерб. яз.).
302. Казиев С. М. Древний Мингечаур.- Баку: Изд. АН Аз. ССР, 1952, с. 42-51.
303. Казиев С. М. О двух кувшинных и двух катакомбных погребениях.- Сб.:МКА, т. III.- Баку: Изд. АН Аз. ССР, 1953, с. 5-35.
304. Казиев С. М. О древних погребальных обрядах на территории Кабалы.- Сб.:МКА, т. VI.- Баку: Изд. АН Аз. СО*, 1965, с. 235-251 (на азерб. яз.).
305. Казиев С. М. Историко-археологическое обследование городища Кабалы.- Сб.: МКА, т. V.- Баку; Изд. АН Аз. ССР, 1964, с. 7-67 (на азерб. яз).
306. Капапян Г. Историко-лингвистическое значение топонимики древней Армении.- Ереван, 1940.-113 с.
307. Карабаги М. Дж. История Карабаха. Перевод Ф. Бабаева.- Баку: АН АзССР, 1959.- 138 с.
308. Каракагилы К. Т. Материальная культура азербайджанцев.- Баку: Изд АН Аз. ССР, 1964.-300 с.
309. Кляшторный С. Г. Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии.-М.: Наука.-214 с.
310. Климов Г. А Кавказские языки.- М.: Наука, 1965.-102 с.
311. Климов Г. А К состоянию дешифровки агванской (кавказско-албанской) письменности.- Вопросы языкознания, 1967, № 3, с. 68-80.
312. Климов Г. А К чтению двух памятников агванской (кавказско-албанской) эпиграфики.- Вопросы языкознания, 1970, № 1, с. 109-112.
313. Кожин Е. А К истории культуры субтропических растений.-Сб.: Материалы по истории земледелия СССР, т. II.-М.-Л. Изд. АН СССР, 1956, с. 660-705.
314. Комаров А В. Пещеры и древние могилы в Дагестане. V археологический съезд в Тифлисе. Труды предварит, конференции.- М., 1882. -439 с.
- 314 а. Комаров А В. Укрепление Дербента и Кавказские стены. Доклад 27 сен-тября 1881 г. на V Археологическом съезде.- Труды V Археологического съезда в Тифлисе.- М., 1887.
315. Крачковский И. Ю. Арабская географическая литература. Изд. сочинения, т.IV.- М.-7I.: Изд. АН СССР, 1957.- 919 с.
316. Кудрявцев А А Древний Дербенд.: Автореф. дис... канд. ист. наук.- М., 1975.-24 с.
317. Кудрявцев А А Феодальный город Дагестана.: Автореф. дис... д-ра ист. наук.- М., 1983.
318. Кусикьян И. К. О русском переводе "Исторгии Армении" Фауста Византийского.- Византийский Временник, 1956, т. X, с. 203-207.
319. Крымский А Е. Страницы из истории Северного или Кавказского Азербайджана (классической Албании). Сб.: К деятельности Ольденбурга С. Ф,- Л.: Изд. АН СССР, 1934, с. 289-305.
320. Лалаян Е. А Раскопки в сел. Нидж и Варташен. Известия Кавказского отдела Московского археологического общества, вып. V.- Тифлис, 1919, с. 37-47.
321. Левитов В. Н. Азербайджан с V века до н. э. по III век н. э. Научный архив Института истории АН Аз. ССР, дел. № 2066.-58 с.
322. Левиатов В. И. Азербайджан с V века до н.э. по III в. н.э.- Изв. АН. Аз. ССР, 1950, № I, с. 65-92.
323. Лопатинский Л. Г. Лекции по кавказоведению.- Известия Курсов Кавказской журналистики, 1921, № 2, с. 1-16.
324. Ласкин Г. Ираклий (Византийское государство). - Харьков, 1899.-160 с.
325. Магомедов Р. М. История Дагестана с древнейших времен до конца XIX в.- Махачкала: Дагучпедгиз, 1968.-339 с.
326. Магомедов Р. М. Древний Дербент-свидетель далекого прошлого Дагестана.- Махачкала: Даггиз, 1940.-22 с.
327. Малхасянц С С. Историк Себеос (Аноним и-Марабас Мцурийский).- Византийский Временник, 1949, т. II (XXVIII), с. 94-105.

328. Малхасянц С. С. К проблеме Моисея Хоренского.- Ереван: Арм. ФАН СССР, 1940.- 154 с. , |
329. Мамедов Т. М. Внешняя политика и войны Азербайджана по древнеармянским источникам.- Докл. АН Аз. ССР, 1964, т. XX, № 10, с. 91-94.
330. Мамедов Т. М. О письменности Кавказской Албании. По древнеармянским источникам.- Докл. АН Аз. ССР, т. XXIII, № 7, с. 101-106.
331. Мамедов Т. М. О социально-политическом составе и отношении собственности Азербайджана (по древнеарм. источ.)- Докл. АН Аз. ССР 1964, т. XX, № 8, с. 101-106.
332. Мамедов Т. М. Государственная власть и войско Кавказской Албании IV-VII вв. (по древнеармянским источникам).- Докл. АН Аз. ССР, 1972, т. XX VIU, №2, с. 91-95.
333. Мамедов Т. М. Хозяйство и города Азербайджана по древнеармянским источникам.- Изв. АН Аз. ССР, сер. общ. наук. 1964, № 2, с. 69-74.
334. Мамедов Т. М. Древнеармянские авторы об этническом составе Азербайджана.- Материалы к Всесоюзной сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1969 г. в СССР. Тезисы докладов.- Баку, 1970, с. 40-41.
335. Мамедов Т. М. К изучению генеалогии Кавказской Албании по древнеармянским источникам.- Мат. к VII конгрессу, антроп. и этн. наук в Москве - Баку, 1964 с. 12-13.
336. Мамедов Т. М. Фавст и Летопись Кавказской Албании как первоисточник по истории Азербайджана.- Материалы IX научн. конфер. аспирантов АН Аз. ССР.- Баку, 1962, с. 9-10.
337. Мамедов Т. М. О Летописи Кавказской Албании. В кн.: Вопросы истории Азербайджана.- Баку: Изд. АН Аз. ССР, 1966, с. 47-52.
338. Мамедов Т. М. О культуре Кавказской Албании. Материалы научно-теорет. конференции молодых ученых, ч. I, сер. общ. наук. - Баку: АН Аз. ССР, 1967 с. 13-14.
339. Мамедов Т. М. История Киракоса Гандзакеци и ее отношение к "Истории страны Албанской" М. Каланкайтукского. - Докл. АН Аз. ССР, 1969, т. XXV, № 9, с. 96-99.
340. Мамедов Т. М. К сравнительному анализу письменных и археологических данных о скотоводстве, рыболовстве и ремеслах Азербайджана IV-VII вв. - В кн. Материалы к сессии, посвященной итогам археологических и этнографических исследований 1970 г. в Азербайджане.- Баку: Изд. АН Аз. ССР, 1971, с. 12-13.
341. Мамедов Т. М. Албания и Атропатена по древнеармянским источникам (IV-VII вв.). Баку: Элм, 1977.-147 с.
342. Мамедов Т. М. К вопросу об этническом составе Азербайджана IV-VII вв. (по древнеармянским источникам).- Докл. АН Аз. ССР, 1975, т. XXXI, № 9, с. 58-61.
343. Мамедова Ф. Дж. Агуэнские каноны 487/488 гг. как источник по социально-экономической истории Кавказской Албании.- Изв. АН Аз. ССР, сер. ист., филос. и права, 1968, № 4, с. 27-37.
344. Мамедова Ф. Дж. "История албан" Мовсеса Каганкатваци как источник по общественному строю раннесредневековой Албании: Автореф. дис... канд. ист. наук.- Баку, 1971.-35 с.
345. Мамедова Ф. Дж. Из истории раннефеодальных отношений Кавказской Албании.- Изв. АН Аз. ССР, сер. ист., филос. и права, 1968, № 2, с. 88-96.
346. Мамедова Ф. Дж. "История албан" Моисея Каланкатуйского как источник по общественному строю раннесредневековой Албании.- Баку: Элм, 1977-196 с.
- 346а. Мамедова Ф. Политическая история и историческая география Кавказской Албании. - Баку: Элм, 1986,-280 с.
347. Манандян Я. А Критический обзор истории армянского народа, т. I.- Ереван, 1944, т. II, (ч. I).- Ереван, 1957 (на арм. яз.)
348. Манандян Я. А Проблема общественного строя доаршакидской Армении. - Исторические записки, 1945, т. XV.
349. Манандян Я. А Главные пути Армении по Пфтингеровой карте.- Ереван, 1936.-276 с. (на арм. яз.).
350. Манандян Я. А О торговле и городах Армении в связи с мировой торговлей древних времен (V в. до н. э.-XV в. н. э.).- Ереван, 1954.-346 с.
351. Манандян Я. А К вопросу о городах изобретения армянского алфавита.-Изв. АН Арм. ССР, сер. общ. наук, 1952, % 7, с. 41-57.
352. Манандян Я. А Месроп Маштоц и борьба армянского народа за культурную самостоятельность.- Ереван: Арм. ФАН СССР, 19417.-48 с. (на арм. и русск. языках).
353. Манандян Я. А Разрешение проблемы истории Хоренского.- Ереван, 1933.-21 с.

354. Манандян Я. А Маршруты персидских походов императора Ираклия.- Византийский Временник, 1950, т. III, с. 133-153.
355. Манандян Я. А Когда и кем была составлена Армянская география, приписываемая М. Хоренскому.- Византийский Временник. 1947, т. I, с. 127-143.
356. Марр Н. Я. Албанская надпись. КСИИМК, вып. XV.- М.: АН СССР, 1947, с. 7-14.
357. Марр Н. Я. Племенной состав населения Кавказа. Классификация народов Кавказа, 3, 1920.- 64 с.
358. Марр Н. Я. По поводу русского слова "сало" в древнеармянском описании хазарской трапезы VII в.- Избр. работы т. V,- М.-Л., 1935, с.67-113.
359. Марр Н. Я. Кавказские племенные названия и местные параллели.- Петроград: Рос. Гос. Акад., 1922.-39 с.
360. Меликсет-Бек Л. М. К истории появления гуннов в восточном Закавказье.-Докл. АН Аз. ССР, 1957, т. ХИ1,№ 6, с. 709-713.
361. Меликсет-Бек Л. М. К вопросу о генезисе армянского, грузинского, албанского алфавитов. ТМИА, т. II, Баку: Изд-во АН Аз. СССР, 1957, с. 45-68.
362. Меликсет-Бек Л. М. Обзор источников по истории Азербайджана, вып. II.-Баку: Аз. ФАН СССР, 1939.-28 с.
363. Меликсет-Бек Л. М. К скифской проблеме, в связи с вопросом о саках, каспах и берах. Материалы по истории Грузии и Кавказа; вып. VII.- Тбилиси: Груз. ФАН СССР, 1937, с. 519-548.
364. Меликсет-Бек Л. М. Описание сопредельных с Грузией стран во второй половине XVII в.- труды Тбил. Гос. Ун-та- Тбилиси, 1940, т. XVIII, с. 130-135.
365. Меликсет-Бек Л. М. Хазары по древнеармянским источникам в связи с проблемой М. Хоренского. Сб.: В честь акад. Орбели В. А.-М.-Л.: Изд. АН СССР. 1960, с. 112-118.
366. Меликсет-Бек Л. М. К истории Удин.- Труды Тбил. Гос. Ун-та.-Тбилиси,1942, т. ХХIII, с. 25-55.
367. Мещанинов И. И. Пирь Азербайджана.- ИГАИМК.- Л.: АН СССР, 1931, Т IX, в. 4.-17 с.
368. Мещанинов И. И. Краткий осведомительный отчет о работе Мильской экспедиции 1933 года. Труды Аз. ФАН СССР, 1936, т. XXV-Баку: Аз ФАН СССР, с. 5-31.
369. Мещанинов И. И. Изучение доисторических памятников Азербайджана за последние пять лет.- Изв. ИООИА, 1929, № 8.-15 с.
370. Мещанинов И. И. Халдеведение. История древнего века.- Баку, 1927.-39 с.
- 371 Мещанинов И. И. Предположительные сведения о движении халдов в пределы Азербайджана.- Изв. Азерб. археол. Комитета, вып. II, 1926, с. 33-38. 371 а. Миллер В. Ф. Осетинские этюды, ч. III,- М., 1887.
372. Минорский М. Ф. История Ширвана и Дербента X-XI вв.- М.: Вост. литер. 1963.-265 с
373. Мкрян М. М. Мовсес Хоренаци.- Ереван, 1969.-181 с.
374. Мнацаканян А Ш. О литературе Кавказской Албании.- Ереван: Изд. АН Арм. ССР, 1969.-220 с.
375. Мовсесян А Очерки по истории армянской школы и педагогики.- Ереван:Армучпедгиз, 1953.-527 с. (на арм. яз.).
376. Мустафаев И. Д. К истории возделывания зерновых культур в Азербайджане.- Труды Ин-та земледелия АН Аз. ССР, т. III,- Баку: АН Аз. ССР, 1955, с. 9-14.
377. Мусхелшивили Д. Л. Город Уджарма (историко-археологическое исследование), Автоѳеф. дйс... канд. ист. наук.- Тбилиси, 1956.-17 с.
378. Мусхелишвили Д. Л. Основные вопросы исторической географии Грузии (раннефеодальная эпоха). Историко-географическое исследование: Автореф. дис... д-ра ист. наук.-Тбилиси, 1973.- 55 с.
379. Мусхелшивнли Д. Л. К вопросу о локализации Хунана// Хнаракерга.- В кн.: Археологические памятники феодальной Грузии, т. II.- Тбилиси: АН Груз. ССР, 1974, с. 275-276.
380. Минкевич-Мустафаева Н.В. Раскопки ремесленного квартала на юго-западной окраине Байлакана в 1956-1958 гг. ТАЭ, т. III (МИА СССР, № 133).- М.-Л.: Наука, 1965, с. 26-46.
381. Минкевич-Мустафаева И В. Раскопки на городской окраине Орен-Кала в 1953-54 гг. ТАЭ, т. I (МИА СХСР, № 67).- М.-Л.: АН СССР 1959, с. 148-173.
382. Минкевич-Мустафаева Н. В. Некоторые итоги изучения ремесленного квартала

- Байлакана. Сб. АИА.- Баку: Изд. АН Аз. ССР, 1965, с. 149-160.
383. Налбандян В. С. Егише.- Ереван: Армгиз, 1962.-120 с.
384. Нариманов И. Г., Асланов Г. М. Об одной группе погребальных памятников в Мингечауре. Сб. МКА, т. IV.- Баку: АН Аз. ССР, 1962, С. 228-234 (на азерб. яз.).
385. Неразик Е. Е. Керамика Хорезма афригидского периода. ТХАЭЭ, т. IV.- М.: Изд. АН СССР, 1959, с. 221-260.
386. Ниорадзе Г. Раскопки в Албанской долине.- Тбилиси: Груз.ФАН СССР, 1940.-118 с. (на груз, яз.)
387. Новосельцев А П., Паисуто В. 7., Черспнин Л. В. Пути развития феодализма.-М.: Наука, 1972.-338 с
388. Новосельцев А П. К вопросу о политической границе Армении и Кавказской Албании в античный период. В кн.: Кавказ и Византия.- Ереван: АН Арм.ССР, 1979, с, 10-18.
389. Новосельцев А П. Генезис феодализма в странах Закавказья.- М.: Наука, 1980.- 284 с.
390. Нуриев А Б. Стекланные изделия и их производство в Кавказской Албании: Автореф. дис... канд. ист. наук.- Баку, 1966.-16 с.
391. Нуриев А Б. Стекланная чаша, обнаруженная в Хыныслах.- Докл. АН Аз.ССР, 1962, т. 18, № 4, с. 89-91 (на азерб. яз.).
392. Нуриев А Б. Каменные печати из Шергяха.- Изв. АН Аз. СССР, сер. ист., филос. и права, 1972, № 3, с. 73-82 (на азерб. яз.). .
393. Нуриев А Б., Гулиев Н. М. Ближневосточная пиала из Шемахинского района .- Докл. АН Аз.ССР, 1972, т. XXVII, № 5, с. 90-95 (на азерб. яз.).
394. Нуриев А Б. О производстве стекла в древней Шемахе.- Сб.: МКА, т. VI.- Баку: АН Аз. ССР, 1965, с. 113-122 (на азерб. яз).
395. Ньюберз Г. С. Материалы по исследованию пехлевийских надписей Дербента.- Изв. Общ. обслед. и изуч. Азерб., вып. II.- Баку, 1929, с. 26-32.
396. Орманян М. Армянская церковь.- М., 1913.
397. Оруджев А Ш. О Раннесредневековых памятник ДЕРЕ-Чичи.- Уч. зап. ЛГУ им. С. М. Кирова, сер. ист., филос. и права, 1971, .№ 6, с. 94-98 (на азерб. яз.).
398. Оруджев А Ш. О методах орнаментации и раннесредневековой керамики Хыныслов.- Уч. зап. АГУ им. С. М. Кирова, сер. ист., филос. и права, 1967, № 8, с. 100-108 (на азерб. яз).
399. Оруджев А III. О раннесредневековых памятниках, расположенных на юго-восточных склонах Большого Кавказского хребта.- Материалы к Всесоюзной сессии, поев, итогам археологических и этно-графических исслед. 1970 г. в Азербайджане.- Баку, 1971, с. 15-16.
400. Оруджев А Ш. Керамическое производство в раннесредневековом Азербайджане (IV-VII вв.): Автореф. дис... канд. ист. наук.- Баку, 1971-17 с. 401 а. Основы иранского языкознания. Древнеиранские языки.- М., 1972.
401. Очерки истории Дагестана, т. I.- Махачкала: Дагкниж, 1957.-392 с.
402. Очерки истории СССР. Первобытно-общинный строй и древнейшие государства на территории СССР (Под ред. И. Н. Третьякова и А. А. Монгайта, т. I- М.: Изд АН СССТ, 1956.-615 с.
403. Очерки истории СССР. Кризис рабовладельческой системы и зарождение феодализма на территории СССР ПыХ вв. (Ответ, ред. акад. Б. А. Рыбаков), т. П.- М.: Изд. АН СССР, 1958.-947 с.
404. Пассек Т. С. Джафарханский могильник (Археологические разведки в Муганской степи).- ВДИ, 1946,-2, с. 169-188.
405. Пагканов К. П. Библиографический очерк армянской исторической литературы.- СПб. 1879,-57 с.
406. Пагканов К. 11. Из нового списка Географии, приписываемой Моисею Хоренскому.- ЖМНП, ч. ССХХVI-226- СПб, 1883, с. 21-32.
407. Патканов К. П. Опыт истории династии Сасанидов по сведениям, сообщаемым армянскими писателями.- Труды Вост. отд. русского археол. общ., т. XIV.- СПб, 1869, с. 1-96.
408. Пахомов Е. А Крупнейшие памятники сасанидского строительства в Закавказье. Проблемы ИМК.-Л.: Изд. АН СССР, 1933, N 9-10, с. 37-46.
- 408а. Пахомов Е. А Беш-Бармак.- Изв. Археологического комитета, в. Н.-Баку, 1926.

409. Пахомов Е. А Пайтакаран-Байлакан-Орен-Кала. ТАЭ, т. I, МИ А СССР, IV 67.- М.-Л.: Изд. АН СССР, 1959, с. 15-32.
410. Пахомов Е. А Клады Азербайджана и других республик и краен Кавказа. вып. III-Баку: Аз. ФАН СССР, 1940.-92 с: н. V.- Баку: АН Аз. ССР, 1949.-63 с: в. VI.- Баку: АН Аз. СССР, 1964.-91 с; в. IX-Баку: АН Аз. ССР, 1966.-124 с.
411. Пахомов Е. А Монеты Азербайджана, I вып.- Баку: Изд. АН АзССР, 1959, 79 с.
412. Пахомов Е. А Монеты из раскопок городища Орен-Кала. ГАЗ, г. III. МИА СССР, № 133.- М.-Л.: Наука, 1965, с. 90-107.
413. Пахомов Е. А Монеты Мингечаура.- Сб.: МКА, т. II.- Баку: Изд. АН Аз. ССР, 1951, с. 141-166.
414. Пахомов Е. А Археологические экспедиции по районам Азербайджанской ССР- Изв. Аз. ФАН СССР, 1938, N 3, с. 31-37.
415. Пахомов Е. А Доисламские печати и разные камни Музея истории Азербайджана.- Сб.: МКА, т. I.- Баку; Изд. АН АзССР, 1949, с. 104-110.
416. Пахомов Е. А Пехлевийские надписи Дербенда.- Изв. об-ва обслед. и изучения Азербайджана, 1929, № 8, вып. V, с. 3-25.
- 416 а. Пахомов Е. А К толкованию пехлевийских надписей Дербента.- Изв. Аз ГНИИ, т. I, в. 2.-Баку, 1930.
417. Папуашвили Т. Г. Вопросы истории Эретии. Очерки по социально-экономической и политической истории (с древ. времен до первой четверти XII в.): Автореф. дис... д-ра ист. наук.- Тбилиси, 1971. 65 с.
418. Периханян А Г. К вопросу о происхождении армянской письменности.- Переднеазиатский сборник, т. II.-М.: Наука, 1966, с. 103-133.
419. Петрушевский И. П. О дохристианских верованиях крестьян Нагорного Карабаха.- Изв. Азерб. Гос. научн. исследов. ин-та. Историко-этнографическое и археологическое отделение, 1930, т. I, вып. 5, с. 1-43.
420. Пиаровский Б. Б. Археология Закавказья.- Л.: Изд. Гос. Универ., 1949,-159 с.
421. Пигулевская Н. В. Сирийские источники VI в. о народах Кавказа.- ВДИ. 1939, № 1 (6), с. 107-115.
422. Пигулевская Н. В. Месопотамия на рубеже V-VI вв., сирийская хроника Иешу Стлита как исторический источник. ТИВАП СССР,- М.-Л.: Изд. АН СССР, 1946. т. XXXГ-176 с.
423. Пигулевская Н. В. Сирийские источники по истории народов СССР.- М.-Л.:АН СССР, 1941.-170 с.
424. Пигулевская Н. В. Мар Аба I (к истории культуры VI в. н. э.).- Советское востоковедение, 1948, т. V, с. 77-85.
425. Пигулевская Н. В. Византия на путях в Индию.- М.-Л.: Изд АН СССР. 1951.-410 с.
426. Пигулевская Н. В. Сирийская легенда об Александре Македонском- Палестинский сборник, 1958, N 3 (66), с. 79-97
427. Путаниева Н. Д. Верхнечирготртвовский могильник (предварительное сообщение). Материалы по археологии Дагестана, т. II.- Махачкала: Дан. ФАН СССР, 1961, с. 248-264.
428. Рагимов А. В. Обзор монет, найденных при археологических раскопках в Оренкале и в Баку. МСПИАЭИ 1964 в СССР- Паку: АН Аз.ССР, 1965. с. 351-365.
429. Рагимов А. В. Определение монет, найденных в Оренкале в 1953-1954 гг.-ТАЗ, т. I (МИА СССР, Л- 67).- М.-Л.: АН СССР, 1959. С. 351-356.
430. Рамазанов Х. Х., Шихсаидов А Р. Очерки истории Южного Дагестана (с древ. времен до начала XX века).- Махачкала: Даг.ФАП СССР, 1964.-276 с.
431. Рустамов Я. Роль кягризов в сельском хозяйстве в современном периоде Азербайджана (по материалам Джабраильского р-на). Изв. АН Аз. ССР, сер. общ. наук, 1962. .V 11-12, с. 39-45 (на азерб. яз.).
432. Севак Г. Месроп Мащтоц. Создание армянских письмен и словесности:- Ереван: Айпетрат, 1962.-78 с. (на арм. и русском яз.).
433. Сеидов М. Об этническом термине Хайландур в исторических гругах Егише и Мовсеса Каганкайтукского.- Изв. АН Аз. ССР, сер. общ наук, 1976, N< 6, с. 84-93 (на азерб. яз.).
434. Сеидов М. Некоторые заметки о гуннско-азербайджанских связях (на основе этимологического анализа слова куар (гуар). Сб., Вопросы азербайджанского

- языкознания.- Баку: Изд. АН Аз. ССР, 1967, с. 205-216 (на азерб., яз.).
435. Сеидов М. Азербайджано-армянские литературные связи (с древнейших времен до конца XVIII века): Автореф. дис... д-ра филол. наук.-Баку, 1969.-85 с.
436. Сеидов М. О слове "Варсаг".- Труды Института литературы и языка АН Аз. СССР.- Баку: АН АзСССР, 1954, т. VII. с. 175-185 (на азерб. яз)
437. Сенковский О. И. Некоторые сомнения касательно истории Грузии.- Собр. соч., т. VI. СПб, 1859, с. 169-198.
438. Сумбатян М. Описание древностей Шемахинской епархии (1887-1895).- Тифлис, 1896,-589 с. (на арм. яз).
439. Спасский П. И. Дербентские укрепления.- Изв. Азкомитариса, вып. IV, 1929, с. 267-276.
- 439а. Стеблин-Каменский И. М. Флора иранской прародины. Этимология.-1972.-М., 1974.
440. Струве В. Я Египетская задача в сочинении армянского математика VII в. Сб.: Язык и литература, V.- М., РАНИОН, 1930, с. 29-32.
441. Струве Я Я Белявский В. А., Ломоури Н. Ю., Тревер К. В. Очерки по истории и культуре Кавказской Албании IV в. до н. э.- VII в. н. э.-ВДИ, 1960, № 3, с. 174-191.
442. Сукиасян А Г. Общественно-политический строй и права Армении в эпоху раннего феодализма.- Ереван, 1963.-523 с.
443. Сысоев Я М. Селение Барда, его башня, древности и исторический обзор.- Изв. Азерб. археологич. комитета, вып. 2, 1920, с. 49-63.
444. Тер-Григорьян Т. И. Неизданные страницы "Истории Албанской страны" Моисея Каланкагуйского.- Научный архив ин-та истории АН Аз. ССР, дел. № 1356.-19 с.
445. Тер-Григорьян Т. И. К вопросу об "Истории Албанской страны" Моисея Каланкагуйского.- Научный архив Ин-та истории АН Аз. ССР, дел № 991-100 с.
446. Тер-Григорьян Т. И. Борьба закавказских народов против Сасанидов в V веке.- Исторический журнал, 1943, № 8-9, с. 34-40.
447. Тер-Григорьян Т. И. Древняя Агвания по армянским источникам. Научный архив Ин-та истории АН Аз. ССР, Рукопись, дел. № 682.-175 с.
448. Тер-Лванесян Д. Я К истории хлопководства в СССР.- Материалы по истории земледелия в СССР.- М.-Л.: АН СССР, 1956, с. 561-622.
449. Толстое С. П. По древним дельтам Окса и Яксорта.- М.: Вост. лит., I 1962.-322с.
450. Торопов И. Опыт медицинской географии Кавказа относительно перемежающихся лихорадок.- СПб, 1864.-416 с.
451. Тревер К. В. Очерки по истории культуры Кавказской Албании (IV в до н. э.- VII в. н. э.).- М.-Л.: АН СССР. 1959.-389 с.
- 451 а. Трофимова Т. А Приаральские саки. В кн.: Материалы Хорезмской экспедиции. Вып. 6/2, т. 2.-М., 1963.
452. Уманен А Араке и очерк местностей, но которым он протекает. "Кавказский календарь на 1851 г".- Тифлис. 1851, отд. IV. с. 20-50.
453. Услар И. К. Древнейшие сказания о Кавказе.- Тифлис, 1886.-581 с.
454. Федоров Г. С. Федоров Я. А. Прикаспийский Дагестан в первые века нашей эры.- Уч. зап. Даг. ФАН СССР, сер. общ. наук, 1969, т. 19, кн. II, с. 168-188.
455. Френ Х. О надписях города Дербента. Груды и летопись общества истории и древностей российских, т. VIII.- М., 1837, с. 101-128.
456. Халатьяни Г. Армянские Аршакиды в "Истории Армении" Моисея Хоренского, ч. I-II.- М., 1903, ч. 1-400 стр.; ч. II.-143 с.
457. Халилов Д. А Раскопки на городище Хыныслы, памятнике древней Кавказской Албании.- СА, 1962, № 1, с. 209-220.
458. Халилов Д. А О раннесредневековом могильнике у села Эных Кусарского района.- Сб.: Археологические исследования в Азербайджане.-Баку: Изд. АН АзСССР, 1965, с. 176-177.
459. Халилов Д. А Археологические памятники I тысячелетия у села Худжабала в Азербайджанской ССР.- Сов. арх. 1965, № 3, с. 154-162.
460. Халилов Д. А Археологические находки близ Дагколаны Шемахинского района.- Сб.: Археологические исследования в Азербайджане.-Баку: Изд. АН АзССР, 1965, с. 114-127.
461. Халилов Д. А О некоторых археологических памятниках в Газымагомедском районе.- Докл. АН Аз. ССР, 1958, т. XIV, № И, с. 917-919 (на азерб. яз.).

462. Халилов Д. А Древнее поселение Хыныслы.- Изв. АН Аз. ССР, сер. общ. наук, 1961, № 3, с. 31-47 (на азерб. яз.).
- 462а. Ханыков Н. О перемежающихся изменениях уровня Каспийского моря.-Зап. Кавказ, отд. Росс, географического об-ва, кн. II.- Тиф-1 лис, 1853.
463. Хаханов А С. Экспедиция на Кавказ в 1892, 1893 и 1895 гг.- МАК, т. VII- М., 1898, с. 1-68.
464. Хвольсон Д. Известия о хазарах, буртасах... Ибн-Даста.- ЖМНП, 1868, № 12, с. 62-65.
465. Чилашвили И. А Города в феодальной Грузии, т. II.- Тбилиси: Мецниереба, 1970.- 202 с.
466. Шагинян Л. П. Хронологическая система "Истории Армении" Мовсеса Хоренского и ее достоверность: Автореф. дис... канд. ист. наук-Ереван, 1969.-39 с.
467. Шанидзе А Г. Новооткрытый алфавит кавказских албанцев и его значение для науки.- Изв. ИЯИМК Груз. ФАН СССР, 1938, т. IV, г 1-68.
468. Шанидзе А Г. Порядок букв грузинского, армянского и албанского алфавитов.- МИА, т. II. Баку: Изд. АН Аз. ССР, 1957, с. 33-34.
469. Шанидзе А Г. Язык и письмо кавказских албанцев.- Вестник отделении общественных наук АН Груз. ССР, 1960, № 1, с. 168-189
470. Шанидзе А Г Язык и письмо кавказских албанцев. XXV Международный конгресс востоковедов, т. III.- М.: Вост. лит., 1960, с. 507-518.
471. Шанидзе А Г. Новые данные об алфавите кавказских албанцев (второй список албанского алфавита).- Труды первой конференции закавказских университетов.- Баку: Изд. АГУ, 1959, с. 201-206.
472. Шарифов Д. Раскопки в Ялойлу-Тепе (Нухинский уезд), 1926 г.- Материалы Аз. Гос. Муз., в. 1.- Баку, 1927, с. 1-32.
473. Шарифов Д. Некоторые памятники искусства и древности Нухинского уезда.- Изв. Общества изуч. Азербайджана, 1926, вып. 2, с. 73-75.
474. Шарифов Д. Обследование развалин Кабалы.- Изв. Общества исследований и изучения Азербайджана, 1927, вып. 5, с. 175-184.
475. Шарифли М. Х. Одноименные средневековые города и крепости.- Докл. АН Аз.ССР, 1962, т. XVIII, № 3, с. 89-93 (на азерб. яз.).
476. Шихсаидов А Р. Ислам в средневековом Дагестане (VII-XV вв.).- Махачкала: Даг. ФАН СССР, 1969.-250 с.
477. Шихсаидов А Р. О проникновении христианства и ислама в Дагестан.- Уч зап. ИИЯЛ Даг. ФАН СССР, 1957, т. III, с. 54-65.
478. Шопен И. Новые заметки на древние истории Кавказа и его обитателей.- СПб 1866.-501 с.
479. Щерблякин И. П. Памятники азербайджанского зодчества эпохи Низами - Баку: Аз. ФАН СССР, 1943.-94 с.
480. Щерблякин И. П. Остатки крепостных стен Кабалы.-Докл. АН Аз.ССР 1949, т. 1, № 2, с. 253-258.
481. Щерблякин И. П. Средневековые азербайджанские города Орен-Кала и Кабала.- Сб.: Низами, в. 4.- Баку: Азернешр, 1947, с. 222-231.
482. Щерблякин И. П. Части старых колонн, найденных в районе Орен-Кала и Нахичеванской АССР.- Докл. АН Аз. С(ДР. 1946, т. И, № 6, с. 254-259.
483. Эфендиев Р. Кабалинский маггал.- СМОМПК, вып. XXXII, Тифлис, 1903, с. 1-9.
484. Эфрикян Г. С. Словарное описание родины.- Венедик, 1903-1905.-180 с. (на арм. яз.).
485. Юсифов Ю. Б. О наименованиях "Албания" и "Аран"- Изв. АН Лз. ССР, сер. общ наук, 1961, № 10, с. 23-31.
486. Юсифов Ю. Б. О некоторых языковых элементах тюркского происхождения в сочинении албанского историка.- Советская тюркология, 1974, № 2, с. 71-79.
487. Юшков С. В. К вопросу о границах древней Албании.- Исторические записки АН СССР, 1937, т. I, с. 129-148.
488. Якобсон А Л. Раскопки на городище Орен-Кала в 1953-1955 гг. ТААЭ, т. I, МИА СССР, № 67.- М.-Л.: АН СССР, 1959, с. 51-147.
489. Якобсон А Л. Средневековый Крым.- М. -Л.: Наука, 1964.- 231 с.
490. Якобсон А И. Археологические исследования на городище Орен-Кала в 1957 г. ТААЭ, т. III, МИА СССР, № 133.- М.-Л.: Наука, 1965, с. 9-25.

491. Якобсон А. И. Художественная керамика Байлакана (Орен-Кала). ТААЭ, МИА СССР, № 67- М.-Л.: АН СССР, 1959, с. 228-302.
492. Яковлев Н. Языки и народы Кавказа. Краткий обзор и классификация.- Тифлис: Заря Востока, 1930.-70 с.
493. Якубовский А. Ю. Ибн Мискавейх. О походе руссов в Барде в 332 г. - 943-944 гг.- Византийский Временник, 1926, т. XXIV, с. 70-80.
494. Ямпольский З. И. О зарождении феодализма в Азербайджане. Научный архив Ин-та истории АН Аз. СССР, 1953, дел. Л 2577.-25 с.
495. Ямпольский З. И. Древняя Албания в III-I вв. до н. э.- Баку: АН Аз. ССР, 1962.-381 с.
496. Ямпольский З. И. Древнейшие сведения о тюрках в зоне Азербайджана.- Уч. зап. АГУ им. С. М. Кирова, сер. яз. и лит., 1966, N 2, с. 62-64.
497. Ямпольский З. И. К вопросу об одноименности древнейшего населения Атропатены и Албании.- Тр. Ин-та истории и философии АИИ Аз. ССР.- Баку: АН Аз. ССР, 1954, т. IV, с. 100-108.
498. Ямпольский З. И. Древние религии в Азербайджане.- Баку: Азернешр, 1958.-25 с. (на азерб. яз.).
499. Ямпольский З. И. Древние авторы о языке населения Азербайджана.- Изв. АН Аз. ССР, сер. общ. наук, 1955, № 8, с. 61-69.
500. Ямпольский З. И. К изучению летописи Кавказской Албании.- Изв. АН Аз. ССР, сер. общ. наук, 1957, № 9, с. 149-159.
501. Ямпольский З. И. Азербайджан в период зарождения феодализма (III-VI вв.). Научный архив Ин-та истории АН Аз. ССР, 1953, дел. № 2787.-79 с.
502. Ямпольский З. И. К изучению древнего пути из Каспийского моря по реке Куре через Грузию к Черному морю. ТИИ И. А. Джавахишвили АН Грузинской ССР.- Тбилиси: АН Груз. ССР, 1956, т. II, с.
503. Яновский А. О древней Кавказской Албании.- ЭКМНП.- СПб, 1846, ч. 52, отд. II. с. 97-192.
504. Абрамян А. Г. Сочинения Анания Ширакаци.- Ереван: Армгиз, 1944.-419 с. (на арм. яз.).
505. Абрамян А. Г. Дешифровка некоторых надписей, считавшихся агванскими (см: газ. "Ереван Хамалсаран", 1952, 3 марта (на арм. яз.).
506. Абемян М. Анания Ширакаци, к. I - Ереван, 1944 (на арм. яз)
507. Абемян М. История древнеармянской литературы, т. I.- Ереван; Армгиз, 1944-511 с, 1968-694 с. (на арм. яз.).
508. Абгар Пейзад. Халдерен лезви баналин.- Ереван, 1936-103 с.
509. Алишан Г. Айапатум, патмутивн хайоц.- Венеция, 1901-649 с. (на арм. яз.).
510. Алишан Г. Айрарад.- Венеция, 1890 (на арм. яз.).
511. Акипян Н. Св. Вардапет Маштоц.- Вена, 1949-350 с. (на арм. яз)
512. Анасян А. Армянская библиология V-XVIII вв. I.- Ереван, 1959-1227 с. (на арм. яз.).
513. Ачарян Р. Агванские письма.- Изв. Арм. ФАН СССР, Ереван, 1941, № 3-4 (8-9), с. 3-11. (на арм. яз.).
514. Ачарян Р. Месроп Маштоц. - Эчмиадзин, 1956, № 10, с. 41-47 (на арм. яз.).
515. Ачарян Р. Словарь армянских личных имен, III.- Ереван, 1947-740 с. (на арм. яз.).
516. Ачарян Р. Словарь армянских личных имен, 1-1944. (на арм. яз.).
517. Бархударян М. Агванк и их соседи.- Тифлис, 1893.-302 с. (на арм. яз.).
518. Бархударян М. Арцах.- Баку, 1895.-461 с. (на арм. яз.).
519. Бархударян М. История Албании, т. I.- Вагаршапат, 1902.-213 (на арм. яз.).
520. Еремян С. Армения по Ашхарацуйц.- Ереван, 1963.-155 с. (на арм. яз.).
521. Лалаян Ерванд. Низни ев Варташени азгагракан десакедиц "дезекагир А. Х. С. А. Гидутян ев арвести институти". т. I.- Ереван, 1926, с. 155-171. (на арм. яз.).
522. Лео. История Армении, II.- Ереван, 1947-764 с. (на арм. языке).
523. Лео. Собрание сочинений, I.- Ереван, 1967-567 с. (на арм. языке).
524. Капанян С. Неизвестные гавары древней Армении.- Вагаршапат, 1914-184 с.(на арм. яз.).
525. Акопян Т. л. Урвагзер Хайасдани подмакан ашхаргагругутян.- Ереван, 1960-480 с. (на арм. яз.).
526. Малхасяни С. С. К проблеме Моисея Хоренского.- Ереван: Арм. ФАН СССР, 1940-

- 154 с. (на арм. яз.).
527. Манандян Я. А Критический обзор истории армянского народа, II, часть I.- Ереван, 1957-462 с. (на арм. яз.).
528. Манандян Я. А К разрешению проблемы Моисея Хоренаци.- Ереван. 1934,- 231 (на арм. яз.).
529. Манандян Я. А Феодализм в Армении.- Ереван, 1934 (на арм. яз.).
530. Меликсет-бек Л. М. Грузинские источники об Армении и армянах, I.- Ереван, 1934-270 с. (на арм. яз.).
531. Миабан. Урадван бвезагрери лезун.- Арарат, 1893, нойембер, с. 923-934
532. Мнаикакян А IJL 6 литературе Кавказской Албании.- Ереван, 1966.-285 с. (на арм. яз.).
533. Саркисян Б. Основной каталог армянских рукописей книгохранилища мекитаристов в Венеции, II.- Венеция, 1924 (на арм. яз.).
534. Овсепян Г. К. Акнаркнерудидци ев магмедакан хайери масин.-1904. (на арм. яз.).
535. Baynes N.H. Rome and Armenia in the fourth century. The English Historical Review, XXV,- New-York-Bombay-Calcutta, 1910.-625 p.
536. Brosset M. Rapports sur un voyage archeologique dans la Georgie et dans l'Armenie (1847-48), III,- St. Peters., 1851.-969 p.
537. Eugene Bore. Correspondance et memoires d'un voyageur en Orient, t. II, Paris, 1840.-498 p.
538. Dunlop D. M. The history of the Jewish Khasars.- Princeton,- New-Jersey, 1954,-293 p.
539. Dirr A. Udische Texte. Caucasia Memoires de l'Academie Imperiale des sciences de St. Petersburg, V, 1928, 61-72 p.
540. Diringer D. The Alphabet, N-Y, 1948.
541. Dumezil Georges. Une chretionte perdue: les Albanas du Caucase. Melanges Asiatiques. Annl'es 1940-1941, p. 125-132.
542. R. von-Erckert. Die Sprachen des Kaukasischen Stammes. I-II,-Wien, 1885. s. V+204+XII+390.
543. Gerland E. Die Persischen Feldziege des Kaisers Heraclius. BZ, 1894.-345 s.
- 543 a. Ymelin S. Y. Reise durch Russland, Bd. HI. St-Pcterbourg, 1774.
544. Gibbon Edw. The Decline and Fall of the Roman Empire, V. 3,- New - York,- London, 1895.-660 p.
545. Hewsen R. H. On the alphabet of the Caucasian Albanians. "Rewue des etudes Armeniennes", t. I,- Paris, 1964.-427-432 p.
546. Hubschmann H. Die Altarmcnischen Ortsnamen Mitcniner Karte. "Indogermanische Forschungen". Bd, XVI, h-3-5,- Strassburg, 1904,- s. 197; 490.
547. Karamians N. Einundzwanzig Buchstaben eines verlorenen Alphabets. "Zeitschrift der deutschen mordenlandischen Gesellschaft. Bd XL, 1886, s. 315-319. 547 a. Kamptes Engelbert. Amoenitates exoticae, lemgo, 1712.
548. Kmosko M. Araplari ve Hazarlar. Turkiyat Mecmuasi. Cilt III,- Istanbul, 1958.-133 s.
549. Kurdian II. The newly discovered alphabet of the Caucasian Albanians. JRAS,- London, 1956, April, pp. 81-83. 549 a. Zerche J. J. Zebens und Reiselgeschichte, Hall, 1791.
550. Marguart J. Skizzen zur histonschen Topographie und Geschichte von Kaukasien. Das Itinerar von Artaxata nach Armstica auf romischen Weltkarte,-'Handes Amsorya", 11-12, 1928, s. 66.
551. Manandian A. Beitrage zur albanischen. Geschichte, - Leipzig. 1897.-48 s.
552. Minorsky V. Shekki,EL, 1927.
553. Neumann C. F. Beitrage zur armenischen Literatur.- Miinchen, 1849.
554. Ostrogorsky G. Geschichte des Byzantinischen Staates.- Miinchen, 1940.-448 s.
- 554 a. Olarius Adam. Voyages en Moscovietarie et Perse, t. I, Amsterdam, 1747.
555. Somal S. Quardo della Storia litteraria di Armenia, Venezia, 1829.-240 p.
556. Shifner A. Versuch Uber die Sprache der Uden: "Zeitschrift Fur die Erforschung der Sprachen und Kulturen des Kaukasus", VII, t. VI, 8, 1863.-110 s.

SUMMARY

On the grounds of our studies we can say that the territory of Caucasian Albania of the 4th-7th centuries was very vast, it extended from the northern part of the northern part of the Caucasus (Bolshoi Kavkaz) to the lower reaches and the junction of the rivers Arars and Kura, including the steppes of Mughan and Mil. The provinces of Uti, Artsarh, Paitakaran and the regions of Chora, Lpinia, Gardman, Sakasen and others were the parts of the Albanian State of the 4th-7th centuries.

On the North Albania bordered on the foothills of the Caucasus, and it was contiguous even to Sarmatia. On the South-West Albania stretched to upper reaches of the river Araks, including the bank of the latter and on the South it stretched to the lower reaches of the rivers Araks and Kura. On the East Albania bordered on the Caspian sea and on the West - on Iberia. Frontier of Albania past through the confluence of the rivers Akstafachai and Kura, embracing the district of present-day Zakatala and also the two banks of the middle and lower reaches of the river Alazan.

According to the information available in the ancient Armenian, Greek, Syrian, Georgian and Arabic sources the very ancient inhabitants of Albania were albanians, utians, ipians, caspians, chilbs, gargars, lehns, gardmans, tsavdeys. Part of these inhabitants of Caucasian Albania belonged by their language to the Caucasian group.

Written sources mentioned some more ethnic communities of nomadic tribes existing on the territory of Caucasus. The same sources fixed maskuts, saks and gels on this territory.

Thus, the researches have proved that one of the main components of the ethnic structure of the population in Caucasian Albania in the 4th-7th centuries were Turkic-speaking tribes.

Moreover in the centre of Albania that is on the Gargarian plain and in other places there lived khazars and basils among whom were, as it is generally known, people speaking in the languages of the Turkic group. The other tribes speaking in the languages of the Turkic group and inhabiting the territory of ancient Azerbaijan were Albanians, gargars, utians, kangars, udjmakies, huns others.

Our investigation of the materials taken from appropriate sources proved groundlessness of the opinion of some researchers who believed that inhabitants of Albania of the 4th-7th centuries had been assimilated with their neighbors. In Albania of the period in question the process of assimilation was of natural but not of forcible character. This process went on in several directions: (1) among the local tribes (speaking in the languages of Caucasian and Turkic groups); (2) among the arrived tribes; (3) among the arrived (Persian-speaking and Turkic-speaking) tribes and the native tribes (speaking in the languages of Caucasian and Turkic groups). As a result of the above mentioned processes in the country of the period in question two main and important directions are observed: consolidation of the arrived Turkic-speaking tribes around the native tribes speaking in the languages of Turkic group; and natural assimilation of the Turkic-speaking tribes and the tribes speaking Caucasian and Iranian languages, and the victory of the Turkic group of languages in this process in Caucasian Albania at the end of the period in question. Investigation shows that the ethnic structure of the country's population contained ethnic elements speaking Turkic languages.

Our investigation shows that as a result of the growth of the productive forces in Albania in the early Middle Ages the economic life gained development. Albanians' main occupation was agriculture characterized mainly by cultivating tilled crops. Fields of Albania were irrigated with waters of rivers and irrigation canals. On the territory of Albania wheat, barley and millet were cultivated. Albans kept the grain in the pits and big earthenware pitchers.

In Albania of the early Middle Ages horticulture and olericulture were also highly developed. Albans cultivated vine, peaches, cherries, pomegranates, cornel, walnut, chestnut, fig, Water-melon, pumpkin, melons and other orchard crops (olives, saffron, madder and etc.). They also cultivated cotton. Good crop capacity of vine on Albania permitted its inhabitants to produce wine.

Economic development in Albania in the early Middle Ages is also characterized by the change for the better in the development of animal husbandry, fishery and various crafts. Live-stock capita increased, and the development of the horned and small cattle breeding supplied the population of Albania of the 4th-7th centuries with meat, skins, wool, dairy produce and raw materials for craft production. In Albania such kinds of handicraft were developed - pottery, jeweler's art, weaving, silk-weaving, glass-making, processing of metals (iron, copper, silver, gold), manufacture of tools and arms, stone carving, wood carving and ivory carving. The materials of the written sources and the articles found during archaeological excavations indicate that handicraft manufacture in Albania in the early Middle Ages was not worse than in the neighboring countries, and the level of the development of productive forces in Albania was not lower that of the productive forces in other countries of Transcaucasia, it was in keeping with the level of the productive forces in the countries of the Near and the Middle East.

In the early Middle Ages the Albans were occupied with fishing too.

Owing to the economic progress old towns were developing and prospering while new ones were coming into existence as new centers of industry, of home and transit trade and also as the new centers of social and political life in Albania of the 4th-7th centuries.

In Albania there were towns, fortresses and other settlements. The towns of Albania were enclosed by the walls having towers and a town gate. Albanian towns had their own rulers and Palaces. Inhabitants of the towns were craftsmen, merchants and clergy. Trade routes linked Albanian towns with various towns of the neighboring countries. Among the towns of Albania can be mentioned Kabala, Barda (Partav), Chora (Choga), Darband, Khalkhal, Khonakert (Khunakert), Paitaka-ran, Bailakan, Amaras, Tsri and others.

Owing to the growth of the productive forces the towns of Albania had become trade centers, and the upgrowth of the demand for goods had created very favorable conditions for the development of trade.

In Albania in the early Middle Ages trade had gained great development. Via the territory of Transcaucasia of that period (Iberia, Albania, Armenia) past the world-famous trade routes which were of great importance for the economy and trade in those countries. Through Albania past such world trade routes as Artaxata-Gobdi-PareSaca by the Caspian sea and the river Kura, and the secular route Artaxata-Sanora-Armastica. All these routes were of transit and international nature. The towns of Albania were

connected with various towns of the countries of Caucasia and the Near East. The fact that there existed trade routes passing through Albania has been proved by the archaeological data too. Albanian traders exported cattle, fish of various kinds, silk fabric, linen, upper garments of linen, saffron and madder, and instead they imported from the Near East and other countries various goods. Such imported goods as silk fabric, gems, various glass wares, decorated silver vessels and also adornments for women, which have been found on the territory of Azerbaijan, are material evidence of the barter trade and point at the trade relations which existed between Caucasian Albania and the countries of the Near and the Middle East in the early Middle Ages. The Sasanid and the Byzantine coins minted in the early Middle Ages and found in a large quantity on the territory of Azerbaijan also bear witness about wide trade relations of Albania in the 4th-7th centuries.

The analysis of the growth level of the productive forces and the nature of the relations of production in Albania in the period under investigation permits to fix the origination of feudal land property (land property of the tsar, of church, of azats and of nobles) and to determine the nomenclature of the feudalistic ruling groups (princes, nobles, azats, military aristocracy and church aristocracy-clergy) and the working-people (peasants, craftsmen, fishers, traders and others).

The primary sources witness that Albania of the 4th-7th centuries was, in accordance with its ancient tradition, a sovereign state and had its own tsars, pursuing self-dependent policy. The primary sources dating from the early Middle Ages have documented the main features of the State-political structure of Albania, describing it as a state which rested upon the feudal aristocracy, headed by the Royal dynasties, and had military forces and a Royal court.

Contrary to the doubts of researchers about the existence of a written language in Albania very valuable information coming from the written sources and the manuscripts of the Alban alphabet discovered in Matenadaran and also some archaeological findings in Mingachaur witness the fact that in Albania there existed an original written language.

From the discrepant information of the Armenian historians about formation of the Albanian written language in the 5th century it becomes evident that the Albanians themselves played a significant role in the creation of their written language. Albanian written language was formed on the base of the Gargar dialect - one of the Albanian languages. Which was rich with the laryngeal sounds peculiar to the Caucasian languages.

It is evident from the written sources that there existed voluminous literature in the Albanian language.

After the creation of the Albanian alphabet many books, first of all religious ones, were translated from other languages into Albanian. One of the witnesses of the fact that there existed very rich literature in Albanian is the correspondence of the tsars and the religious figures of Albania with those of Armenia. Another eloquent testimony to this fact is the literary monument of the 5th century - "Canons" of Vachagan HI and a unique monument of the Azerbaijan historiography of the early Middle Ages and the Middle Ages - "A History of Albanians" by M. Kagankatvatsy.

It becomes evident from the valuable data of the written sources that the creation of an alphabet for the Albans in the 5th century there appeared several alphabets in Albania because its population was multilingual and in such a situation only one written language would not be sufficient.

At the outset of the 5th century in Albania there were schools where the children were taught. At the close of the 5th century, before a special school was opened by Vachagan HI, all schools under the authority of the state in Albania had been ordinary schools. By the order of Tsar Vachagan III a special school was opened where the heathens' children were taught. Here they learnt to write and studied the dogmata of Christianity. The pupils got some subsidium and the school was patronized by the tsar himself.

The majority of the ancient armenian written sources paid attention to the problems of religion and religious organizations. These sources keep some data concerning Albania too.

The materials show that astral beliefs had been wide spread in Albania before the establishment of Christianity, but strengthening of the new social relations - feudalism necessitated the liquidation of astral beliefs. Spreading of Christianity began in the 2nd c A. D. and in the 4th c it became official religion of the state.

However the materials of the written sources dated from the early Middle Ages and the archaeological findings indicate that conversion to Christianity was not successful everywhere. During the whole period of early Middle Ages Christianity always strove with Zoroastrianism and Manichaeism on one hand and with the local beliefs of lower classes on the other hand.

In Albania feudal hierarchy with the tsar at the head of it took part as a social force in the struggle against the heathenism. Conversion to Christianity was a step forward in this struggle against the heathenism, which impeded the development of the productive forces and the more progressive relations of production. Christianity promoted the strengthening of the cultural and political relations of Albania with the advanced Christian countries of the East. Conversion to Christianity in Albania brought it closer to the neighboring countries - to Armenia and Georgia from the point of view of cultural and political relations.

Hierarchy of the church feudal lords, which had appeared as a result of conversion to Christianity in Albania, subsequently became a powerful ideological implement of oppression of working people.

For the propagation of Christianity in Albania there existed religious books in the Albanian language. Gospel and the Testaments (the Old and the New) were known to the Albans, and they used them for propagation of Christianity in the country.

Albania had its own church independent of the Christian churches, and the Catholicos of Armenia had no right to interfere in its affairs.

The head of the Albanian church was the man in the orders of Catholicos who was elected at the assembly by the episcops where rulers of the country-tsars, religious representatives of each eparchy, princes and nobles of Albania had to be present. Up to 705 A. D. Albanian church was quite independent in electing its catholicoses.

Albanian catholicoses convoked church assemblies in which participated the tsar and the princes. At the assemblies measures for specifying the rights and duties of the clergy and the laymen were worked out on the basis of church statute.

The written sources contain, apart from the list of Albanian catholicoses and their affairs, fragmentary information about the hierarchy of the Albanian clergy, and also about the church-administrative division of Albania.

The tsars of Albania in every possible way scaled up ideological influence of the church upon the masses of population. The church organization had been granted the right of jurisdiction over the inhabitants and the right of controlling their private life.

The church had stable material resources in the form of tithe and taxes for supporting the clergy and implementing their class functions. The clergy who collected taxed for the church from the local population of Albania had permanent profit.

The materials concerning the history of religion and the religious organizations in Azerbaijan, which have been preserved in the works of the historians of the early Middle Ages, witness the common character of the Albanian and Armenian religions, but the very same sources talk about the actual feudal struggle between the two Catholicoses of Armenia and Armenia in Albania in which the former win the victory with the aid of the military forces of the Caliphate at the beginning of the 8 th c.

The primary sources describe very vividly the political fighting unity of albanians, georgians and armenians in the struggle against the common enemy of the peoples of Transcaucasia. This unity manifested itself in the religious cover, but this cover can neither conceal nor reduce the historical and educative significance of the georgian-armenian-albanian unity despite the self-dependency of their vernaculars, alphabets, territories, states and Catholicoses. This unity was necessitated by the historical situation itself.

The materials of the written sources concerning the history of foreign policy and military affairs of Caucasian Albania allow to point out quite definitely that the foreign policy of the Albanian state was aimed at the struggle against the aggressive intentions of the Sasanidian tsars and the Byzantine emperors. Moreover the Albanian tsars in their independent foreign policy entered into alliance with the rulers of Armenia and Georgia (Iberia). It reflected the situation historically arisen in Transcaucasia and the necessity of uniting the forces for the struggle against the enemies from the South and the North. In this struggle Azerbaijan was the central arena for whole Transcaucasia because the most convenient pass across the Caucasus (in the zone of Chola) was just in Caucasian Albania. As the sources give evidence, various barbarian tribes, settled on the foothills and on the littoral in Daghestan in the 4th-7th centuries, repeatedly and not without consent and incitement of Byzantians and Sasanidians made plundering raids on Albania through the Caspian passage. Invasions of the nomads brought innumerable disasters to Albania. These tribes plundered and destroyed towns and other settlements, killed or captured their inhabitants. Such raids were really a calamity for the settled population of Albania because they inflicted great damages on the economy of the country.

The facts given in this book vividly reflect the successes and the leading role of the Albanian rulers - Vache II, Vachagan III and Djavanshir of Gardman in the foreign policy of Transcaucasia.

A primary version of this book was completed twenty years ago, but for some objective and subjective reasons it could not see the light before now.
